

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 4341.1.394(1)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ПАМЯТИ

В. А. ЖУКОВСКАГО

И

Н. В. ГОГОЛЯ.

Выпускъ первый,

съ 4-мя фототипиями и 3-мя цинкографіями.

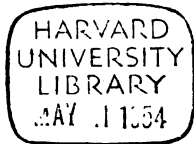
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1907.

Slaw 4341.1.394 (1),
✓

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1907 года.
Непрежѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ постановило выпустить всѣ отпечатанные подъ общею редакціею своего покойнаго сочлена ординарнаго академика А. Н. Веселовскаго — листы сборника *Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя*, чтобы не задерживать появленія помѣщенныхъ въ нихъ матеріаловъ и статей. Къ печатанію же слѣдующаго, 2-го выпуска уже приступлено и редакція его поручена орд. академику А. И. Соболевскому.

Отдѣленіе приноситъ глубокую признательность сыну поэта *П. В. Жуковскому* за любезное предоставленіе, для провѣрки при печатаніи текста *Дневниковъ 1814—5 годовъ*, подлинныхъ рукописей, что было необходимо въ виду оказавшейся неполноты и неточности копии съ нихъ, сдѣланной владѣльцемъ бумагъ А. С. Пушкина и В. А. Жуковскаго *А. Ѳ. Олгинымъ*, и присланной имъ для изданія въ настоящемъ выпускѣ.

Содержаніе I-го выпуска.

О Т Д Ъ Л Ъ П Е Р В Ы Й 1):

	СТРАН.
I. Письма В. А. Жуковскаго къ Императору Николаю I и къ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ 1821—1852 гг.—Съ приложеніемъ 4-хъ фототипическихъ снимковъ съ портретовъ В. А. Жуковскаго (описаніе конхъ см. на стран. V—VI предисловія).	
Предисловіе А. А. Фомина	I—VI
Письма	1—107
Притѣчанія къ письмамъ	108—129
Перечень извѣстныхъ въ печати писемъ В. А. Жуковскаго къ Императору Николаю Павловичу и къ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ съ 1817 г. по 1852 г.	131—7
Указатель личныхъ именъ и географическихъ названій	138—140
II. Письма-Дневники В. А. Жуковскаго 1814 и 1815 годовъ (числомъ пять), приготовленные къ печати П. К. СИМОНИ	143—213
Предисловіе акад. А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО	143
Письма-Дневники 1814 г.	145
Іюнь	145
Іюль	159
[Сентябрь]	176
Письмо-Дневникъ 1815 г. (?)	188—211
Апрѣль	—
Вѣстность дневниковъ (съ 2-мя снимками на отд. листѣ)	212—3
Дневникъ за Май 1814 (?) г. (отрывочныя записи)	—

О Т Д Ъ Л Ъ В Т О Р О Й:

I. Н. Я. ГРОТЪ: В. А. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 году. (Новыя матеріалы)	1—46
II. В. А. ФРАНЦЕВЪ: — Чешскіе переводы произведеній В. А. Жуковскаго и статьи о его жизни и литературной дѣятельности	47—51
III. ЕГО-ЖЕ: — Н. В. Гоголь въ чешской литературѣ. (Съ приложеніемъ снимки къ страницѣ 74-ой)	52—88

1) Въ I-мъ и во II-мъ отдѣлахъ — самостоятельный счетъ страницъ.

ПИСЬМА

Василія Андреевича Жуковскаго

къ

**Императору Николаю I и къ Императрицѣ Александрѣ
Феодоровнѣ**

1821 — 1852 гг.

Въ Собственной Его Императорскаго Величества Библиотекѣ въ Зимнемъ Дворцѣ въ С.-Петербургѣ¹⁾ хранится пакетъ съ письмами Василя Андреевича Жуковскаго къ Императору Николаю Павловичу и его супругѣ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ, бывшей ученицѣ нашего поэта, а потомъ его другу и покровительницѣ.

Значеніе этихъ писемъ въ историко-литературномъ отношеніи обуславливается ролью самихъ корреспондентовъ въ русской исторіи и литературѣ. Главный интересъ сосредоточивается, конечно, на тѣхъ данныхъ, которыя даютъ эти письма для біографіи самого Жуковскаго, личность котораго въ исторіи литературы и въ исторіи общественныхъ отношеній была весьма замѣчательна, не только для своего времени и своего кружка, но и для всей послѣдующей эпохи и для послѣдующихъ поколѣній.

Всѣхъ писемъ 23; изъ нихъ 2 — адресованы Императору, а 21 — Императрицѣ.

Оба письма къ Императору на русскомъ языкѣ, а изъ писемъ къ Императрицѣ 13 на русскомъ и 8 на французскомъ языкѣ.

Письма обнимаютъ періодъ съ 1821 г. по 1852 г.

Послѣднее письмо (№ 23) написано даже не самимъ Жуковскимъ, который вслѣдствіе болѣзни глазъ не могъ уже писать, а подъ его диктовку, по всей вѣроятности²⁾, однимъ изъ братьевъ его жены и только подписано имъ самимъ.

1) № 190/86 шк. 13. Карт. 8.

2) Согласно предположенію сына поэта—П. В. Жуковскаго.

Изъ переписки В. А. Жуковскаго съ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и его супругой Александрой Ѳеодоровной въ нашей литературѣ до сихъ поръ уже были изданы слѣдующія письма В. А. Жуковскаго: три письма къ Императору 1830 и 1832 годовъ, напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ» 1896 года; одно письмо и три записки, напечатанныя въ Собраніи сочиненій Жуковскаго, изданныхъ подъ редакціей А. Д. Алферова (1902 г.); четыре письма къ Императору (1829 и 1830 гг.) появились въ «Русской Старинѣ» 1902 года. Кромѣ того указаніе на одно письмо къ Императору (1850 года) было сдѣлано И. А. Бычковымъ въ его описаніи «бумагъ Жуковскаго».

Что касается до писемъ В. А. Жуковскаго къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, то изъ этой переписки были до сихъ поръ напечатаны слѣдующія письма Жуковскаго:

- 1) 20 писемъ (съ 1826 года по 1840 годъ) въ «Русскомъ Архивѣ» за 1873 и 1874 годъ.
- 2) Одно письмо (1840 г.) въ XI томѣ (посмертномъ) «Собранія сочиненій Жуковскаго», начатомъ печатаніемъ еще при жизни автора. А отсюда оно было перепечатано во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ.
- 3) 6 писемъ (1821 и 1830 гг.) въ «Русской Старинѣ» за 1901 и 1902 годъ.
- 4) Одно письмо въ «Русскомъ Архивѣ» за 1900 годъ.
- 5) Одно письмо въ Собр. Соч. Жуковскаго, изд. подъ ред. А. Д. Алферова.

На нѣкоторыя письма или черновики ихъ или даже только наброски писемъ есть указанія въ описаніи Бумагъ В. А. Жуковскаго, сдѣланномъ И. А. Бычковымъ, и въ другихъ изданіяхъ (см. въ концѣ перечень писемъ В. А. Ж.).

Такимъ образомъ письма, хранящіяся въ Собственной Его Императорскаго Величества Библиотекѣ, являются весьма цѣннымъ матеріаломъ для характеристики отношеній Жуковскаго къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Они пополняютъ два

значительныхъ пробѣла (между 1821—1827 и 1839 — 1852 годами, т. е. до конца жизни поэта), которые до сихъ поръ не могли быть ничѣмъ заполнены, такъ какъ къ характеристикѣ отношеній этихъ корреспондентовъ главнымъ матеріаломъ могутъ служить только ихъ письма. И тотъ фактъ, что эти письма были почему-то выдѣлены (и потому, конечно, не попали до сихъ поръ въ печать), можно, мнѣ кажется, объяснить ихъ интимнымъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, характеромъ, а это обстоятельство тѣмъ болѣе увеличиваетъ ихъ цѣнность.

Письма печатаются съ оригиналовъ съ точнымъ сохраненіемъ орфографіи и описокъ подлинниковъ.

Примѣчанія къ письмамъ помѣщены послѣ ихъ текста.

За примѣчаніями слѣдуетъ указатель собственныхъ именъ и географическихъ названій, встрѣчающихся въ письмахъ.

Приложенный въ концѣ перечень всѣхъ до сихъ поръ изданныхъ писемъ Жуковскаго выяснитъ значенія печатаемыхъ вынѣ и въ то же время послужитъ справочнымъ указателемъ для лицъ, интересующихся вопросомъ.

Для удобства всѣ письма датированы однообразно въ началѣ каждаго. При этомъ, если датировка сдѣлана не самимъ Жуковскимъ, то данныя, касающіяся времени и мѣста отправления, заключены въ прямые скобки.

Къ письмамъ В. А. Жуковскаго прилагаются снимки съ неизданныхъ до сихъ поръ портретовъ его, хранящихся въ Собственной Его Императорскаго Величества Библиотекѣ въ Зимнемъ дворцѣ.

Всѣ они прекрасно исполнены акварелью въ величину почти точно передаваемую фотографіей.

Первый изъ нихъ, работы извѣстнаго въ то время портретиста П. О. Соколова, изображаетъ Жуковскаго приблизительно въ 1823—1825-хъ годахъ, когда ему было 40 или 42 года, т. е.

*

передъ тѣмъ, какъ онъ былъ назначенъ наставникомъ великаго князя Александра Николаевича.

Съ этимъ портретомъ много сходства представляетъ очень рѣдкая гравюра, работы, вѣроятно, того же Соколова. Она извѣстна мнѣ лишь по двумъ экземплярамъ, находящимся въ собраніяхъ П. А. Ефремова и Е. Е. Рейтерна, — самыхъ полныхъ коллекціяхъ портретовъ В. А. Жуковского.

Второй и третій портреты принадлежатъ кисти тестя В. А. Жуковского Е. Рейтерна. Они исполнены, согласно помѣткѣ на одномъ изъ нихъ, въ 1832 году. Какъ тотъ, на которомъ Жуковский изображенъ на диванѣ, такъ и другой, гдѣ онъ представленъ стоящимъ за рабочимъ столомъ, являются очень для него характерными по словамъ сына художника, Е. Е. Рейтерна, который видѣлъ нашего поэта, будучи 14 — 16 - ти лѣтнимъ юношей.

Первые три портрета хранятся все вмѣстѣ въ одномъ изъ альбомовъ въ библіотекѣ Императора Александра II.

Четвертый портретъ, работы неизвѣстнаго художника (можетъ быть, кисти Гау), находится въ альбомѣ за 1823—1837 г. съ портретами преподавателей и свиты Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича.

Считаю долгомъ упомянуть съ признательностью имя покойнаго завѣдующаго Собственной Его Императорскаго Величества Библіотекой Р. А. Гримма, съ предупредительностью и вниманіемъ отнесшагося къ поискамъ необходимыхъ мнѣ матеріаловъ, а также выразить мою благодарность завѣдующему Собственной Его Императорскаго Величества Библіотекой, В. В. Щеглову, за его любезное содѣйствіе при моемъ пользованіи печатаемыми нынѣ письмами Жуковского, и его помощнику Н. К. Леману за сличеніе набраннаго текста съ подлинниками.

А. Сошинъ.

В. А. Жуковскій въ 1820—1825 г.

Съ акварели П. Ф. Соколова, хранящейся въ Собственной Е. И. В. Библиотекѣ.

В. А. Жуковскій въ 1882 году.

*Съ акварели Е. Рейтера, хранящейся въ Собственной
Е. И. В. Библиотекѣ.*

В. А. Жуковский в 1883 году.
Съ акварели Е. Рейтерна, хранящейся в Собственной Е. И. В. Библиотеке.

В. А. Жуковскій въ 1835 — 1840 г.

Оъ акварели (можетъ быть Гау), хранящейся въ Собственной Е. И. В. Библиотекѣ.

1821 годъ.

№ 1.

Великой нягинѣ Александрѣ Теодоровѣ.

[Берлинъ]

[26 Ноября/8 Декабря 1821 года¹⁾].

Я располагался пробывать въ Берлинѣ не болѣе недѣли, но вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ я здѣсь: прошу у вашего Императорскаго Высочества прощенія за эту невольную медлительность²⁾. Полуздоровый, полубольной боюсь пускаться въ путь: теперь нѣтъ дороги, дожди безпрестанныя; я принужденъ пробыть здѣсь нѣсколько дней лишнихъ, чтобы не остановиться долѣе, въ какомъ-нибудь незнакомомъ мѣстѣ на дорогѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ покинулъ свою комнату³⁾, провожу время свое пріятно; бываю часто у m-e Kleist⁴⁾, m-elle Wildermeth⁵⁾, у Гуфланда⁶⁾. Нѣсколько разъ имѣлъ честь обѣдать у Его Величества короля⁷⁾. На прошедшей недѣлѣ въ день рожденія герцога Карла⁸⁾ былъ въ palais Louis балъ: я видѣлъ въ знакомомъ мѣстѣ, знакомыя лица, слышалъ знакомую музыку: но отсутствіе вашего высочества все перемѣнило, а о моей шестимѣсячной отлучкѣ особенно напоминала мнѣ Принцесса Луиза⁹⁾; она очень выросла и похорошѣла. Все прочее совершенно по старому. — Не могу изъяснить вашему высочеству моей благодарности къ его высочеству кронпринцу¹⁰⁾: онъ оказываетъ мнѣ самую трогательную для меня благосклонность, за

которую плачу ему сердечною привязанностію. Я нѣсколько разъ имѣлъ честь у него обѣдать въ его маленькомъ обществѣ и провель вмѣстѣ съ нимъ два пріятнѣйшихъ вечера у m-elle Wildermeth. Въ оба раза читали клейстову¹¹⁾ трагедію der Prinz von Homburg¹²⁾. Было много спору и смѣху. — На прошедшей недѣлѣ, въ то время когда король вмѣстѣ съ принцами Вильгельмомъ и Карломъ находился въ Потсдамѣ, принцъ Альбрехтъ¹³⁾ давалъ въ своихъ комнатахъ обѣдъ, на который и я имѣлъ честь быть приглашенъ. Онъ прекрасно игралъ ролю хозяина и съ большою важностію засѣдалъ на почетномъ мѣстѣ. Кронъ-принцъ предложилъ пить здоровье des angenehmen Wirths¹⁴⁾, и ему громко прокричали Hoh!

Какъ ни радуясь мыслию возвратиться на родину, но покину Берлинъ съ сожалѣніемъ; я благодаренъ ему за многія счастливыя минуты и въ немъ есть люди, о которыхъ воспоминаніе навсегда останется драгоценностію. Несмотря на то нетерпѣливо жду возможности отъѣзда. Надѣюсь выѣхать черезъ недѣлю или дней черезъ десять. Какое будетъ для меня счастье опять увидѣть ваше Императорское высочество и снова приняться за исполненіе своей должности¹⁵⁾.

Его Императорскому высочеству Государю великому князю приношу глубочайшее почтеніе.

Честъ имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ

Вашего Императорскаго Высочества

покорнѣйшимъ слугою

Жуковскій.

Берлинъ, 26 ноября/8 декабря.

1823 годъ.

№ 2.

Великой Княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Дерптъ].

[25 Марта, 1823 года¹⁾].

Je supplie votre Altesse Impériale de me permettre de rester une dizaine de jours à Dorpat²⁾. Ma presence ici sans etre une consolation, est une espece de soulagement. Ils³⁾ ont été surs que je viendrai, ils ont même revé que j'arrive, quoique ils ne m'ont pas invité. (J'ai tout su à Petersburg par un etranger). Je ne puis pas exprimer à Votre Altesse ma situation. Quel voyage et par quel chemin! par le même que j'ai fait⁴⁾ il y a si peu de jours avec Alexandrine⁵⁾ tous les deux heureux de revoir une soeur et une amie⁶⁾! Il y a si peu d'intervalle entre mon dernier tranquille sejours ici et ce deplorable retour, que je suis a present comme demireveillé. Ils ont tous vu mourir, ils ont dit adieu, ils ont pleuré sur le cercueil—moi je suis de nouveau au milieu d'eux, je n'ai été témoin de rien, il me semble même que je n'ai pas fait d'absence et pourtant tout est bouleversé. A chaque instant il faut se rappeler de quelque chose d'affreux. J'entends la voix de sa fille⁷⁾, je la vois jouer et courir comme il y a dix jours en presence de sa mere — ce n'est pas un souvenir, c'est une attente involontaire, continuellement trompée d'une maniere douloureuse. A chaque instant il faut revenir a soi avec un serrement de coeur inexprimable. L'enterrement a eu lieu deux jours avant mon arrivée⁸⁾; je n'ai pas même cru arriver assez à tems. C'était une douleur pour toute la ville. Connu et inconnu ont envoyé des fleurs pour orner la table sur la quelle étaient couchés et la mere et le pauvre enfant⁹⁾ qui lui a couté la vie (Son accouchement ne *pouvait* pas etre heureux: elle etait d'avance condamnée à mourir). Jeune et vieux l'on pleuré; tous ont conduit son cercueil; même les etudiant se sont donné le mot pour honorer ses chers depouil-

les. Le chemin de Petersburg passe près du cimetiere, ou elle repose: ma premiere visite a été a elle. Le soleil eclairait tranquillement ce morceau de terre sous le quel elle se derobait a mes yeux. Il regnait la un calme je ne dirai pas effrayant mais inconcevable et desesperant ¹⁰). Maintenant nous pleurons tous ensemble, cela ne console pas, cela ne changera rien; on voudroit avoir recours a quelque chose, on l'essaie dans l'idee, on reconnai de nouveau que cela est inutile, que tout est fini, et les larmes coulent encore. Pauvre Alexandrine! Sa soeur a tout emporté avec elle. Je ne puis pas exprimer tout le malheur de sa situation a Votre Altesse mais vous me permettrez de vous en parler. Je demande pardon à Votre Altesse du desordre de cette lettre et de ce que j'y parle trop de moi même. Il est si naturel de vouloir epancher devant Vous son ame. Je n'ai pas ecrit à la grande Duchesse, mais a un etre ami, dont l'existence est deja une consolation. Que Dieu Vons conserve.

Je suis avec le plus profond et sincere devouement
de Votre Altesse Imperial
le tres humble
et le tres obeissant serviteur

Joucovscy.

Dorpat, 25 Mars.

№ 2.

Переводъ:

• [Дерптъ].

[25 Марта 1823 года¹].

Всемилогивѣйшая Государыня.

Прошу, Ваше Императорское Высочество, позволить мнѣ пробыть дней десять въ Дерптѣ²). Мое присутствіе здѣсь, не будучи утѣшеніемъ, все-же служить нѣкоторымъ облегченіемъ.

Они³⁾ были увѣрены, что я прїѣду, имъ даже снилось, что я прїѣзжаю, хотя они не приглашали меня (я узналъ обо всемъ въ Петербургѣ отъ посторонняго человѣка). Не могу описать Вашему Высочеству моего состоянія. Какое путешествіе и по какой дорогѣ! по той-же самой⁴⁾, по которой еще такъ недавно я проѣзжалъ вмѣстѣ съ Александрой⁵⁾: оба счастливые, что увидимъ снова сестру и друга⁶⁾! Промежутокъ между моимъ послѣднимъ, спокойнымъ пребываніемъ здѣсь и этимъ прискорбнымъ возвращеніемъ такъ еще малъ, что мнѣ кажется, что я нахожусь какъ-бы въ полу-снѣ. — Всѣ они видѣли, какъ она умерла, всѣ простились, всѣ плакали надъ гробомъ — я же снова среди нихъ, но я не былъ свидѣтелемъ всего этого; мнѣ даже кажется, что я не уѣзжалъ, а между тѣмъ все перевернулось вверхъ дномъ. Каждую минуту приходится вспоминать о чемъ-то ужасномъ. Я слышу голосъ ея дочери⁷⁾, я вижу ее играющей и бѣгающей, какъ десять дней тому назадъ въ присутствіи матери. — Это не воспоминаніе, это невольное ожиданіе, въ которомъ безпрестанно обманываешься самымъ ужаснымъ образомъ. Каждую минуту приходится возвращаться къ дѣйствительности съ невыразимой болью въ сердцѣ. Погребеніе состоялось за два дня до моего прїѣзда⁸⁾; я даже и не предполагалъ прїѣхать во время. Это было горемъ для всего города. Знакомые и незнакомые присылали цвѣты для украшенія стола, на которомъ лежали мать и бѣдное дитя⁹⁾, стоившее ей жизни (ея роды *не могли* пройти благополучно: она заранѣе была приговорена къ смерти). И молодые и старые оплакивали ее; всѣ шли за ея гробомъ; даже студенты сговорились придти почтить ея дорогіе останки. — Петербургская дорога проходитъ мимо кладбища, гдѣ она покоится; прежде всего я былъ у нея. Солнце мирно освѣщало этотъ клочекъ земли, который скрылъ ее отъ моихъ взоровъ. Тамъ царил тишина, не скажу ужасная, но непостижимая и доводящая до отчаянія¹⁰⁾. — Теперь мы плачемъ всѣ вмѣстѣ. — Это не утѣшаетъ, это ничего не измѣнитъ; хотѣлось бы найти какой-нибудь исходъ, мысленно даже пытаешься найти его, но снова сознаешь,

что это бесполезно, что все кончено, и снова льются слезы. — Бѣдная Александра! ея сестра все унесла съ собой. Я не могу описать Вашему Высочеству всю силу ея горя, но Вы мнѣ позволите рассказать Вамъ о немъ. Прошу прощенія у Вашего Высочества за беспорядочность этого письма и за то, что я въ немъ слишкомъ много говорю о себѣ — такъ естественно желаніе излить передъ Вами свою душу: я писалъ не Великой Княгинѣ, но другу, одно существованіе котораго уже служить утѣшеніемъ. — Да хранить Васъ Богъ.

Остаюсь съ глубочайшей и искреннѣйшей преданностью

Вашего Императорскаго Высочества

нижайшій и покорнѣйшій слуга

Жуковский.

Дерптъ, 25 Марта.

1826 годъ.

№ 3.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Эмсъ]

[15/27 Июня 1826 года].

Madame.

Arrivé a ma destination je m'empresse de profiter de la gracieuse permission, que Votre Majesté Imperiale a bien voulu me donner d'écrire à Elle. Je commence par ce qui m'est le plus cher: par exprimer de nouveau les sentiments profonds de reconnaissance pour la bonté que Vous Madame et sa Majesté l'Empereur m'avez témoignés au moment de mon départ. C'est un souvenir ineffaçable et je le porte comme un trezor dans mon ame. Que la Providence accorde à mes Souverains tous les biens que leur coeur mérite: ce voeu de ma reconnaissance en est aussi un pour le bonheur de ma Patrie.

Je suis à Ems depuis quelques jours. Grand Dieu! Quelle nouvelle m'attendait à mon arrivée ici. Karamsine n'existe plus¹⁾. Mon pressentiment ne m'a pas trompé! Encore un ange de moins sur la terre! Oui! un ange! ce nom lui appartient. Jamais un être plus pur n'a orné le monde! Il nous a quitté! Quelle perte pour la Russie! Quelle perte pour le souverain de la Russie! Oni, madame! Vous avez perdu en lui un sujet dont la probité était à toute épreuve; un conseiller sage, dont les idées étaient grandes sans exagération, qui aimait son pays, qui le connaissait, qui pouvait être utile au trône par sa sagesse, un homme, dont le caractère respectable faisait respecter la dignité humaine, car il était une preuve vivante que la vertu pure existe et qu'on peut aimer le bien pour le bien, sans aucune vue d'intérêt ni d'égoïsme. Les bénédictions de sa patrie, à la gloire de la quelle il a tant contribué par ses écrits, le suivront dans la tombe et rendront sacrée la place, où reposent ses cendres. Avec quels sentiments de reconnaissance et d'attendrissement j'ai lu dans la mince feuille publique qui m'a annoncé ma perte douloureuse, ce qu'a fait mon Souverain auguste pour lui et pour sa famille²⁾. L'Empereur lui a rendu justice d'une manière digne du Chef d'un grand peuple: il a reçu sa récompense sans l'avoir réclamée; elle est venue à lui d'elle même, directement du cœur de son Souverain. Son âme qui était profondément religieuse, ne s'est pas trompée dans sa confiance en Dieu: l'avenir de sa femme et de ses enfants, quoiqu'incertain, ne l'a jamais inquiété: il l'abandonnait tranquillement à la Providence divine.... Eh bien! cette Providence s'est déclarée à lui au moment où il allait descendre dans la tombe. L'Empereur peut se dire: j'ai réjoui les derniers moments d'un être vertueux. Et certainement l'Image du bienfaiteur de sa famille dans ces moments solennels s'est présentée à lui avec ceux qu'il aimait et qu'il quittait pour toujours; en les bénissant il a aussi béni son Souverain et son Règne: une telle bénédiction ne reste jamais sans effet. Et tout cœur vraiment russe a dû être rempli de reconnaissance pour cette justice éclatante.

tante, rendue à un mérite si universellement reconnu : on sent dans des cas pareils que le Chef d'une nation est le vrai représentant de la morale publique, que c'est lui qui en est l'organe, qui lui donne la sanction, qui la conserve intacte, comme le feu sacré de Vesta, symbole du salut de la Patrie. Rien ne rejouit tant les-cœurs, que cette conformité du Souverain avec l'opinion générale toujours juste et incorruptible en ce qui regarde le vrai mérite. Alors toutes les bonnes idées sont sanctionnées, le vice est découragé, les hommes vertueux sont rassurés dans tout ce qu'ils aiment et qu'ils respectent, et le peuple acquiert un nouveau stimulant pour le bien, en voyant que son Chef l'approuve, le respecte et le proclame par ses récompenses.

Votre Majesté me permettra d'entrer ici dans quelques détails sur moi même. Mon voyage par mer a été singulièrement heureux : par un temps constamment beau je suis arrivé en dix jour à Elsenaur. J'ai cru partir sans délai ; mais le bateau à vapeur qui va chaque semaine une fois de Coppenhague à Lubeck a été pris par le prince royal de Danemark³⁾, ce qui m'a forcé de rester cinq jours à Coppenhague. D'ici à Lubek on fait le trajet en 24 heures. Après avoir resté à Hambourg trois jours pour m'acheter et arranger un équipage, je suis parti pour ma destination ; mais j'ai du voyager très lentement : ma faiblesse, seul reste de ma maladie, me forçait à m'arrêter chaque nuit. Enfin je suis à Ems⁴⁾. Je puis dire que le voyage seul m'a déjà fait un grand bien. Le tems m'a été toujours favorable pendant que j'ai été en route : je n'ai pas souffert ni de la chaleur ni du froid. Les grandes chaleurs d'été n'ont commencé qu'à mon arrivée à Ems. Il fait apresent un tems magnifique, très favorable aux malades qui sont ici rassemblés. J'ai commencé à me traiter et vraiment je sens déjà un bienêtre intérieur qui me promet qu'à la fin de la cure je serai complètement restoré. On veut que je reste ici jusqu'à la fin de Juillet nouveau stile. Après il faudra se reposer une semaine (Je veux employer ce tems à voir les bords du Rhin) et puis partir pour Egra, ou il faudra encore rester quatre se-

maines. D'Egra j'irai par Dresde à Berlin ou je compte être au commencement de Septembre nouveau stile, et d'ou, après une semaine de séjour, j'irai tout droit à Petersbourg, ou je pourrai arriver, si Dieu le permet, vers la fin de Septembre ou au commencement d'Octobre notre stile⁵). Je demande seulement la permission de passer 3 ou 4 jours à Dorpat.

Tel est mon plan, Madame! que Dieu me permette à le remplir; qu'il benisse les bienfaits, dont j'ai été comblé par mon Souverain. Je ne lui demande qu'autant de vie, qu'autant de forces qu'il me sera nécessaire pour accomplir mon devoir: ce devoir est maintenant l'unique but de mon existence, c'est en lui seul que se réunissent maintenant toutes mes idées de bonheur ici bas, tous mes projets d'avenir, toutes mes plus chères espérances. Je n'ai qu'une seule crainte—Madame, je ne le dis pas pour débiter une phrase — et cette crainte est bien grave: c'est celle de mon incapacité et de mon peu d'expérience, mais Dieu qui voit ma Sincérité, me comptera pour quelque chose mon désir ardent de bien faire et mon dévouement complet à ma vocation; il me soutiendra; il m'aidera à trouver les lumières nécessaires. — Que fait il maintenant mon élève bien aimé? Cher ange! Que Dieu le conserve pour notre Bonheur! Je ne puis penser sans attendrissement au congé, que j'ai pris de lui. Après avoir quitté Votre Majesté, je suis descendu dans notre chambre d'étude, où il se trouvait seul avec Moerder⁶). Il a commencé à pleurer à chaudes larmes lorsque je l'ai embrassé. Étant sorti, je me suis arrêté avec Moerder dans le vestibule. Voilà qu'il accourt et se jette sur moi tout en larmes. *Прости!* fut le seul mot qu'il a pu dire. Mais l'accent avec lequel il a prononcé ce seul mot était si touchant; il y avait quelque chose de si sonore, de si *partant du cœur* dans cet accent, que jamais il ne s'effacera de mon souvenir. C'est une âme bien née! Que la Providence veille sur ce trésor. J'espère, que les études, d'après les dispositions, qui ont été faites à mon départ, vont leur train sans interruption. J'ose ici demander à Votre Majesté la grâce de ne pas faire aucun change-

ment dans leur cours. Le plan, une fois adopté, doit être suivi sans variation et strictement. Surtout je supplie Votre Majesté de ne pas vous hâter dans le choix de l'Ecclesiastique, qui devra donner au Grand Duc l'instruction religieuse: cet objet est trop essentiel et demande une grande circonspection. Il nous faut un homme, qui puisse entrer complètement dans notre plan. La Religion n'est pas une science détachée qu'on étudie comme les mathématiques, elle n'est pas uniquement un objet *d'instruction*; elle est plutôt un moyen *d'éducation*; elle doit entrer dans tout, elle doit s'identifier avec tous les sentiments, avec toutes les idées pour pouvoir devenir *la règle de la vie*: autrement son influence sera peu de chose. Tout dépend du choix du maître. Si nous ne pourrions pas trouver *ce qu'il nous faut*, au moins emparons nous de ce *qu'il y a de mieux*. J'espère, qu'à mon retour j'aurai le moyen de Vous présenter un homme, digne de Votre confiance.

En un mot je prie instamment Votre Majesté Impériale, que jusqu'à mon arrivée rien ne soit ni changé, ni diminué, ni augmenté dans les études de son Altesse; Veuillez bien sur cet objet soumettre mes très humbles prières à Sa Majesté L'Empereur.

J'ai eu le bonheur d'être ici présenté à Son Altesse Madame la princesse Royale de Prusse⁷⁾. Elle est infiniment gracieuse, elle charme par sa franche bienveillance; Sa physionomie a un attrait particulier. Elle a eu la bonté de me dire, qu'elle attendait ici l'arrivée de Mademoiselle Wildermeth, mais qu'elle craignait un peu les distractions qui peuvent lui faire oublier ce projet. Le Prince Royal n'est pas ici; il ne viendra qu'à la fin de Juillet pour deux jours, pour repartir tout de suite avec son épouse. J'aurai toujours le bonheur de le voir un moment à Ems en attendant celui de le revoir à Berlin. J'ai eu aussi l'honneur de rencontrer le Prince Frederic⁸⁾ qui a eu la bonté de m'acquiescer comme une ancienne connaissance avec une cordialité tout à fait aimable: il n'est venu à Ems que pour voir la princesse Royale; maintenant il se trouve à Dusseldorf. J'ai trouvé ici plusieurs connaissances de Berlin, entre autres le general Klausevitz⁹⁾ avec

Son aimable femme, la comtesse de Perponcher¹⁰⁾, la comtesse de Reede, qui accompagne la princesse Royale, le comte de Bernsdorf et le major de Thümlink¹¹⁾. On attend ici pour le 26 Juillet n. s. l'arrivée de Madame la grande Duchesse Marie¹²⁾. Elle arrive d'abord (le 8) à Schlanguenbad, ou je compte aller la saluer. J'ai appris cette agreable nouvelle par la comtesse Egloffstein¹³⁾, qui est ici ma voisine. Sa santé paraît être beaucoup meilleure qu'à Petersbourg. Il y a ici quelques familles Russes: La Princesse Meschtchersky¹⁴⁾ avec son fils, Madame Doctoroff¹⁵⁾ avec ses filles, La princesse Galitzine née Souvoroff¹⁶⁾; La famille Stourdza¹⁷⁾ et le comte Edelink¹⁸⁾: je suis bien heureux d'avoir trouvé ici ces derniers; c'est une reunion d'êtres bien respectables. La jeune M-e Stourdza¹⁹⁾ a reçu avec la plus vive reconnaissance les compliments, dont Votre Majesté a eu la bonté de me charger pour elle. Enfin pour couronner tout, le Comte Capod'Istrias²⁰⁾ se trouve aussi à Ems: j'ai revu avec attendrissement celui qui a été aimé par l'Empereur Alexandre, et qui l'a aimé avec un si fidele devouement. C'est une belle ame, jeune de sentiments, mure d'experience. Il a été l'ami de Karamsine et il est bien digne de ce titre respectable. Pour moi je jouis du bonheur de le voir et de l'entendre. Il aime la Russie; il a une affection franche pour Son Souverain. Sa santé me paraît être dans un très bon état.

Je dois finir, en demandant pardon à Votre Majesté de l'enorme longueur de ma lettre. Elle trouvera Votre Majesté encore à Petersbourg; mais votre départ pour Moscou sera déjà prochain. C'est pour moi une perte vraiment irreparable que d'être privé du bonheur d'assister à Votre entrée dans la ville natale de notre cher Ange²¹⁾ et de ne pas être témoin de Votre couronnement²²⁾. Mes voeux ardents vous suivront de loin. Je n'ai qu'une priere à adresser au ciel pour mon bien aimé Souverain: Que Dieu, en couronnant sa tête de la puissance Suprême, couronne aussi Son regne du bonheur de ses peuples. Que nous faut il pour trouver en Lui notre salut! Dès les premiers jours Il nous a prouvé qu'il

est capable de *S'oublier* pour la chose publique en sacrifiant même un trône²³), et qu'il a le *courage* nessesaire pour soutenir ce trône, lorsqu'une fois il est devenu son partage. Il veut le bien de bonne foi et il a la force de caractere indispensable pour exécuter ce qu'il veut. Que nous reste-t-il à demander au Ciel pour un tel Monarque, afin que nos cheres esperences en Lui et ses propres belles resolutions ne soient jamais trompées? Des Hommes! Des hommes, capables de concevoir avec Lui, que le bonheur du Souverain est celui de la patrie, que servir leur pays est en meme tems servir leur Prince et que les separer l'un de l'autre c'est les trahir tous les deux. Les evenements derniers²⁴) ont trop prouvés, que plus le Souverain reste isolé dans la toute puissance de sa volonté, plus il depend de ceux, par qui sa volonté est executée. Le regne passé etait celui d'Alexandre, d'une belle ame, dont le caractere etait l'humanité. Nous en avons pourtant vu les resultats. Malheur si les ministres de la puissance souveraine ne sont qu'esclaves de leur interet: ils se cachent alors sous le masque d'un devouement servile, qui n'est que trahison, ils deviennent tyrans de la volonté du maitre, qu'ils denaturent, et les vrais revolutionnaires, qui arment contre lui le mecontentement general, en faisant tomber sur lui seul le blame, qui n'est du qu'à leur trahison mercenaire. Eh bien! que Dieu en couronnant mon Souverain, le guide et l'eclaire dans le choix de ceux qui entoureront sa personne sacrée et qui en devenant les intermediaires entre Lui et ses sujets, deviendront nessesairement ses representants. Tels sont les voeux que je forme pour lui, comme un sujet devoué, en pensant au moment solennel qui mettra la couronne de Pierre le grand sur sa tete. Et je renouvelle ici, par attachement pour sa personne, le serment de fidelité que j'ai prononcé par devoir dans le temple. J'ai été temoins — et je benis le ciel da l'avoir été — que son ame est grandement genereuse et maintenaut je suis intimement persuadé, que toute voix qui parte du coeur, en proclamant le juste et le beau, sera complètement comprise par le sien et toujours en recevra

une belle reponse. Que ne fera-t-il pour ma patrie, secondé par des hommes capables de l'aimer et de l'entendre!

Pour vous, Madame! jouissez de votre belle destination! votre caractere est fait pour repandre autour de Vous la serenité et la paix. Et jouissant calmement du bonheur domestique, qui est votre ouvrage — bonheur, qui soulagera Votre auguste Epoux dans ses travaux penibles et qui developpera dans le coeur de vos enfants toutes les vertus humaines—vous remplirez complètement votre haute vocation et la prophetie de Votre Mere sera realisée.

Je suis avec le plus profond respect et le plus fidele devouement

Madame

De Votre Majesté Imperiale

le très humble et le très fidele sujet

Jukoffsky.

Ce 15/27 Juin 1826, Ems.

№ 3.

Переводъ:

[Эмсъ]

[15/27 Юня 1826 юда].

Всемиловивѣйшая Государыня.

Прибывъ на мѣсто своего назначенія, я спѣшу воспользоваться милостивымъ разрѣшеніемъ писать Вамъ, которое Вы, Ваше Императорское Величество, пожелали мнѣ дать. — Начну съ того, что мнѣ всего дороже: т. е. съ выраженія чувствъ глубочайшей благодарности за доброту, которую Вы, Всемилови-

вѣйшая Государыня, и Его Величество Государь Императоръ оказали мнѣ въ минуту моего отъѣзда. Это неизгладимое воспоминаніе, и я ношу его, какъ сокровище въ моей душѣ. Пусть Провидѣніе даруетъ моимъ покровителямъ всѣ блага, которыхъ достойно ихъ сердце: это желаніе, вызванное моею личною благодарностью, есть въ то-же время и желаніе счастья для моего отечества. Я уже нѣсколько дней въ Эмсѣ. Великій Боже! Какое извѣстіе ожидало меня при моемъ прибытіи сюда! Карамзина нѣтъ болѣе¹⁾! Мое предчувствіе не обмануло меня! На землѣ еще однимъ ангеломъ меньше! да! ангеломъ! Это настоящее его названіе. Никогда еще существо болѣе чистое не украшало міръ! Онъ покинулъ насъ! Какая потеря для Россіи! Какая потеря для Повелителя Россіи! Да, Всемиловѣйшая Государыня! Въ лицѣ его Вы лишились подданнаго вполне испытанной честности, мудраго совѣтника, идеи котораго были велики безъ преувеличенія; который любилъ свою страну, который зналъ ее, который могъ быть полезнымъ трону своей мудростью; человѣкъ достойный уваженія и заставлявшій уважать человѣческое достоинство, потому что и онъ самъ былъ живымъ доказательствомъ, что на свѣтѣ существуетъ истинная добродѣтель и что можно любить добро ради добра, безъ всякихъ корыстолюбивыхъ и эгоистичныхъ видовъ на него. Благословія родины, прославленію которой онъ такъ много содѣйствовалъ своими сочиненіями, послѣдуютъ за нимъ въ могилу и сдѣлаютъ священнымъ мѣсто, гдѣ покоятся его останки. — Съ какими чувствами признательности и умиленія, прочелъ я въ маленькой газеткѣ, возвѣстившей объ этой горестной для меня утратѣ, о томъ, что сдѣлалъ мой августѣйшій Покровитель для него и для его семьи²⁾. Императоръ воздалъ ему должное—образомъ, достойнымъ вождя великаго народа: онъ получилъ свою награду не прося ея; она пришла къ нему сама собою, непосредственно отъ сердца его Государя. Онъ былъ глубоко религіозенъ, и душа его не обманулась въ своемъ упованіи на Бога: будущее его жены и дѣтей, хотя было не обезпечено, никогда его не беспокоило; онъ предостав-

лял его совершенно спокойно божественному Провидѣнію. И Провидѣніе явило себя ему въ ту минуту, когда онъ готовъ былъ сойти въ могилу. Императоръ можетъ сказать себѣ: я усладилъ послѣднія минуты добродѣтельнаго существа. И, конечно, образъ благодѣтеля его семьи предсталъ предъ нимъ въ эти торжественныя минуты вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ онъ любилъ и покидалъ навсегда; благословляя ихъ, онъ также благословлялъ своего Государя и его царствованіе: такое благословеніе никогда не остается безъ послѣдствій. И всякое дѣйствительно русское сердце должно было быть исполнено благодарности за блистательный актъ справедливости, оказанный человѣку, достоинство котораго признано всѣмъ міромъ; въ такихъ случаяхъ чувствуешь, что Глава народа есть истинный представитель общественной нравственности, что онъ служитъ ея выразителемъ, санкціонируетъ ее, сохраняетъ ее неприкосновенной, подобно священному огню Весты, символу спасенія родины.—Ничто такъ не радуется сердца всѣхъ, какъ это согласіе Государя съ общимъ мнѣніемъ, которое всегда непогрѣшимо и неподкупно въ томъ, что касается истинныхъ заслугъ.—Тогда всѣ добрыя идеи утверждаются, пороки обезоруживаются; люди добродѣтельные получаютъ поддержку въ томъ, что они любятъ и что они уважаютъ, а у народа является новое побужденіе къ добру, когда онъ видитъ, что его Глава одобряетъ его, уважаетъ и награждаетъ по его заслугамъ.

Ваше Величество, разрѣшите мнѣ войти въ нѣкоторыя подробности относительно меня самого. Мое путешествіе моремъ было удивительно счастливо: при постоянно прекрасной погодѣ я прибылъ на 10-й день въ Эльзиноръ. Я рассчитывалъ продолжить путь безъ замедленія, но пароходъ, отходящій разъ въ недѣлю изъ Копенгагена въ Любекъ, былъ уже занятъ Датскимъ кронпринцемъ³⁾, что и принудило меня пробыть пять дней въ Копенгагенѣ. Переѣздъ отсюда до Любека совершается въ 24 часа. Пробывъ въ Гамбургѣ три дня, чтобы купить и устроить экипажъ, я отправился къ мѣсту моего назначенія, но я долженъ

былъ ѣхать очень медленно: слабость, единственный остатокъ моей болѣзни, заставляла меня останавливаться на ночь. Наконецъ я въ Эмсѣ ⁴⁾. Я могу сказать, что уже само путешествіе принесло мнѣ большую пользу. Погода все время, пока я былъ въ дорогѣ, была благопріятна: я не страдалъ ни отъ жары, ни отъ холода. Сильныя лѣтнія жары начались лишь съ моимъ пріѣздомъ въ Эмсѣ.—Теперь погода великолѣпная, очень благопріятная для собравшихся здѣсь больныхъ. Я началъ лѣчиться и, право, уже чувствую улучшение, которое обѣщаетъ мнѣ, что къ концу лѣчебнаго курса здоровье мое будетъ вполне восстановлено. Желательно, чтобы я пробылъ здѣсь до конца Іюля новаго стіля. Послѣ этого надо будетъ отдохнуть одну недѣлю (я хочу употребить это время для обозрѣнія береговъ Рейна), а затѣмъ ѣхать въ Эгеръ, гдѣ надо будетъ пробыть еще четыре недѣли. Изъ Эгера я поѣду черезъ Дрезденъ въ Берлинъ, куда я рассчитываю прибыть въ началѣ сентября новаго стіля ⁵⁾, а откуда послѣ недѣльнаго пребыванія отправлюсь прямо въ Петербургъ, куда могу пріѣхать, если Богъ дастъ, къ концу сентября или къ началу октября нашего стіля. Я только прошу разрѣшенія пробыть въ Дерптѣ три, четыре дня.

Таковъ мой планъ, Всемилостивѣйшая Государыня! Да поможетъ Господь мнѣ выполнить его! да благословитъ Онъ тѣ благодѣянія, которыми осыпалъ меня мой Государь. Я прошу у Него лишь столько жизни и силъ, сколько мнѣ будетъ нужно для выполненія моихъ обязанностей: эти обязанности служатъ теперь единственной цѣлью моего существованія; въ нихъ въ однихъ соединяются всѣ мои помыслы о земномъ счастіи, всѣ планы будущаго, всѣ мои драгоцѣннѣйшія надежды.—У меня одно только опасеніе, Всемилостивѣйшая Государыня,—говорю это не для того, чтобы сказать фразу,—и опасеніе это очень серьезно: я боюсь, что у меня нѣтъ способностей и опытности, но Богъ, видящій мою искренность, зачтетъ мнѣ мое страстное желаніе хорошо выполнить свои обязанности и мою полнѣйшую преданность моему призванію; Онъ поддержитъ меня; Онъ поможетъ мнѣ

найти необходимыя знания.—Что дѣлаетъ теперь мой любимѣйшій ученикъ? Дорогой Ангель! Богъ да сохранить его для нашего счастья! Не могу вспомнить безъ умиленія о нашемъ прощаніи. Выйдя отъ Вашего Величества, я спустился въ нашу классную комнату, гдѣ Онъ былъ одинъ съ Мердеромъ⁶⁾. Онъ заплакалъ горькими слезами, когда я обнялъ его. Выйдя изъ классной, я остановился съ Мердеромъ въ вестибюлѣ, и вотъ онъ прибѣжалъ весь въ слезахъ и бросился ко мнѣ. «Прости!»—вотъ все, что онъ могъ сказать, но топъ, которымъ онъ произнесъ это единственное слово, былъ такъ трогателенъ, въ немъ было что-то такое звучное, *исходящее отъ сердца*, что нпкогда это «прости» не изгладится изъ моей памяти. Это благородная душа! Провидѣніе да хранить это сокровище!—Надѣюсь, что занятія идутъ своимъ чередомъ, безъ перерыва, по тому плану, который былъ составленъ передъ моимъ отъѣздомъ. Осмѣливаюсь просить у Вашего Величества великой милости не дѣлать никакихъ измѣненій въ планѣ занятій. Надо строго и безъ измѣненій придерживаться разъ принятаго плана. Особенно умоляю Ваше Величество не торопиться выборомъ духовнаго лица, которое должно будетъ дать Великому Князю религиозное образованіе: это предметъ слишкомъ серьезный и требуетъ большой осмотрительности. Намъ нуженъ человекъ, который могъ бы вполне раздѣлять нашъ планъ. Религія не отдѣльная наука, которую изучаютъ, какъ напрімѣръ, математику; она не можетъ быть разсматриваема только, какъ предметъ *обученія*; она скорѣе служитъ *средствомъ воспитанія*, она должна входить во все, должна сливаться со всѣми чувствами, со всѣми мыслями, чтобы стать *жизненнымъ правиломъ*, иначе, вліяніе ея будетъ очень ничтожно. Все зависитъ отъ выбора учителя. Если мы не будемъ въ состояніи найти *то, что намъ нужно*, по крайней мѣрѣ возьмемъ *то, что есть лучшаго*. Надѣюсь, что по возвращеніи моемъ, я буду имѣть возможность представить Вамъ человека, достойнаго Вашего довѣрія. Однимъ словомъ, я убѣдительно прошу Ваше Императорское Величество, чтобы до моего пріѣзда ничто не было ни из-

мѣнено, ни убавлено, ни прибавлено въ занятіяхъ Его Высочества. Сблаговолите представить Его Величеству Государю Императору мою покорнѣйшую просьбу относительно этого.

Я имѣлъ счастье быть представленнымъ здѣсь Ея Высочеству кронпринцессѣ Прусской⁷⁾. Она безконечно прелестна и очаровываетъ своей искренней благосклонностью; ея лицо отличается особенной привлекательностью. Она была такъ добра, что сказала мнѣ, что ожидаетъ здѣсь приѣзда M-elle Vildermeth, но нѣсколько опасается развлеченій, изъ за которыхъ она можетъ забыть объ этомъ проектѣ. Кронпринца здѣсь нѣтъ. Онъ приѣдетъ лишь въ концѣ Іюля на два дня, чтобы тотчасъ-же уѣхать со своей супругой.—Я все-же буду имѣть счастье видѣть его на минуту въ Эмсѣ, въ ожиданіи свиданія въ Берлинѣ.—Я имѣлъ также честь встрѣтить Принца Фридриха⁸⁾, который принялъ меня, какъ стариннаго знакомаго, крайне любезно и радушно: онъ приѣзжалъ въ Эмсъ лишь для свиданія съ Наслѣдной Принцессой; теперь онъ въ Дюссельдорфѣ.—Я засталъ здѣсь нѣсколькихъ знакомыхъ изъ Берлина; между прочимъ Генерала Клаузевицъ⁹⁾ съ его милой женой, графиню Перпонше¹⁰⁾, графиню де Рееде, которая сопровождаетъ Принцессу, графа Бернсдорфъ и маіора Тюмплингъ¹¹⁾. — Здѣсь ожидаютъ къ 26 Іюля н. с. прибытія Великой Княгини Маріи¹²⁾. Она приѣдетъ сначала (8-го) въ Шлангенбадъ, куда я думаю отправиться, чтобы привѣтствовать ее. Я узналъ эту пріятную новость отъ графини Эглофштейнъ¹³⁾, моей здѣшней сосѣдки. Ея здоровье повидимому гораздо лучше, чѣмъ въ Петербургѣ. Здѣсь живетъ нѣсколько русскихъ семействъ: Княгиня Мещерская¹⁴⁾ съ сыномъ, г-жа Докторовъ¹⁵⁾ съ дочерьми, княгиня Голицына, урожденная Суворова¹⁶⁾, семейство Стурдза¹⁷⁾ и графъ Эделингъ¹⁸⁾. Я очень радъ, что встрѣтилъ здѣсь послѣднихъ: это общество весьма почтенныхъ людей. Молодая М-е Стурдза¹⁹⁾ приняла съ величайшей благодарностью привѣтъ, который я передалъ ей по милостивому порученію Вашего Величества.—Наконецъ, какъ бы вѣнцомъ всего, служить графъ Каподистрія²⁰⁾, тоже находящійся въ Эмсѣ. Съ умиленіемъ уви-

дѣлъ я снова того, кто былъ любимъ Императоромъ Александромъ и кто его любилъ съ такой глубокой преданностью. Это чудная душа, молодая по чувствамъ и зрѣлая по опытности. Онъ былъ другомъ Карамзина и вполне достоинъ этого почетнаго названія. Что касается меня, то я наслаждаюсь счастьемъ видѣть и слушать его. Онъ любитъ Россію, искренно преданъ Государю. — Мнѣ кажется, что здоровье его очень хорошо.

Я долженъ кончить, попросивъ извиненія у Вашего Величества за непомѣрно длинное письмо. Оно еще застанетъ Ваше Величество въ Петербургѣ, но отъѣздъ Вашъ въ Москву будетъ уже близокъ. Для меня дѣйствительно не вознаградится утрата, что я буду лишень счастья присутствовать при Вашемъ въѣздѣ въ родной городъ нашего дорогого Ангела²¹⁾, и не буду свидѣтелемъ Вашего коронованія²²⁾. Мои пламенные пожеланія послѣдуютъ за Вами издали. У меня одна лишь молитва къ небу за моего горячо любимаго Государя: чтобы Господь, вѣнчающій его главу высшей властью, увѣнчалъ бы и его царствованіе счастьемъ его народовъ. Что-же намъ нужно, чтобы найти въ Немъ наше спасеніе! Уже съ первыхъ дней Онъ показалъ намъ, что способенъ *забывать о себѣ* ради общественнаго дѣла, принося ему въ жертву даже тронъ²³⁾, и что у него есть достаточно *мужества* для поддержанія этого трона, разъ онъ сталъ его удѣломъ. — Онъ искренно желаетъ добра, и у него есть сила характера, необходимая для выполненія того, чего онъ хочетъ. Чего же еще просить намъ у Бога для такого Монарха какъ не того, чтобы наши дорогія упованія на Него, а также его собственные прекрасныя намѣренія никогда не обманули насъ.

Людей! Людей, способныхъ понять, что счастье Государя, — это счастье отечества, что служить родинѣ значитъ въ тоже время служить и ея Государю, что отдѣлять одно отъ другого, — значитъ измѣнять и тому, и другому. Последнія событія²⁴⁾ доказали слишкомъ достаточно, что, чѣмъ уединеннѣе стоитъ Государь во всемогуществѣ своей воли, тѣмъ болѣе зависить Онъ отъ тѣхъ, кто исполняетъ его волю. Царствованіе Александра было цар-

ствованіемъ челоуѣка прекрасной души и гуманнаго характера, который былъ сама гуманность; мы видѣли однако результаты этого.—Горе, если министры самодержавнаго Государя только рабы своихъ выгодъ: тогда они скрываются подъ маской рабской преданности, которая есть не что иное, какъ предательство, они становятся тиранами воли господина, которую извращаютъ, и дѣлаются настоящими революціонерами, которые вооружаютъ противъ него всеобщее недовольство, подводя его одного подъ то осужденіе, которое было вызвано исключительно ихъ корыстолюбивымъ предательствомъ.—И такъ! пусть Господь, коронуя моего Государя, направить и вразумить Его при выборѣ тѣхъ лицъ, которые будутъ окружать Его священную особу и которые, сдѣлавшись посредниками между Нимъ и Его подданными, станутъ въ силу необходимости Его представителями. Таковы пожеланія, которыя для Него слагаются въ моихъ мысляхъ, какъ преданнаго Ему подданнаго, думающаго о томъ торжественномъ мгновеніи, когда корона Петра Великаго будетъ возложена на Его главу. И здѣсь, изъ преданности Ему, я снова приношу клятву вѣрности, которую уже далъ по чувству долга въ храмѣ. Я былъ свидѣтелемъ — и благодарю за это Бога — его великодушія, и теперь глубоко убѣжденъ, что всякій голосъ, идущій отъ сердца и стоящій за справедливость и прекрасное, всегда будетъ Имъ понятъ и найдетъ откликъ въ Его сердцѣ. Чего не сдѣлаеть онъ для моей родины при помощи людей способныхъ полюбить и понять его!

Что касается Васъ, Всемиловитѣйшая Государыня, наслаждайтесь Вашимъ прекраснымъ назначеніемъ! Вашъ характеръ созданъ для того, чтобы распространять вокругъ себя счастье и миръ. Наслаждаясь покойно домашнимъ счастьемъ, Вами созданнымъ—счастьемъ, которое облегчитъ Вашему Августѣйшему Супругу Его тяжелые труды и разовьетъ въ сердцахъ Вашихъ дѣтей всѣ челоуѣческія добродѣтели—Вы исполнѣ выполните Ваше высокое призваніе, и предсказаніе Вашей Матери исполнится.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и искреннѣйшей преданности,

Всемилоствѣйшая Государыня,
Вашею Императорскаго Величества
покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга

Жуковскій.

15/27 Юня 1826. Эмсъ.

№ 4.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Эмсъ]

[22 Юля (3 Августа) 1826 года].

Madame!

Pourrai-je dans un pareil jour ne pas exprimer devant Votre Majesté Impériale les sentiments qui remplissent toute mon ame. Je me transporte en imagination à Moscou. J'y vois Votre entree solennelle¹⁾, je vois l'Empereur acceuilli avec amour et enthousiasme, je vois à Vos cotés Votre fils, representant des beaux jours, que Vous apportez à sa patrie — ce tableau enflamme mon coeur et je regrette avec amertume de ne pas pouvoir jouir d'un spectacle dont le souvenir resterait ineffaçable dans l'ame. Toutefois de loin, dans ma pensee, je Vous accompagne de voeux les plus ardents. Que Dieu benisse ce grand moment et que Votre couronnement soit le symbole de la felicité de ma patrie! Le regne de l'Empereur Nicolas doit etre heureux: la Providence est toujours du parti d'une ame pure. Madame, veuillez bien agréer ces voeux d'un coeur qui vous est devoué sans bornes. Il m'est doux de repeter dans un moment comme celui-ci, que tous les instants de ma vie, sans aucune restriction, appartiendront désormais à l'accomplissement du devoir sacré, dont votre auguste confiance m'a chargée.

Je suis encore à Ems mais je le quitte dans deux jours pour me rendre à petites journées à Egra, ou je compte être le 15 Aout nouveau stile. C'est Egra, qui déterminera le sort de ma maladie, et je prendrai la liberté d'écrire à Votre Majesté sur ce qui sera décidé sur mon compte.

J'ai eu le bonheur de voir ici la princesse Guillaume³⁾ et c'est à Votre Majesté que je dois être reconnaissant pour ce bonheur; son Altesse n'est restée ici que quelques heures³⁾, mais Elle a bien voulu me faire la grace de m'appeler chez Elle et m'a communiquée les nouvelles, qu'elle a reçu de Votre Majesté le même jour. Elle a lu Votre lettre sur le pont de Mayence et en a jetté l'enveloppe dans le Rhin, en sacrifice reconnaissant au venerable Dieu du fleuve. J'ai été touché profondément de sa bienveillance. Elle est toujours telle que je l'ai vue jadis: belle et bonne, faite pour enflammer la lyre d'un poete et d'enthousiamer de loyaux chevaliers. Son Altesse le prince Royal⁴⁾ n'est resté à Ems qu'un jour et demi: j'ai eu le bonheur de le voir deux fois⁵⁾ chez Lui et de passer dans sa société une soirée chez la comtesse de Perponcher: Il m'a acquelli avec une bonté si amicale, que le souvenir en restera toujours gravé dans mon ame. Pourtant il m'a paru être triste dans les moments que j'ai passé avec lui: certainement ma vue a reveillé dans son coeur des souvenirs et des regrets; moi même, en le voyant, j'ai pensé à celui, que nous avons perdu. Maintenant Son Altesse Imperiale madame la grande Duchesse Marie⁶⁾ se trouve à Ems. Votre Majesté peut concevoir le sentiment qu'a du produire dans mon ame l'entrevue avec Son Altesse. Je ne m'etendrai pas sur cet objet. Je dirai seulement qu'en la voyant si doucement bienveillante, si tranquillement resignée, on devine avec un profond attendrissement ce qui se passe dans son ame, et on se sent penetré de quelque chose de religieux qui remue l'ame et l'élève⁷⁾. Sa santé parait être ameilleurée. On est persuadé que les eaux d'Ems lui fairont un bien décidé.

Madame, je mes aux pieds de Votre Majesté Imperiale les

expressions du profond respect et de l'attachement sans bornes avec les quels j'ai l'honneur d'etre

Madame,
de Votre Majesté Imperiale
le tres fidele sujet

Joukoffsky.

Емс 22 Juillet 3 Aout 1826.

№ 4.

Переводъ.

[Эмс].

[22 Юля (3 Августа) 1826 г.].

Всемиловѣйшая Государыня!

Могу ли я не высказать въ такой день передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ тѣхъ чувствъ, которыми переполнена душа моя? Я переносусь мысленно въ Москву, вижу Вашу торжественный¹⁾ въѣздъ, вижу, съ какою любовью, съ какимъ восторгомъ встрѣчаютъ Императора, рядомъ съ Вами вижу Вашего сына, служащаго залогомъ прекрасныхъ дней, которые Вы даруете его родинѣ.—Эта картина воспламеняетъ мое сердце, и я горько сожалею, что не могу наслаждаться зрѣлищемъ, воспоминаніе о которомъ оставило бы неизгладимый слѣдъ въ моей душѣ. Во всякомъ случаѣ издали я мысленно сопровождаю Васъ лучшими пожеланіями. Богъ да благословитъ эту великую минуту, и пусть Ваше коронованіе будетъ символомъ благоденствія моей родины!—Царствованіе Императора Николая должно быть счастливо: Провидѣніе всегда на сторонѣ чловѣка съ чистою душой.

Соблаговолите, Государыня, милостиво принять эти пожеланія сердца, безгранично Вамъ преданнаго. — Въ минуту,

подобную настоящей мнѣ пріятно повторить, что всѣ мгновенія моей жизни будутъ отнынѣ всецѣло посвящены выполнению священной обязанности, которую возложило на меня Ваше августѣйшее довѣріе.

Я все еще въ Эмсѣ, но черезъ два дня покину его, чтобы небольшими переѣздами добраться до Эгера, гдѣ я рассчитываю быть 15-го августа новаго стиля.—Въ Эгерѣ будетъ рѣшенъ вопросъ о моей болѣзни; и тогда я возьму на себя смѣлость написать Вашему Величеству о томъ, что будетъ рѣшено относительно меня.

Я имѣлъ счастье видѣть здѣсь супругу принца Вильгельма³⁾ и за это счастье я долженъ быть признателенъ Вашему Величеству. Ея Высочество пробыва здѣсь всего нѣсколько часовъ³⁾, но ей угодно было оказать мнѣ милость, позвавъ меня къ себѣ и сообщивъ мнѣ извѣстія, полученныя ею въ тотъ день отъ Вашего Величества. Она прочла Ваше письмо на майнцскомъ мосту и бросила конвертъ въ Рейнъ, какъ благодарственную жертву почтенному богу рѣки.—Я былъ глубоко тронутъ ея расположеніемъ. Она все та-же, какой я нѣкогда видѣлъ ее: прекрасная и добрая, созданная для вдохновенія лиры поэта и для восторговъ истинныхъ рыцарей. Его Высочество кронпринцъ⁴⁾ пробывъ въ Эмсѣ всего полтора дня. Я имѣлъ счастье видѣть его два раза⁵⁾ у него и провести въ его обществѣ вечеръ у графини Перпонше. Онъ принялъ меня съ такой дружеской добротой, что память объ этомъ навсегда запечатлѣется въ моей душѣ.—Мнѣ однако показалось, что онъ былъ грустенъ въ то время, когда я былъ у него: вѣроятно, видъ мой пробудилъ въ его душѣ воспоминанія и сожалѣнія; я самъ, увидя его, подумалъ о томъ, кого мы лишились. Въ настоящее время въ Эмсѣ живетъ Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія⁶⁾. Ваше Величество поймете, какое чувство вызвало въ моей душѣ свиданіе съ Ея Высочествомъ. Я не буду распространяться объ этомъ. Скажу лишь, что видя ее столь кротко-благосклонной, такъ тихо покорной — угадываешь съ глубокимъ умиленіемъ, что происходитъ въ ея душѣ, ощущаешь, какъ что-то религиозное

охватываетъ душу и поднимаетъ ее?).—Здоровье ея повидимому улучшилось. Увѣряють, что Эмскія воды принесутъ ей несомнѣнную пользу.—

Всемилоствѣйшая Государыня, повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства глубочайшаго почтенія и безграничной преданности, съ какими имѣю честь быть

Вашего Императорскаго Величества

искреннѣйшимъ вѣрноподаннымъ

Жуковскій.

Эмсь. 22 Юля 3 Августа. 1826.

№ 5¹).

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Францесбрунна].

[18/30 Августа 1826 года].

Madame!

Le sacre²) de Votre Majesté Imperiale m'impose l'obligation de mettre à Ses pieds mes felicitations les plus respectueuses et les plus sinceres à l'occasion de cette sainte ceremonie. Vous connaissez, Madame, les voeux que je formais dans tous les tems pour Vous, pour le bonheur de notre Auguste et bienaimé Souverain ainsi que de notre chere patrie. Mais aujourd'hui ces voeux penetrent plus que jamais mon ame, pleine de gratitude et de devouement. Puissent-t-ils etre exaucées! Ils doivent l'etre: la pureté du coeur que l'Empereur a porté au temple, qui a vu couronner Ses grands ayeux, Ses belles et magnanimes intentions, Son desir ardent de rendre Ses peuples heureux, attireront sur Sa tete la benediction celeste. Que Dieu soutienne Son courage, qu'il l'aide des lumieres de Sa Grace. La Russie se repose sur son Monarque: elle ne sera point trompée ni dans son amour ni dans ses esperances.

Eloigné de ma patrie dans ces augustes moments et n'en ayant reçu jusqu'ici aucune nouvelle directe, je soulage mon ennui par mon imagination; je lis dans les feuilles publiques ce que me refusent mes amis, qui m'oublient. Dans le dernier N^o du Journal de Francfort j'ai lu une courte description de l'arrivée de Vos enfants à Moscou et j'ai été attendri jusqu'aux larmes par cette lecture. Cette ardeur, que le peuple montre à voir le fils de son Souverain, son arrivée, qui precede celle de son Pere auguste et qui pour notre antique et fidele Moscou est comme un presage des biens qui resulteront du regne de son pere, l'image de cet etre innocent, entouré du bon peuple qui le benit et l'acquieille par des acclamations d'amour, son entrée avec Vous dans la capitale — quel moment pour le coeur d'une Mere! tout cela se presente vivement a mon imagination et je regrette amerement de n'avoir pas pu etre temoin de ces scenes de bonheur, qui laisseraient un tresor de souvenir à l'ame.

Je suis seul à Franzensbrunn pres d'Eger; je ne connais ici personne et ne suis occupé, qu'à soigner tristement ma santé delabrée. Je suis ici depuis le 18 Aout nouveau stile et je partirai le 3 ou 4 septembre. Je me rendrai à Dresde, d'ou je compte retourner à Petersbourg par Weimar et Berlin. Mais avant de prendre cette derniere resolution, j'ose entrer sur l'état de ma santé dans quelques details que je sou mets à l'indulgeante attention de Votre Majesté Imperiale.

Les voici: l'usage des eaux d'Ems m'a restoré interieurement; j'ai presque perdu cette paleur, qui a été la marque la plus sail-lante de ma maladie; mais il m'est resté une faiblesse dans les jambes telle que tout mouvement, un peu prolongé me fatigue, pas autant qu'à l'époque de mon depart de Petersbourg, mais encore tres sensiblement. Il y a donc du mieux dans mon etat, mais ce mieux n'est ni complet, ni durable.

Voici ce que m'a dit le Docteur Diel^s), qui m'a traité à Ems et ce que m'ont confirmé tous les medecins consultés plus tard: «toute cure au moyen des eaux minerales a ses trois periodes

qui doivent' indispensablement se suivre pour produire une guérison complete. La premiere periode que l'on pourrait appeller preparatoire, est celle du premier usage des eaux, qui alors agissent directement sur la maladie et commencent à la combattre. Mais une seule cure ne suffit pas: il en faut absolument deux; la premiere commence la guérison, la seconde seule l'acheve. Et cela ne suffit pas encore: l'action des eaux, employées pendant la premiere cure, ne se declare que quelques mois après; pour que cette action ne soit pas arretée dans sa marche, et que rien ne produise une rechute, qui, en detruisant tous les bienfaits de la cure, rendrait l'etat du malade beaucoup plus grave et la guérison plus douteuse, le concours de plusieurs circonstances est nessesaire, comme: l'influence d'un climat chaud ou du moins temperé, l'observation d'un regime severe et l'absence de toute fatigue, tant corporelle qu'intellectuelle. Telle est la seconde periode, qui remplit tout l'intervalle entre la premiere cure et la seconde. Celle ci forme la troisieme periode et, devant achever la guérison, est par cela même la plus decisive. Or, pour arriver à ce resultat il faut absolument parcourir toutes les trois periodes: la premiere cure toute seule serait inutile, la seconde même ne le serait point si l'une n'était appuiee et l'autre preparée par l'influence de tout ce qui est nessesaire dans l'intervalle. Toutes les trois periodes sont donc indispensables et doivent former un tout pour que la guérison soit possible».

Tel est l'arret d'Esculape à mon egard. D'abord l'idée de ne pas revenir à mon poste et de retarder de plusieurs mois mes occupations cheries ne pouvait pas entrer dans ma tete, etant trop incompatible avec mes plus ardents desirs: j'étais resolu de retourner, coute qui coute, à Petersbourg et c'est avec cette resolution que j'ai quitté Ems. Mais pendant mon voyage j'ai reflechi plus murement sur ma situation et voici le resultat de mes reflexions en faveur duquel je prends la liberte d'invoquer l'attention bienveillante de Votre Majesté Imperiale.

Pourquoi ai-je quitté la Russie? Pour me rendre *complete-*

ment une santé, sans laquelle il me serait tout à fait impossible de remplir la tâche éminamment honorable dont je suis chargé. *Retablissement complet!* hors de la point de salut. Un paillatif ne serait bon à rien. Il me ramènerait un peu plus tard au même point, d'où je suis parti et je redeviendrais de nouveau un être inutile. Mais ce retablissement serait arrêté dans sa marche si je revenais à présent à Petersbourg dans la plus mauvaise saison et tout à fait impossible si je ne retournais pas de nouveau à Ems. D'abord *le voyage*. Je ne puis pas me mettre tout de suite en route, après avoir fini à Eger: il faut absolument plusieurs jours de repos; il faudra ensuite s'avancer lentement pour ne pas trop se fatiguer coucher toutes les nuits — ce qui prolongerait extrêmement le voyage et par conséquent il tomberait dans la plus mauvaise saison, très dangereuse pour un corps ouvert à toutes les influences de l'atmosphère et précisément à l'époque, où l'effet des eaux doit se développer: il faut ajouter les mauvaises routes de cette partie de l'Allemagne que je dois traverser ce qui augmenterait la fatigue et toutes les chances qui peuvent amener une rechute. *Le Retour*. A mon arrivée à Petersbourg je pourrais facilement garder le régime prescrit. Mais l'action du climat sera toujours contraire aux effets de la première cure et les arrêtera dans tout l'intervalle, qui doit s'écouler jusqu'à la seconde. L'étoffe du mal (comme l'expliquent les médecins) après avoir été excitée par les eaux, resterait repandue dans le corps au lieu d'en sortir par les bienfaits d'un climat favorable. Enfin, arrivé à Petersbourg, je dois me remettre tout de suite à mon travail et le poursuivre avec des efforts redoublés, ce qui dans l'état de convalescence ou de demimaladie, ou je me trouverais, pourrait avoir pour moi des suites fâcheuses. Et il me serait impossible de modérer ces efforts, car je ne pourrais ni ne voudrais être en arrière du chemin que ferait le Grand Duc dans son instruction, d'autant plus que durant tout mon séjour en Allemagne, je n'ai pas pu faire aucun préparatif pour mes leçons, tout travail pénible m'ayant été rigoureusement défendu. Ainsi il faudrait redoubler d'efforts, ce

qui avec l'influence pernicieuse du climat me ramenerait probablement au point d'ou je suis parti et rendrait mon voyage tout à fait inutile. Enfin *le second voyage*. Il est indispensable car une seule cure ne suffit pas. Mais je ne pourrais l'entreprendre qu'au mois de Mai; il durerait à peu près un mois; je ne serais à Ems que vers le commencement de Juin; je devrais y rester jusqu'à la moitié de Juillet et ne pourrais me retrouver à Eger qu'à la fin du même mois; apres les trois semaines à Eger et le repos indispensable après la cure, je me mettrais en route au commencement de Septembre, encore une fois dans la mauvaise saison, et je reviendrais à Petersbourg dans le fort de l'automne. Il faut ajouter à cela qu'au lieu d'un voyage j'en devrais faire trois bien penibles dans ma situation; celui du retour present à Petersbourg, celui du nouveau retour à Ems et celui du second retour en Russie. Si au contraire je restais cet hivers en Allemagne, je pourrais me trouver a Ems deja au commencement de Mai, y rester jusqu'à la moitié de Juin, Etre à Eger dans les derniers jours du meme mois, quitter Eger dans la moitié de Juillet, se mettre tout de suite en route pour retourner à Petersbourg et voyager tres commodement, sans craindre les effets du mauvais tems. Je serais alors de retour dans les premiers jours d'Aout nouveau stile et j'aurais au moins un mois de la belle saison pour m'acclimater, ce qui completerait les effets de la double cure, et je pourrai alors compter sur une guerison radicale.

Votre Majesté Imperiale s'etonnera peut etre de ma trop grande sollicitude pour ma pauvre santé. Oui, madame, elle est maintenant pour moi un tresor inappreciable: je la chers comme le principal moyen d'agir avec quelque utilité dans la carriere qui m'est a present ouverte. Je dois la posseder avant tout pour pouvoir etre, selon ma capacité et mon ardeur, ce que je dois etre dans le poste que j'occupe. Si je la perds—je dois dire un adieu eternel à ma plus chere activité et avec elle au bonheur de la vie. Je crois donc qu'il est de mon devoir de faire tout pour la conserver et l'affermir. Il vaut mieux sacrifier à cette conser-

vation quelques mois, au commencement de ma carrière, que de risquer de s'arrêter *au milieu* d'elle et de tout abandonner dans un moment où il serait nécessaire que tout marchât sans interruption et selon un plan uniforme. Je crois donc qu'il m'est indispensable de passer cet hiver hors de la Russie. Les raisons de santé étant détaillées, j'en présente encore à Votre Majesté une qui regarde directement *mon affaire*. Mon séjour en Allemagne durant cet hiver ne serait pas un séjour de repos et d'inaction. Au contraire je me serais voué à une solitude parfaite et me serais occupé sans distraction, sous l'influence d'un climat bienfaisant des préparatifs pour les leçons, qui devront m'occuper à mon retour. D'un côté j'atteindrais le but principal de mon voyage: j'affermirais solidement ma santé par la cure du climat tout aussi nécessaire que celle des eaux; d'un autre côté j'éloignerais de moi les principales entraves qui m'ont rendu jusqu'ici l'accomplissement de mon devoir très difficile, sans pourtant y mettre d'empêchement. Ceci demande explication. Il est connu à Votre Majesté que j'entrepris la direction de l'instruction de Monseigneur sans avoir eu le temps de faire aucun préparatif préalable. À votre dernier départ de la Russie Votre Majesté a bien voulu me charger de m'occuper tout simplement avec le Grand Duc. Ce sont ces occupations mêmes qui m'ont donné l'idée du plan que j'ai développé depuis: à présent l'expérience m'a démontré que ce plan est parfaitement simple et que par cela même il peut être très profitable à notre élève. Mais pour qu'il le soit tout à fait, il est nécessaire que tout repose sur un seul homme et que les autres maîtres ne fassent, que compléter les travaux du principal: sans cela il n'y aurait pas d'unité et d'ensemble. Mais pour que l'instruction s'avance d'un pas ferme, il faut avoir fait, d'après le plan adopté, de grands préparatifs. N'ayant pas eu le temps de les faire d'avance, j'ai dû m'en occuper dans le cours même des leçons qui allaient leur train. Elles n'ont pas été arrêtées jusqu'ici, mais j'ai eu beaucoup de difficultés à combattre, n'ayant pas le loisir nécessaire. À présent notre horizon va s'étendre, il

faudra faire de plus grands preparatifs, et le loisir me manquant toujours les difficultés s'accumuleront nessesairement. C'est de ce coté, Madame, que mon sejour pendant cet hiver en Allemagne, amené par la nessesité de retablir ma santé, pourrait etre d'une vraie utilité à l'acomplissement de mon devoir comme instituteur de Monseigneur. Je devancerais d'une demi année entiere les leçons que je devrai donner à Monseigneur lors de mon retour; j'aurais gagné un avantage immense *pour tout le cours* de l'instruction preparatoire. Je serois toujours en avant et en occupant Monseigneur de ce qui est deja préparé à temps, j'aurais toujours le loisir, pendant les leçons courantes, de preparer commodement et avec plus de solidité les leçons, qui doivent les suivre. Tout cela me donnerait une grande liberté d'agir et en me preservant de cette inquietude d'esprit qui avec d'autres causes a produit ma maladie, faciliterait l'instruction meme, qui alors pourrait proceder plus fermement et sans aucune interruption. Les preparatifs que j'aurais a faire, durant mon sejour de convalescence en Allemagne, sont assez considerables: il s'agit de former des cahiers d'Histoire, de composer les tableaux et les cartes Historiques, les tableaux de genealogie: ce travail, d'après mon plan embrasse et reunit beaucoup d'objets differents, demande beaucoup de lecture, surtout beaucoup de travail mecanique. J'espere achever tout ce qui regarde *l'histoire ancienne* durant les mois de repos qui ne seront pas employés à ma cure. L'ayant une fois achevé j'aurai les mois libres pour tout le reste de la première periode de l'instruction de Monseigneur. Cet avantage est inappreciable. En même tems, etant ici à la portée de tout ce qui peut etre nessesaire à l'instruction, j'en aurois pu faire une collection complete en fait de livres, cartes, plans, gravures etc.

Tels seroient, Madame, les avantages de mon sejours en Allemagne pendant cet hiver: avantages personnels à moi par rapport à ma santé et aussi très réelles pour l'affaire de l'instruction de Monseigneur. Mais il en faut aussi considerer le desavantage: *L'interruption des occupations du Grand Duc*. Il aurait été très grand

et son effet seroit vraiment pernicieux, si je ne pouvais pas être remplacé. Mais je vous supplie, Madame, de réfléchir que cette interruption doit se faire au commencement de la première période de l'instruction, lorsque nous ne sommes qu'à son abc. Les objets dont Monseigneur s'occupe a present ne sont pas encore très considérables; il ne s'agit encore que des premières notions; une partie des préparatifs sont faits, les autres sont faciles à faire; le plan est fixé et nous possédons dans Gilles un homme, qui s'en est déjà emparé, qui est déjà parfaitement entré dans ma méthode et qui est très capable de l'exécuter sur tout dans les objets qui devront occuper le Grand Duc dans mon absence. Le seul mal consiste dans ce que Monseigneur, dans cet intervalle, devra recevoir ses principales leçons en langue étrangère; d'un côté c'est un inconvénient, de l'autre c'est un avantage: il fera de plus grands progrès dans le français et dans l'allemand. Quant à la langue Russe, comme il ne s'agit pas encore de ses *principes*, il n'en pourra pas oublier *l'usage*: et Mörder est toujours la pour recapituler en langue russe ce qui serait enseigné en Français et répété en Allemand. Et à mon retour je ferais moi-même cette recapitulation, ce qui ne prendrait pas beaucoup de tems et nous servirait à nous remettre en marche de front.

C'est sur tout cela que j'ai cru devoir attirer l'attention de Votre Majesté Imperiale. Malgré le chagrin réel que me cause la malheureuse, nessesité de retarder mon retour à Petersbourg, malgré ma repugnance à me soumettre à cette nessesité, j'ai enfin pensé que ce sacrifice m'est indispensable *non pas pour mon interet personnel*, mais pour la réussite de la seule affaire qui m'intéresse et exclusivement remplit mon ame. Je le repete: je ne demande au ciel qu'autant de vie et de force, qu'il me faut pour arriver à la fin de cette belle carrière, dans la quelle je suis entré. Tout ce qui est au delà m'est indifférent. J'ose espérer, que Votre Majesté croit à la lettre à la vérité de ce que je dis. Je pense donc remplir un devoir de conscience, en Vous communiquant en détail mes considérations. Daignez, Madame, les

honorer de Votre attention; veuillez bien les communiquer à Sa Majesté l'Empereur. J'attendrai à Dresde Sa decision supreme pour m'y conformer sans aucun delai. Je regrette de n'avoir pas pu adresser cette lettre à mon depart d'Ems, pour savoir plutot les intentions de mon auguste Souverain; mais alors je n'avais qu'une seule idée: celle de retourner à Petersbourg, ce n'est que peu a peu et apres plusieurs consultations que l'idée contraire s'est developpé et s'est affermie dans mon esprit. J'ose vous supplier, Madame, de ne pas tarder à me signifier les ordres de Sa Majesté, pour que, si Elle juge plus convenable que je revienne à Petersbourg, je puisse me mettre sans delai en route et retourne au tems prescrit à mon poste. En attendant, dans la supposition que Votre Majesté daignera approuver les raisons que j'ai enoncées dans cette lettre, je m'occuperai à tracer un plan d'après lequel Gilles pourrait s'occuper avec Son Altesse pendant mon absence pour qu'il n'y aie aucune interruption dans les etudes et pour qu'à mon retour je puisse tout de suite commencer la ou je trouverai arreté Gilles. Je repete ici de nouveau la tres humble priere que j'ai mis aux pieds de Votre Majesté Imperiale dans ma premiere lettre: c'est que rien ne soit ni changé, ni augmenté, ni retranché dans les etudes de Monseigneur jusqu'à mon arrivée. Le plan une fois adopté doit etre poursuivi strictement; tout changement nuirait aux succes des études.

Je suis avec le plus profond respect et le devouement le plus sincère

Madame
de Votre Majesté Imperiale
le tres fidele sujet

Joukoffsky.

Franzensbrunn pres d'Eger ce 18/30 Aout 1826.

№ 5¹).

Переводъ:

*[Франценсбруннъ].**[18/30 Августа 1826 года].*

Всемиловѣйшая Государыня!

Коронаваніе ³) Вашего Императорскаго Величества возлагаетъ на меня обязанность повергнуть къ стопамъ Вашихъ мои почтительнѣйшія и искреннѣйшія поздравленія по поводу этого священнаго обряда. Вамъ, Всемиловѣйшая Государыня, извѣстно, чего я всегда желалъ для Васъ, для счастья нашего августѣйшаго и возлюбленнаго Государя и нашей дорогой родины. Но сегодня эти желанія глубже, чѣмъ когда-либо, проникають въ мою душу, полную благодарности и преданности. Да будутъ они услышаны! Они должны быть услышаны: чистое сердце, съ которымъ Императоръ вошелъ въ храмъ, гдѣ короновались Его великіе предки, Его благородныя и великодушныя намѣренія, Его горячее желаніе осчастливить подвластные Ему народы, все это ниспослеть на Его главу благословеніе Божіе. Господь да поддержитъ Его мужество, да поможетъ Ему Своей Милостью. Россія уповаетъ на своего Монарха: она не обманется ни въ своей любви, ни въ своихъ надеждахъ.

Будучи въ эти священные минуты вдали отъ родины и до сихъ поръ не получая никакихъ прямыхъ извѣстій, я облегчаю мою печаль воображеніемъ; читаю въ газетахъ о томъ, о чемъ мнѣ не сообщаютъ мои друзья, которые забываютъ меня. Въ послѣднемъ № Journal de Francfort я прочелъ краткое описаніе приѣзда Вашихъ дѣтей въ Москву и былъ до слезъ тронутъ этимъ чтеніемъ. Этотъ энтузіазмъ, проявляемый народомъ при видѣ сына Государя, его приѣздъ, который предшествуетъ приѣзду августѣйшаго Отца и который служитъ для нашей древней и вѣрной Москвы какъ-бы предзнаменованіемъ тѣхъ благъ, которыя будутъ ре-

зультатомъ царствованія его Отца, образъ этого невиннаго созданія, окруженнаго добрымъ народомъ, который его благословляетъ и привѣтствуетъ съ любовью, его въездъ съ Вами въ столицу— какія все это минуты для сердца Матери! Все это рисуется живо моему воображенію, и я горько сожалѣю, что не могъ быть свидѣтелемъ этихъ сценъ счастья, которыя оставили бы въ душѣ моей цѣлое сокровище воспоминаній.

Я одинъ во Франценсбруннѣ близъ Эгера; я здѣсь никого не знаю и занятъ только тѣмъ, что печально забочусь о своемъ разстроенномъ здоровьи. Я здѣсь съ 18-го августа новаго стilia и уѣду 3-го или 4-го сентября. Я отправлюсь въ Дрезденъ, откуда надѣюсь вернуться въ Петербургъ черезъ Веймаръ и Берлинъ. Но, прежде чѣмъ принять это послѣднее рѣшеніе, осмѣливаюсь войти относительно состоянія моего здоровья въ нѣкоторыя подробности, которыя и повергаю на милостивое благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Вотъ онѣ: пользованіе водами Эмса укрѣпило меня внутренне; блѣдность, бывшая самымъ выдающимся признакомъ моей болѣзни, почти совсѣмъ исчезла, но осталась такая слабость въ ногахъ, что всякое болѣе или менѣе продолжительное движеніе утомляетъ меня, хотя и не въ такой степени, какъ во время моего отъезда изъ Петербурга, но во всякомъ случаѣ еще весьма чувствительно. Итакъ въ состояніи моего здоровья есть улучшеніе, но оно и не полное и не прочное.

Вотъ что сказалъ мнѣ докторъ Диль³⁾, лѣчившій меня въ Эмсѣ, и что мнѣ подтвердили всѣ доктора, съ которыми я совѣтовался позднѣе: «всякое лѣченіе минеральными водами состоитъ изъ трехъ періодовъ, которые необходимо должны слѣдовать одинъ за другимъ, чтобы выздоровленіе было полное. Первый періодъ, который можно было бы назвать подготовительнымъ, это періодъ перваго пользованія водами, дѣйствующими тогда непосредственно на болѣзнь и начинающими бороться съ ней. Но одного курса недостаточно: безусловно необходимы два, съ первымъ начинается выздоровленіе и только во второмъ

доканчивается. Но и этого еще недостаточно: дѣйствіе водъ, которыя употреблялись на первомъ курсѣ лѣченія, обнаруживается лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; для того, чтобы это дѣйствіе не остановилось въ своемъ вліяніи и чтобы ничто не могло вызвать возврата болѣзни, который, уничтоживъ всѣ благія слѣдствія лѣченія, сдѣлалъ бы состояніе больного болѣе серьезнымъ, а выздоровленіе болѣе сомнительнымъ, необходимо содѣйствіе еще нѣсколькихъ условій, какъ-то: вліяніе теплаго, или по крайней мѣрѣ болѣе умѣреннаго климата, соблюденіе строгаго образа жизни и отсутствіе всякаго утомленія, какъ физическаго, такъ и нравственнаго. Таковъ второй періодъ, заполняющій весь промежутокъ между первымъ и вторымъ курсомъ лѣченія. Этотъ послѣдній составляетъ третій періодъ, которымъ должно закончиться излѣченіе, а потому это періодъ наиболѣе важный. Но чтобы достигъ такого результата, необходимо пройти черезъ всѣ три періода: одинъ первый курсъ лѣченія былъ бы бесполезенъ, второй также, если бы первый не опирался на второй, а этотъ не подготовлялся всѣмъ тѣмъ, что необходимо сдѣлать въ промежуткѣ. И такъ, всѣ три періода необходимы и должны составить одно цѣлое, чтобы выздоровленіе было возможно».

Таковъ относительно меня приговоръ эскулапа. Сначала мысль о томъ, чтобы не возвращаться къ моему посту и отсрочить на нѣсколько мѣсяцевъ мои излюбленныя занятія, не могла придти мнѣ въ голову, такъ какъ была слишкомъ несовмѣстима съ моими самыми страстными желаніями: я рѣшился во что бы то ни стало вернуться въ Петербургъ и съ этимъ рѣшеніемъ уѣхалъ изъ Эмса. Но во время пути я серьезнѣе поразмыслилъ о своемъ состояніи и пришелъ къ слѣдующему выводу, на который и осмѣливаюсь обратить милостивое вниманіе Вашего Императорскаго Величества.

Зачѣмъ уѣхалъ я изъ Россіи? Чтобы *вполнѣ* возстановить здоровье, безъ котораго мнѣ было бы совершенно невозможно исполнить порученное мнѣ, въ высшей степени почетное дѣло:

Выздоровленіе полное! безъ этого нѣтъ спасенія. Палліативъ ни на что бы не годился, нѣсколько позднѣе онъ привелъ бы меня къ той-же точкѣ отправленія, съ которой я началъ, и я снова сталъ бы существомъ бесполезнымъ. Но мое выздоровленіе пріостановилось бы, если бы я вернулся въ Петербургъ теперь, въ самое плохое время года, и оно сдѣлалось бы совсѣмъ невозможнымъ, еслибъ я снова не вернулся въ Эмсъ. — Прежде всего *о путешествіи*. Я не могу тотчасъ же отправиться въ путь по окончаніи курса въ Эгеръ: нужно непременно нѣсколько дней отдыха; ѣхать надо будетъ медленно, чтобы не слишкомъ утомляться, ночевать каждую ночь, что чрезвычайно затянуло бы путешествіе, а слѣдовательно оно пришлось бы въ самое дурное время года, очень опасное для тѣла, подверженнаго всѣмъ вліяніямъ атмосферы и именно въ такую пору, когда должно уже проявиться дѣйствіе водъ; прибавьте къ этому плохія дороги въ той части Германіи, которую мнѣ придется проѣзжать, что увеличило бы и усталость и всѣ шансы, которые могутъ повлечь за собой возвратъ болѣзни. *Возвращеніе*: вернувшись въ Петербургъ, я могъ бы легко соблюдать предписанный образъ жизни, но вліяніе климата все же будетъ неблагоприятно дѣйствію перваго лѣченія и даже остановитъ его на все время, которое должно пройти до втораго. Матерія болѣзни, какъ объясняютъ доктора, будучи возбуждена водами, осталась бы въ организмѣ, вмѣсто того, чтобы выйти изъ него отъ благотельнаго вліянія хорошаго климата. Наконецъ, прибывъ въ Петербургъ, я долженъ сейчасъ же приняться за свой трудъ и работать съ удвоенными усиліями, что въ томъ положеніи выздоровленія или полуболѣзни, въ какомъ я находился бы, могло бы имѣть для меня печальныя послѣдствія. И мнѣ было бы невозможно умѣрить эти усилія, ибо я не могъ-бы, да и не захотѣлъ бы отстать на томъ пути, по которому пойдетъ обученіе Великаго Князя, тѣмъ болѣе, что во время моего пребыванія въ Германіи я не могъ подготовиться къ моимъ урокамъ, такъ какъ всякая трудная работа была мнѣ

строго запрещена. Такимъ образомъ пужно было-бы удвоить усилія, что вмѣстѣ съ вреднымъ вліяніемъ климата привело бы меня вѣроятно къ той же точкѣ, съ которой я началъ, и сдѣлало бы мою поѣздку совершенно бесполезной. Наконецъ—*вторая поѣздка*. Она необходима, потому что одного курса лѣченія недостаточно, но предпринять ее я могъ-бы не раньше мая и продолжилась бы она около мѣсяца; я пріѣхалъ бы въ Эмсъ лишь къ началу іюня, долженъ былъ бы остаться тамъ до половины іюля и не могъ бы попасть въ Эгеръ раньше конца того же мѣсяца. Пробывъ три недѣли въ Эгерѣ и отдохнувъ, что необходимо послѣ лѣченія, я тронулся бы въ дорогу въ началѣ сентября, опять таки въ дурное время года, и вернулся бы въ Петербургъ въ глухую осень. Къ этому нужно еще прибавить, что вмѣсто одной поѣздки мнѣ пришлось бы сдѣлать три, очень тяжелыхъ въ моемъ положеніи: первую—возвращеніе въ Петербургъ въ настоящее время; вторичную поѣздку въ Эмсъ и вторичное же возвращеніе въ Россію. — Если же, наоборотъ, я провелъ бы эту зиму въ Германіи, то могъ бы прибыть въ Эмсъ уже въ началѣ мая, прожить тамъ до половины іюня, быть въ Эгерѣ въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца, выѣхать оттуда въ половинѣ іюля, сейчасъ же пуститься въ обратный путь въ Петербургъ и ѣхать совсѣмъ покойно, не боясь вліянія дурной погоды. Въ такомъ случаѣ я вернулся бы въ первыхъ числахъ августа новаго стilia и могъ бы воспользоваться по крайней мѣрѣ мѣсяцемъ прекрасной погодой, чтобы привыкнуть къ климату; это довершило бы вліяніе двойного лѣченія, и я могъ бы тогда рассчитывать на радикальное излѣченіе.

Ваше Императорское Величество удивитесь, быть можетъ, моей слишкомъ большой заботѣ о своемъ здоровьѣ. Да, Ваше Величество, оно стало для меня теперь неоцѣнимымъ сокровищемъ: я дорожу имъ, какъ главнѣйшимъ средствомъ дѣйствовать съ нѣкоторой пользой на томъ поприщѣ, которое въ настоящее время открыто предо мной. — Я долженъ обладать имъ прежде всего для того, чтобы, сообразно съ своими способностями и

усердіемъ, быть тѣмъ, чѣмъ долженъ быть на томъ посту, который занимаю. Если я потеряю его, то долженъ сказать вѣчное прости моей любимѣйшей дѣятельности, а вмѣстѣ съ ней и счастію жизни. И такъ я думаю, что моя прямая обязанность сохранить и укрѣпить его. Лучше пожертвовать для его сохраненія нѣсколькими мѣсяцами въ *началѣ* моего поприща, чѣмъ рисковать остановиться *по срединѣ* и покинуть все въ такую минуту, когда было бы необходимо, чтобы все шло безъ перерыва и согласна общему плану. И такъ я думаю, что мнѣ необходимо провести эту зиму внѣ Россіи. — Доводы относительно здоровья изложены очень подробно, я представляю Вашему Величеству еще одинъ, непосредственно касающіеся *моей дѣятельности*. Мое пребываніе въ Германіи въ продолженіе этой зимы не было бы отдыхомъ и бездѣйствіемъ. Напротивъ, я предался бы совершенному уединенію и занялся бы, не отвлекаясь, при вліяніи благоудѣтельнаго климата, подготовленіемъ къ урокамъ, которыми буду занятъ по возвращеніи. Съ одной стороны я достигъ бы главной цѣли моей поѣздки: прочно укрѣпилъ бы свое здоровье, лѣгчась климатомъ, что столь же необходимо, какъ и лѣченіе водами; съ другой стороны удалилъ бы главныя препятствія, которыя до сихъ поръ очень затрудняли выполненіе моей обязанности, хотя и не мѣшали ему. Это требуетъ объясненія. Вашему Величеству извѣстно, что я принялъ на себя руководство обученіемъ Его Высочества, не имѣя времени для какой-бы то ни было предварительной подготовки. При послѣднемъ отъѣздѣ изъ Россіи Вашему Величеству было угодно поручить мнѣ просто заниматься съ Великимъ Княземъ. Вотъ эти занятія и внушили мнѣ мысль о томъ планѣ, который я съ тѣхъ поръ выработалъ; теперь опытъ доказалъ мнѣ, что планъ этотъ совершенно простъ и, поэтому именно, можетъ быть весьма пригоденъ для нашего ученика. Но, дабы онъ былъ вполне пригоденъ, необходимо, чтобы все было возложено на одного человѣка и чтобы другіе учителя только дополняли труды главнаго: безъ этого не будетъ единства, не будетъ цѣльности. А чтобы занятія шли

ровнымъ шагомъ, нужно, сообразуясь съ одобреннымъ планомъ, имѣть большую подготовку. Не имѣя времени подготовиться заранѣе, я принужденъ былъ заниматься этимъ тогда, когда уроки уже шли своимъ чередомъ. Они не прекращались, но мнѣ пришлось преодолѣть много затрудненій за неимѣніемъ необходимаго свободнаго времени. Теперь нашъ горизонтъ расширится, потребуется ббольшая подготовка, а такъ какъ свободнаго времени будетъ недостаточно, то затрудненія будутъ, по необходимости, накапливаться. — Вотъ именно съ этой стороны, Всемилостивѣйшая Государыня, пребываніе мое въ продолженіи нынѣшней зимы въ Германіи, вызванное необходимостью возстановить здоровье, могло бы быть дѣйствительно полезно для выполненія моей обязанности въ качествѣ наставника Его Высочества. Я приготовилъ бы на цѣлые полгода впередъ уроки, которые буду давать Его Высочеству по возвращеніи; и приобрѣлъ бы очень много для *всего курса* предварительнаго обученія. Я былъ бы постоянно впереди и, занимая Великаго Князя тѣмъ, что было приготовлено заблаговременно, имѣлъ бы достаточно свободнаго времени въ теченіи уроковъ приготовить спокойно и съ большей основательностью слѣдующіе. Все это дало бы мнѣ большую свободу дѣйствій, предохраняя меня отъ того безпокойнаго состоянія духа, которое вмѣстѣ съ другими причинами вызвало мою болѣзнь; это облегчило бы и самое обученіе, которое пошло бы тогда съ большей увѣренностью и безъ всякихъ перерывовъ. Подготовительныя работы, которыми я занялся бы во время моего пребыванія, въ качествѣ выздоравливающаго, въ Германіи, довольно значительны: надо составить записки по исторіи, историческія картины и карты и генеалогическія таблицы. Эта работа, сообразно съ моимъ планомъ, должна обнять и соединить много различныхъ предметовъ, потребуетъ большихъ чтеній и особенно много механическаго труда. Я надѣюсь окончить все, что относится къ *древней исторіи*, въ продолженіи тѣхъ мѣсяцевъ, которые будутъ употреблены мною на отдыхъ, а не на лѣченіе. По-

кончивъ съ этимъ, я посвящу свободные мѣсяцы всему остальному, что имѣетъ отношеніе къ первому періоду обученія Его Высочества. Эта выгода неоцѣнима. Въ то-же время, имѣя здѣсь подъ руками все, что необходимо для обученія, я могъ бы составить полную коллекцію книгъ, картъ, плановъ, гравюръ и т. д.

Таковы, Всемилостивѣйшая Государыня, были бы выгоды моего пребыванія въ Германіи въ продолженіи нынѣшней зимы: личныя выгоды, касающіяся моего здоровья, и не менѣе важныя — для дѣла обученія Его Высочества. Но надо также обратить вниманіе и на невыгодную сторону дѣла: *это — перерывъ съ занятіяхъ Великаго Князя*. Эта невыгода могла бы быть очень велика и послѣдствія ея были бы дѣйствительно опасны, если бы нельзя было замѣнить меня. Но прошу Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, принять во вниманіе, что этотъ перерывъ произойдетъ въ самомъ началѣ перваго періода обученія, когда мы еще только что начали, такъ сказать, съ азбуки. Предметы, которыми Его Высочество занимается въ настоящее время, пока еще не такъ существенны, дѣло идетъ о первыхъ понятіяхъ; часть подготовительныхъ работъ уже сдѣлана, остальное не трудно сдѣлать; планъ выработанъ и, въ лицѣ Жюлья, мы имѣемъ человѣка, уже овладѣвшаго имъ, вполне усвоившаго себѣ мою методу и способнаго провести ее, особенно по тѣмъ предметамъ, которыми Великій Князь долженъ заниматься въ мое отсутствіе. Единственное неудобство заключается въ томъ, что въ этотъ промежутокъ времени Его Высочество долженъ будетъ изучать свои главные предметы на иностранныхъ языкахъ; съ одной стороны это имѣетъ свои неудобства, но съ другой и преимущества: онъ сдѣлаетъ больше успѣховъ во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Что до русскаго языка, то, такъ какъ пока еще дѣло не касается его *правиль*, можно быть увѣреннымъ, что онъ не забудетъ его *употребленія*, да и Мердеръ всегда можетъ воспроизводить по русски то, что будетъ преподаваться по французски и повторяться по нѣмецки. По

моемъ возвращеніи я самъ повторю все пройденное, что займетъ не много времени и поможетъ намъ идти впередъ.

На все это я считаю своей обязанностию обратить вниманіе Вашего Императорскаго Величества. Несмотря на искреннее огорченіе, которое причиняетъ мнѣ несчастная необходимость отложить мое возвращеніе въ Петербургъ, несмотря на все неудовольствіе подчиниться этой необходимости, я въ концѣ концовъ разсудилъ, что эта жертва неизбежна, не для *моей личной пользы*, но для успѣха единственнаго дѣла, которое меня интересуетъ и одно исключительно наполняетъ мою душу. Повторяю: я прошу у Бога лишь столько жизни и силъ, сколько мнѣ будетъ пужно, чтобы дойти до конца того прекраснаго поприща, на которое я вступилъ. Все, что находится внѣ его, для меня безразлично. Смѣю надѣяться, что Ваше Величество вполне повѣритъ, что все сказанное мною — правда. И такъ я думаю, что исполняю долгъ совѣсти, сообщая Вамъ подробно мои соображенія. Соблаговолите, Всемилостивѣйшая Государыня, почтить ихъ Своимъ вниманіемъ; соблаговолите сообщить ихъ Государю Императору. Я буду ждать въ Дрезденѣ Его Высочайшаго рѣшенія, чтобы сообразоваться съ нимъ безъ всякаго промедленія. Сожалѣю, что не могъ отправить этого письма при моемъ отъѣздѣ изъ Эмса, чтобы скорѣе узнать намѣренія моего Августѣйшаго Государя; но тогда у меня была лишь одна мысль: вернуться въ Петербургъ, и только мало по малу и послѣ многихъ консультацій развилась и укрѣпилась въ умѣ противоположная мысль. Осмѣливаюсь просить Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, сообщить мнѣ приказанія Его Величества безъ промедленія, дабы, если Онъ найдетъ болѣе удобнымъ мое возвращеніе въ Петербургъ, я могъ немедленно отправиться въ путь и прибыть къ назначенному сроку на свой постъ. Пока, предполагая, что Ваше Величество соблаговолите одобрить доводы, которые я высказалъ въ этомъ письмѣ, я займусь составленіемъ плана, по которому Жилль могъ бы заниматься съ Его Высочествомъ во время моего отсутствія, для того, чтобы не было перерыва въ занятіяхъ и

чтобы по моемъ возвращеніи я могъ тотчасъ начать съ того, на чемъ остановился Жилль. Снова повторяю здѣсь свою покорнѣйшую просьбу, которую уже повергалъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества въ моемъ первомъ письмѣ: чтобы до моего приѣзда ничто не было ни измѣнено, ни увеличено, ни сокращено въ занятіяхъ Его Высочества. Надо строго держаться разъ принятаго плана; всякая перемена повредитъ успѣхамъ въ занятіяхъ.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и самой искренней преданности,

Всемилоствѣйшая Государыня,
Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподанный Жуковскій.

Франценсбруннъ близъ Эгера. 18/30 Августа 1826 г.

1839 годъ.

№ 6.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Гага]

[17/29 Апрелья 1839 года].

Всемилоствѣйшая Государыня.

Нынѣ въ двадцать первый разъ празднуемъ день рожденія нашего милаго Великаго Князя¹⁾: приношу Вашему Императорскому Величеству мое сердечное поздравленіе, какъ одинъ изъ самыхъ старшихъ знакомцевъ его на здѣшнемъ свѣтѣ! Кажется, теперь вижу Императрицу Марію Теодоровну, выходящую съ нимъ на рукахъ изъ той горницы, гдѣ онъ родился, дабы перенести его въ ту, гдѣ онъ провелъ первые дни жизни. И какъ въ это

время торжествовала Москва вдругъ два праздника и общій земной²⁾ и общій русскій³⁾! Чудный день! Одинъ изъ прекраснѣйшихъ въ жизни⁴⁾! и сколько въ немъ заключалось пророческаго, чему еще никакое событіе не измѣнило! Благослови Богъ будущее, какъ благословилъ прошедшее! Благослови Богъ тѣ чувства, которыя теперь наполняютъ сердце нашего двадцатидвухлѣтняго новорожденнаго; пускай изъ нихъ выйдетъ то же для него что вышло для Отца его на всю его жизнь, и что долго будетъ отзываться въ жизни нашего отечества⁵⁾.

Ваше Величество на письмо мое изъ Франкфурта⁶⁾, въ которомъ я съ чувствомъ счастья говорю о Дармштатской встрѣчѣ⁷⁾ отвѣчаете мнѣ черезъ Великаго Князя однимъ словомъ, которое признаюсь укололо мнѣ сердце. Вы полагаете, что я только буду хмуриться и горевать о новомъ неудачномъ путешествіи, при полученіи приказанія ѣхать въ Англию. Правда, мнѣ жаль, очень жаль, что мы пробудемъ въ ней такъ недолго. Но великій князь читалъ мнѣ письмо къ нему Государя и графъ Орловъ⁸⁾ такъ же читалъ свое и смѣю Васъ увѣрить, что я способенъ понимать ту прелесть высокой души, которая въ нихъ выражается. При этомъ чтеніи, мнѣ ничто другое не приходило въ голову, кромѣ Государева характера, столь чисто возвышеннаго въ рѣшительныя минуты. Его не всегда угадаешь, но именно въ тѣхъ случаяхъ, когда удивляешься его поступку, этотъ поступокъ кажется столь простымъ и естественнымъ, что самому непонятно, какъ могъ его не предвидѣть. Смѣю увѣрить Ваше Величество, что я никому не уступлю въ живости чувства, производимаго Царскими качествами нашего Государя. — Мы были въ Сардамѣ⁹⁾. При взглядѣ на лачужку гдѣ жилъ Петръ великій, слезы полились изъ глазъ моихъ и мнѣ въ эту минуту стало понятно, почему между чувствами, проходящими по душѣ человѣческой, одно изъ самыхъ сладкихъ есть благодарность Государю *за отечество*; оно именно потому такъ сладко, что оно совершенно безкорыстное: благодарить не за себя а за *всѣхъ*, не за одно благотворное дѣло, а за пожертвованіе *цѣлой жизни* святому долгу и радуешься

тому, что находишь себя способнымъ чувствовать такого рода благодарность. Петра великаго давно нѣтъ и его Сардамскій домикъ чуть держится, но это мѣсто для Русскаго имѣетъ очарованіе невыразимое

Работникомъ простымъ ¹⁰⁾

Въ сардамской хижинѣ великой Царь тайлся,
И, плотничая тамъ, владыкой быть учился.
Тамъ мыслю его корабль застроенъ тотъ ¹¹⁾—
На коемъ по волнамъ время и поколѣній,
Неизмѣняемый ¹²⁾ средь бурныхъ измѣненій,
Имъ созданный народъ
Указаннымъ путемъ плыветъ подь флагомъ славы ¹³⁾
Корабль великія Россійскія державы.

и повѣрите мнѣ, что въ этой избушкѣ, гдѣ я провелъ *одну* незабвенную полчаса (ибо пришелъ туда прежде великаго князя ¹⁴⁾) думая о Петрѣ я живо вспомнилъ Государя, о которомъ вообще какъ то чаще думается здѣсь, гдѣ такъ много слѣдовъ могучаго Сардамскаго плотника.

Не смѣя беспокоить Его Величество особеннымъ письмомъ, беру смѣлость просить Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, передать Ему мое усердное поздравленіе съ нынѣшнимъ днемъ.

Завтра мы покидаемъ Гагу и черезъ двое сутокъ будемъ уже въ той огромной безднѣ, которая называется — Лондонъ ¹⁵⁾.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный

В. Жуковскій.

Гага 17/29 Апрѣля 1839.

1840 годъ.

№ 7.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Дармиштадтѣ].

[23 Апрѣля, 1840 года].

Вчера былъ день истинно счастливый. Рано по утру явился Будбергъ ¹⁾ и принесъ святое благословеніе тому счастью ²⁾ которое за годъ передъ симъ мы здѣсь такъ неожиданно встрѣтили. Такое благословеніе должно его упрочить. Чтобы мнѣ самому вполне понять, усилить и освятить то чувство, которое теперь наполняетъ мое сердце, надобно было мнѣ прочитатъ тѣ письма, которые Государь и Ваше Величество написали къ великому князю. Въ нихъ выражено *все*, что только можетъ высокая, нѣжная, чистая душа, на высшемъ мѣстѣ здѣшняго свѣта, чувствовать въ лучшую, блаженнѣйшую свою минуту. Дай Богъ, чтобы эти письма были предисловіемъ къ начинающейся семейной жизни милаго нашего жениха: изъ нея прекрасно выльется и его жизнь государственная. Я наконецъ поздравилъ вслухъ нашу прелестную невѣсту. Прежде, я уже, одинъ разъ подошедши къ ней, сказалъ: *Faut il faire semblant de rien, madame, et ne vous dire rien de clair?* Она вспыхнула и ея глаза—необыкновенно выразительные, полные чувства и тонкаго, зоркаго ума—потемнѣли. Я прибавилъ: *sans vous dire rien, j'espere que vous comprenez le sentiment qui doit me remplir en ce moment.* Отвѣта не было, но въ самомъ ея молчаливомъ замѣшательствѣ было что то значительное. Вчера наконецъ я поздравилъ ее яснымъ словомъ. Я сказалъ ей между прочимъ: *quelle lettre le grand Duc a reçu de son Pere un jour vous la lirez dans l'original.* Въ этой послѣдней фразѣ, какъ Ваше Величество замѣтите, выразился и теперешній учитель ея русскаго языка ³⁾. Мнѣ уладительна мысль быть первымъ близкимъ русскимъ знакомцемъ ея;

эта судьба досталась мнѣ и при Васѣ и дай Богъ, чтобы я здѣсь нашелъ на вѣчную память сердце то же, что въ первомъ столь счастливомъ для меня знакомствѣ. Мое дѣло будетъ состоять не въ одномъ приготовленіи ея къ русской грамотѣ, но и въ приготовленіи къ тому чтобы понять нашу Русь въ *оригиналь* какъ несравненное письмо Отца Россіи къ своему наслѣднику въ рѣшительную минуту его жизни. И *вчера* *) она мнѣ такъ же понравилась какъ въ другіе дни. Эта *dignité* — *qui n'est ni roideur ni secheresse, mais simplement une noble nature* неизмѣнилась ни на минуту; глаза ея были темнѣе обыкновеннаго, молодыя щеки живѣе, но во всемъ прочемъ совершенное спокойствіе: это качество царское. Завтра или послѣ завтра **) надѣюсь начать съ нею свои занятія; буду стараться не наскучить; но дѣло довольно затруднительное и скучное *само по себѣ*. Она однако, какъ всѣ увѣряютъ любить занятіе, несмотря на свою молодость. Великое счастье по моему мнѣнію, что она встрѣтится съ Вашимъ Величествомъ до приѣзда своего въ Россію: переходъ изъ одного положенія въ другое, столь трудное, будетъ для нея нечувствительнъ. Вообще, сколько могу судить по одному поверхностному взгляду, ея характеръ твердый; она властна сдѣлать изъ себя все что *должно*. Прекрасное же всему основаніе дала сама добрая природа наградивъ ее прекраснымъ сердцемъ, котораго никакая воля создать не можетъ. Но главнымъ правиломъ въ обращеніи съ нею, какъ мнѣ кажется, должна быть спокойная, терпѣливая, кроткая къ ней довѣренность. Эту молодую, свѣтлую душу, такъ самобытно и чисто развивающуюся, надобно представить ей самой, надобно дѣйствовать на нее безъ принужденія, одною полною къ ней вѣрою, одною дружескою къ ней привязанностію и ожидать спокойно того, что изъ нея выйдетъ; она этого ожиданія не обманетъ; и сдѣлается *всѣмъ чѣмъ должна быть*, и безъ всякаго, иногда труднаго, перелома, безъ всякой утраты своей самобытности, приметъ то направленіе, тѣ привычки, кои необходимо ей принять на томъ мѣстѣ, которое теперь указало ей провидѣніе.

Но я долженъ кончить. Курьеръ сію минуту отправляется. Счастіе увидѣть Ваше Императорское Величество радуется всѣхъ насъ несказанно⁶⁾).

Вашего Императорскаго Величества

Вѣрноподанный

Жуковский.

Дармштатъ, Апрѣль 23, 1840 г.

№ 8.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Дармштадтъ].

[1/13 Мая 1840 года].

Имѣю счастіе извѣстить Ваше Императорское Величество, что въ прошедшую среду, 24 апрѣля, я началъ свои занятія съ Ея Высочествомъ Принцессою Маріею¹⁾. Этотъ первый урокъ не могъ быть покоенъ, ибо вмѣсто одного учителя, было ихъ два и изъ этихъ двухъ одинъ женихъ²⁾: легко вообразить каковъ былъ порядокъ лекціи. Однако началось очень мило и весело. Я невольно вспомнилъ то что было за двадцать три года передъ этимъ³⁾: мое явленіе къ Вашему Величеству въ губернскомъ мундирѣ и въ пудрѣ; это происходило въ Аничковскомъ дворцѣ; прѣ нашей первой лекціи присутствовала съ своей добродушною важностію графиня Ливонъ⁴⁾; было что то принужденное. Но эта принужденность исчезла передъ веселою, свѣтлою душою моею ученицы, которая своимъ характеромъ отвѣчала моему идеалу. Этотъ идеалъ не исчезъ; прошли годы; тогдашняя свѣтлая душа, съ которою въ то время такъ было мнѣ сладко встрѣтится, такъ же свѣтла и теперь; вся ея молодость сохранилась; годы не на-

вели на нее ни одной морщины. Благодарю за это мою судьбу, которая въ нашей Русской Императрицѣ (видимой другими изъ отдаленія, слѣдовательно не всегда въ настоящемъ свѣтѣ) дала мнѣ найти то, что на свѣтѣ встрѣчается такъ рѣдко, что украшаетъ жизнь, что бережетъ поэзію жизни. И вотъ теперь на старости лѣтъ, я какъ будто опять очутился на прежнемъ мѣстѣ; и передо мною опять милое, чистое созданіе, конечно иного рода, но не менѣе привлекательное для моей не совсѣмъ еще устарѣлой души. Я сообщилъ, при началѣ нашей лекціи, свое воспоминаніе великому князю, замѣтивъ однако, что въ то время онъ не могъ присутствовать при ней какъ теперь и что тогда мнѣ и въ мысли не могло придти, чтобы этотъ случай могъ *такимъ образомъ* повториться въ моей жизни. Этотъ первый часъ нашихъ занятій прошелъ очень весело и разомъ сблизилъ меня съ моею ученицею. Но въ заключеніе его я попросилъ великаго князя, чтобы онъ, для соблюденія строгаго порядка въ нашемъ учени, одинъ разъ навсегда избавилъ насъ отъ своего нѣсколько неутомоннаго присутствія, на что онъ и благоволилъ смиренно согласиться; и теперь часы, опредѣленные для моихъ лекцій, посвящаетъ онъ или верховой ѣздѣ или охотѣ; что весьма выгодно для моей грамматики. Не могу выразить Вашему Величеству, какъ была для меня трогательна смиренная покорность моей ученицы ея новому, скучному долгу. Надобно признаться, что ей предстоитъ тяжелый трудъ: языкъ совершенно непохожій ни на одинъ ей знакомый, ни слухъ не привыкъ къ звукамъ, ни глаза къ чтенію, ни языкъ къ выговору; прежде нежели можно ожидать какого нибудь успѣху, надобно чтобы время произвело эти три привычки; а какъ пріобрѣсти ихъ, занимаясь одинъ только часъ въ день⁶⁾? Не смотря на эту скучную трудность, она рѣшительно принялась за дѣло. И даромъ что сердце и мысли ея были полны другимъ, она была такъ искренно внимательна, съ такимъ умнымъ любопытствомъ входила во все, что послѣ нашего занятія осталось во мнѣ не одно удовольствіе, но и благодарность. Это чистая, младенческая натура при умѣ дѣльнымъ и важнымъ,

при характерѣ твердомъ; я не замѣтилъ въ ней тѣни неистиннаго; она непритворно весела, добросердечна и ни мало не легкомысленна. Правда, ей еще надобно пріобрѣтать; но основаніе прекрасное; дай Богъ чтобы привычки, коими довершится ея естественный характеръ, соотвѣтствовали этому прекрасному основанію и чтобы эти привычки пріобрела она безъ всякаго насилія и съ полнымъ сохраненіемъ своей самобытности. Но материнское Ваше сердце и Вашъ рѣдко здравый умъ будутъ лучшими охранителями этого сокровища: лучшія средства для того любовь и прямодушная довѣренность; никто не владѣеть ими такъ какъ Вы. — Первый день моихъ занятій былъ для меня вполне днемъ воспоминанія. Поутру я въ воображеніи посѣтилъ Аничковскій дворецъ⁶⁾; а вечеръ возобновилъ въ моей памяти мою первую жизнь Берлинскую⁷⁾. Давали Спонтиніеву оперу Нурмагалъ⁸⁾. Я не зналъ этой музыки прежде. Когда-жъ я услышалъ ее, то Дармштатъ пропалъ изъ глазъ моихъ и я очутился на праздникѣ Лала Рукъ⁹⁾. Это прекрасное тогдашнее видѣніе такъ живо пролетѣло передъ моею памятью, что какъ будто сама молодость en personne навѣстила меня;

Und manche liebe Schatten standen auf¹⁰⁾.

Странное, непонятное очарованіе въ звукахъ: они не имѣютъ ничего существеннаго, но въ нихъ живетъ и воскресаетъ прошедшее. Я не думалъ никого произвольно вспоминать; но вслѣдъ за этою картиною праздника, именно тѣ, которыя тогда были и которыхъ теперь нѣтъ, какъ будто сами слетѣлись со всѣхъ сторонъ на поминки и тѣнями мимо меня провѣяли. Наша идеальная пери¹¹⁾ съ своимъ прекраснымъ ангеломъ¹²⁾, ея несравненная мать, наша добрая Клейсть¹³⁾, меня тогда усыновившая, наша Вильдерметъ¹⁴⁾ которую никогда мое сердце не забудетъ, и многіе, многіе другіе и вслѣдъ за ними моя Александрина Воейкова которой я тогда описалъ этотъ праздникъ, которая тогда была во всемъ цвѣтѣ жизни, а теперь въ далекой могилѣ, подъ небомъ Италіи¹⁵⁾ свѣтлымъ какъ была она сама. Очнувшись отъ этого

видѣнія, мнѣ показалось, что другой міръ поднялся около меня; онъ мнѣ не чуждъ, и я ему не чужой, но онъ какъ будто не имѣетъ будущаго; глаза болѣе оборачиваются назадъ; а то что впереди, какъ будто стоитъ уже за границею жизни, какъ будто задернуто занавѣсомъ. Поэзія не измѣнила, но она перемѣнила одежду. Она не обманъ; напротивъ она верховная правда жизни; но въ первыя, свѣжія лѣта она сливается со всѣмъ, что насъ окружаетъ. Позже она становится съ одной стороны воспоминаніемъ съ другой вѣрою; въ промежуткѣ же между этими двумя образами, опустѣвшая сцена жизни; видишь вблизи декораціи, кулисы, машины и веревки. Хотя прежней картины нѣтъ, но ея дѣйствіе все было истинное. А въ жизни вѣрно только одно прошедшее ибо оно неизмѣнно; вѣрное же будущее принадлежитъ къ другому разряду.—Коснувшись до этого будущаго, я однако долженъ вспомнить и о моемъ здѣшнемъ, матеріальномъ будущемъ. При отъѣздѣ своемъ я представилъ Вашему Величеству то письмо, которое было мною написано Великому Князю¹⁶⁾. Если Вы прочитали его, то знаете теперь совершенно, въ чемъ состоитъ моя главная забота. Собственно *для меня* не будетъ никакой потери если воздушный замокъ¹⁷⁾ въ этомъ письмѣ описанный останется не построеннымъ; но драгоценнѣйшая, хотя посторонняя цѣль моя останется недостигнутою. Было бы самымъ желаннымъ счастіемъ на весь остатокъ моей жизни, если бы я могъ, доживая его, говорить себѣ: всѣмъ что есть у меня добраго обязанъ я заботливому, произвольному благотворенію тѣхъ, къ кому было привязано сердце.—Это письмо будетъ послѣднимъ къ Вашему Величеству изъ заграницы; скоро будемъ имѣть счастье Васъ самихъ увидѣть; это ожиданіе всѣхъ насъ радуеть несказанно.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрнопопданный В. Жуковскій.

Дармштатъ, 1/13 мая, 1840.

№ 9.)

Императору Николаю Павловичу.

[Эмсь].

[9/21 Июня 1840 г.]

Всемиловѣйшій Государь!

Наступила для меня минута, въ которую я долженъ прибѣгнуть къ Вамъ, какъ къ отцу и предать въ Вашу волю все свое счастье. Если Вы захотите, что бы оно было, — то оно будетъ. Но могу ли смѣть и имѣю ли право надѣяться, чтобы Вы удостоили обратить на него вполнѣ Вашу милостивую заботливость?

Государь, я хочу испытать семейнаго счастья, хочу кончить свою одинокую, никому неприсвоенную жизнь. Я уже отказался было отъ всякой подобной надежды, которая теперь въ мои лѣта можетъ показаться безразсудностию, но обстоятельства меня рѣшившія похожи на опредѣленіе свыше. Мнѣ кажется, что я нашелъ себѣ товарища надежнаго, который можетъ оживить и осчастливить мои остальные годы. Правда, та, которую я выбралъ, по своимъ лѣтамъ, могла бы быть моею дочерью, но по своему образованію, по своему характеру она способна довольствоваться просто семейнымъ счастьемъ, основаннымъ на согласіи мыслей и чувствъ и на взаимномъ сердечномъ уваженіи, не смотря на разность лѣтъ. Могу быть, увѣреннымъ, что съ нею найду это счастье, и что оно будетъ постоянно, если самъ его не разрушу, на что буду просить помощи свыше.

Но я не здѣлалъ ни одного шагу для того, чтобы узнать положительно, согласится ли она дать мнѣ руку; я даже не позволилъ себѣ ничего такого, чтобы могло обнаружить мое намѣреніе; ибо не имѣю на то права, не получивъ напередъ полнаго убѣжденія, что вмѣстѣ съ своею рукою дамъ женѣ своей и безнужную жизнь, убѣжденія, безъ котораго семейное счастье для

меня несбыточно. Въ молодыхъ лѣтахъ можно еще вѣряться будущему и надѣяться собственною дѣятельностію устроить благоденствіе семьи своей. Съ моими лѣтами такая отважная надежда не совмѣстна и окруживъ себя семьею я долженъ знать навѣрное есть ли у нее кусокъ хлѣба нынѣ, и будетъ ли она имѣть его завтра. Но эти же самые лѣта не позволяютъ мнѣ болѣе откладывать: если теперь не схвачу того, что провидѣніе представляетъ мнѣ, то завтра будетъ поздно и завтра уже надобно будетъ навсегда сказать себѣ, что собственное семейное счастье не должно быть здѣшнимъ моимъ удѣломъ.

Вы одни, Государь, можете рѣшить мою участь и въ Вашу руку, какъ въ руку провидѣнія, предаю ее. Почти за годъ передъ симъ, по возвращеніи нашемъ изъ заграницы было написано мною къ Государю Наслѣднику письмо²⁾ довольно подробное о собственныхъ моихъ обстоятельствахъ; это письмо находится теперь въ рукахъ Государыни Императрицы, которой я осмѣлился передать его какъ завѣщаніе, при поспѣшномъ нашемъ отъѣздѣ изъ Россіи: въ немъ я позволилъ себѣ изложить надежды свои на Вашу Царскую милость и представить средство устроить мое будущее на прочномъ основаніи. Позвольте ли всемилостивѣйшій Государь, повергнуть это письмо къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества?

Но я долженъ прибавить, что обстоятельства, въ которыхъ было написано это письмо, были совсѣмъ не тѣ въ какихъ я нахожусь теперь; тогда совсѣмъ иная цѣль была передъ глазами моими. Теперь надлежитъ рѣшить долженъ ли произойти совершенный переворотъ въ моей жизни и рѣшить не откладывая, дабы послѣ не обвинять себя и не разкаиваться горько. Это побуждаетъ меня войти въ слѣдующія необходимыя объясненія: Первымъ и необходимымъ условіемъ моей семейной жизни должна быть и совершенная перемѣна въ ея образѣ. На первыхъ порахъ мнѣ невозможно будетъ остаться въ Петербургѣ: это лишитъ меня средства устроиться такъ какъ должно; во-первыхъ не буду имѣть на то способовъ матеріальныхъ, ибо надобно будетъ

всѣмъ заводиться съ начала, что введеть въ величайшія издержки и долги неоплатные; во-вторыхъ надобно будетъ вести образъ жизни, который съ достаткомъ моимъ не будетъ совмѣстенъ, возпрепятствуетъ устроить тотъ бытъ семейный, въ которомъ я полагаю свое счастье и наконецъ будетъ въ совершенномъ противорѣчїи со всѣми привычками жены моей, которая созрѣла въ уединенїи и не можетъ (по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ) занять никакого мѣста въ томъ кругѣ, къ которому я принадлежу въ теперешнемъ моемъ положенїи.

Но будетъ ли это согласно съ волею Вашего Императорскаго Величества? Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ Вамъ, принимая съ глубочайшею благодарностію Ваше повелѣніе заняться надзоромъ за ученїемъ ихъ Высочествъ Великихъ Князей³⁾, я осмѣлился всеподданнѣйше замѣтить, что не почитаю себя для сего дѣла необходимымъ: хорошее начало для него уже положено (въ чемъ по Волѣ Вашего Величества и я принялъ участіе) и все идетъ надлежащимъ порядкомъ, ибо наблюденїе за ученїемъ поручено людямъ надежнымъ, которые исполняютъ его какъ должно подъ непосредственнымъ надзоромъ своихъ начальниковъ. Главное же дѣло мое, то есть надзоръ за ученїемъ Наслѣдника, уже съ нѣкотораго времени совершенно кончено; Богъ дозволилъ дойти съ нимъ неразлучно до той эпохи, которая такъ рѣшительна въ его жизни⁴⁾ — этого счастья для меня слишкомъ достаточно на всѣ мои остальные годы. Касательно же преподаванїя русскаго языка Ея Высочеству Принцессѣ Марїи⁵⁾, то я полагалъ, что мое назначенїе къ ея особѣ относится только къ одному началу преподаванїя; я самъ желалъ этого счастья, ибо для меня было дорого однимъ изъ первыхъ русскихъ приблизиться къ невѣстѣ моего несравненнаго великаго князя, котораго я же изъ первыхъ встрѣтилъ у его колыбели. Касательно же *полнаго* преподаванїя русскаго языка которое должно продолжаться годы, я, приступая къ своему настоящему временному дѣлу, предупредилъ Государыню Императрицу что буду ходатайствовать у Вашего Величества о позволенїи представить на мое мѣсто человѣка, который могъ бы

заявляю свою должность съ надлежащимъ умѣніемъ и соединилъ съ нимъ надежный нравственный характеръ. Но повторяю, все это будетъ ли согласно съ волей Вашего Императорскаго Величества? Хотя и смѣю думать, что вы съ вашимъ рѣдко милостивымъ сердцемъ и не останетесь равнодушнымъ къ судьбѣ моей, но можетъ быть Вамъ въ тоже время будетъ угодно повелѣть, чтобы я не покидалъ занимаемаго мною мѣста. Въ такомъ случаѣ мнѣ останется безпрекословно повиноваться вашей Волѣ и навсегда отказаться отъ того, въ чемъ теперъ мнѣ видится мое счастье, къ которому бросаюсь не какъ молодой человѣкъ, увлекаемый страстію, въ мои лѣта смѣшною, а съ полнымъ убѣжденіемъ, что оно возможно, если только исполнятся тѣ условія, которыя для основанія его необходимы.

Если Богу угодно будетъ благословить мое желаніе, если Ваше Величество благоволите подтвердить его Вашимъ соизволеніемъ и не откажете мнѣ въ отеческомъ участіи, то я позволю себѣ сдѣлать рѣшительный шагъ. Удастся ли онъ, получу ли согласіе, не знаю, хотя и имѣю нѣкоторыя причины думать, что отказа не будетъ⁶). Приступить же ни къ чему я до сихъ поръ не могъ, ибо надлежало напередъ узнать Вашу волю, узнать что Вамъ благоугодно будетъ рѣшить со мною. Если все устроится по моему желанію, то буду просить у Вашего Величества сдѣлать мнѣ милость позволить, чтобы я по отъѣздѣ отъ сюда Ея Высочества Принцессы Маріи (съ которою буду заниматься во всѣ тѣ минуты, кои она будетъ имѣть свободными) остался на мѣсяць здѣсь: въ это время я все для себя устрою. Потомъ, возвратясь въ Россію, всю зиму и осень и начало весны употреблю на занятія съ принцессою и на окончательное приведеніе въ порядокъ того, что будетъ нужно для преподаванія наукъ ихъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ. Послѣ того уже буду просить благословенія у Васъ, у Государыни и у Великаго Князя на новую жизнь, того благословенія, которымъ такъ освящена и осчастливлена была моя прежняя.

Въ заключеніе письма моего я долженъ назвать свою (мо-

жетъ быть) невѣсту: это старшая дочь Рейтерна⁷⁾; если она захочетъ подать мнѣ руку, то она будетъ мнѣ вмѣсто ангела спутника жизни. Но называя ее, осмѣливаюсь просить Васъ Всемилостивѣйшій Государь, сохранить мое, сдѣланное Вамъ признаніе въ тайнѣ, ибо я еще не имѣю права произносить имени той, которую выбралъ одною только надеждою, которая и не подозрѣваетъ моего выбора и можетъ еще его не одобрить. Само по себѣ разумѣется, что сказанное Вашему Величеству не должно остаться тайною ни для Государыни Императрицы, моего постоянного ангела покровителя, ни для Великаго Князя, которому первому принадлежитъ всякое участіе въ судьбѣ моей. Но и отъ нихъ прошу тайны до тѣхъ поръ, пока мнѣ самому позволено будетъ обо всемъ сказать вслухъ, если только сбудется моя надежда⁸⁾.

Государь, неоткажите мнѣ въ Вашемъ святомъ отеческомъ благословеніи.

Жуковскій.

9/21 іюня 1840.
Эмсъ.

№ 10.

Императору Николаю Павловичу.

[Эмсъ]

[Начало Іюля 1840 г.].

Всемилостивѣйшій Государь!

Отъѣзжая изъ Эмса въ самую рѣшительную для меня минуту, Ваше Величество благоволили позволить мнѣ объяснить Вамъ то, что осталось неяснымъ, въ письмѣ мною Вамъ представленномъ и чего, за краткостію времени, я не могъ досказать словесно¹⁾. Повергаю къ стопамъ Вашимъ всѣ мои надежды съ

невольнымъ трепетомъ но болѣе съ упованіемъ, ибо Вы теперь для меня видимый представитель Провидѣнія: одно Ваше слово рѣшитъ мою участь на весь остатокъ моей жизни. Прошу Ваше Величество великодушно простить меня, что осмѣливаюсь обременять вниманіе Ваше столь многими подробностями; почитаю необходимымъ высказать Вамъ все, какъ есть, въ смѣлой надеждѣ, что Вы, по благодати своей, неоткажетесь истратить одинъ часъ на прочтеніе длиннаго письма моего: въ этомъ одномъ часѣ вашемъ заключается теперь все мое будущее. Чувствую, сколь затруднительно мнѣ ходатайствовать за самаго себя; но въ моемъ положеніи я долженъ прибѣгнуть къ Вамъ, какъ къ отцу; и знаю что самая вѣрная дорога къ Вамъ есть прямая.

Сущность дѣла уже Вашему Величеству извѣстна; но я долженъ здѣсь повторить, что я не могу навѣрное ручаться, буду ли имѣть успѣхъ въ своемъ исканіи: я имѣю одно согласіе родителей, но не знаю получу ли его отъ дочери, которой не имѣю права сдѣлать никакого предложенія, не узнавъ напередъ въ чемъ будетъ состоять Ваша воля и не устроивъ самымъ яснымъ образомъ моего будущаго, которое теперь все въ рукѣ Вашей. Если буду такъ счастливъ, что Вы, Государь,—соизволите обратиться милостивый взглядъ на мою просьбу и ее не отринете, то позволю себѣ дѣйствовать открыто; но и въ такомъ случаѣ не могу напередъ поручиться за успѣхъ, хотя и имѣю нѣкоторый поводъ его надеяться.

Государь, чтобы имѣть какое-нибудь счастье въ семьѣ своей, самое необходимое для того условіе, есть убѣжденіе, что она имѣетъ вѣрный кусокъ хлѣба на *нынѣшній день* и будетъ его вѣрно имѣть *на будущее время*. Этого убѣжденія я *теперь* не имѣю.

Вотъ теперешнее мое состояніе²⁾:

1. По мѣсту моему при Государѣ Наслѣдникѣ получаю жалованья:

Отъ Вашего Императорскаго Величества . . . 4000

Отъ Государя Наслѣдника	2000
2. Продолжаю пользоваться жалованьемъ, прежде назначеннымъ мнѣ отъ Государыни Императрицы, которое составляетъ	4000
3. Сверхъ того имѣю квартиру, столъ и экипажъ, на которые мнѣ выдается деньгами:	
На квартиру	5000
На столъ	9000
На экипажъ	4000
	<hr/>
Весь мой окладъ	28,000

Кромѣ того:

Мнѣ пожалована аренда на двадцать пять лѣтъ и по смерть въ 3000 серебромъ, что составляетъ ежегоднаго дохода 10,500

Имѣю въ Лифляндіи помѣстье.

Покойный Государь Александръ Павловичъ пожаловалъ мнѣ пенсіонъ въ 4000

Моего годоваго оклада слишкомъ достаточно для меня *одинокаго*, но онъ есть мое личное достояніе, временное, соединенное съ моею жизнію; достояніемъ семьи моей онъ быть не можетъ. Что же касается до другихъ доходовъ моихъ, то я долженъ здѣсь замѣтить, что доходомъ отъ аренды своей я не пользуюсь: я продалъ ее на 12 лѣтъ (въ 1839 году) и полученные деньги употребилъ на то, чтобы обезпечить состояніе сиротъ Воейковыхъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ теперь капиталъ въ 40,000 рублей; слѣдственно этотъ источникъ дохода въ продолженіе цѣлыхъ девяти лѣтъ для меня не существуетъ. Лифляндское же мое имѣніе³⁾ такъ же теперь не даетъ мнѣ никакого дохода. Оно могло бы быть прекраснымъ со временемъ; но теперь совершенно разорено отъ долгаго неприсмотра; сверхъ того оно заложено въ Лифляндскую кредитную систему и весь доходъ съ

него (въ теперешнемъ его разстроенномъ положеніи) идетъ на уплату процентовъ, за коею не только не остается ничего, но въ послѣднее время, я долженъ былъ еще употребить собственные деньги, чтобы помочь имѣнію, приходящему безпрестанно въ упадокъ. При имѣніи есть каменный домъ, который могъ бы быть весьма удобенъ для житья, но въ немъ цѣлы однѣ только стѣны; все остальное въ развалинахъ; на перестройку его нужна значительная сумма.

Изъ всего вышесказаннаго Ваше Величество изволите усмотрѣть, что, пользуясь однимъ только годовымъ окладомъ, я долженъ вдругъ начать новую жизнь, заводить домъ, такъ сказать съ фундамента, закупать все, что въ немъ нужно отъ плошки до экипажа и все это долженъ завести разомъ (если не переимѣню образа жизни) и уже не для одного себя. Прибавлю къ этому еще и то, что не могу и подумать о томъ, чтобы жена моя принесла мнѣ какое-нибудь приданое: ея честный отецъ не имѣетъ на то никакого средства; это приданое я долженъ буду сдѣлать отъ себя, что будетъ для меня истиннымъ счастіемъ, ибо въ замѣну получу въ женѣ своей величайшее богатство: она воспитана въ привычкахъ къ умѣренности, знаетъ порядокъ жизни домашней, будетъ умѣть довольствоваться малымъ и изъ малаго сдѣлаетъ большое. Но въ настоящихъ своихъ обстоятельствахъ, при теперешнемъ образѣ жизни моей, не вижу никакого средства положить хорошее основаніе моему домашнему быту; осмѣливаюсь представить на милостивое усмотрѣніе Ваше тотъ способъ, который полагаю самымъ вѣрнымъ для утвержденія благосостоянія моего на все будущее время.

Я желалъ бы, чтобы, при увольненіи меня отъ настоящей моей должности, не было мнѣ опредѣлено никакого пенсіона, ни отъ Вашего Величества, ни отъ Государыни Императрицы, ни отъ Государя Наслѣдника, чтобы такъ же не было мнѣ сохранено никакого другого оклада, а вмѣсто всего этого была бы пожалована *единовременно сумма на выкупъ моего Лифляндскаго имѣнія* и чтобы въ то же время, для перваго обзаведенія, даны

были заимообразно 150,000 рублей на 25 лѣтъ безъ процентовъ съ тѣмъ чтобы въ первые пять лѣтъ не платить ничего, а въ продолженіе слѣдующихъ 20-ти лѣтъ уплачивать по 7500 рублей въ годъ *). Если бы при этомъ была мнѣ оказана величайшая милость *сохранить мнѣ весь мой теперешній годовоіи окладъ на первые три года семейной жизни*, то я могъ бы, по сдѣланному мною подробному разсчету, въ теченіе десяти лѣтъ, ограничивъ сколько возможно свои издержки, устроить мое будущее если не блестящимъ образомъ, то безбѣднымъ и прочнымъ: домъ былъ бы исподоволь построенъ, все нужное въ немъ было бы безъ всякаго раззорительнаго усилія заведено, имѣніе мало по малу было бы выкуплено и приведено въ лучшее состояніе; между тѣмъ къ концу означеннаго срока освободилась бы моя аренда и тогда упрочился бы для меня и для семьи моей вѣрный доходъ, который конечно и тогда не составилъ бы для меня болѣе двухъ третей того, что получаю теперь одинъ, но былъ бы совершенно достаточенъ, ибо былъ бы чистый.

Но для достиженія сей цѣли главное, необходимое условіе, безъ исполненія котораго ничто не будетъ для меня возможно, есть, при увольненіи меня отъ моей настоящей должности, всемилющивѣйшее *позволеніе, поселиться на первые три года тамъ, идѣ будетъ для меня удобнѣе*, тамъ, гдѣ я могъ бы вмѣстѣ съ женою прожить половиною того, чѣмъ живу теперь одинъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ о такого рода ограниченности (не говоря о другихъ препятствіяхъ) нельзя и думать: ибо тамъ не могу столько отдѣлиться отъ общества сколько это будетъ необходимо на первое время; какъ бы я это не расположилъ въ мысляхъ, напередъ знаю, что на дѣлѣ этого не могу исполнить. Я желаю на эти три года поселиться гдѣ нибудь въ Германіи, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ дешевле, вмѣстѣ съ семействомъ Рейтерна, вдали отъ всякаго другаго общества, дабы, дѣля съ ними свой достатокъ и тѣмъ самымъ облегчая для самого себя способъ жизни, въ эти три года самую умѣренною экономіею положить основаніе будущему скромному довольству. Если не сдѣлаю этого въ самомъ

началѣ, то въ послѣдствіи не буду въ состояніи ничего уладить: вмѣсто того, чтобы найти покой домашній и начать на просторѣ готовить свое будущее, я найду только душевную тревогу, разстрою настоящее и ничего для будущаго не упрочу. Если Ваше Величество, какъ добрый, милостиво-заботливый отецъ, не благоволите войти въ это мое положеніе и не соизволите позволить мнѣ выбрать на первое время этотъ образъ жизни (принявъ благосклонно въ разсужденіе, что счастьемъ моимъ можетъ быть только то, что согласно съ моими обстоятельствами и съ моимъ образомъ чувствовать), то всякое другое милостивое пособіе Ваше остается для меня безъ дѣйствія; въ этомъ я убѣжденъ внутренно.

Теперь слѣдуетъ вопросъ: что должно выйти изъ того труда, который мною начатъ по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества для учебнаго образованія Ихъ Высочествъ Великихъ Князей? Почитаю необходимымъ возобновить въ памяти Вашего Величества то, что было сказано мною въ запискѣ, всеподданнѣйше представленной Вамъ, и Вами одобренной. Я осмѣлился тамъ замѣтить: «что гораздо будетъ простѣе и удобнѣе, если дѣло *воспитанія* и надзоръ за *ученіемъ* великихъ князей будутъ поручены не *двумъ а одному* (и то и другое ввѣрены съ одной, стороны Литке ^{в)}, съ другой Философову ^{в)}), что для завѣдывающихъ собственно *ученіемъ* Ихъ Высочествъ (тогда только Гримма ^{в)}), а теперь и Гельмерсена ^{в)}) не можетъ быть нуженъ особенный начальникъ въ такомъ дѣлѣ, которое они должны исполнять самобытно, подъ наблюденіемъ тѣхъ, кои на своемъ мѣстѣ должны быть ихъ полными, непосредственными начальниками; что ученіе Великихъ Князей началось и продолжается безъ моего непосредственнаго участія, ибо въ послѣдніе годы я былъ въ безпрестанной отлучкѣ (принять былъ за основаніе только мой плачъ). Что отношеніе между преподавателями и ихъ начальниками утверждено, что все идетъ желаннымъ порядкомъ и что, въ слѣдствіе всего вышесказаннаго, здѣсь не только не можетъ быть нужно новое лицо, но что оно, (не будучи необходимо) по

тому именно можетъ быть лишнимъ и даже помѣхою, вмѣстившись съ своею неопредѣленною властію между подчиненнымъ и его настоящимъ начальникомъ». — Я дагѣ всеподданнѣйше изъявилъ въ запискѣ своей: «что, не желая отклонять отъ себя счастливой обязанности содѣйствовать пользѣ воспитанія Ихъ Высочества, прошу только, чтобы мнѣ въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ было назначено — не принимая *участія* въ надзорѣ за ученіемъ Великихъ Князей въ званіи главнаго наставника, ни *отъѣтственности* съ симъ званіемъ соединенной (что все должно вполнѣ принадлежать главнымъ воспитателямъ, отъ коихъ и всѣ учителя должны зависѣть), имѣть дѣло съ одними только Гриммомъ и Гельмерсеномъ, дабы вмѣстѣ съ ними заняться первою приготовительною половиною курса наукъ по методѣ, которая употреблена была для Государя Наслѣдника, послѣ чего особенный трудъ мой можетъ быть признанъ совершенно кончанымъ». — Все это всеподданнѣйше было представлено мною Вашему Величеству въ такое время, когда еще у меня и мысли не было заводитьъ своею семьею. Теперь обстоятельства мои перемѣнились; въ мои лѣта я не могу откладывать, или отъ всего долженъ навѣки отказаться. Но такая тяжелая жертва не есть въ настоящемъ случаѣ необходима; я бы ни минуты не задумался принести ее; но къ счастію, и не принося ее, могу исполнить главное, существенное въ возлагаемомъ на меня дѣлѣ. Вотъ мой планъ, о утвержденіи коего всеподданнѣйше прошу Ваше Императорское Величество. Во первыхъ благоволите позволить мнѣ теперь (по отъѣздѣ отъ сюда Государыни Императрицы и Ея Высочества принцессы Маріи) остаться здѣсь на два мѣсяца, то есть до половины будущаго октября: въ это время, дождавшись въ Дюссельдорфѣ разрѣшенія участи моей отъ Вашего Величества, я все бы надлежащимъ образомъ устроилъ: судьба моя рѣшилась бы такъ или иначе. Потомъ благоволите позволить, чтобы я, возвратясь въ Петербургъ, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, то есть до половины апрѣля 1841 года занялся возложеннымъ на меня дѣломъ: уроками русскаго языка съ при-

пессою Марією и приготовленіемъ всего нужнаго для курса ученія Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей вмѣстѣ съ Гельмерсеномъ (ибо съ Гриммомъ это уже не нужно; онъ ушелъ уже далеко, воспользовавшись моею методою, но дѣйствуя и по собственному плану). Въ это время, надѣюсь все главное вмѣстѣ съ Гельмерсеномъ кончить и пустить въ ходъ, для продолженія коего мое содѣйствіе нисколько не будетъ нужно, ибо Гельмерсенъ свое дѣло знаетъ. Что же касается до обученія Русскому языку Ея Высочества Принцессы Маріи, то я и прежде не предполагалъ, чтобы это дѣло могло быть мнѣ навсегда предоставлено; по окончаніи шести мѣсяцевъ буду просить у Вашего Величества позволенія представить на мѣсто мое преподавателя, котораго уже имѣю въ виду, и съ которымъ вмѣстѣ приготовилъ бы все къ продолженію обученія Ея Высочества по начатой мною методѣ. Здѣсь долженъ однако замѣтить, что занятія мои съ Ея Высочествомъ, до сихъ поръ продолжавшіяся, не могутъ представить еще никакого успѣха: обстоятельства тому совершенно противились. Мы могли имѣть не болѣе *пятнадцати* непрерывныхъ уроковъ — они остановлены были поѣздкою Принцессы въ Мюнхенъ и потомъ безпрестанными переѣздами поминутно перерывались, отъ чего нѣсколько сдѣланныхъ впередъ шаговъ сдѣлались совершенно бесполезными, несмотря на добрую волю моей ученицы, умной, исполненной высокихъ качествъ и вполне понимающей свое назначеніе. Въ послѣднія три недѣли, кои остается мнѣ провести въ Дармштатѣ наши занятія будутъ непрерывны, почему и надѣюсь нѣкотораго успѣха.

Возвращаясь къ главному содержанію письма моего, прошу всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество позволить мнѣ надѣяться, что по истеченіи означенныхъ шести мѣсяцевъ, мое дѣло признано будетъ конченнымъ и что я тогда получу разрѣшеніе начать семейную жизнь мою. Но дабы не жить заграницею безъ особеннаго, полезнаго назначенія и имѣть хотя нѣкоторое право пользоваться въ теченіе трехъ лѣтъ моимъ тепе-

репшимъ содержаніемъ (если Ваше Величество благоволите милостиво мнѣ сохранить его), я осмѣливаюсь просить Васъ, Государь, возложить на меня слѣдующій трудъ, который въ своемъ родѣ можетъ имѣть и государственную пользу⁹). До сихъ поръ я съ особеннымъ участіемъ обращалъ вниманіе на изящныя искусства, предпочтительно же на живопись и скульптуру. Въ продолженіе предполагаемаго трехлѣтняго пребыванія въ Германіи, имѣя возможность входить въ сношеніе съ лучшими художниками и способъ обозрѣвать какъ академіи, такъ и приготовительныя школы искусства, я могъ бы собрать всѣ лучшія свѣдѣнія о тѣхъ способахъ, кои въ разныхъ мѣстахъ Германіи (въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ, Дюссельдорфѣ даже и въ сѣверной Италіи) употребляются для ихъ успѣшнаго образованія. Изъ этихъ матеріаловъ я могъ бы подъ конецъ составить полный отчетъ, коего содержаніе могло бы обнять три предмета: 1-е самое искусство въ его теоріи; 2-е положеніе искусства въ Германіи и способъ его образованія и распространенія (обученіе въ школахъ и академіяхъ, управленіе разными заведеніями, ихъ статистика, способы поощренія художествъ и художниковъ) и наконецъ 3-е—примѣненіе всѣхъ собранныхъ свѣдѣній и замѣчаніе къ тому, какъ употребить ихъ въ пользу въ Россіи. Такого практическаго взгляда на искусства еще у насъ нѣтъ; и онъ можетъ быть сдѣланъ надлежащимъ образомъ только въ Германіи. Я могъ бы употребить себя на это въ теченіи трехъ лѣтъ и надѣюсь, что нашелъ бы для этого хорошихъ сотрудниковъ и богатія пособія. Если бы въ послѣдствіи Вашему Величеству благоугодно меня же употребить и на приведеніе въ дѣло собранныя мною свѣдѣнія, то такое назначеніе я принялъ бы съ глубочайшею благодарностію.

Впрочемъ, Государь, и безъ того уединенные дни мои не будутъ праздны и не пройдутъ безъ пользы для отечества. Новая жизнь, которой жду изъ благотворной руки Вашей, дастъ новую силу душѣ, и я могу надѣяться, что не безъ успѣха примусь оиять за прежніе труды, давно оставленные для высшаго

назначенія. Если до сихъ поръ я могъ заслужить доброе имя, какъ писатель, которому всегда святое было свято, то и теперь, осчастливленный Вами, сойдя съ того пути, на который Ваша Царская воля привела меня, на которомъ столько чистыхъ благъ я встрѣтилъ и съ котораго въ свое уединеніе унесу столько благодарныхъ воспоминаній, могу надѣяться, что найду въ себѣ еще столько способностей, чтобы написать еще что нибудь достойное Вашего вниманія, полезное отечеству, на добрую память потомству обо мнѣ и объ Вашемъ вѣкѣ.

Если суждено мнѣ испытать еще на землѣ то счастье, о которомъ я такъ напрасно мечталъ во всѣ годы жизни, отъ котораго наконецъ совсѣмъ было отказался и которое вдругъ мнѣ представляется, такъ неожиданно (и въ какую минуту! когда подобное совершается въ жизни наслѣдника). Если это счастье устроится для меня такъ, какъ его желаетъ и понимаетъ сердце, то одна изъ главныхъ прелестей его будетъ та, что оно есть Ваше даваніе, и что я буду имѣть право съ каждымъ добромъ, которое встрѣчу въ будущемъ, слить воспоминаніе о Васъ и о Вашемъ семействѣ, благотворныхъ создателяхъ всего, чѣмъ были украшены лучшіе мои годы.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанный

Жуковскій.

Этись, 1840 г. Іюля.

№ 11.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

*[Дармиатадтѣ]**[27 Юля (8 Августа) 1840 года].*

Votre Majesté Impériale m'a daigné permettre d'écrire à elle et m'a ordonné d'être court¹). Que puis-je dire? Je suis parti d'Ems, plein de bonheur, ne doutant pas de l'interet que prendrait à mon sort l'Empereur et jouissant d'avance de l'ardeur que mettra le Grand Duc à devenir le bienfaiteur de ma vie; et la conversation que Vous avez daigné m'accorder quelques moments avant mon départ, m'avait rendu tellement heureux, que je ne pouvais y penser sans verser des larmes d'attendrissement.

Je me voyais déjà, à cette heure suprême, qui devait changer toute ma destinée, entouré de mes anges terrestres qui étaient la pour me benir et surtout j'y voyais Vous, qui étiez toujours mon ange de choix, l'être idéal dominant la principale période de ma vie. Je vous assure, Madame, qu'à cette seule idée tout mon coeur se fondait de bonheur. — A presant quelle chute! La lettre du Grand Duc, tant attendue, est arrivée, glaciale et seche; L'Empereur m'a accordé le congé de deux mois, sans daigner rien prononcer sur mon avenir; Le grand Duc me fait sentir que j'ai outrepassé la mesure dans mes demandes²), et par ce mot qu'il n'aurait jamais du pouvoir m'adresser, (resultat d'une erreur, comme je le pense d'apres tout ce que j'ai entendu de Vous) il me rejette dans la foule des hommes avides qui ne revent qu'argent; enfin la conversation avec Votre Majesté, qui était ma planche de salut dans ce naufrage de mes plus cheres esperances, n'a eu d'autre resultat pour moi que celui de me persuader, que Vous aussi, de qui l'opinion était pour moi l'équivalent de ma consience, à qui mon ame a toujours appartenu en entier, quand meme, que Vous aussi partagiez cette opinion si injuste sur mon compte. Cette conversation — Vous l'avez brusquement

interrompue, sans me jeter l'aumone d'un mot consolant, sans même penser à l'état de découragement et même d'humiliation dans lequel Vous m'abandoniez ainsi dans le moment le plus décisif de ma vie. Et demain Vous partez sous l'influence de l'impression, que cette conversation a du laisser dans Votre coeur; et cette impression Vous restera, car je n'aurai plus la possibilité de Vous approcher et je n'oserai pas même le tenter, car je sens que dès ce moment je suis devenu pour Vous importun. C'est ainsi que je dois partir pour Dusseldorf, sans avoir entendu un mot de benediction de Votre part; et lorsque le moment⁴⁾ viendra, je serai seul, je n'oserai pas même en idée Vous invoquer d'y assister: Votre opinion sur moi est changée. Et pourtant je ne merite pas, que cela soit ainsi.... raison de plus de se cramponner à un coeur ami, pour trouver près de lui et la paix de l'ame et la valeur réelle de la vie. Que Dieu daigne me l'ouvrir; Après arrive ce qui pourra. — Ma lettre est devenue de nouveau très longue, Daignez me le pardonner, Madame: la cruelle situation de mon ame à la suite de ce fatal entretient doit me servir d'excuse. Sur le reste je ne dis rien; je m'expliquerai avec le grand Duc. Que Dieu benisse la route et le retour de Votre Majesté!

27 Juillet,
8 Aout 1840.
Darmstatt.

Joukovsky⁵⁾.

№ 11.

Переводъ:

[Дармштатъ].

[27 Июля / 8 Августа 1840 г.].

Всемиловѣйшая Государыня!

Ваше Императорское Величество соблаговолили разрѣшить мнѣ писать Вамъ и приказали быть краткимъ¹⁾. Что мнѣ ска-

Сборникъ II отд. Н. А. Н.

6

зять? Я уѣхалъ изъ Эмса, исполненный счастья, не сомнѣваясь въ участіи, которое приметъ Императоръ въ моей судьбѣ, и заранѣе наслаждаясь при мысли, съ какою горячностью примется Великій Князь за благоустроеніе моей жизни. И разговоръ, которымъ Вы удостоили меня за нѣсколько минутъ до моего отъѣзда, такъ осчастливилъ меня, что я не могъ думать о томъ безъ слезъ умиленія. Мысленно я уже видѣлъ себя въ торжественный часъ, который долженъ измѣнить мою судьбу, окруженнымъ моими земными ангелами, благословляющими меня, видѣлъ главнымъ образомъ Васъ, которая всегда была моимъ ангеломъ хранителемъ, идеальнымъ существомъ, руководившимъ мною въ самый важный періодъ моей жизни. Увѣряю Васъ, Всемилостивѣйшая Государыня, что при одной этой мысли сердце мое было преисполнено счастья. — Теперь — какой ударъ! Письмо Великаго Князя, столь желанное, пришло, холодное и сухое; Императоръ даровалъ мнѣ двухъ-мѣсячный отпускъ, но не соблаговолилъ высказаться о моемъ будущемъ. Великій князь даетъ мнѣ понять, что мои просьбы превысили мѣру, и эти слова, съ которыми ему никогда не слѣдовало бы обращаться ко мнѣ (слѣдствіе заблужденія, какъ я полагаю, судя по всему тому, что я слышалъ отъ Васъ), смѣшиваютъ меня съ толпой людей алчныхъ, которые только и думаютъ, что о деньгахъ; наконецъ бесѣда съ Вашимъ Величествомъ привела меня къ убѣжденію, что и Вы, которая была моимъ якоремъ спасенія въ этомъ крушеніи моихъ завѣтныхъ надеждъ, чье мнѣніе было для меня равносильно голосу моей совѣсти, кому всегда принадлежала вся моя душа, что и Вы тоже раздѣляете это мнѣніе, столь несправедливое по отношенію ко мнѣ. Эту бесѣду Вы рѣзко прервали ⁵⁾, не кинувъ мнѣ даже, какъ милостыню, ни одного утѣшительнаго слова, даже не подумавъ о томъ унынїи и униженїи, въ которомъ Вы покидали меня въ самую рѣшительную минуту моей жизни. А завтра Вы уѣзжаете подъ впечатлѣніемъ, которое долженъ былъ оставить въ Вашемъ сердцѣ этотъ разговоръ; и это впечатлѣніе такъ и останется, потому что я не буду

больше имѣть возможности приблизиться къ Вамъ и не посмѣю даже сдѣлать къ тому попытки, ибо чувствую, что съ этой минуты я сдѣлался Вамъ докучливъ. И вотъ въ такомъ то состояніи я долженъ ѣхать въ Дюссельдорфъ, не получивъ отъ Васъ благословенія. И когда настанетъ та минута ⁴⁾, я буду одинокъ, не посмѣю даже мысленно обратиться къ Вамъ съ просьбой присутствовать при ней: Вы измѣнили свое мнѣніе обо мнѣ. А я всетаки не заслуживаю того; тѣмъ болѣе у меня причинъ прилѣпиться къ дружескому сердцу, чтобы подлѣ него найти и душевный миръ и истинную цѣну жизни. Да отверзнетъ мнѣ его Господь; а потомъ будь, что будетъ. — Мое письмо опять вышло очень длиннымъ... Соболаговолите простить мнѣ это, Всемилостивѣйшая Государыня! Ужасное состояніе моей души послѣ того рокового разговора, да послужить мнѣ извиненіемъ. Объ остальномъ не скажу ничего; объяснюсь съ Великимъ княземъ. — Да благословитъ Богъ путь и возвращеніе Вашего Величества!

Жуковскій ⁵⁾.

Дармштатъ, 27 $\frac{27 \text{ Июля.}}{8 \text{ Августа}}$ 1840 г.

№ 12. ¹⁾

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Дармштатъ ²⁾].

[8 Августа 1840 года].

Non ³⁾, Madame, je ne puis pas me refuser la jouissance de vous exprimer ce que je sens, ce qui me remplit tout ce jour, depuis le moment ou la Providence (oui, la Providence elle meme) vous a amenée à ma rencontre. Je ne sais pas au reste ce que je dois vous dire—ce sont de ces situations ineffables qu'on peut comprendre, mais qu'on ne dit pas, qui s'emparent de l'ame comme une musique celeste, pour la quelle on ne trouve pas de mots. Cette

6*

apparition d'un moment à été magnifique: tout le bonheur, tout le calme interieur dont j'ai joui solitairement tout ce dernier temps, avant la reception de la lettre ⁴⁾ du Grand Duc et que dorénavant j'appellerai *bonheur avant la lettre*, est revenu. De nouveau je suis rempli de courage, de serenité—et tout cela grace à Vous, grace à cette apparition providentielle, grace a ce regard si touchant, si profond, si vrai, si inexprimable que vous avez daigné jeter sous moi, grace à cette main amie que j'ai senti dans les miennes, grace a cete benediction que cette main cherie a daigné poser sur ma tete—je voudrai bien pouvoir vous remercier a genoux pour tout cela, mais ce n'est que mon ame seule qui est devant vous a genoux. Oui, jamais, dans le courant de ma vie, je n'ai rencontré personne, qui put se comparer a vous dans les moments ou l'on vous trouve telle que vous etes, ou vous vous donnez au coeur qui s'ouvre pour vous recevoir, telle, que Dieu vous a créé, telle que vous etes toujours en Sa presence et telle que vous serer à jamais sans avoir la possibilité de changer. J'ouvre dans ce moment le petit album, que vous m'avez donné jadis à votre depart de Berlin pour Ems et j'y trouve entre autres ces vers écrits de la main du Prince Royal:

Beseeligend war ihre Nähe,
 Und alle Herzen wurden weit;
 Sie brachte Blumen mit und Früchte
 Gereift auf einer andern Flur,
 In einem andern Sonnenlichte,
 In einer glücklichen Natur.

d. 28 May 1821 nach dem Wunche meines theuren Schukowsky F.W. ⁵⁾).

Oui, *beseeligend* dans toute la force de ce terme. Les vers ont été écrites dans les tems de Lalla Rookh. Dans le lointain a-dessus de la foule, m'apparut alors une vision; elle a passé devant mes yeux comme un bon genie; et depuis, ce genie est toujours resté le mien, il est toujours *le même*; le tems n'a rien changé en

lui; et chaque fois que je le revois il m'apporte avec soi le charme de la Vie.

Je vous dis adieu, Madame, avec un sentiment inexprimable de reconnaissance. Vous avez fait ma paix avec le grand Duc et j'ai même apresent le bonheur de croire que j'ai eu tort d'accuser son coeur. Avec quel charme apresent je me mettrai en route, avec quelle serenité j'irai au devant de ce bonheur que peut etre Dieu dans sa bonté me destine, sans m'inquieter de l'avenir que je remets avec confiance entre les mains de l'Empereur et les Votres ⁵). Que Dieu vous guide dans votre route et qu'il vous ramene à l'Empereur, vous, qui etes l'ange de sa vie.

Joukowsky ⁶).

Ce 8 Aout 1840.

№ 12.¹)

Переводъ:

[Дармитатъ] ²).

[8 Августа 1840 года].

Нѣтъ³), Всемилостивѣйшая Государыня, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи выразить Вамъ то, что я чувствую, что наполняетъ сегодня все мое существо съ той самой минуты, когда Провидѣніе (да, само Провидѣніе!) привело Васъ мнѣ на встрѣчу. Въ сущности я даже не знаю, что мнѣ сказать Вамъ: это одно изъ тѣхъ невыразимыхъ состояній, которыя можно понять, но нельзя высказать, которыя овладѣвають душой подобно небесной музыкѣ, для которой нельзя найти словъ. Это мимолетное явленіе было восхитительно: все счастье, весь душевный покой, который я одиноко наслаждался въ послѣднее время, до полученія письма ⁴) отъ Великаго князя, и которое я впредь буду называть счастиемъ avant la lettre, — все это вернулось ко мнѣ.

Я снова полонъ мужества и ясности духа — и все это благодаря Вамъ, благодаря этому чудесному явленію, благодаря этому взгляду, столь трогательному, столь глубокому, столь правдивому, столь невыразимому взгляду, которымъ Вы удостоили меня; благодаря этой дружеской рукѣ, которую я ощутилъ въ своихъ; благодаря этой дорогой рукѣ, соблаговолившей осѣнить меня своимъ благословеніемъ. Мнѣ хотѣлось бы на колѣняхъ благодарить Васъ за все это, но я могу только душой преклониться передъ Вами. Да, никогда еще, въ теченіи всей моей жизни, я не встрѣчалъ никого, кто могъ бы сравниться съ Вами въ тѣ минуты, когда видишь Васъ такою, какою Вы есть на самомъ дѣлѣ, когда Вы отдаетесь сердцу, открывающемуся для воспріятія Васъ, такою, какою создалъ Васъ Господь, какой Вы всегда бываете предъ Нимъ и какой останетесь навсегда, не будучи въ состояніи измѣниться. — Въ эту минуту я открываю маленькій альбомъ, который Вы мнѣ дали при отъѣздѣ Вашемъ изъ Берлина въ Эмсъ, и между прочимъ нахожу въ немъ стихи, написанные рукою кронпринца:

«Присутствіе ея дѣлало счастливымъ,
 Всѣ сердца раскрывались передъ ней;
 Она несла съ собою цвѣты и плоды,
 Созрѣвшіе на иной нивѣ,
 Въ лучахъ иного солнца,
 Среди счастливой природы.

28-го мая 1821 г. по желанію моего дорогого Жуковскаго.

Ф. В. ⁵⁾»

Да, *дѣлала счастливымъ* — въ полномъ смыслѣ этого слова. Эти стихи были написаны во времена Лаллы Рукъ. Тогда вдали, высоко надъ толпой, предстало предо мной видѣніе; оно пронеслось передъ моими очами, какъ добрый геній; и съ тѣхъ поръ этотъ геній всегда оставался моимъ, онъ *все тотъ же*, время ничего не измѣнило въ немъ; и каждый разъ, когда я снова вижу его, онъ приноситъ съ собой прелесть жизни.

Прощаюсь съ Вами, Всемилостивѣйшая Государыня, съ невыразимымъ чувствомъ благодарности: Вы примирили меня съ Великимъ Княземъ, и теперь я даже счастливъ при мысли, что былъ неправъ, обвиняя его сердце. Съ какимъ восторгомъ отправлюсь я теперь въ путь, съ какимъ спокойствіемъ пойду на встрѣчу счастью, которое, быть можетъ, Господь, по своей благодати, посылаетъ мнѣ, пойду, не беспокоясь о будущемъ, которое съ полнымъ довѣріемъ вручаю Государю и Вамъ!

Да направитъ Васъ Господь на Вашемъ пути, и да сохранитъ Онъ Васъ для Государя, Васъ, ангела хранителя Его жизни.

8 Августа 1840 г.

Жуковский⁶⁾.

№ 13.¹⁾

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Дюссельдорфъ].

[15/27 Сентября 1840 года].

Je n'ai pas osé importuner Votre Majesté Imperiale par mes lettres dans le courant de Votre voyage, ni dans les premiers jours de Votre arrivée à Petersbourg. Apresent Vous devez etre rentrée dans le cours habituel de Votre vie et peut etre aurez Vous un instant libre à donner à la lecture de ces lignes, que j'ose et que j'ai besoin d'adresser à Votre Majesté, parceque je suis persuadé que Vous ne les lirez pas avec indifference.

Cet ange qui m'a apparu dans le moment decisif, ou je devais quitter Darmstatt, cet ange de paix, qui a rendu le calme à mon coeur alors attristé, qui m'a beni avec cette bonté, qui date du Ciel, ne m'a pas abandonné depuis et la serenité qu'il a fait rentrer dans mon ame y est restée. Avec quel charme j'ai pensé au court moment, ou je l'ai vu devant moi, tel qu'il est, tel qu'il m'a apparu dans les meilleurs heures de ma vie, tel que je porte dans le fond de mon ame; et quelle reconnaissance ne lui dois-je pas

d'être venu si à temps pour m'apporter joie et tranquillité, qui m'étaient alors si nécessaires pour accepter avec pleine jouissance l'humble bonheur qui m'attendait. Oui, Madame, de nouveau je mets aux pieds de Votre Majesté Imperiale ma reconnaissance pour ce bienfait, qui ne pouvait venir que de Vous. Comme par un coup de baguette ma destinée s'est transformée entièrement: j'ai trouvé ce qu'il me faut, je l'ai trouvé au moment ou j'étais déjà résigné à ne plus le chercher et je suis d'autant plus sur de le posséder, que je ne fais-ici autre chose, que l'accepter avec une humble reconnaissance de Dieu, qui a daigné lui même me le proposer sans ma participation. Voilà depuis 6 semaines que je suis fiancé à Elisabeth de Reutern. Je dois sa main à son coeur, qui depuis longtems déjà m'appartenait, et qui, au moment ou je me suis adressé à lui, s'est prononcé librement, sans aucune influence étrangere. Avec cette intime persuasion, je fixe d'oeil tranquille mon avenir. Je ne demande à Dieu que de daigner me conserver cette vie, à la quelle par Sa grace j'attache apresent une aussi grande valeur. Quant à Vous, Madame, j'ose Vous demander une grace d'un autre genre, c'est de vouloir bien plaider ma cause près de Sa Majesté l'Empereur. Mais il ne s'agit pas ici de le solliciter de daigner proteger mon avenir, il s'agit de me redresser dans son estime: l'idée de ne pas la posséder entiere gaterait complètement ma vie; et par malheur je suis forcé de croire (d'après les expressions qui m'ont tant chagrinés dans la lettre de Monseigneur le grand Duc) que l'Empereur a trouvé dans la lettre, que j'ai osé adresser à Sa Majesté, l'expression d'un homme interessé, dont les désirs passent toute mesure. Une telle opinion sur mon compte de la part de Mon Souverain serait pour moi le comble de malheur. Mais j'ose affirmer, que je ne la mérite pas: de tous les défauts, que l'homme peut avoir, la cupidité est celui qui est le plus éloigné de mon caractere. J'ai osé adresser deux demandes à Sa Majesté: dans l'une j'ai exprimé le desir *qu'à la place du pension*, qu'après ma retraite (nécessitée apresent par les circonstances) j'aurais pu esperer de conserver,

il me fut donnée une somme équivalente pour que je pusse libérer mon bien hypothéqué et y réparer ma maison, maintenant inhabitable. La seconde prière n'est autre chose que la demande d'un *secours* qui a souvent été accordé à ceux qui ont eu occasion de le solliciter, la demande *de me prêter* une somme pour 25 ans, sans intérêt, avec condition *de la payer graduellement* pendant les dernières vingt années, ce qui me mettrait dans l'état de baser mon bien-être présent et d'assurer l'avenir de ma famille. En adressant ma trop longue lettre à Sa Majesté je suis entré dans trop de détails (ich war zu umständlich comme Votre Majesté me l'a dit avec tant de justesse); j'aurais dû au contraire ne rien écrire et m'abandonner sans aucune inquiétude à la magnanimité de l'Empereur. Mon excuse est dans ma franchise: j'ai parlé à Sa Majesté comme à un père, sans aucune arrière-pensée, sans la moindre appréhension de paraître à ses yeux sous un mauvais jour. C'est de ce dernier malheur que je Vous supplie encore de me sauver, Madame. Je ne puis pas supporter l'idée de finir ma carrière près de Votre famille, après 23 années de fidèle attachement sans tache par perdre dans l'estime de Celui dont l'opinion est pour moi le plus grand trésor et ma suprême récompense.

Aujourd'hui doit être l'entrée de notre auguste Fiancée à Petersbourg: que Dieu bénisse ce moment pour l'avenir du grand Duc et pour le notre; et puissent l'Empereur et Vous Madame jouir de ses suites heureuses pendant de longues années.

De Votre Majesté Imperiale

le très fidèle sujet

Joukovsky.

Dusseldorf, 15/27 Septembre 1840.

№ 13.¹⁾

Переводъ.

[Дюссельдорфъ].

[15/27 Сентября 1840 года].

Всемилоствѣйшая Государыня.

Я не смѣлъ беспокоить Ваше Императорское Величество своими письмами ни во время Вашего путешествія, ни въ первые дни Вашего прибытія въ Петербургъ. Теперь жизнь Ваша, вѣроятно, идетъ уже своимъ обычнымъ путемъ, и у Васъ, быть можетъ, найдется свободная минута, чтобы прочесть эти строки, съ которыми я осмѣливаюсь и съ которыми мнѣ необходимо обратиться къ Вашему Величеству, такъ какъ я убѣжденъ, что Вы не прочтете ихъ равнодушно.

Ангель, явившійся мнѣ въ рѣшительную минуту, когда я долженъ былъ уѣхать изъ Дармштата, этотъ ангель мира, вернувшій покой моему огорченному сердцу, благословившій меня съ небесной добротой, не покинулъ меня съ тѣхъ поръ, и спокойствіе, которое онъ вернулъ моей душѣ, живетъ въ ней. Съ какимъ восторгомъ думалъ я о томъ краткомъ мгновеніи, когда я видѣлъ его передъ собой такимъ, каковъ онъ есть и какимъ являлся мнѣ въ лучшіе часы моей жизни, какимъ я ношу его въ глубинѣ моей души; и какова же должна быть моя благодарность за то, что онъ такъ во время принесъ мнѣ радость и спокойствіе, которыя тогда были мнѣ такъ необходимы, дабы я могъ съ полнымъ наслажденіемъ принять скромное счастье, меня ожидавшее! Да, Всемилоствѣйшая Государыня, я снова повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества мою благодарность за то благодѣяніе, которое и могло явиться только отъ Васъ. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла судьба моя совершенно измѣнилась: я нашелъ то, что мнѣ нужно, и нашелъ тогда, когда уже рѣшилъ не искать его болѣе,

и я тѣмъ болѣе увѣренъ въ обладаніи имъ, что я лишь принимаю его со смиренной благодарностью отъ Господа, которому было угодно даровать его мнѣ. — Вотъ уже шесть недѣль, какъ я обрученъ съ Елизаветой Рейтернъ. Ея руку отдало мнѣ ея сердце, которое уже съ давнихъ поръ принадлежало мнѣ и которое, какъ только я обратился къ нему, отозвалось свободно и безо всякаго посторонняго вліянія. Въ этомъ искреннемъ убѣжденіи я спокойно смотрю на свое будущее. Я прошу лишь одного у Господа: сохранить мнѣ жизнь, которой, по Его благодати, я придаю теперь такую высокую цѣну.

Что касается Васъ, Всемиловѣйшая Государыня, то я осмѣливаюсь просить у Васъ милости иного рода, именно ходатайствовать за меня предъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ. Дѣло не въ томъ, чтобы онъ соблаговолилъ быть покровителемъ моей будущности, а въ томъ, чтобы онъ вернулъ мнѣ свое уваженіе: мысль, что я не пользуюсь имъ вполне, совершенно испортила бы мою жизнь; къ несчастію, я принужденъ вѣрить (судя по нѣкоторымъ словамъ, столь огорчившимъ меня, въ письмѣ Его Высочества Великаго Князя), что Императоръ нашелъ въ письмѣ, съ которымъ я осмѣлился обратиться къ Его Величеству, выраженіе человѣка корыстолюбиваго, желанія котораго переходятъ всякую мѣру. Такое мнѣніе обо мнѣ со стороны моего государя было бы верхомъ несчастія для меня. Но я осмѣливаюсь утверждать, что не заслуживаю его: изъ всѣхъ недостатковъ, которые могутъ быть у человѣка, корыстолюбіе менѣе всего свойственно моему характеру. Я осмѣлился обратиться къ Его Величеству съ двумя просьбами: въ одной я высказалъ желаніе, *чтобы вмѣсто пенсїи*, которую послѣ моей отставки (вынужденной теперь обстоятельствами) я могъ надѣяться сохранить, мнѣ дали соотвѣтствующую сумму, дабы я могъ выкупить мое заложенное имѣніе и поправить домъ, теперь непригодный для житья. Вторая просьба не что иное, какъ просьба о *помощи*, которую часто оказывали тѣмъ, у кого былъ случай ходатайствовать о томъ, просьба о *дарованіи* мнѣ без-

процентной ссуды на 25 лѣтъ, съ условіемъ *выплачивать ее по-степенно* въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, что дало бы мнѣ возможность упрочить мое настоящее благосостояніе и обезпечить будущее моей семьи. Обратясь съ моимъ слишкомъ длиннымъ письмомъ къ Его Величеству, я вошелъ въ излишнія подробности (я былъ слишкомъ обстоятеленъ, какъ Ваше Величество мнѣ совершенно справедливо сказали); мнѣ слѣдовало поступить совершенно обратно: совсѣмъ не писать объ этомъ, а положиться безъ малѣйшаго безпокойства на великодушіе Императора. Извиненіемъ мнѣ можетъ послужить моя откровенность: я говорилъ съ Государемъ, какъ съ отцемъ, безо всякой задней мысли, безъ малѣйшаго опасенія явиться въ его глазахъ въ дурномъ свѣтѣ. И вотъ я умоляю Васъ, Всемиловѣйшая Государыня, спасти меня отъ этого несчастія. Я не могу примириться съ мыслью, что служеніе мое Вашей семьѣ, послѣ 23-хъ лѣтней вѣрной и безупречной привязанности, завершится тѣмъ, что я лишусь уваженія Того, чье мнѣніе является для меня величайшимъ сокровищемъ и высшей наградой.

Сегодня долженъ состояться въѣздъ нашей августѣйшей Невѣсты въ Петербургъ. Да благословитъ Господь эту минуту на будущее для Великаго Князя и для насъ и да насладится Государь и Вы, Всемиловѣйшая Государыня, ихъ счастіемъ на долгіе годы.

Вашего Императорскаго Величества

преданнѣйшій подданный

Жуковскій.

Дюссельдорфъ, 15/27 Сентября 1840 года.

1841 годъ.**№ 14.****Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.***[Дюссельдорфъ].**[7/19 Августа 1841 года].***Всемилоствѣйшая Государыня.**

При отъздѣ моемъ изъ Петербурга, когда я имѣлъ счастье прощаться съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, вамъ угодно было позволить мнѣ написать къ Вамъ о томъ, что будетъ со мною; но Вы тогда же приказали, чтобы я написалъ не иначе, какъ по прошествіи вѣкотораго времени, дабы мнѣ можно было говорить съ вами о новой жизни своей не съ горяча, а познакомившись съ нею коротко и осмотрѣвшись около себя безъ всякаго предубѣжденія. Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ ¹⁾ какъ я женатъ; я знаю коротко судьбу свою и теперь съ большимъ убѣжденіемъ нежели въ первыя минуты благодарю Бога, который ее самъ, безъ моего вѣдома, для меня устроилъ и мнѣ даровалъ безъ моего ожиданія и исканія. Не могу придумать ничего, чтобы я теперь пожелалъ прибавить къ моему смиренному, ясному счастью: оно полное. И мнѣ особенно радостно сказать это Вашему Величеству, ибо никто лучше васъ не знаетъ цѣны такого блага; а мое сверхъ того есть Ваше созданіе. Теперь изъ семейнаго моего пріюта, котораго покоемъ и вѣрностію обязанъ я благотворительности тѣхъ, коимъ лучшее время жизни моей посвящено было съ любовію, смотрю съ благодарностію на мое прошедшее и съ особеннымъ чувствомъ воспоминаю тѣ свѣтлыя

дни, въ которые вы были ко мнѣ такъ милостивы, вы мой идеаль доброты, прелести и величія. Этотъ идеаль, старій любимый другъ души, никогда не покинетъ меня и будетъ добрымъ гениемъ моей домашней жизни. Не стану обременять вниманіе вашего Величества подробнымъ описаніемъ того, что со мною было въ послѣднее время: если эти обстоятельства будутъ для васъ любопытны, то онѣ всѣ описаны въ письмѣ моемъ къ Государю Наслѣднику¹⁾. Но для меня необходимо сообщить Вамъ, всемилостивѣйшая Государыня, продолженіе того письма²⁾, которое вамъ угодно было прочитать въ Петербургѣ; необходимо потому, что оно познакомитъ Васъ съ тѣмъ добрымъ созданіемъ, которое Богъ теперь соединилъ со мною. Изъ него увидите како(го) рода счастье мнѣ теперь въ удѣлъ досталось (Это письмо получено мною въ Берлинѣ; то, что не было читано Вашимъ Величествомъ начинается, кажется, съ 7 страницы. Осмѣливаюсь просить о его мнѣ возвращеніи). Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ вѣрю и ее, мою добрую жену, Вамъ, какъ моему провидѣнію: увѣрю васъ, что вѣра въ вашу къ ней милость есть одно изъ необходимыхъ благъ, входящихъ въ составъ моего семейнаго счастья. Но это счастье будетъ весьма просто. Что ожидаетъ меня впереди, я не знаю—будь что угодно Богу. Моя же цѣль состоитъ теперь въ томъ, чтобы обратить все свое вниманіе, всѣ свои желанія единственно на то, что здѣсь *одно на потребу*: и для достиженія къ этой цѣли имѣю въ женѣ своей надежнаго помощника; ея простая, неспорченная душа, хотя и не богатая знаніями, исполнена высокаго просвѣщенія. И дай Богъ чтобы въ остающіяся мнѣ годы я, при этомъ главномъ, могъ совершить что нибудь и такое, что и послѣ меня осталось бы добрымъ обо мнѣ воспоминаніемъ.

Оканчиваю письмо мое, повтореніемъ моей глубочайшей благодарности передъ вами всемилостивѣйшая Государыня, за всѣ благотворенія, коими такъ щедро вы осыпали меня въ прошедшемъ: однимъ изъ главныхъ или главнѣйшимъ изъ сихъ благотвореній почитаю *возможность*, которую вы даровали мнѣ *знать*

близко вашу высокую душу. Это знаніе всегда было и на всегда останется моимъ любезнымъ сокровищемъ. Сохрани Богъ Васъ, Государя и все милое Царское семейство въ неизмѣнномъ счастьи, на радость и благоденствіе нашего общаго отечества.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанный

В. Жуковскій.

Дюссельдорфъ, 7/19 Августа 1841 г.

1842 годъ.

№ 15.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Дюссельдорфъ].

[22 Іюня / 4 Іюля 1842 года].

Всемиловѣйшая Государыня.

Имѣю счастье всеподданнѣйше поздравить Ваше Императорское величество со днемъ Вашего рожденія, благословеннымъ днемъ, съ которымъ Провидѣніе соединило столько добра для моего отечества и съ праздникомъ который въ этотъ день вмѣстѣ съ вами одной семьей торжествуетъ вся Россія. Двадцать пять лѣтъ чистаго домашняго счастья, счастья простаго, ничѣмъ непомраченнаго на тронѣ, посреди тревогъ Царской жизни, посреди тревогъ нашего смутнаго времени! Много ли государей представитъ намъ исторія, которымъ было бы дано такое благословеніе Божіе. Поздравляя ваше Величество со днемъ заклю-

чающимъ двадцатипятилѣтіе этого счастья, я чувствую что мой привѣтъ, привѣтъ души, принадлежащей вамъ совершенно и знающей тайну вашей прекрасной души будетъ для васъ пріятенъ: вы имѣете право радоваться нашими поздравленіями ибо вы спокойно можете оглянуться на свое прошедшее: ваша жизнь свѣтла и ваше сердце безъ упрека; а Россія благословляетъ васъ за домашнее счастье Царя ея и за вашихъ дѣтей, на коихъ лежатъ надежды будущаго времени.

Несказанно горестно для меня выражать нынѣ чувства мои на письмѣ и быть на чужбѣ въ такой день, который и для меня лично выражаетъ самую важную и счастливую эпоху моей жизни. Я не могъ рѣшиться оставить жену въ ея теперешнемъ положеніи, будучи напуганъ тѣмъ, что съ нею случилось прежде. Смѣю надѣяться, что хотя на одно мгновеніе воспоминаніе обо мнѣ представится вашему величеству въ этотъ день, въ который около васъ все будетъ такъ торжественно, и въ который я въ самомъ тихомъ уединеніи, посреди семьи моей и вмѣстѣ съ нею буду молиться за васъ благодарнымъ сердцемъ съ полною вѣрою, что наша молитва будетъ услышана, ибо она соединена съ молитвою вѣрнаго и благодарнаго народа русскаго.

При письмѣ своемъ къ Государю Императору я осмѣлился приложить мои стихи ¹⁾, служащія изъясненіемъ той картины, которая была написана моимъ тестемъ Рейтерномъ и всеподданнѣйше поднесена Государю и Вашему величеству: мы хотѣли вмѣстѣ, разными языками, онъ кистию, я перомъ, сказать одно. Чувствую что мнѣ не удалось всего выразить такъ, какъ оно было у меня на сердцѣ: слова заупрямились согласиться съ тѣмъ, что было въ мысли. Благоволите принять милостиво приношеніе моей уже устарѣлой музыки: вы были всегда ея самымъ свѣтлымъ вдохновеніемъ. Дай Богъ, чтобы послѣднія строки стиховъ ²⁾, теперь ею подсказанныхъ мнѣ, были пророчествомъ. Но если это пророчество исполнится, то уже поэта на свѣтѣ не будетъ. Ваше величество и тогда объ немъ вспомните съ привычнымъ благоволеніемъ. Но пока онъ живъ, лучшимъ его сокровищемъ бу-

деть благодарная память о своей милостивой Императрицѣ, которой да пошлетъ Богъ всё свои благословенія на долгія годы.

Вашего Императорскаго величества

вѣрноподанный

В. Жуковскій.

Дюссельдорфъ, 4 Июля / 22 Июня 1842 г.

№ 16.

Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ.

[Дюссельдорфъ].

[15/19 Ноября 1842 года].

J'ose esperer, que Votre Majesté Imperiale, daignera prendre part au bonheur, dont le Seigneur a beni ma vie: il m'a rendu pere; une fille ¹⁾ vient de me naitre. Je la mets aux pieds de Votre Majesté en invoquant sur sa tete Votre protection auguste. Il y a deja 8 (huit) jours qu'elle existe, etant née le 30 oct. 11 nov. et hier j'ai eu le bonheur de la faire baptiser; elle est apresent introduite dans la famille du Sauveur. Le même eclesiastique ²⁾ qui a beni mon mariage sur le Rothenberg ³⁾ dans l'Eglise greque de la S-te Catherine, est venu administrer le baptême à mon enfant. Elle a reçu le nom d'Alexandra....

En lui donnant ce nom j'ai exprimé les meilleurs voeux que j'ai à former pour son bonheur ici-bas tel que je l'entends. Que le bon ange de celle qui le porte, à la quelle j'ai pensé, en nommant par son nom ma fille, qui a eu tant d'influence bienfaisante sur ma propre vie, a la quelle enfin mon coeur gardera jusqu'a son dernier battement son culte, que son bon ange parle a celui de mon enfant et lui donne le secret de l'ame de celle que Dieu

lui a confié, pour que celle de ma fille chérie puisse un jour développer en elle ce qui fait le charme idéal de l'autre.

Il y a quelque chose d'ineffable dans ces mots: *ma fille*; et mon cœur tressaille d'attendrissement lorsque j'appelle ma fille Alexandra.

N'osant pas importuner Sa Majesté L'Empereur par une lettre particulière, j'ose prier Votre Majesté d'avoir la grâce d'être mon interprète près de mon auguste souverain: la science que mon enfant apprendra un jour le mieux sera celle de bénir en Lui et en Vous les bienfaiteurs de ses parents. Comme sa sujette elle n'aura d'autre tribut à porter aux pieds de son trône que ses prières pour son bonheur et sa gloire: ces prières seront ferventes comme celles de son père et de son cœur.

De Votre Majesté Impériale

le très humble sujet

Joukovsky.

Dusseldorf, 7/19 Novembre 1842.

№ 18.

Переводъ:

[Дюссельдорфъ].

[7/19 Ноября 1842 года].

Всемилолюбивѣйшая Государыня.

Смѣю надѣяться, что Ваше Императорское Величество соблаговолитъ присоединиться къ радости, которой Господь благословилъ мою жизнь, сдѣлавъ меня отцемъ; у меня родилась дочь⁴). Повергаю ее къ стопамъ Вашего Величества и прошу оказать ей Ваше августѣйшее покровительство. Вотъ уже недѣля, какъ она появилась на свѣтъ; она родилась 30-го Октября/11 Ноября, и вчера я имѣлъ счастье ее окрестить; она вступила

теперь въ семью Спасителя. Тотъ же священникъ³⁾, который вѣнчалъ меня въ Ротенбергѣ⁴⁾, въ греческой церкви св. Екатерины, совершилъ обрядъ крещенія моего ребенка. Ей дали имя Александры.

Давъ ей это имя, я выразилъ мои наилучшія для нея пожеланія земного счастья, какъ я его понимаю. Пусть ангелъ хранитель Той, которая носить это имя, о которой я думалъ, называя ее именемъ мою дочь, которая имѣла такое благотворное вліяніе на мою собственную жизнь, преклоненіе предъ которой, наконецъ, сердце мое сохранить до послѣдняго своего біенія, — пусть ея добрый ангелъ побесѣдуетъ съ ангеломъ моего ребенка и откроетъ ему тайну души Той, которую Господь ввѣрилъ ему, дабы въ душѣ моей возлюбленной дочери развилось современемъ то, что составляетъ идеальную прелесть другой.

Есть что-то неизяснимое въ словахъ: *дочь моя*, и сердце мое трепещетъ отъ умиленія, когда я называю мою дочь Александрой.

Не осмѣливаясь утруждать Его Величество Государя Императора отдѣльнымъ письмомъ, я беру на себя смѣлость просить у Вашего Величества милости быть моимъ ходатаемъ предъ моимъ августѣйшимъ Государемъ: наука, которую со временемъ мой ребенокъ будетъ знать лучше другихъ, это наука — благословлять въ Его и Вашемъ лицѣ благодѣтелей его родителей. Какъ подданная, она не повергнетъ къ подножію Его трона иной дани, кромѣ молитвъ о Его счасти и славѣ: эти молитвы будутъ столь же горячи, какъ молитвы ея отца и ея сердца.

Вашего Императорскаго Величества

покорнѣйшій слуга

Жуковскій.

Дюссельдорфъ, 7/19 Ноября 1842 г.

1843 годъ.

№ 17.

Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ.

[Эмса].

[10/22 Юня 1843 года].

Всемиловѣйшая Государыня

Приношу Вашему Императорскому Величеству съ глубочайшею преданностию вѣрноподданнаго мое усердное поздравленіе со днемъ вашего рожденія¹⁾. Это любезнѣйшій праздникъ моего отечества; дай Богъ намъ всѣмъ еще многіе, многіе годы продолжать видѣть, что Вы среди этой любящей Васъ семьи счастливы, столько счастливы сколько ваша семья вамъ того желаетъ.

Пишу Вашему Величеству изъ Эмса — сюда привела меня болѣзнь жены; благодаря Бога, Эмскіе воды здѣлали ей добро уже теперь; еще лучшаго дѣйствія ожидаю отъ послѣдствій леченія. По прїѣздѣ моемъ сюда живо возобновилось въ памяти моей, все то что было здѣсь со мною за три года передъ симъ — ужъ тому три года! Какъ страшно летитъ время! Здѣсь произошелъ рѣшительный переломъ моей жизни. Съ какимъ особеннымъ чувствомъ я долженъ былъ вспомнить объ васъ! Черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ изъ Эмса Государя Императора, который въ двухъ словахъ рѣшилъ мое будущее, въ самый день моего отъѣзда въ Дармштатъ, я пришелъ передъ обѣдомъ къ Вашему Величеству (не имѣвши еще до тѣхъ поръ случая говорить съ Вами подробно о томъ что со мною случилось).

Какой на всю жизнь незабвенный часъ провелъ я тогда съ Вами; вы слушали мою исповѣдь и согласились со мною, что не я самъ выбралъ судьбу свою что это судьба сама, посланная свыше, встрѣтила меня на моей дорогѣ, мною овладѣла и что мнѣ ничего иного не оставалось кромѣ благодарной, смиренной

покорности промыслу. Нашъ разговоръ начался вашимъ вопросомъ, простымъ, сердечнымъ, сказаннымъ съ тѣмъ правдушiemъ, которое васъ такъ отъ всѣхъ на свѣтѣ отличаетъ. Вы у меня спросили: *mon cher, ne faites vous pas une folie?* И въ то время, когда все еще было для меня впереди, все сомнительно, я незапинаясь отвѣчалъ вамъ: *non!* и объяснилъ свое *non* съ полнымъ убѣжденiемъ что мое внутреннее чувство и моя вѣра въ будущее меня не обманывали. А теперь, очутившись черезъ три года на томъ же мѣстѣ, гдѣ этотъ, можно сказать, роковой вопросъ былъ мнѣ сдѣланъ вами, я вижу васъ снова мысленно передъ собою и повторяю Вамъ свое тогдашнее *non*, сказанное въ то время съ какою то безтрепетною надеждою на будущее, и теперь произносимое съ глубокою благодарностью къ Богу, такъ благодно, такъ вполне исполнившаго эту надежду, имъ же самымъ вложенную мнѣ въ сердце. Мое теперешнее *non* есть выраженiе двухлѣтняго семейнаго счастья, въ которомъ все то нашлось, что надобно сердцу: а чувство этого счастья есть въ то же время сладкое чувство благодарности къ тѣмъ, черезъ кого Богъ его даровалъ мнѣ, къ моему благодѣтелю Государю, къ вамъ и къ милому Великому Князю. Счастие есть для меня въ одно время и радостное, трогательное, благодарное воспоминанiе.

Дней черезъ десять полагаю оставить Эмсъ и снова возвращусь въ Дюссельдорфъ. Хотѣлъ отпустить туда жену одну, а самъ ѣхать въ Штутгардъ для говѣнiя, не имѣвъ возможности съѣздить туда въ великой постъ, но отмѣнилъ эту поѣздку до Августа мѣсяца, то есть до успѣнскаго поста. Въ Эмсѣ есть нѣсколько Русскихъ семействъ: Хитровъ³⁾ съ женою и дочерью; М. Я. Нарышкина; генералъ Ростовцевъ³⁾ съ семействомъ; Балашевъ съ женою (урожден. Паскевичъ); недавно прiѣхалъ Васильчиковъ⁴⁾ съ женою (Архаровой) и дочерми. Мнѣ сказали было что будетъ въ Эмсѣ Канкринъ⁵⁾, но онъ отправился въ Гастеннъ. Дни два гостить въ Эмсѣ Смирнова⁶⁾; она оставила дѣтей въ Баденъ-Баденъ и прiѣхала въ Эмсъ единственно для свиданiя со мною. Нынче она уѣзжаетъ; ей вѣроятно надобно будетъ провести зиму

въ Итали. Она проситъ меня положить ко стопамъ Вашего Императорскаго Величества ея усердное поздравленіе со днемъ вашего рожденія.

Оканчиваю письмо свое повтореніемъ за себя, за мою жену и за нашу дочь сердечнаго желанія, чтобъ Богъ благословилъ васъ, сохранилъ васъ и ваше семейство и упрочилъ въ васъ и вокругъ васъ неизмѣнное счастье. Жена моя осмѣливается съ искреннею любовію поцѣловать руку своей милостивой Императрицы.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанный

В. Жуковскій.

Эмсъ, 10/22 Юня 1843 г.

№ 18.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Дюссемдорфъ].

[12/24 Октября 1843 года].

Всемиловѣйшая Государыня

Я уже приносилъ Вашему Величеству черезъ Государя Наслѣдника мое поздравленіе съ новымъ счастьемъ¹⁾ вашего семейства, которое несказанно меня обрадовало на чужой сторонѣ. Но я всѣмъ сердцемъ пожалѣлъ что я не на Родинѣ, что я не въ Москвѣ, когда прочиталъ въ Газетахъ, что Вы и Великій князь поѣхали въ Москву навстрѣчу Государя Императора дабы съ Нимъ вмѣстѣ праздновать рожденіе вашего Внука. Мнѣ бы должно было непременно быть на этомъ праздникѣ: въ Кремлѣ онъ имѣлъ великое, трогательное, поэтическое значеніе, и я бы желалъ поглядѣть въ этомъ Кремлѣ на великаго Князя, уже

отца, тамъ, гдѣ я первый увидѣлъ его въ пеленкахъ. Сохрани намъ Богъ этаго милаго младенца и дай ему такъ же здраво созрѣть какъ его отецъ, а Государю и Вамъ долго ими радоваться.

Я имѣлъ счастье видѣть Государя Императора въ Берлинѣ гдѣ прожилъ столько же времени, сколько и Государь²⁾). Послѣ отъѣзда Его Императорскаго Величества я остался еще на два дни, ибо Его Величеству королю³⁾ угодно было меня пригласить въ Потсдамъ. Въ эти дни моей Берлинской жизни прошедшее или лучше сказать давнопрошедшее съ особенною живостию во мнѣ обновилось. Сколькихъ нѣтъ изъ прежнихъ, самыхъ милыхъ! Въ Шарлоттенбургѣ вспомнилъ я тотъ день, когда Ваше Величество посѣтили гробницу своей Матери вмѣстѣ съ ея внукомъ; вы тогда мнѣ принесли изсохшій листокъ съ этой гробницы; я берегу его съ благоговѣніемъ. Теперь рядомъ съ первымъ монументомъ стоитъ другой⁴⁾— нельзя на него смотрѣть безъ удивленія. Въ этомъ снѣ выражена чистая жизнь; художникъ угадалъ то выраженіе, которое должно было имѣть лице этого добраго короля, когда послѣ непорочнаго дня своего онъ засыдалъ сномъ непорочнымъ. И теперь онъ спитъ послѣ прекраснаго дня жизни, и конечно на душѣ его осталось тоже выраженіе минувшей жизни, какое при каждомъ здѣшнемъ, успокоительномъ снѣ должно было царствовать на лицѣ его. Я думаю что Ваше Величество уже получили и прочитали книгу Эйлерта⁵⁾. Въ ней много лишняго, она длинна; но въ тоже время въ ней такъ много прекраснаго, такъ много живо напоминающаго! Я послалъ экземпляръ и къ Великому князю изъ Берлина.

Эйлертъ изъ многихъ отдѣльныхъ рѣчей Короля составилъ длинныя рѣчи въ связи; впрочемъ онъ имѣлъ часто случай съ нимъ говорить уединенно и могъ слышать то, чего не могли слышать другіе, особливо о высокихъ предметахъ христіанства. Все, что онъ приводитъ изъ слышаннаго имъ отъ Короля, удивительно и здравостию ума и теплотою простаго чувства. Я прочиталъ многое съ восхищеніемъ и слезами. — Нынѣшній король сохра-

нилъ ко мнѣ свою прежнюю милость; мое сердце преисполнено къ нему искренней любви и благодарности. По своему высокому просвѣщенію, по своей чистотѣ душевной, по своей любви къ правдѣ, по своимъ безкорыстнымъ намѣреніямъ онъ можетъ служить образцемъ лучшихъ государей; но нашъ вѣкъ безуменъ въ своихъ стремленіяхъ и глухъ на правду; онъ не пойметъ или не услышитъ его голоса⁶⁾. Буйство подъ ружьемъ; и оно бы давно уже зажгло войну, когда бы его близнецъ эгоизмъ его не обуздывалъ, парализируя его стремительность личною корыстію. Какое мѣсто Фридр. Вильгельмъ IV займетъ въ исторіи записывающей факты, предузнать нельзя, но въ исторіи души царской, еслибъ она могла быть писана для людей (но ее читаетъ Богъ) онъ занялъ бы первое мѣсто. А на землѣ все для души; Царство и родъ человѣческій суть только явленія: существуетъ одна душа; и каждая отдѣльная душа на *своемъ* мѣстѣ значить болѣе нежели всѣ царства земныя взятыя вмѣстѣ.

Сидя за столомъ на королевскомъ обѣдѣ и видя сидящихъ рядомъ моего Императора и Короля Прусскаго я думалъ про себя, что передо мной лучшіе, первые люди нашего времени, сходные высокостію характера, чистотою намереній и созданные любить и понимать другъ друга: здѣсь не можетъ быть одной политической дружбы, здѣсь должна и можетъ быть личная, рыцарская дружба. А въ такой дружбѣ благо народовъ: въ наше время, когда все трещитъ и ломается, много спасительной силы заключено быть можетъ въ душевномъ союзѣ Царей, согласныхъ любов(ь)ю къ правдѣ, вѣрѣ и истинной свободѣ.

Чтобы обратиться отъ высокаго къ мелкому скажу Вашему Величеству, что король, разговорясь со мною о давнопрошедшемъ, подарилъ мнѣ Спонтиніеву музыку, написанную на праздникъ Лалла Рукъ⁷⁾. Одна изъ сестеръ моей жены прекрасно играетъ на фортопьяно, она и младшая сестра поютъ очейъ пріятно и я такимъ образомъ часто даю себѣ въ своемъ уединенномъ уголку этотъ праздникъ и подъ музыку много давно прошедшаго воскресаетъ: въ звукахъ есть чтото безсмертное, хотя

сами они бытія не имѣютъ. Съ ними то, что прошло, является снова точно какимъ оно нѣкогда было, во всей своей прежней свѣжести и молодости,

Und manche liebe Schatten stehen auf.

Около меня и другія тѣни теперь летаютъ, тѣ которыя къ намъ вызываетъ поэзія. Теперь она прикликала ко мнѣ гигантскую тѣнь Гомера и я рассказываю по русски то что онъ рассказалъ за 3000 почти лѣтъ по гречески; перевожу Одиссею, хочется перевести ее такъ, чтобы въ моемъ переводѣ сохранена была ея праѣдовская простота древняго Поэта и что бы чтеніе Одиссеи сдѣлалось доступно всѣмъ возрастамъ. Этотъ трудъ краситъ мое уѣдиненіе. И въ немъ бы жило со мною теперь полное счастье, еслибъ этой радостной, тихой жизни не тревожила забота о женѣ; она опять начала страдать тѣмъ же, чѣмъ страдала до своей поѣздки въ Эмсъ; воды сначала ей помогли; теперь опять все по старому и думаю, что на будущей годъ ей опять надобно будетъ прибѣгнуть къ Эмсу. Прошу Ваше Величество милостиво простить меня, что вхожу въ такія подробности о моей жизни: внѣшній широкій міръ для меня какъ будто не существуетъ и мнѣ не о чемъ говорить, какъ о себѣ и о своемъ. Вы же, принявъ такое участіе въ устроеніи моей теперешней жизни, конечно не безъ участія удостоите вниманія иногда и ея мелкія обстоятельства. — Прошу Бога чтобы онъ сохранилъ Ваше драгоценное здоровье со всемъ вашимъ благословеннымъ семействомъ.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанный

Жуковский.

г. Дроссельдорфъ. 12 / 24 Октября 1843 г.

1844 годъ.

№ 19.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

*[Дармштатъ].**[25 Марта 1844 года].*

Всемилоствѣйшая Государыня!

На канунъ свѣтлаго праздника приношу Всемилоствѣйшему Государю Императору и Вашему Императорскому Величеству мое усерднѣйшее поздравленіе. Богъ привелъ мнѣ опять встрѣтить этотъ праздникъ вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ, съ которымъ такъ же вмѣстѣ имѣлъ я счастье и причаститься святыхъ Тайнъ, какъ то бывало въ прежнее время въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ. Въ эти часы я былъ благодарною мыслію и съ Вами и сердцу моему живо представлялась Ваша всегдашняя, неизмѣнная, конечно и теперь неизмѣнная ко мнѣ милость: этому воспоминанію оно навсегда останется вѣрнымъ; это воспоминаніе будетъ всегда яснымъ свѣтомъ моей теперешней, благодаря Вамъ, тихой и беззаботной семейной жизни. — Къ несчастію болѣзнь моей малютки, которую тревожатъ теперь прорѣзывающіеся зубы, помѣшала мнѣ привезти съ собою въ Дармштатъ жену, которую было бы мнѣ такъ радостно представить Ихъ Высочествамъ. Но моя благосклонная звѣзда и тутъ мнѣ неизмѣнила: Государь Наслѣдникъ ѣдетъ черезъ Дюссельдорфъ въ Гагу; на возвратномъ пути онъ обѣщается посѣтить мой маленькій домишко; такимъ образомъ я буду имѣть несказанное счастье показать ему свою дочь и свою добрую жену, которая далеко превзошла тѣ надежды земнаго счастья, которыя родились во мнѣ въ то время, когда я такъ неожиданно былъ по милости Божіей награжденъ ею безъ моей заслуги. Она есть для меня безпре-
станный живой представитель тѣхъ благодвореній которыми осы-

нали меня мой Государь и Его благословенное семейство. — Посѣщеніе великаго князя будетъ заключеніемъ моего пребыванія въ Дюссельдорфѣ; въ концѣ будущаго Мая переселюсь во Франкфуртъ; женѣ моей нужно солидное леченіе и я хочу ее ввѣрить доктору Коппу.

Полагаю ко стопамъ Вашего Императорскаго Величества мою глубочайшую благодарность за мою сироту Воейкову¹⁾. Въ минуту несчастія вы всегда близки. Ея душѣ, вполнѣ осиротѣвшей, открылся теперь пріютъ надежный; мысль, что она будетъ находиться при великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, для меня совершенно успокоительна на счетъ будущей судьбы ея: вижу здѣсь не одну высокую честь, не однѣ выгоды вѣрнаго существованія; тутъ есть нѣчто гораздо высшее; въ такомъ сосѣдствѣ, подъ такимъ покровомъ будетъ для нее много драгоценныхъ сокровищъ душевной жизни. Благословляю всѣмъ сердцемъ Вашу царскую, материнскую милость.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанный

В. Жуковский.

Дармштатъ, 25 Марта 1844 г.

1846 годъ.

№ 20.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Франкфуртъ на Майнѣ] [24 Февраля / 8 Марта 1846 года].

Всемиловѣйшая Государыня.

Полагаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества сердечное, радостное поздравленіе мое и всѣхъ моихъ съ счастливымъ, столь желаннымъ для насъ событіемъ¹⁾ въ Вашемъ Цар-

скомъ семействѣ. Благослови Богъ этотъ бракъ и да будетъ тотъ часъ, въ который произнесено на него согласіе, началомъ долговременнаго, высокаго счастья для нашей несравненной Невѣсты. Ваше материнское сердце наконецъ, послѣ долгаго лишенія, вкусило полную радость: она есть награда отъ Бога за смиреніе передъ Нимъ и за покорность Его Власти: эта радость будетъ для Васъ дѣйствительнѣе прекраснаго климата Италіи *) — она укрѣпитъ возвращенное имъ Ваше здоровье; Россія съ восхищеніемъ встрѣтитъ свою добрую Царицу и вмѣстѣ съ нею отпразднуетъ ея и свой семейный праздникъ и соединитъ съ сердцемъ ея свои молитвы за ея милую жизнь, за неизмѣнное благоденствіе этой жизни, за счастье дѣтей Ея. Въ этомъ громкомъ хорѣ общей молитвы будетъ и тихая наша, совершаемая въ смиренномъ кругу домашнемъ, гдѣ все напоминаетъ о Васъ, гдѣ все настоящее упрочено Вашими милостями и гдѣ живетъ память Прошедшаго, столь счастливаго въ благословенной близости Вашей. — Вмѣстѣ съ моими объѣтами приношу Вашему Величеству и объѣты жены моей, которая съ благодарностію къ Богу помышляетъ о томъ счастьи, какое онъ далъ ей почувствовать въ благодномъ Вашемъ присутствіи.

Вашего Императорскаго Величества

Вѣрноподанный

Жуковскій.

Франкфуртъ на Майнѣ, 24 Февраля, 8 Марта.

1848 годъ.

№ 21.

Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

[Баденъ-Баденъ].

[10/22 Сентября 1848 года].

Всемилоствѣйшая Государыня.

Давно не имѣлъ я счастья писать къ Вашему Императорскому Величеству, не смѣя тревожить Вашего вниманія. И что кромѣ печальнаго могъ я писать въ послѣднее время? Оно и безъ меня доходило до Вашего свѣденія. Теперь пользуюсь отъѣздомъ Государыни Великой Княгини, чтобы возобновить въ Памяти Вашего Величества мое изгнаническое существованіе: странное дѣло! какъ ни давно я розно съ отечествомъ, а все, кажется, какъ будто вчера васъ видѣлъ; эти два дня Ниренбергской встрѣчи съ Вашимъ Величествомъ глубоко врѣзались въ память сердца; они не уходятъ въ даль, они непрошедшее, они мое милое, всегда присутственное настоящее. Но что же мы пережили съ этихъ дней, въ которыя видѣлъ я васъ, ѣдущихъ съ в. к. Ольгою Николаевною искать здоровья подъ свѣтлымъ и покойнымъ небомъ Сициліи, до теперешней минуты, въ которую я спѣшу встрѣтить великую Княгиню Кронъ Принцессу Виртембергскую въ Брухзалѣ на пути ея въ Россію! Можно сказать, что вся всемірная исторія въ эти немногіе дни повторилась, но повторилась не для созданія а для разрушенія¹⁾. Когда произошло нашествіе варварскихъ *народовъ* на Имперію римскую, она разрушилась на части, изъ которыхъ въ теченіе временъ образовались новыя государства теперь произошло другаго рода нашествіе, гораздо болѣе губительное, ибо оно губить не одинъ матеріальный составъ, государствъ, но и возможность произвести какой нибудь новый твердый составъ государственный, *нашествіе варвар-*

скихъ идей, которыя все опрокинули, на чемъ стоитъ человѣческое общество: нѣтъ вѣры, нѣтъ могущества власти, нѣтъ покорности долгу, все это мало по малу тайно и явно было въ теченіе послѣднихъ лѣтъ подкапываемо вредными доктринами; правительство Германіи недѣйствовало; наконецъ одинъ сильный толчекъ — французская революція — и все разшиблось въ куски. Ктобы могъ вообразить возможнымъ, что бы все, что въ своемъ медленномъ ходѣ, творили вѣка, одинъ другому передавая въ наслѣдство продолженіе и довершеніе своего дѣла, чтобы всѣ эти великія борбы политическія и религіозныя, изъ коихъ вышло такъ называемое *равновѣсіе политическое Европы*, чтобы все, что создано было знаменитыми германскими императорами, и монархами славнаго дома Гогенцоллерновъ, чтобы великое наслѣдство силы, оставленное Пруссіи великимъ Фридрихомъ и чтобы наконецъ все, что, послѣ Наполеоновскаго военнаго деспотизма, опрокипутого союзомъ Царей и нашимъ Александромъ, было устроено на новыхъ основаніяхъ, казавшихся болѣе прочными, ибо они положены были на фундаментѣ христіанства, чтобы все это огромное зданіе могло вдругъ упасть отъ одного дуновенія. Франція ударила въ набатъ — и вдругъ въ муравейникѣ Европы, въ маленькой Баденской области, въ ничтожномъ провинціальномъ ея городкѣ сходится маленькая шайка радикаловъ, профессоровъ, адвокатовъ, студентовъ, никѣмъ не призванныхъ, безъ всякаго мандата; эта шайка черезъ Гейдельбергъ, гдѣ она увеличивается, переселяется во Франкфуртъ, своевольно провозглашаетъ себя Предварительнымъ Парламентомъ^{*)}, выбираетъ изъ среды своей нѣсколько бѣшеныхъ говоруновъ, и безсмысленныя декламациі этихъ самозванцевъ уничтожаютъ въ нѣсколько дней всю древнюю Германію: передъ ними цѣпенѣютъ всѣ Германскіе Государи, окруженные сильными и еще имъ вѣрными арміями, они произносятъ смертныя приговоры всѣмъ историческимъ правамъ, одною чертою пера зачеркиваютъ всѣ страницы исторіи; Германскій союзъ уничтоженъ; величіе монархической власти обругано; покорствуя бѣшенымъ крикунамъ, выдающимъ себя

за представителей небывалаго самодержавнаго народа, она безмолвно признает надъ собою самовольно созданный имъ парламентъ, и столь же самовольно избраннаго викарія Германіи³⁾. Но это послѣднее избраніе можно въ настоящую минуту назвать почти спасеніемъ—столь необходима верховная власть, что даже и тѣнь ея служить опорой и защитой. Если бы теперь эта тѣнь власти не случилась во Франкфуртѣ, то теперь уже повсюду горѣла бы война междоусобная подъ краснымъ знаменемъ коммунизма. Попытка Штруя⁴⁾ могла бы обратится въ общее бѣдствіе при всей ничтожности силъ этаго безумнаго разбойника. Но это мгновенное изъясненіе власти никого не пробудило: правительства всѣ еще въ обморокѣ отъ внезапнаго страха. А между тѣмъ у всѣхъ передъ глазами, явно, съ неописаннымъ нахальствомъ, даже почти хвастая своими разбойничьими замыслами, шайка мятежниковъ, дерзкая только общою трусостию, продолжаетъ работать *съ своею пользою*. И все ей помогая, бунтуетъ, но бунтуетъ не противъ *злоупотребленія*, а противъ самаго существованія власти, противъ всякой узды, налагаемой ею на развратъ воли, на изступленіе страсти, на буйство безвѣрія, хотять не измѣненія, не преобразованія, а просто уничтоженія всякой границы, забывая, что свобода не есть самовольство надъ долгомъ въ угожденіе страсти, а власть свободная надъ страстію въ угожденіе долгу: противъ такой свободы теперь проповѣдуютъ со всѣхъ кровель, все бунтуетъ: *чернь* бунтуетъ противъ монарха и хочетъ быть сама монархомъ, не позволяя даже Богу *милостию своею* раздавать власть земную и эту то чернь провозглашаютъ *самодержавнымъ народомъ* (peuple souverain) ея достойные представители на площадяхъ, въ клубахъ и камерахъ, и ни одинъ голосъ не смѣетъ сказать имъ въ опроверженіе, что народъ составляютъ *все* члены государственнаго тѣла (начиная съ *головы* то есть съ правящаго монарха и съ *состояній*, хранящихъ порядки, защищающихъ, учащихъ, до подошвы, то есть до работающаго земледѣльца), а не одни *ноги*, которыхъ механическая слѣпота — (хотя они все поддерживаютъ и все приводятъ

въ матеріальное движеніе)—не можетъ управлять очами мыслящей головы. *Присяжный* (le juré) бунтуетъ противъ правосудія, и угождаетъ черни, оправдывая разбой и убійство, въ какомъ бы они видѣ ни являлись, въ мятежѣ ли фанатика Геккера⁵⁾, въ стихахъ ли презрительнаго Фрейлиграта⁶⁾, бѣшено грызущаго руку, изъ которой прежде принималъ произвольно благотвореніе; *книгопечатаніе*, публичный органъ мысли, бунтуетъ противъ здраваго смысла, истины, справедливости, чести и обращаетъ священное человѣческое слово въ стiletъ убійцы, или въ отраву разврата, или въ факель пожарнаго мятежа; *Проповѣдникъ Христа* бунтуетъ противъ Его церкви и увлекаетъ въ безвѣріе другихъ, чтобы имъ закрасить собственное отступничество; *Горожанинъ* бунтуетъ противъ *солдата*, охраняющаго его жизнь и собственность, а когда ему самому придется защищать ихъ прячется въ уголъ или поддается подкупленнымъ втиязямъ баррикады, истиннымъ врагамъ его жизни и собственности; *Ремесленникъ* бунтуетъ противъ *владѣльца и фабриканта*, дающихъ ему работу, и, въ ожиданіи великаго событія, когда разбоемъ разхититъ ихъ имущество, а съ нимъ, и собственныя средства добывать работу и пропитаніе, привыкаетъ къ праздности и разврату. Однимъ словомъ кто теперь не бунтуетъ или не борется съ бунтомъ? Кто теперь не раззоренъ матеріально и нравственно? Кто не обѣднялъ или имуществомъ или безопасностію личною? Кто не обѣднялъ уваженіемъ къ прошедшему, довѣренностію къ настоящему, надеждою на будущее? Таково зрѣлище представляемое теперь Германію. Но какое бы иное зрѣлище она представила, еслибъ высокія намѣренія короля Прусскаго⁷⁾ во время были исполнены. Онъ зналъ лучше всѣхъ своихъ современниковъ, чего требовала Германія; и приготовленный имъ новый порядокъ былъ основанъ на сохраненіи всего необходимаго историческаго съ устраненіемъ всего обвѣтшалаго, нашему времени уже чуждаго; этотъ порядокъ удовлетворилъ бы всѣмъ *праведнымъ* требованіямъ; *Германскій союзъ*, трупъ, никогда души не имѣвшій, здѣлался бы живымъ, могучимъ хранителемъ общаго

благоденствія, это всѣми желаемое *единство* могло бы произойти безъ уничтоженія самобытности частной; достоинство сана монаршаго и въ немъ ручательство за будущее осталось бы неприкосновеннымъ. Горе проникаетъ всю душу, когда подумаешь объ этой трагической неудачѣ и о томъ раззореніи, которое должно было произойти въ этой царской, высокой, чистой душѣ отъ гибели всѣхъ ея прекрасныхъ надеждъ, отъ утраты всей ея внутренней жизни. На него падаетъ всеобщее обвиненіе; и къ несчастію здѣсь судъ людей (не судъ Божій) правъ. При всѣхъ качествахъ, какія только могутъ украшать человѣческую душу, ему не достаетъ одного: *рѣшимости* для исполненія, рѣшимости въ надлежащую минуту. Одна минута все погубила. Если бы онъ вмѣстѣ съ своею вѣрною гвардіею вышелъ изъ Берлина въ минуту бунта и, ставъ передъ воротами своей столицы, потребовалъ бы повиновенія — теперь бы и Пруссія и вся Германія были усмирены и дѣло преобразованія пошло бы путемъ законнымъ и не было бы вырвано изъ рукъ монарховъ законодателями черни. Такъ было угодно провидѣнію. Наше безбожное время есть самый краснорѣчивый проповѣдникъ Бога, понятнѣе нежели когда нибудь говорить оно человѣку: что ты безъ Бога? Ты сказалъ: я *одинъ* все устрою; смотри же что безъ него твои созданія. Но кто теперь вслушается въ такую проповѣдь? Пруссія все еще осталась до своего спасенія въ этой бурѣ; ея Государь все еще имѣетъ въ рукахъ своихъ сильныя средства. Но пробудится ли онъ въ своей силѣ? А когда посмотришь, что дѣлаютъ его министры (не говорю уже объ этомъ грязномъ національномъ собраніи) то подумаешь, что онъ окруженъ предателями, согласившимися погубить монархію; но они губятъ отъ трусости, губятъ Государство потому, что боятся оскорбить уличныхъ бродягъ Берлина. А что Берлинъ? Онъ не Пруссія; лучшая часть Пруссіи вся за короля, за него еще и все войско — но это войско, теперь вѣрное, устоятъ ли противъ безпрестанныхъ обольщеній, которыми развращаютъ его мятежники явные и тайные? Пошли Богъ свою силу этой душѣ, которая такъ вѣрна

Его волѣ. Выписываю здѣсь заключеніе письма⁸⁾ Его ко мнѣ, въ отвѣтъ на мое, которое по одному особенному обстоятельству⁹⁾ я долженъ былъ написать къ нему.

Ah! cher Joukowsky quel temps! et quelle engence que celle qui regne et fait regner!!! L'ame se desseche sous la souffle homicide des miserabilités colossales et destructives d'un temps qui veut *tout* et qui ne peut *rien*, d'un temps qui n'a pour seule excuse que son plus abominable peché — l'apostasie. Unissez vos ferventes prieres aux miennes pour que Dieu aie pitié de nous! qu'il benisse mes choix et mes projets. Ma patience est a bout. Je ne releve de ma chute ou pour tomber à jamais, ou—si notre seigneur m'est secourable—pour commencer une nouvelle ère pour la Prusse et l'Allemagne.

О Благослови его Богъ! Но это письмо, полученное мною тому два дни, писано 18 Сентября еще пропадашій мѣсяцъ.

Прилагаю при семъ брошюрку, которая выражаетъ чувства теперь болѣе и болѣе разпространяющія въ Пруссіи. Мало по малу начинаютъ раздаваться и голоса въ пользу правды.

Послѣ всего вышесказаннаго говорить о самомъ себѣ было бы неприлично. Если вашему Величеству будетъ угодно узнать что нибудь объ моихъ обстоятельствахъ, то благоволите удѣлить нѣсколько минутъ на прочтеніе моего письма къ Государю Наслѣднику. Скажу одно: теперь благодарю самаго себя, что страхъ холеры принудилъ меня остаться; женѣ, которой хуже нежели прежде, нужно *коренное* леченіе. Я отдалъ ее на руки Гуггерта въ Баденѣ. Остальное въ Божіей власти. Прошу его только объ одномъ, чтобы отвратилъ отъ меня несчастіе навлечь на себя неодобрѣніе этимъ принужденнымъ продолженіемъ заграничной жизни отъ Государя Императора.

И я и жена и дѣти наши полагаемъ ко стопамъ вашего Величества нашу благоговѣйную любовь. Благослови Богъ Царя, Царицу и все ихъ семейство.

Вашего Императорскаго величества

вѣрноподанный Жуковскій.

Баденъ-Баденъ, 10/22 Сентября 1848 г.

1850 годъ.

№ 22.

Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

[Баденъ-Баденъ]

[12/24 Ноября 1850 года].

Всемиловѣйшая Государыня.

Я помню живо ту минуту, когда, за двадцать пять лѣтъ передъ симъ, на канунѣ роковаго 14 декабря¹⁾, я пришелъ къ Вашему Императорскому Величеству; тогда вы сказали мнѣ: Vous rouvez maintenant nous faire vos condoleances; mon mari doit regner. На другой день я увидѣлъ васъ, когда вы, въ утреннемъ, бѣломъ платьѣ, переходили, ведя за руку Наслѣдника, на половину покойной Императрицы. Тогда весь дворъ былъ въ собраніи, все блистало и все было мрачно, потому что уже на площади кипѣлъ бунтъ и Императоръ стоялъ подъ пулями: я помню васъ; вы и теперь какъ будто у меня передъ глазами: на лицѣ вашемъ не было робости, была одна тихая, величественная покорность вышней волѣ; она тогда глубоко тронула мое сердце и воспоминаніе объ этомъ образѣ никогда не покинетъ его. Вечеру я увидѣлъ Васъ снова—все было кончено и Россія однимъ днемъ познакомилась на всегда съ своимъ Государемъ; въ той-же простой одеждѣ вмѣстѣ съ Царемъ, отстоявшимъ свой тронъ, и съ наслѣдникомъ вы прошли передъ нами въ церковь и стали посреди ея на колѣни. Отдѣльно отъ всѣхъ, втроемъ, и никому не пришло въ голову послѣдовать этому примѣру, хотя бы тому и слѣдовало быть; но какое то общее чувство сказалось всѣмъ: эта благодарная молитва есть таинство, мы можемъ быть только ея свидѣтелями, можемъ ее только про себя повторять, но ея торжественное приношеніе есть жертва, *Имъ* однимъ въ эту минуту принадлежащая. Вечеръ этого дня я провелъ у Карамзина.

Съ нимъ часто бывали у меня разговоры объ Васъ и онъ не всегда былъ на вашей сторонѣ, но тутъ онъ мнѣ сказалъ: ne me parlez plus de Votre Imperatrice, c'est une femme admirable. Вы помните, что Карамзинъ почти весь этотъ день провелъ вмѣстѣ съ Вами въ комнатахъ покойной Императрицы, гдѣ онъ видѣлъ то, что происходило тамъ, въ такую минуту, когда высказывается само собою все, что таится въ глубинѣ человѣческаго сердца. Повторяю это свидѣтельство его объ Васъ по прошествіи двадцати пяти лѣтъ Вашей царской жизни для того, чтобы при торжествѣ вашего юбилея вы съ любовію вспомнили о нашемъ Карамзинѣ, о его чистомъ сердцѣ, о его высокомъ разумѣ и о его привязанности къ царю, которая такъ горячо началась тогда въ его сердцѣ и которой не дано было ему доказать послѣ на дѣлѣ. Къ памяти о Карамзинѣ присоединяю и мое поздравленіе, которое вмѣстѣ съ женою, съ дѣтьми и со всею моею семьею благоговѣнно полагаю ко стопамъ вашего Императорскаго Величества. Большая часть этого двадцати пяти лѣтія была проведена мною въ близи вашего благословеннаго семейства: воспоминаніе объ этомъ свѣтломъ времени моей жизни неувядаемо живетъ въ моемъ сердцѣ. И особенно въ воспоминаніи о Васъ есть для меня что-то молодое, изображающее и хранящее во мнѣ поэзію того времени. Съ тѣхъ поръ, какъ я удалился изъ круга, очарованнаго вашимъ милымъ присутствіемъ, я, можно сказать, разстался со внѣшнимъ свѣтомъ, я заперся въ тѣсномъ кругу семейной жизни. На старости лѣтъ я вступилъ въ строгую школу: семейство есть венѣцъ земной жизни; но это вѣнецъ изъ розъ свитыхъ съ тернами²⁾. Я однако не ропщу на мои терны и учусь благодарить за нихъ Бога. Вотъ уже десятый годъ, какъ я удаленъ изъ отечества силою семейныхъ обстоятельствъ. Сначала мнѣ хотѣлось пожить на просторѣ, про себя, незаботясь ни о чемъ; если бы я послѣ первыхъ двухъ лѣтъ моей заграничной жизни возвратился въ Россію, моя домашняя жизнь была бы теперь совсѣмъ устроена. Но я, какъ говорится, зажился, далъ себѣ волю, привычка приковала меня къ тишинѣ уединенія, съ

которымъ мнѣ такъ было весело и пріятно. А когда наконецъ я поднялся въ путь, Богъ послалъ на мою жизнь великое испытаніе, которое съ тѣхъ поръ ею владѣеть — болѣзнь моей жены, сокрушающую мое семейное счастье. Это испытаніе длится уже шестой годъ. Въ 1848 году я уже былъ готовъ пуститься въ путь и всѣ мои пожитки тогда же отправилъ въ Петербургъ; но холера меня остановила и это было къ добру, ибо Эмскія воды въ этотъ годъ только что повредили женѣ моей; а революція перебросила насъ изъ Франкфурта въ Баденъ, гдѣ Гугертъ нѣсколько помогъ женѣ, но болѣзнь такъ упряма, что и въ нынѣшнемъ году, когда все было готово къ нашему отъѣзду, я долженъ былъ снова остаться. А моя собственная болѣзнь воспрепятствовала мнѣ съѣздить въ Варшаву, чтобы имѣть счастье увидѣть ваше Императорское Величество.....

Но къ чему я все это пишу? Въ немногихъ словахъ я немогу вполне изобразить передъ Вами всего моего положенія; а входить въ подробности нельзя; могу ли мучить вниманіе Вашего Величества ничтожными мелочами моей жизни. Между тѣмъ эти мелочи ее изнуряютъ. Я часто прихожу въ уныніе отъ мысли, что я какъ будто отчужденъ отъ отечества, что мои дѣти еще съ нимъ незнакомы, что первые ихъ годы прошли на чужбѣ, что я могу умереть, не передавъ ихъ отечеству, которому жизнь ихъ должна быть посвящена, и что наконецъ можетъ быть мое невольное, столь долговременное, столь для меня часто мучительное и во всѣхъ отношеніяхъ вредное отсутствіе будетъ изъяснено въ невыгодную для меня сторону. Правда, у меня есть добрый Ангелъ хранитель³⁾, онъ знаетъ хорошо и мое положеніе, и всѣ мои мысли; онъ будетъ моимъ представителемъ и заступникомъ передъ Государемъ и Вами. Смѣю однако думать, что время и отдаленіе мнѣ передъ Вами не повредили. Хотя я и не позволялъ себѣ тревожить васъ своими письмами; но я вѣрю вашему вѣрному сердцу; Вы не отымете у меня моего милѣйшаго сокровища, той милости, которою я былъ такъ счастливъ въ прежнее время: эту вѣру укрѣпляетъ во мнѣ воспоминаніе о моей встрѣчѣ съ Вашимъ Ве-

личествомъ въ Ниренбергѣ. Я не могу думать безъ слезъ объ этихъ двухъ дняхъ нашего съ Вами свиданія, когда передъ глазами моими такъ умилительно явилась вся та прелесть, которая радовала мое сердце прежде и никогда изъ него не выйдетъ. Когда я Васъ увидѣлъ послѣ уже четырехъ лѣтъ моей жизни внѣ отечества, мнѣ показалось что я разстался съ Вами только накануне, такъ все въ Васъ было неизмѣнно тоже:

Моя Поэзія, мой свѣтлый идеалъ.

Несказанно сожалѣю, что не удалось мнѣ быть въ Варшавѣ; но, обдумывая всѣ обстоятельства, увѣряю, что эта помѣха къ лучшему, сколь она для меня же прискорбна. Теперь же покорно донашиваю мой крестъ чужеземной, бивачной жизни. Богъ наложилъ его на мои плечи; авось онъ позволитъ мнѣ сложить его будущею весною. Кому добровольно захочется жить посреди этаго революціоннаго хаоса, который часъ отъ часу увеличивается и портитъ настоящее, угрожая будущему. Сносить безропотно крестъ мой между прочимъ помогаетъ мнѣ и то, что я теперь безпрестанно занятъ и такъ занятъ, что желалъ бы утроить время: я здѣлалъ себя учителемъ моихъ дѣтей, даю уроки теперь и готовлю уроки для будущаго ибо хочу самъ ихъ приготовить къ подробному, высшему ученію; Пока еще учу дочь, но скоро примусь и за сына: въ этомъ занятіи много прелести и его достаточно для наполненія всѣхъ минутъ жизни. Но старость беретъ свое, да и время на старости невыразимо скоро мчится. Позволить ли Богъ употребить на пользу дѣтей мои послѣднія годы — Его воля! но какъ бы я желалъ, чтобы эти годы прошли даромъ и для отечества, чтобы въ немъ обо мнѣ осталось доброе воспоминаніе и чтобы Государь, Вы и мой несравненный великій князь теперь похвалили мою старость а современемъ могли бы вспоминать обо мнѣ съ благоволеніемъ и перенесли это благоволеніе на мое семейство.

Благослови Васъ Богъ и сохрани намъ въ Васъ долго, долго любезнѣйшее сокровище нашего отечества. Съ этою молитвою я

и моя жена и мои дѣти цѣлуемъ руку нашей милостивой, несканзанно нами любимой Императрицѣ.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанный

В. Жуковскій.

Баденъ-Баденъ, 1850 г. $\frac{12}{24}$ ноября.

1852 годъ.

№ 23.¹⁾

[Баденъ Баденъ].

[13/25 Января 1852 года].

Всемиловѣйшая Государыня!

Приношу Вашему Императорскому Величеству живѣйшую благодарность за подарокъ на новый годъ, который Вы мнѣ такъ милостиво благоволили здѣлать, и который принесъ мнѣ новое счастье, возобновивъ старое, начинавшее казаться мнѣ потеряннымъ: приношу благодарность за тѣ немногіе слова, которые Графиня Толстая передала мнѣ въ письмѣ своемъ отъ имени Вашего Императорскаго Величества; на эти слова отозвалось въ глубинѣ моего сердца все то прошедшее счастливое время, которое провелъ я вблизи Вашей, и въ которое Вы были такъ ко мнѣ постоянно милостивы. Вотъ уже болѣе 10 лѣтъ, какъ я розно съ Россіей; первые 3 или 4 года этаго времени прошли для меня тихо и весело въ тѣсномъ кругу семейномъ; съ тѣхъ поръ до настоящей минуты жизнь моя была почти безпрестан-

нымъ испытаніемъ: съ одной стороны долговременная болѣзнь жены, которая и теперь еще не миновалась, и два раза начинавшаяся собственная моя болѣзнь, которая только благодаря сперва Коппу а потомъ Гугерту не обратилась въ смертельную (и опасеніе которой лишило меня возможности быть въ Варшавѣ во время присутствія тамъ Вашего Величества); съ другой стороны долговременное принужденное отсутствіе изъ отечества и мысль, что оно можетъ сочтено быть произвольнымъ, и что я наконецъ могу сдѣлаться *чужимъ* для тѣхъ, для кого мнѣ такъ дорого остаться *своимъ* — все это вмѣстѣ портило жизнь мою, и особенно находилъ на меня, какъ ночное привидѣніе, страхъ, что мое долгое отсутствіе можетъ лишить меня мѣста въ Вашей памяти. Въ этомъ случаѣ я виноватъ передъ самимъ собою: я не долженъ былъ имѣть подобной тревоги, не потому, чтобы считалъ себя достойнымъ Вашего воспоминанія, а потому, что долженъ былъ вѣрить Вашему характеру, столь мнѣ извѣстному: правда мысль о несказанной прелести моего свиданія съ Вашимъ Величествомъ въ Нирнбергѣ всегда развеселяли меня; но воображеніе, упрямо и подозрительно; въ отдаленіи многое его пугаетъ. Какъ же не благодарить мнѣ Ваше Величество за тѣ цѣлительныя строки, которые по приказанію Вашему написала мнѣ Графиня Толстая! Вы прислали мнѣ рецептъ радикальнаго лѣкарства. Когда услышишь нечаянно давнишнюю знакомую мелодію, передъ душею является и то мѣсто, гдѣ ее слышалъ прежде, и тѣ люди, которые тогда были близко, и тѣ чувства, которые тогда жили въ сердцѣ: такое дѣйствіе произвелъ на меня Вашъ голосъ, услышанный мною въ этихъ драгоценныхъ строкахъ. И я и жена полагаемъ ко стопамъ Вашего Императорскаго Величества нашу живѣйшую благодарность и съ благоговѣніемъ цѣлуемъ Вашу руку. Когда-то Богъ приведетъ мнѣ почувствовать ее въ моей рукѣ, какъ то было въ Нирнбергѣ или еще болѣе, какъ то было въ Дармштадѣ, когда Вы такъ милостиво мнѣ дали Ваше благословеніе на новую жизнь. Моя болѣзнь упряма, и я не надѣюсь отъ нее до конца зимы отдѣлаться; а Гугертъ говорить, что съ

Марта мѣсяца должно начаться для меня лѣченіе, которое вѣроятно продолжится до половины Іюля. Дай Богъ, чтобы это такъ было, и чтобы мое изгнанничество наконецъ кончилось. Моя болѣзнь испортила для меня пребываніе въ Баденѣ Государыни Великой Княгини Маріи Николаевны²⁾; правда она была поводомъ, что Ея Высочество навѣстила меня въ моей семье: она подарила намъ три незабвенныхъ вечера, въ которые все милое отечественное побывало у меня въ гостяхъ вмѣстѣ съ Нею; но послѣ я видѣлъ Ее только при отъѣздѣ Ея изъ Бадена. Моя болѣзнь доставила мнѣ и другое счастье: посѣщеніе Его Величества Короля Пруссаго; онъ благоволилъ провезти у меня почти часъ; моя жена, лежавшая тогда въ постелѣ больная, не могла Его видѣть; но когда онъ покидалъ меня, я подвелъ къ Нему моихъ дѣтей, прося чтобы онъ положилъ на ихъ головы съ благословіемъ свою руку. Послѣ я имѣлъ счастье видѣть у себя и Принца Пруссаго и Принцессу Прусскую.

Теперь въ сердцѣ у меня одно нетерпѣливое желаніе: возвращеніе весны; авось она прогонитъ мою болѣзнь и отворитъ мнѣ двери въ Россію³⁾.

Молю Бога чтобы Онъ сохранилъ Вамъ Всемилостивѣйшая Государыня на долгое время здравіе и благоденствіе.

Вашего Императорскаго Величества

Вѣрноподанный

В. Жуковскій.

Баденъ-Баденъ. $\frac{13}{25}$ Января 1852 года.

Примѣчанія къ письмамъ.

1.

1) Годъ опредѣляется при помощи дневниковъ В. А. Жуковскаго: въ письмѣ упоминается о чтеніи трагедіи Клейста «Prinz von Homburg», а въ своемъ дневникѣ подъ 21 нояб. (нов. ст.) 1821 г. Жуковскій записалъ: «Обѣдъ и вечеръ у м-е Kleist, (чтеніе) «Prinz von Homburg». (Дневникъ В. А. Жуковскаго, изд. И. А. Бычковымъ). Есть небольшое разногласіе между дневникомъ и письмомъ. Въ дневникѣ Жуковскій пишетъ, что онъ провелъ вечеръ у м-е Kleist, гдѣ, очевидно, и происходило чтеніе названной трагедіи, а въ письмѣ къ великой княгинѣ говоритъ, что провелъ вмѣстѣ съ Кронпринцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ «два пріятнѣйшихъ вечера у Wildermeth. Въ оба раза читали Клейстову трагедію Der Prinz von Homburg». Нужно думать, что запись въ дневникѣ правильнѣе, такъ какъ въ письмѣ, написанномъ болѣе двухъ недѣль спустя, Жуковскій легко могъ ошибиться, тѣмъ болѣе, что все это время онъ проводилъ въ кружкѣ однихъ и тѣхъ же лицъ, между которыми постоянными членами были и Кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ и m-elle Wildermeth и M-me Kleist, а собранія происходили то у одного, то у другого изъ названныхъ лицъ.

2) Жуковскій долженъ былъ вернуться къ великой княгинѣ, чтобы продолжать съ ней занятія русскимъ языкомъ.

3) Жуковскій отмѣтилъ въ дневникѣ подъ 8—13 ноября (нов. ст.), что просидѣлъ это время дома, но зато съ 14 ноября началось, какъ онъ пишетъ дальше, «пріятное препровожденіе времени» въ кружкѣ лицъ, стоявшихъ близко ко двору и отчасти къ литературѣ и искусствамъ. Музыка, пѣніе, обзорнѣе достопримѣчательностей, театръ, чтеніе, литературныя бесѣды и споры чередуются одни за другими, оживляя придворную атмосферу и внося въ нее такую интересную и оживленную интеллигентную жизнь, которая, вѣжета, шла въ разрѣзъ съ общимъ строгимъ этикетомъ и формализмомъ придворныхъ порядковъ.

4) По всей вѣроятности, одна изъ придворныхъ дамъ.

5) Съ 1805 года m-elle Wildermeth была гувернанткой принцессы прусской Шарлотты, впоследствии великой княгини и императрицы Александры Θεодоровны. Жуковский былъ съ ней очень друженъ, часто встрѣчался съ ней, много бесѣдовалъ. Онъ такъ однажды отозвался о ней въ своемъ дневникѣ: «у ней много ума и при немъ есть какое-то дѣтское простосердечіе. Она болѣе, нежели кто-нибудь, удалена отъ интригъ» (Дневника В. А. Жуковского I. с. стр. 87). Въ слѣдующихъ письмахъ она упоминается неоднократно; Жуковский находился съ ней въ перепискѣ.

6) Христіанъ-Вильгельмъ Гуфеландъ (род. 1762, ум. 1836 г.), лейб-медикъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, былъ въ свое время пзвѣстнымъ врачомъ, профессоромъ и писателемъ. Съ его сочиненіями Жуковский былъ знакомъ уже въ 1804 г. (См. «Бумаги В. А. Жуковского», описанныя И. Бычковымъ), лично съ нимъ онъ познакомился въ 1820 году 31 октября въ Берлинѣ (см. «Дневники В. А. Жуковского») и полюбилъ этого интереснаго и, повидимому, очень симпатичнаго человѣка. «Я провелъ прекрасный вечеръ, пишетъ Жуковский въ своемъ дневникѣ 3-го ноября 1820 года.» Гуфландъ привлекательный человѣкъ. Въ первый разъ, когда я его увидѣлъ, сердце невольно къ нему склонилось; оно рѣдко обманывается. Я былъ счастливъ и доволенъ самимъ собой, говоря съ этимъ старикомъ, смотря ему въ лице, на которомъ глубокомысленная важность, тонкость слита съ какимъ-то пріятливымъ простодушіемъ.... Гуфландъ говорилъ прекрасно о ложныхъ мѣрахъ правительства насчетъ притѣсненія свободы печатанія... Этотъ вечеръ прошелъ для меня прекрасно, его можно причислить къ хорошимъ минутамъ жизни.—Смотря въ глаза старику Гуфланду, у меня вертѣлось на языкѣ слово Vater; онъ имѣетъ для меня прелесть Краузе («человѣкъ съ необыкновенными дарованіями, поэтъ, въ обширномъ значеніи этого слова», какъ отзывался о немъ Жуковский въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ сентября или октября 1816 года). Но въ чемъ же эта прелесть? Не въ умѣ, не въ знаніи, но въ сердцѣ, которымъ мы живемъ сами и которое въ другихъ животворитъ насъ и притягиваетъ. Прощаясь съ старикомъ, я отъ души жаль его руку, а онъ мнѣ сказалъ съ какимъ то прелестнымъ доброжелательствомъ: «Adieu, sie haben mich sehr erfreut». Эти слова звучали въ моей душѣ; дома невольная меланхолія меня наполнила; не могу ее изъяснить, но я готовъ былъ плакать.

7) Фридрихъ Вильгельмъ III (король прусскій 1797—1840 г.), отецъ великой княгини Александры Θεодоровны.

8) Карлъ Фридрихъ-Августъ (р. 1785—ум. 1837 г.), герцогъ Мекленбургъ Стрелицкій, прусскій генералъ отъ инфантеріи, сводный братъ Королевы Луизы Прусской, матери великой княгини Александры Θεодоровны.

9) Родная сестра великой княгини Александры Теодоровны.

10) Братъ великой княгини Александры Теодоровны, наслѣдникъ прусскаго престола Фридрихъ-Вильгельмъ (род. въ 1797 г., вступилъ на престолъ подъ именемъ Фридриха-Вильгельма IV въ 1840 г., ум. въ 1861 г.), былъ большимъ другомъ Жуковскаго. Они переписывались.

11) Heinrich von Kleist (род. въ 1777 г., ум. въ 1811 г.)— нѣмецкій драматургъ и авторъ разсказовъ и стихотвореній. Онъ былъ послѣдователемъ нѣмецкой романтической школы (Веймарскаго кружка), но въ его сочиненіяхъ часто прорывались, благодаря его страстной, необузданной натурѣ, черты реальной поэзіи. Многія изъ произведеній его носятъ яркій патріотическій отпечатокъ.

12) Одна изъ національныхъ драмъ Клейста, наиболѣе выдержанная и сценичная изъ всѣхъ его драматическихъ произведеній, но съ узкопатріотическимъ характеромъ.

13) Принцы: Вильгельмъ (род. 1797 г., ум. 1888 г., впоследствии первый императоръ германскій), Карлъ (род. 1801 г., ум. 1883 г.) и Альбрехтъ (род. 1809 г. ум. 1872 г.) — сыновья короля Фридриха-Вильгельма III.

14) Ему было тогда всего 12 лѣтъ.

15) Жуковскій состоялъ въ должности преподавателя русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ. Въ Петербургъ онъ вернулся однако лишь 6 февраля 1822 года.

2.

1) Годъ письма опредѣляется событіемъ, по поводу котораго оно написано—смертью Марьи Андреевны Мойеръ (урожд. Протасовой), скончавшейся 19 марта 1823 г. Можетъ быть, Зейдлицъ и не подозрѣвалъ о существованіи этого письма къ Великой Княгинѣ, такъ какъ въ своей книгѣ: «Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго» говоритъ по поводу этого событія: «извѣстіе о преждевременной смерти Маріи Андреевны потрясло душу Жуковскаго и погрузило его на многіе годы въ тихую меланхолическую грусть. Нельзя описать словомъ того, что происходило въ душѣ несчастнаго поэта. Собственныя его слова лучше всего изображаютъ его скорбь при этомъ роковомъ ударѣ. Онъ тотчасъ поѣхалъ въ Дерптъ. Кому оттуда онъ могъ сообщить горестныя свои чувства, какъ не подругъ своей Авдотѣ Петровнѣ Елагинной? Онъ и писалъ къ ней 28 марта».

Письмо къ великой княгинѣ близко къ письму къ Авдотѣ Петровнѣ не только по содержанію, но и по многимъ отдѣльнымъ выраженіямъ,

но къ великой книгѣ Жуковскій написалъ раньше чѣмъ Авдотья Петровна, — на другой же день по прїѣздѣ въ Дерптъ, 25 марта.

2) Гдѣ жила и скончалась Марья Андреевна Мойеръ и куда онъ только что прїѣхалъ, узнавъ о ея смерти, для него совершенно неожиданной, такъ какъ только съ недѣлю тому назадъ онъ видѣлся съ Марьей Андреевной въ томъ же Дерптѣ, куда провожалъ изъ Петербурга ея сестру, Александру Андреевну Воейкову, и гдѣ пробылъ двѣ недѣли.

3) Ек. Ае. Протасова, А. А. Воейкова и И. Ѡ. Мойеръ.

4) Выраженіе, тождественное съ таковымъ же въ письмѣ къ Авдотья Петровна Елагинной.

5) Александра Андреевна Воейкова ѣхала съ дѣтьми въ Дерптъ къ сестрѣ.

6) Марья Андреевна Мойеръ. Она была общей любимицей и особенно была дружна съ сестрой Александрой и Жуковскимъ.

7) Первый ребенокъ Марьи Андреевны — ея дочь Катя. Екатерина Ивановна Мойеръ воспитана была Екатериной Аенасъевной Протасовой вмѣстѣ съ двумя дѣтьми другой ея дочери, Александры Андреевны Воейковой (умершей 1829 года), и впоследствии вышла замужъ за сына Авдотьи Петровны Елагинной — Василя Александровича. Сообщение Марьи Васильевны Бееръ, дочери Екатерины Ивановны Елагинной. Эти данныя позволяютъ намъ исправить указаніе Зейдлица въ его книгѣ о Жуковскомъ (стр. 133 прим. 2), что Екатерина Ивановна была воспитана Авдотьей Петровной Елагинной.

8) Похороны происходили 21 марта, а Жуковскій могъ прїѣхать только 23 или 24-го.

9 и 10) Эти выраженія совершенно одинаковыя съ таковыми же въ письмѣ къ Авдотья Петровна Елагинной.

3.

1) Карамзинъ умеръ 22 мая 1826 года. Жуковскій узналъ объ этомъ изъ газетъ только 11 іюня по прїѣздѣ своемъ въ Эмсъ для лѣченія.

2) Рѣчь идетъ о милостивомъ рескриптѣ Карамзину Императора Николая Павловича (написанномъ Жуковскимъ) 13 мая 1826 года и объ указѣ Императора Министру Финансовъ о производствѣ Карамзину (а послѣ его смерти семьѣ его) пенсія въ 50,000 рублей въ годъ.

3) Христіанъ Фридрихъ — сынъ датскаго короля Христіана VI.

4) Жуковскій прибылъ въ Эмсъ 10 іюня.

5) Привести этотъ планъ въ исполненіе ему не удалось: ему пришлось вернуться въ Россію много позже, а именно въ октябрѣ 1827 года.

6) Генераль-адъютантъ Карлъ Карловичъ Мердеръ (род. въ 1788 г., ум. въ 1834 г.), воспитатель Наслѣдника Цесаревича великаго князя Александра Николаевича.

7) Супруга Кропиринца Фридриха Вильгельма — урожд. принцесса Баварская Елизавета.

8) По всей вѣроятности, принцъ Фридрихъ-Августъ (род. 1727, ум. 1854, года), съ 1837 г. Саксонскій король Фридрихъ-Августъ II.

9) Прусскій генераль Карлъ фонъ Клаузевицъ (род. 1780 г., ум. 1831 г.) и его жена, урожденная графиня Брюль.

10) Очевидно, жена нидерландскаго генерала и посланника графа Генриха-Георга Перпоше (род. 1771 г., ум. 1856 г.).

11) Адъютантъ кропиринца прусскаго Адамъ фонъ-Тюмплингъ (род. 1781 г., ум. 1871 г.).

12) Герцогиня Саксенъ-Веймарская Марія Павловна — сестра Императоровъ Александра и Николая Павловичей.

13) Графиня Юлія Эглофштейнъ (род. 1792 г., ум. 1869 г.), обладавшая художественнымъ талантомъ, хорошая знакомая Гёте.

14) Вѣроятно, княгиня Софія Сергѣевна Мещерская (род. 1775 г., ум. 1848 г.), урожденная Всеволожская — извѣстная благотворительница и распространительница духовно-нравственнаго просвѣщенія въ Россіи.

15) По всей вѣроятности, вдова извѣстнаго героя—генерала Дмитрія Сергѣевича Дохтурова (род. 1756 г. ум. 1816 г.).

16) Княгиня Марія Аркадьевна Голлицна, урожденная княжна Суворова.

17) Александръ Скарлатовичъ Стурдза (род. 1791 г., ум. 1854 г.). Служилъ въ Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и занимался литературой.

18) Графъ Альбертъ Эдлингъ (род. 1774 г., ум. 1841 г.), Саксенъ-веймарскій министръ, былъ женатъ на Роксандрѣ (Александрѣ) Скарлатовицѣ Стурдза, сестрѣ Александра Скарлатовича.

19) Жена Александра Скарлатовича — дочь Х. В. Гуфланда.

20) Графъ Іоаннъ Каподистрія, русскій и греческій государственный дѣятель (род. 1776 г., ум. 1831 г.). Жуковскій очень уважалъ и любилъ его и даже рекомендовалъ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, какъ воспитателя для великаго князя Александра Николаевича.

21) Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича.

22) Коронованіе Императора Николая Павловича состоялось 22 авг. 1826 года.

23) Намекъ на отказъ Николая Павловича отъ престола въ пользу своего брата Константина Павловича и присяга послѣднему, какъ Императору, несмотря на то, что ему былъ уже извѣстенъ отказъ брата и было вскрыто письмо покойнаго Императора, въ которомъ Александръ Павловичъ назначалъ своимъ преемникомъ Николая Павловича. Извѣстно, что Николай Павловичъ только тогда рѣшился вступить на престолъ, когда отъ великаго князя Константина Павловича было вновь получено подтвержденіе его отказа. Эти колебанія вызвали волненіе и смуты (между прочимъ, и заговоръ Декабристовъ), на которыя Жуковскій намекаетъ дагѣ въ томъ же письмѣ.

24) Указаніе на интриги въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра Павловича и на событія 14 декабря 1825 года.

4.

1) Торжественный въѣздъ Императора Николая Павловича въ Москву для коронованія состоялся 25 іюля 1826 года.

2) Принцессу Маріанну, супругу принца Вильгельма, брата короля Пруссаго Фридриха-Вильгельма III.

3) По отиѣтѣ Жуковскаго въ дневникѣ это было 6/13 іюля.

4) Наслѣдный принцъ Фридрихъ Вильгельмъ.

5) Согласно дневнику Жуковскаго это было 14/26 и 15/27 іюля.

6) Великая Княгиня Марія Павловна, Герцогиня Саксенъ-Веймарская, пріѣхавшая въ Эмсъ 19/31 іюля. Жуковскій часто бывалъ у нея.

7) Очевидно, она все еще находилась подъ впечатлѣніемъ смерти своего брата, Императора Александра Павловича.

5.

1) Въ дневникѣ В. А. Жуковскаго подъ 7/19, 8/20, 14/26, 17/29, 19/31 августа 1826 года идетъ рѣчь о какомъ-то письмѣ, которое только 21 авг. / 12 сент. было отправлено. И. А. Бычковъ въ примѣчаніяхъ къ этому мѣсту дневника утвердительно говоритъ, что тутъ идетъ рѣчь о письмѣ Жуковскаго къ самому Императору. Но если онъ основывается только на приведенныхъ имъ данныхъ, то онъ едва ли правъ, такъ какъ нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что въ дневникѣ Жуковскаго идетъ рѣчь именно объ этомъ обстоятельномъ письмѣ къ Императрицѣ Алек-

сандръ Θεодоровнѣ (на написание котораго онъ употребилъ цѣлыхъ 12 дней), и нѣтъ повода предполагать, что кромѣ этого письма Жуковскій писалъ еще самому Императору. Въ концѣ письма онъ вполнѣ определенно говоритъ: «Соблаговолите сообщить мои соображенія Государю Императору. Я буду ждать въ Дрезденѣ Высочайшаго рѣшенія, чтобы сообразоваться съ нимъ безъ всякаго промедленія». И такъ какъ отъ этого рѣшенія Императора зависѣло возстановленіе его разбитаго здоровья, то не удивительно, что онъ называетъ это письмо «роковымъ» (письмо къ А. И. Тургеневу).

2) Коронованіе состоялось 22 августа, и, слѣдовательно, письмо, отправленное только 21 августа / 2 сент., не могло попасть ко дню коронаціи.

3) Августъ-Фридрихъ-Андріанъ Диль (род. 1756 г., ум. 1839) былъ врачомъ въ Эмсѣ въ продолженіе 40 лѣтъ и пользовалъ очень многихъ русскихъ.

6.

1) Великаго Князя Александра Николаевича, родившагося 17 апрѣля 1818 года.

2) Это была св. Пасха.

3) Какъ день рожденія Наслѣдника Царскаго престола.

4) Эти выраженія письма напоминаютъ настроеніе, въ которомъ находился Жуковскій, когда писалъ свой пророческій гимнъ: «Посланіе къ Великой Княгинѣ Александрѣ Θεодоровнѣ». Въ «Дневникѣ» его мы находимъ соответствующую этому настроенію запись подъ 17 апр. 1818 года онъ писалъ: «Одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней. Рожденіе Великаго Князя. Прелестное утро. Чувства веселья, яснѣя, живѣя, безъ примѣси. Радость истинная».

5) Торжественно радостный тонъ этой части письма напоминаетъ разсужденіе Жуковскаго на тему: «Христосъ Воскресъ» въ альбомѣ, подаренномъ Наслѣднику Цесаревичу, когда по случаю своего совершеннолѣтія въ 1834 г. онъ приносилъ присягу.

6) Это письмо до сихъ поръ, повидимому, напечатано не было.

7) Разумѣется встрѣча великаго князя Александра Николаевича съ принцессой Маріей Гессенской, дочерью великаго Герцога Гессенскаго Людовика II, которая стала его невѣстой, а затѣмъ супругой.

8) Графъ А. Θ. Орловъ состоялъ въ свитѣ великаго князя Александра Николаевича во время его путешествія за границей.

9) Это было 5/17 апрѣля 1839 года.

10) Эти стихи взяты Жуковскимъ изъ его же стихотворенія (написаннаго, по дневнику, 11 апр.), извѣстнаго подъ заглавіемъ: «Поэту

Ленепсу, въ отвѣтъ на его посланіе ко мнѣ, написанное на случай посѣщенія Саардама Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Изъ этого стихотворенія, появившагося въ «Утренней Зарѣ» на 1840-й годъ, Жуковский помѣстилъ въ письмѣ къ Императрицѣ только стихи отъ 6—14 включительно. Текстъ стихотворенія въ письмѣ нѣсколько разнится отъ печатнаго.

11) Этотъ стихъ въ печатномъ текстѣ читается такъ:

Здѣсь былъ его рукой корабль заложенъ тотъ.

12) Въ печатномъ текстѣ: неизмѣняемо.

13) Въ печатномъ текстѣ первыя два слова стиха пропущены и осталось только:

плыветь подъ флагомъ славы.

14) Для него на этотъ случай онъ написалъ стихотвореніе, появившееся въ печати лишь въ 1867 году (въ Русскомъ Архивѣ № 11). Это стихотвореніе «Въ Саардамскомъ домикѣ» (Великому Князю Александру Николаевичу).

15) Въ дневникѣ Жуковского: уѣхали 19-го и пріѣхали въ Лондонъ 21-го.

7.

1) Баронъ Будбергъ пріѣхалъ со специальнымъ порученіемъ Императора — передать благословеніе на бракъ великаго князя съ принцессой Маріей гессенской.

2) Рѣчь идетъ объ упоминаемой въ предыдущемъ письмѣ встрѣчѣ Великаго Князя Александра Николаевича съ его будущей супругой Маріей Александровной.

3) По желанію Императора Николая Павловича Жуковский былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка къ принцессѣ гессенской Маріи.

4) Т. е. въ тотъ моментъ, когда было получено извѣстіе отъ Государя и Государыни объ ихъ согласіи на бракъ Великаго Князя съ принцессой Маріей.

5) Въ слѣдующемъ письмѣ къ Императрицѣ есть указаніе, что занятія русскимъ языкомъ съ принцессой Маріей Жуковскій началъ дѣйствительно 24-го апрѣля.

6) Свиданіе Императора Николая Павловича и императрицы Александры Феодоровны съ Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ и принцессой Маріей произошло 4-го Іюня въ Дармштатѣ, а затѣмъ Императрица переѣхала для леченія въ Эмсъ.

8.

- 1) Принцессой Маріей гессенской.
 - 2) Великій Князь Александръ Николаевичъ.
 - 3) Это было 22 октября 1817 года, когда Жуковскій началъ свои занятія по преподаванію русскаго языка съ Александрой Θεодоровной, тогда еще Великой Княгиней.
 - 4) Статсъ дама графиня Шарлотта Карловна Ливенъ, воспитательница дочерей Императора Павла Пестровича.
 - 5) На недостаточное количество времени, опредѣленнаго для занятій, указываетъ Жуковскій и позже въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Императору (см. стр. 63.).
 - 6) Здѣсь Жуковскій давалъ первый урокъ Великой Княгинѣ Александрѣ Θεодоровнѣ.
 - 7) Въ 1821 году, когда Жуковскій вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и своей ученицей Великой Княгиней посѣтилъ Берлинъ.
 - 8) Композиторъ Спонтини Людовикъ (графъ Сантъ Андреа) родился 14 ноября 1774 г. ум. 24 янв. 1851 г. Онъ написалъ 14 оперъ и цѣлый рядъ другихъ произведеній. Въ 1819 году онъ былъ приглашенъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III къ прусскому двору, при которомъ оставался до 1842 года. Зимой 1821 года, по случаю прїѣзда въ Берлинъ Великаго Князя Николая Павловича съ его супругой Великой Княгиней Александрой Θεодоровной, для празднествъ, устроенныхъ при королевскомъ дворѣ, Спонтини написалъ оперу-балетъ Лалла Рукъ (сюжетъ былъ заимствованъ изъ поэмы Томаса Мура). Позже, воспользовавшись отдѣльными частями этого произведенія, онъ переделалъ его въ двухъ-актную оперу «Нурмагалъ» или Праздникъ Кашемирскихъ розъ. Либретто для этой оперы написалъ М. Герглюцъ (*Biographie universelle des musiciens par F. Y. Fetis. Paris 1875, V, 8*).
 - 9) Какъ потому, что музыка оперы «Нурмагалъ», заимствованная изъ оперы Лалла Рукъ, напоминала ему праздникъ 1821 года, такъ и потому, что текущія событія его жизни вообще какъ будто повторялись въ томъ же видѣ, въ какомъ они протекли въ 18—20-хъ годахъ.
- У Гримма въ его монографіи «Alexandra Feodorowna Kaiserin von Russland (изд. второе, Leipzig 1861 г. т. I стр. 144) мы находимъ интересное описаніе этого праздника и характеристику Александры Θεодоровны въ этой роли. Die Königin des Festes war auch die der glänzenden plastischen Vorstellung. Die Grossfürstin war damals dreiundzwanzig Jahr alt, in der vollkommensten Entwicklung ihrer seltenen Schönheit; ihr Wuchs, ihre Gestalt trug nicht die kalten regelmässigen Formen der grie-

chischen Antike, sondern den abgerundeten Schmelz, den ein echt deutsches Gemuth in der glücklichsten Fülle der Jugend belebt; es war nicht der Stolz einer Juno, sondern die Seele eines weiblichen Herzens, die aus den hellen Augen blickte; um ihren Mund spielte die Liebe zu ihrem Gatten und zu ihren Kindern, aber aus jedem Zuge ihres ganzen Wesens sprach die Anmuth und der Reiz einer glücklichen Jugend. Heute erschien sie mit einer Krone auf dem Haupte, das gescheitelte Haar glitt zu beiden Seiten herab und legte sich in Locken auf die Schultern. Ein weisses Kleid umgab den Körper, die Brust ein Spencer von Goldstoff, und unter demselben schmiegte sich der breite Gürtel an und liess die Enden über den Schooss herabhängen; Perlen und Edelsteine stritten um den Vorrang, und selbst die orientalischen Schuhe waren von Smaragden übersät. Ein Grünfarbener Schleier mit Silberfäden durchwirkt umfloss die here Gestalt.

10) Стихъ Гёте, который Жуковский очень часто цитуетъ въ своихъ письмахъ.

11) Пери — Принцесса Елизавета Радзивиллъ.

12) Ангелъ — Графиня Матильда Фоссъ, замужемъ графиня Зинарь.

13) Придворная дама при прусскомъ Дворѣ.

14) Вильдерметъ, воспитательница и другъ Императрицы Александры Теодоровны, ум. 1839 г. Жуковский былъ съ ней очень друженъ; насколько она была ему близка, можно судить по одному изъ его отзывовъ о ней. Въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ изъ Карлсру 12/24 марта 1839 г. онъ пишетъ по поводу ея смерти: «въ Штутгартѣ узналъ я о сердечной тяжкой потери вашей; хотя вы и ожидали ея, но она васъ должна была поразить, какъ неожиданная. И для меня это есть потеря роднаго друга. Ни съ кѣмъ на свѣтѣ не было такъ приятно и такъ легко быть искреннимъ, какъ съ нашею доброю, несравненною Вильдерметъ. Это была самая высокая и самая простая душа. Какое утѣшеніе для Вашего Величества, что вы её могли навѣстить и этимъ послѣднимъ свиданіемъ въ жизни порадовать остальные, болѣзненные дни ея. Во всю жизнь свою сохраняю о ней благодарное воспоминаніе, ибо всѣ минуты, которыя провелъ я вмѣстѣ съ нею, были для меня не только приятны, но и благодѣтельны. Такого рода потери, такъ сказать, раззоряютъ жизнь. Счастливъ тотъ, кто можетъ сносить ихъ въ кругу роднаго семейства, но худо одному: онъ мало по малу становится глухонѣмымъ посреди общества».

15) Александра Андреевна Воейкова умерла 14/26 февраля 1829 г. въ Ливорно, гдѣ и похоронена на греческомъ кладбищѣ.

16) Это письмо Жуковскаго къ великому князю Александру Нико-

лаевичу, написанное изъ Эмса, напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1883 г. кн. II, стр. XLII.

17) Его мечты и планы относительно женитьбы.

9.

1) Объ этомъ письмѣ уже нѣсколько позже — въ концѣ августа 1840 г. — упоминаетъ Жуковский въ другомъ своемъ пространномъ письмѣ къ Екатеринѣ Аванасьевнѣ Протасовой, въ которомъ излагаетъ всю исторію своей женитьбы (оно было напечатано въ Русск. Бесѣдѣ 1859 г. III. 17).

2) Очевидно, тоже письмо, о которомъ упоминается на стр. 51. См. примѣчаніе 16-ое къ № 8.

3) Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ.

4) Рѣшенный уже тогда вопросъ о бракѣ Великаго Князя Александра Николаевича.

5) Невѣста Великаго Князя Александра Николаевича.

6) Жуковский тогда уже переговорилъ съ Рейтерномъ о своихъ мечтахъ и послѣдній далъ попятъ Жуковскому, что онъ, повидимому, можетъ разсчитывать на взаимность чувствъ со стороны старшей его дочери Елизаветы.

Въ письмѣ Жуковского къ Екатеринѣ Аванасьевнѣ Протасовой того-же 1840 г. есть вполне опредѣленные указанія на то, какъ произошли всѣ эти событія, и между прочимъ объяснены причины, почему Жуковский могъ думать, что отказа не будетъ. «Я назначилъ для отъѣзда моего субботу (это было 1 іюня)... Пароходъ долженъ былъ отправиться ровно въ 11-ть... Ночь была тихая, ясная; небо въ звѣздахъ; посреди звѣздъ великолѣпная полная луна; на Рейпѣ ни струи, и кругомъ тишина удивительная... Въ темнотѣ говоришь смѣлѣе и откровеннѣе, нежели при свѣтѣ, и я сказалъ своему Безрукому (Рейтерну): Теперь мы прощаемся на долго... Помнишь ли то, о чемъ я говорилъ тебѣ въ Петербургѣ? Теперь, болѣе нежели когда нибудь, почувствовалъ я всю правду того, что говорилъ тогда. Я зналъ бы гдѣ взять счастье жизни, если бы только могъ думать, что оно мнѣ дастся. Но, хотя я вижу его передъ собою, я не могу позволить себѣ никакой надежды. Остается, полюбовавшись имъ, какъ прекраснымъ видѣніемъ, отойти отъ него и пожалѣть, что присвоить его невозможно.—*Mon cher ami, отвѣчалъ онъ мнѣ, la chose n'est pas si impossible que vous le croyez et que moi je l'ai cru d'abord. — Comment? Qu'est ce que vous meditez-là? Pensez au nom de Dieu, que vos paroles sont pour moi la destinée!*

Expliquez moi. — Je crois, d'après ce que m'a dit ma femme et d'après mes propres observations, qu'Élisabeth a dans son coeur un attachement pour vous! Et c'est déjà depuis longtemps. — Cela me suffit; dès ce moment je suis à elle, si vous consentez, qu'elle soit à moi. Voici ma main. — Et voici la mienne. — Une seule condition. Ni vous, ni sa mère ne devez lui dire un seul mot. Laissons la Providence achever ce qu'elle a elle même préparé. Si Dieu veut que cela se fasse, cela se fera sans notre participation: en nous mêlant de son affaire, nous ne pourrions que la gêner. De mon côté tout est dit définitivement, sans la moindre hésitation. Mais nous ne savons pas encore au juste ce qui se passe dans son coeur; il faut que (lorsque le moment viendra) il se prononce librement, sans la moindre influence de la part de qui cela soit. A présent je pars pour la Russie, je préparerai tout de mon côté, et lorsque je me retrouverai vis à vis d'elle, elle me dira oui ou non, d'après ce que lui dictera son coeur. — Колоколъ на пароходѣ зазвонилъ, и мы разстались. Вы, можетъ быть, воображаете, что я былъ въ сильномъ волненіи. Какой быстрый и неожиданный переломъ въ жизни! Что былъ я за четверть часа? Одинокій пассажиръ парохода, на которомъ куда то ѣхалъ, не имѣя передъ глазами ясной цѣли. И вдругъ въ одно мгновеніе изъ чаши само Провидѣнія вынуло мнѣ жребій, съ которымъ все такъ давно желанное разомъ досталось мнѣ. Но я не былъ въ волненіи. Удивительная ясность, самая сладкая тишина, похожая на полное, внезапное выздоровленіе (отъ котораго вдругъ и жизнь становится милою и все окружающее прекраснымъ), влилась въ мою душу, обхватила ее всю, и съ этой минуты до теперешней ее не покидала. Половину этой ночи я не спалъ, и на другое утро проснулся какъ новый человѣкъ».

7) Елизавета Рейтернъ, которой было тогда 19 лѣтъ (род. 19 іюня 1821 года).

8) На эту просьбу сохранить все въ тайнѣ есть указаніе въ томъ же письмѣ къ Екатеринѣ Аванасъевнѣ Протасовой (См. примѣчаніе 1-ое къ письму № 10).

10.

1) Дѣло идетъ о предыдущемъ письмѣ, которое, какъ Жуковский пишетъ Екатеринѣ Аванасъевнѣ Протасовой, было имъ подано Государю въ моментъ Его отъѣзда въ Россію: «я уже приготовилъ письмо къ Государю, въ которомъ, объявляя ему о своемъ намѣреніи и прося его устроить мое будущее, просилъ въ то же время, чтобы онъ сохранилъ сказанное мною въ тайнѣ (сообщивъ его только Императрицѣ), ибо это дѣло было только моя надежда, можетъ быть, обманчивая, и я не

зналъ и не могъ быть увѣренъ, получи ли ея согласіе. Это письмо въ чернѣ показало я Рейтерну».

2) Счетъ велся на ассигнаціи. Интересно сопоставить съ этимъ сумму въ 50000 рублей, которая была назначена Императоромъ другому нашему писателю — Карамзину передъ его несостоявшимся отъѣздомъ за границу для лѣченія въ 1826 году. Какъ извѣстно, вся эта сумма сплона обращалась ему въ пенсію пожизненно, а послѣ его смерти также сплона его сиротамъ до вступленія всѣхъ ихъ на службу, а дочерямъ до выхода замужъ послѣдней изъ нихъ.

3) Мейерсгофъ близъ Дерпта. Оно было потомъ куплено докторомъ Зейдлицемъ за 115000 рублей.

4) Отказъ отъ громаднаго ежегоднаго содержанія и сумма, просимая Жуковскимъ только заимобразно для того, чтобы привести въ порядокъ дѣла, все это представляется въ дѣйствительности очень скромнымъ желаніемъ поэта и, кажется страннымъ, что Императоръ нашель его «безмѣрнымъ» (см. далѣе письмо № 11). Нужно думать, что такое мнѣніе Императора составилось не безъ посторонняго вліянія, которое могло задаться цѣлью устранить отъ близости къ Царской Семлѣ ея стараго друга. Это соображеніе можетъ объяснить и глубокую обиду Жуковского и страстный тонъ его письма къ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ (см. далѣе № 11). Интересно сопоставить съ этимъ «безмѣрнымъ» желаніемъ Жуковского его же письмо 21 апрѣля 1841 г. къ Авдотѣ Петровнѣ Кирѣевской (сл. «Утѣнскій Сборникъ т. I, стр. 69, № XLIV.) Приводимъ въ сокращеніи наиболѣе интересныя мѣста «Милая Дуныша... въ двухъ словахъ надобно сказать вамъ о томъ, что для меня рѣшилось... Чинъ тайнаго совѣтника; это хорошо для внѣшняго свѣта. Для внутренняго, домашняго свѣта, гдѣ всего нужнѣе покойное настоящее и ясное завтра, сдѣлано все, что я желалъ: дана мнѣ полная свобода съ сохраненіемъ мѣста при Наслѣдникѣ; 10,000 жалованія обращены въ пенсіонъ; окладъ по мѣсту 18,000 сохраненъ; все это съ моимъ пенсіономъ прежнимъ дастъ мнѣ 32,000 годового дохода; да еще Государь пожаловалъ 10,000 серебромъ на первое обзаведеніе — большаго и и во свѣ не желалъ;... Сверхъ того и продажа имѣнія идетъ весьма удачно. Я не думалъ продать его дороже 90,000, а продалъ за 110,000, что вмѣстѣ съ моею арендою составитъ мнѣ капиталъ въ 130,000. Слава Царю Небесному! Далъ Богъ пожить такъ, какъ Ему надобно. И да благословитъ Онъ Царя земнаго!»...

Не менѣе важно и письмо, того-же 21 апр. 1841 г. (Утѣнскій сборникъ, т. I, стр. 117, № XXIII), характеризующій вмѣстѣ съ тѣмъ и безкорыстное отношеніе Жуковского къ его друзьямъ. «Мои обстоя-

тельства устроились наилучшимъ образомъ, писалъ онъ А. П. Зонтагъ; я свободенъ жить гдѣ хочу и въ то же время состою при Великомъ Князѣ, что почитаю особеннымъ счастіемъ. Весь мой окладъ мнѣ оставленъ, что даетъ мнѣ возможность существовать съ моею будущею семьею безъ нужды. Сверхъ того Государь пожаловалъ мнѣ и денегъ на первое обзаведеніе. И наконецъ я стою въ книгѣ животныхъ подъ фирмою тайнаго совѣтника. *Словомъ, Государь устроилъ мое будущее, какъ добрый, заботливый отецъ.* Мое перо не повернулось бы описывать все это для васъ (хотя я знаю, что вы за меня порадуетесь, не смотря на свое горе), но я имѣю на то слѣдующія причины, вотъ онѣ: *я передъ вами богачъ, слѣдовательно, не вамъ со мною дѣлиться, а мнѣ съ вами.* Если не назначатъ вамъ законной пенсіи по праву вдовы, то вы по общему установленію получите только осьмую долю того жалованія, которое Зонтагъ получалъ въ послѣднее время; такъ расчелъ министръ внутреннихъ дѣлъ при мнѣ въ кабинетъ Воронцова. Вся эта осьмая часть составитъ едва ли 500 рублей. Вотъ что я сдѣлалъ съ своей стороны: *отъ Императрицы назначено мнѣ въ пенсіонъ 4000 рублей. Я уже просилъ ее, и она уже на это согласилась, отдѣлать отъ этихъ 4000 одну тысячу и обратить ее въ пенсіонъ вамъ.* Объ этомъ сдѣлано будетъ распоряженіе еще прежде моего отъѣзда. И такъ вы будете получать около 1500 пенсіона. Сверхъ того постараюсь выхлопотать у нея какое нибудь единовременное пособіе. Да вотъ еще что: у меня почти кончена поэма, за которую я надѣюсь получить 6000 рублей. Эти деньги могли бы мнѣ быть пужны, если бы мнѣ не пожаловано Государемъ *гораздо болѣе, чѣмъ сколько я ожидалъ. И такъ весьма естественно, что они должны быть ваши, и вы ихъ получите, какъ скоро они будутъ въ моихъ рукахъ.....* P. S. Чтобы облегчить вашу совѣсть на счетъ моихъ 6000, происходящихъ изъ моеѣ поэмы и принадлежащихъ (если Вы отъ нихъ откажетесь) Машѣ, то вѣдайте, что я продалъ свое Лифляндское имѣніе 25-ю тысячами дороже, нежели какъ ожидалъ. Есть изъ чего дѣлиться. *И такъ прошу не спорить: это будетъ безпокойно, досадно и обидно.*

5) Литке, Теодоръ Петровичъ, графъ (род. 1797 г., ум. 1882), извѣстный путешественникъ, адмиралъ, президентъ Императорской Академіи Наукъ и основатель Географическаго общества, былъ назначенъ въ 1832 г. воспитателемъ Великаго Князя Константина Николаевича.

6) Философовъ, Алексѣй Илларионовичъ, генералъ отъ артиллеріи, (род. 1799 г. ум. въ 1874 г.), отличившійся въ нѣсколькихъ походахъ, въ 1838 году былъ назначенъ воспитателемъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей.

7) Гриммъ, Августъ Теодоровичъ (род. 1805 г. ум. 1878 г.), былъ

сначала воспитателемъ великаго князя Константина Николаевича, затѣмъ въ 1838 году великой княгини Александры Николаевны; въ 1847 году Императоръ Николай Павловичъ поручилъ ему воспитаніе великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей; въ 1858 г. онъ былъ воспитателемъ дѣтей Императора Александра II. Ему принадлежитъ трудъ: «Alexandra Feodorovna, Kaiserin von Russland».

8) Гельмерсенъ, Павелъ Александровичъ (р. 1891 ум. 1894), профессоръ Александровскаго лицея и училища правовѣдѣнія.

9) Жуковскій понималъ, цѣнилъ и любилъ всѣ виды искусства и съ одинаковымъ увлеченіемъ во всѣ годы своей жизни любовался и наслаждался произведеніями художественнаго творчества—тому свидѣтельствомъ его дневники и письма. Самъ онъ съ неослабѣвающей страстью художника запосилъ въ свои многочисленные альбомы (намъ извѣстно до 20 альбомовъ съ его рисунками) все, что представляло какой либо интересъ въ художественномъ отношеніи — тутъ и виды и портреты и бытовыя сцены и памятники архитектуры и т. д. Его умѣнье схватывать всегда самое существенное, самое интересное, его способность талантливаго рисовальщика быстро, въ немногихъ чертахъ, въ однихъ контурахъ передавать съ фотографической точностью пространство, воздухъ, характерныя черты изображаемаго предмета—заслуживаетъ серьезнаго вниманія историковъ русскаго искусства. Для насъ же его прозѣтъ представляетъ интересъ, потому что характеризуетъ его взглядъ на образовательныя и воспитательныя средства, служащія для развитія духовной жизни человѣка.

11.

1) Приказаніе «d'être court» было конечно результатомъ дѣйствительно пространнаго письма Жуковскаго къ Императору Николаю I (см. № 10 нашего изданія). Весьма вѣроятно, что по причинѣ его чрезвычайной длины (въ которой онъ самъ сознается въ письмѣ къ великому князю Александру Николаевичу; см. далѣе № 13) оно не было читано Государемъ, а къмъ нибудь доложено безъ надлежащаго освѣщенія. Это объяснило бы недовольство Государя Жуковскимъ.

2) Самымъ обиднымъ для Жуковскаго было конечно не только недовольство Императора, но и то, что къ его мнѣнію присоединились и Императрица и Наслѣдникъ. Къ первой онъ питалъ самую возвышенную, вѣжливую дружбу и глубокую привязанность и благоговѣлъ передъ ней, какъ передъ «земнымъ ангеломъ»; послѣдняго онъ считалъ своимъ созданиемъ, на воспитаніе котораго отдалъ всего себя, всю свою жизнь. И

вотъ такія то безусловно дорогія для него существа могли измѣнить свое долгими годами составленное доброе мнѣніе о немъ, и такъ легко, такъ незаслуженно! Бѣльшей обиды, бѣльшаго огорченія для поэтически-чувствительной души Жуковскаго, конечно, нельзя было бы и придумать. То обстоятельство, что Государыня рѣзко прервала столь важный разговоръ, показываетъ, насколько было велико раздраженіе какъ ея самой, такъ и Государя Наслѣдника.

3) Жуковскій говоритъ о своей женитьбѣ, къ которой онъ относился какъ къ событію первостепенной для него важности. И какъ видно, ему было бы дорого, чтобы его «земной ангелъ» Императрица Александра Теодоровна участвовала душой въ этомъ событіи. Его слова: «je serai seul» отражаютъ глубокое чувство боли.

4) Подпись «Joukoffsky», безъ обычнаго во всѣхъ его письмахъ выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ, показываетъ, въ какомъ сильномъ волненіи было написано это письмо, конецъ котораго отличается исключительной рѣзкостью, вообще несвойственной Жуковскому и несомнѣстной съ его положеніемъ.

12.

1) Это письмо находится въ непосредственной связи съ предыдущимъ, очевидно поразившимъ Государыню искренностью и горячностью своего тона и заставившимъ призадуматься надъ чувствами оскорбленнаго до глубины души стараго друга Царской семьи. Но, можетъ быть, эта горячность и была главной причиной того, что такъ быстро наступило измѣненіе взглядовъ и полное примиреніе послѣ тяжелой и непріятной для обоихъ сторонъ размолвки.

2) Мѣсто отправленія этого письма опредѣляется указаніемъ самого Жуковскаго въ его большомъ письмѣ къ В. А. Протасовой отъ 10 авг.—5 сент. 1840 г. и данными письма, помѣщеннаго здѣсь подъ № 13.

3) Это простое обращеніе Жуковскаго къ Государынѣ—Non, Madame—характерно своей искренностью, какъ и содержанію письма, полнаго поэтическаго восторга передъ Императрицей. Контрастъ этихъ двухъ быстро слѣдующихъ одно за другимъ писемъ (№№ 11 и 12) интересенъ для характеристики психическаго настроенія поэта.

4) Того самого письма Великаго Князя, о которомъ упоминается и въ предыдущемъ письмѣ Жуковскаго къ Императрицѣ.

5) Фридриха Вильгельма, впоследствии короля Прусскаго Фридриха Вильгельма IV.

6) Также краткая подпись, какъ и въ предыдущемъ письмѣ, вызван-

ная тѣми же условіями возбужденности (см. примѣч. 4-ое къ письму № 11).

13.

1) Это письмо является съ одной стороны дополненіемъ письма № 12, съ другой замѣной длиннаго письма къ Государю, помѣщеннаго здѣсь подъ № 10.

Очевидно, что результатомъ ходатайства Жуковскаго о его обезпеченіи, изложеннаго въ краткомъ видѣ въ этомъ письмѣ къ Государынѣ, были тѣ пожалованія Государя, о которыхъ Жуковскій писалъ А. П. Кирѣевской и А. П. Зонтагъ въ Апрѣлѣ 1841 г. (см. примѣчаніе 4-ое къ письму № 10). И такъ какъ все, что было сдѣлано Императоромъ для обезпеченія Жуковскаго, превысило его ожиданія, то нужно думать, что подъ вліяніемъ Императрицы и произошла наконецъ та перемѣна въ мнѣніи Государя о Жуковскомъ, о которой послѣдній такъ настойчиво проситъ Государыню въ этомъ письмѣ.

14.

1) Это письмо Великаго Князя Александра Николаевича напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1883 г. кн. II.

2) Рѣчь идетъ о письмѣ Елизаветы Рейтернъ, тогда еще невѣсты Жуковскаго.

15.

1) Здѣсь говорится о стихотвореніи Жуковскаго: «1-го іюля 1842 года». Впервые оно было напечатано въ томъ же году въ 12-ой книжкѣ журнала «Москвитяницъ» съ примѣчаніемъ къ нему: «Сіи стихи, писанные на празднествѣ серебряной свадьбы русскаго царя, служатъ въ то же время изясненіемъ картины (поднесенной Рейтерномъ Императору Николаю Павловичу), на которой изображенъ Георгій Побѣдоносецъ съ двумя вѣнками въ рукахъ: одинъ изъ бѣлыхъ розъ, другой лавровый».

2) Приводимъ здѣсь эти «послѣднія строки стиховъ», дополняющія письмо Жуковскаго, вмѣстѣ съ его пожеланіями, чтобы они «были прочтествомъ».

Серебряную свадьбу права
Царя великаго и слава
Его домашній царскій бытъ,

Которымъ онъ животворитъ
 На всѣхъ концахъ его державы
 Семейныя благіе нравы —
 Любви супружней образецъ,
 Дѣтей заботливый отецъ —
 Народъ о томъ лишь Бога молитъ:
 «Да нѣкогда царю дозволитъ,
 Чтобъ онъ съ царицею своею,
 Всѣхъ сыновей и дочерей
 И чадъ и внуковъ ихъ собравши,
 И тратъ въ семьѣ не испытавши,
 Позвалъ народъ, какъ нынѣ, свой
 На праздникъ свадьбы золотой».

(Поли. Собр. Соч. В. А. Жуковского подъ редакціей проф. А. С. Архангельскаго. т. IV, стр. 36).

16.

- 1) Александра Васильевна Жуковская, впоследствии баронесса Ворманъ, умерла въ 1899 году.
- 2) Священникъ Пѣвницій.
- 3) Близъ Штутгарта.

17.

- 1) Императрица Александра Ѳеодоровна родилась 1 іюля 1798 года.
- 2) Алексѣй Захаровичъ Хитрово, государственный канцлеръ.
- 3) Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ генералъ адъютантъ (род. въ 1803 году, ум. въ 1860 г.). Былъ адъютантомъ Великаго Князя Михаила Павловича, управлялъ военно-учебными заведеніями, а впоследствии выдвинулся, какъ энергичный дѣятель по крестьянской реформѣ.
- 4) Князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.
- 5) Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ (род. 1774 г., ум. въ 1845 г.), тогда министръ финансовъ.
- 6) Извѣстная Александра Осиповна Смирнова, урожденная Россетъ.

18.

- 1) Рѣчь идетъ о рожденіи, 8-го сент. 1843 года, у Великаго Князя Александра Николаевича перваго сына, Великаго Князя Николая Александровича (умершаго 2 апр. 1865 г.).

2) Въ дневникахъ Жуковскаго по поводу этого свиданія записано всего нѣсколько словъ: «Короткое свиданіе съ Государемъ. Роковое «не заживайся» (См. Дневники В. А. Жуковскаго стр. 532).

3) Фридрихъ Вильгельмъ IV.

4) Отца Императрицы Александры Осодоровны — прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, умершаго въ 1840 году.

5) Лютеранскій епископъ Эйлертъ Рульманъ Фридрихъ, извѣстный богословъ, духовникъ Фридриха Вильгельма III (род. въ 1770 г., умеръ 1852 г.) Упомянуемое Жуковскимъ сочиненіе его носитъ названіе: *Characterzüge und historische Fragmente aus dem Leben des Königs von Preussen Friedrich Wilhelm III.* Этотъ трудъ издавался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Магдебургѣ и былъ законченъ въ 1843 г.

6) Рѣчь идетъ о начавшихся тогда въ Германіи волненіяхъ, которыя закончились событіями 1848-го года.

7) См. выше примѣчанія 8—10 къ письму № 8.

19.

1) Дочь Александры Андреевны Воейковой, урожд. Протасовой, которая была назначена фрейлиной къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

20.

1) Предстоявшій бракъ великой княгини Ольги Николаевны съ наследственнымъ принцемъ Вюртембергскимъ Карломъ (Фридрихомъ Александромъ), который вступилъ на престолъ въ 1864 году.

21.

1) Это письмо представляетъ большой интересъ потому, что въ немъ Жуковскій такъ подробно, какъ, кажется, нигдѣ, останавливается на оцѣнкѣ политическихъ событій, волновавшихъ Германію. Оно можетъ служить дополненіемъ къ письмамъ Жуковскаго къ Великому Князю Александру Николаевичу, напечатаннымъ въ Русскомъ Архивѣ 1885 г. т. I.

2) *Vorparlament* — предварительный парламентъ, засѣдавшій во Франкфуртѣ на Майнѣ съ 31 Марта по 3 Апрѣля 1848 г.

3) Этнимъ Викаріемъ (*Reichsverweser*) Германіи былъ избранъ во франкфуртскомъ парламентѣ, въ засѣданіи 29 Іюня 1848 года, Эрцгерцогъ австрійскій Іоаннъ.

4) Очевидно, рѣчь идетъ о Струве (Густавъ, р. 1805 г., ум. 1870), одномъ изъ главныхъ дѣятелей революціи 1848-го года.

5) Геккеръ, Фридрихъ Карлъ (1811 — 81), принимавшій участіе въ томъ-же революціонномъ движеніи.

6) Фрейлигратъ, Фердинандъ, нѣмецкій поэтъ, дѣятель въ событіяхъ 1848 года (род. въ 1810 г. ум. въ 1876 г.).

7) Письмо, о которомъ говоритъ Жуковский, хранится у его сына Павла Васильевича вмѣстѣ съ другими четырьмя письмами Фридриха Вильгельма IV къ нашему поэту. Ответныя (числомъ 15) письма В. А. Жуковского находятся въ личной библиотекѣ германскаго Императора. Лѣтомъ 1903 года я имѣлъ возможность познакомиться съ ними и получить разрѣшеніе на ихъ напечатаніе, къ чему предполагаю приступить въ скоромъ времени.

Въ виду того, что письмо Фридриха Вильгельма IV, изъ котораго Жуковский приводитъ выписку (оно не было еще напечатано), представляеть интересъ, какъ непосредственное дополненіе его письма къ Императрицѣ, мы приводимъ его въ томъ видѣ, въ какомъ оно сохранилось въ оригиналѣ.

Sans - Souci 18 Sptb. 1848 г.

Cher et tendrement aimé Joukowsky,

Vous saurez déjà, que l'affaire de la pension de retraite de notre ami a été réglée depuis Votre lettre. Je trouve le montant de la pension au-dessous de toute critique. Il est le resultat de ce «*besoin d'injustice*», qui fait l'essence de la vie du liberalisme. Pour le moment il n'y a rien à faire. Dieu sait, que j'ai fait tout ce que j'ai pu, pour épargner cette tâche à mon «*soi-disant règne!*» Mais c'est en vain. L'ami à 2250 thalers de pension! Dites moi franchement, cher et excellent ami, cela suffit-il à son existence? Votre généreux et noble projet, qui ne pouvait sortir dans toute l'Europe que de Votre coeur seul, n'est, certes, plus nécessaire de réaliser. Mais j'ajouterais de grand coeur quelques centaines d'écus par an à la pension, sur ma cassette, si Vous le jugez nécessaire et s'il y a moyen de les faire accepter à notre cher et digne ami, qui parfois a la tête de marbre. Il m'importe beaucoup de savoir la vérité d'une chose que l'on m'a affirmée à plusieurs reprises de la manière la plus positive de la part du departement et à laquelle néanmoins je me prens la liberté de ne pas croire, jusqu'à ce que je n'aie la confirmation par l'ami lui même. C'est que la Caisse du departement lui a payé bey Heller und Pfennig tout son salaire jusqu'au jour où sa pension lui a été annoncée. Veuillez de grace, cher ami, me procurer la certitude sur la verité où le mensonge de cette assertion. Cela serait à peu près 6000 thalers et lui

serait sans doute de quelque ressource. Jusqu'au mois de mai il n'avait pas reçu une obole. Je sais cela de lui même. Faudrait donc, que ladite Caisse ait fait depuis Juin un effort surnaturel pour remplir son devoir. Mais «le habitus» du misérable qui gérait dans ce tems-là les affaires étrangères m'est presque garant, que la chose ne s'est pas faite.

Ah! cher et digne Joukowsky, quels tems et quelle engence, que celle qui règne et qui fait regner!!!!

Unissez Vos ferventes prières aux miennes, pour que Dieu ait pitié de nous! qu'il bénisse mes choix et mes projets. Ma patience est à bout. Je me relève de ma chute ou pour tomber à jamais, ou, si Notre Seigneur m'est secourable, pour commencer une nouvelle ère pour la Prusse et l'Allemagne. «Das Gebet des Gerechten vermag viel». C'est ma fière et sainte parole. Ich bin voll Gott Vertraun. Vale.

Конецъ листа съ подписью короля оторванъ, очевидно, имъ самимъ а на другой сторонѣ (на 4-ой страницѣ почтового листа) слѣдуетъ еще приписка:

P. S. J'ai eu l'espoir secret de Vous voir à Cologne. C'est bien, bien triste, que Vous n'y êtes pas venu. La fête dans l'incomparable Cathédrale était miraculeusement belle. C'était un grand jour. Un beau jour. Allez y pour voir cette nef, rendue au Culte et s'élevant à la hauteur de 100 pieds.—Et si la forme du culte, qu'on y célèbre, n'est ni celle du Votre, ni celle du mien, c'est toujours le sanctissime nom de *Notre Seigneur* qu'on y adore, et cela fait un bien ineffable à l'âme, qui se dessèche sous le souffle homicide des misérabilités colossales et destructives d'un tems qui veut tout et qui ne peut rien; d'un tems qui n'a pour seule excuse que son plus abominable péché—l'apostasie!

На это письмо Жуковский отвѣчалъ королю:

«Oui, sire, les tems, ou nous vivons, sont affreux: le bien est devenu impossible, l'avenir, qui se dresse devant nous, est un monstre d'anarchie qui menace d'engloutir la société humaine. Il n'y a de salut possible que dans le prompt et énergique reveil de l'autorité. Qui serait plus digne de la relever que Vous, sire? et en qui on devrait avoir une pleine confiance, si ce n'est en vous? Mais on est aveuglé. Toutefois vos grands et beaux projets n'ont pas été en vain. Dieu les *benira*, sire. Avec le courage d'un Chretien et la resolution dun roi vous les réaliserez pour le bien de l'Humanité. J'espère en Dieu pour vous. C'est vous qu'il employera pour faire triompher sa cause, puisque c'est votre âme qu'il a daigné choisir pour la soumettre à de telles épreuves».

8) «Одно особое обстоятельство», по поводу котораго Жуковский писалъ Фридриху Вильгельму IV, — были его усиленныя и настойчивыя хлопоты относительно обезпеченія Радовица.

22.

- 1) 14 декабря 1825 года — день заговора Декабристовъ.
- 2) Въ письмахъ Жуковского къ Императрицѣ это признаніе тяжелыхъ сторонъ его семейной жизни слышится впервые.
- 3) Подъ этимъ ангеломъ хранителемъ Жуковскій, очевидно, подразумеваетъ Наслѣдника Цесаревича.

23.

- 1) Это предсмертное письмо писано уже не самимъ Жуковскимъ, совсѣмъ потерявшимъ зрѣніе и угасавшимъ понемногу, а подъ его диктовку, по всей вѣроятности (это предположеніе его сына Павла Васильевича) однимъ изъ братьевъ жены поэта, и только подписано имъ собственноручно крупнымъ твердымъ почеркомъ.
 - 2) Великая княгиня Марія Николаевна, дочь Императора Николая Павловича, супруга герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго (родилась 1819, ум. 1876 г.).
 - 3) Весна этого года не отворила Жуковскому «двери въ Россію»; онъ скончался 12 апрѣля 1852 года.
-

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗВѢСТНЫХЪ ВЪ ПЕЧАТИ ПИСЕМЪ.

Василія Андреевича Жуковскаго.

къ

**Императору Николаю Павловичу и къ Императрицѣ Александрѣ
Феодоровнѣ**

съ 1817 г. по 1852 г.

1.	1817 или нач. 1818.....	рус.	В. К. А. Θ.
2.	1821 1 іюня (н. с.)	изъ Дрездена ..	» » »
3.	» 4/16, 10/22, 17/29 іюня	{ » Праги } { » Карлсбада . }	» » »
4.	» 23/5, 29/10 іюня.	» » ..	» » »
5.	» 2/14, 7/19 октября	{ » Штутгардта } { » Франкфурта }	» » »
6.	» 1/13 ноября	» Берлина ..	» » »
7.	» 26 ноября, 8 декабря...	» » ..	» » »
8.	1823 25 марта	» Дертта ...	фр. И. А. Θ.
9.	1826 15/27 іюня	» Эмса	» » »
10.	» 22 іюля, 3 августа.....	» »	» » »
11.	» 18/30 августа.....	» Франценсбрунна	» » »
12.	» 2/14 октября	» Дрездена ..	» » »
13.	1827 1 января	» »	фр. » »
14.	» 1/13 іюля	» »	» » »
15.	» 15/27 сентября	» Берлина...	» » »
16.	1827 16/28 »	» »	И. А. Θ.
17.	» декабря.	» С.-Петербур..	рус. И. Н. П.
18.	1828 25 іюня	» Павловска .	» И. А. Θ.
19.	» 2 іюля	» — ...	» » »

Въ перечнѣ сдѣланы для краткости слѣдующія сокращенія: 1) Письмо, писанное Книжницѣ Александрѣмъ Теодоровичемъ — В. К. А. Θ., тоже Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ было напечатано данное письмо: Русскій Архивъ—Р. Ар.; Русская Старина—В. А. Жуковскаго 1878 г. изданіе 7-ое подъ ред. П. А. Ефремова—Из. 7-ое; Полное собраніе, описанныя И. Бычковымъ С. П. 1887 г.—О. Б. Ж. Второе и третье изданіе пѣвца Жирнымъ шрифтомъ напечатаны данныя, касающіяся писемъ, помѣщенныхъ

напечатано въ Р. Ар.	1900 г. IX т.	стр. 39.	—
» » » Ст.	1901 » ... X » ...	» 221	№ 1.
» » »	» » ... » ...	» 224	№ 2.
» » »	» » ... XI » ...	» 389	№ 3.
» » »	1902 » ... V » ...	» 337	№ 4.
» » »	» » ... » ...	» 357	№ 5.
» » Ан. Сб.	1904 » ... II ...	» 1	№ 1.
» » »	» » ... » ...	» 3	№ 2.
» » »	» » ... » ...	» 6	№ 3.
» » »	» » ... » ...	» 21	№ 4.
» » »	» » ... » ...	» 25	№ 5.
» Р. Ар.	1873 » ... I » ...	» 1.	—
» 2. » Из. 7-ое	1878 » ... VI » ...	» 264	№ 1.
» Р. Ар.	1874 » ... I » ...	» 9	№ 1.
2. » Из. 7-ое	1878 » ... VI » ...	» 278	№ 2.
3. » Из. Алф.	1902 » ... I » ...	» 365	№ 2.
» Р. Ар.	1873 » ... I » ...	» 72	№ 2.
» Из. 7-ое	1878 » ... VI » ...	» 284	№ 3.
2. » » Алф.	1902 » ... I » ...	» 367.	—
» Р. Ар.	1874 » ... I » ...	» 20	№ 2.
2. » Из. 7-ое	1878 » ... VI » ...	» 295	№ 4.
3. » Из. Алф.	1902 » ... I » ...	» 369	№ 3.
» Р. Ар.	1874 » ... I » ...	» 28	№ 3.
2. » » 7-ое	1878 » ... VI » ...	» 299	№ 5.
» Из. Алф.	1902 » ... I » ...	» 345	№ 1.
» Р. Ар.	1874 » ... I » ...	» 31	№ 4.
2. » » 7-ое	1878 » ... VI » ...	» 301	№ 6.
3. » Из. Алф.	1902 » ... I » ...	» 371	№ 4.
» Р. Ар.	1874 » ... » ...	» 35	№ 5.
2. » Из. 7-е.	1878 » ... VI » ...	» 304	№ 7.

по русски — рус., тоже по французски — фр. 2) Письмо, адресованное Великой
 овнѣ—И. А. Ѳ., тоже Императору Николаю Павловичу—И. Н. П. 3) въ указаніяхъ,
 Ст.; Академическій Сборникъ Памяти Гоголя и Жуковского—Ак. Сб.; Сочиненія
 р. Соч. изд. 1903 г. подъ ред. А. Д. Алферова—Из. Алф.; Бумаги В. А. Жуков-
 рь писемъ отмѣчено соответствующими цифрами въ графѣ послѣ слова «напечатано».
 въ этомъ сборникѣ. Отсутствие какихъ либо данныхъ отмѣчено тире:—

20.	1829	апрѣля.....	—	рус.	И. Н. П. . . .
21.	1830	24 января.....	—	»	» »
22.	»	30 марта.....	—	»	» »
23.	»	апрѣль	—	»	» »
24.	»	»	—	»	» »
25.	»	»	—	»	И. А. Ѳ. . . .
26.	1832	10/22 ноября	}	» Верне близъ	Фр.	» »
				Веве.....		
27.	»	—	—	рус.	И. Н. П. . . .
28.	1837	6/11 мая	»	Тверя	»	И. А. Ѳ. . . .
и Ярославля						
29.	»	22 іюня	»	Казани ...	»	» »
30.	»	24 »	»	Симбирска .	»	» »
31.	1837	3 іюля	»	Тамбова ..	»	И. А. Ѳ. . . .
32.	»	24 »	»	Москвы ..	»	» »
33.	»	» »	»	»	»	И. Н. П. . . .
34.	»	» »	»	»	»	» »
35.	1838	26 іюля, 7 августа. . . .	»	Эмса	»	И. А. Ѳ. . . .
36.	1838	26 іюля, 7 августа	»	»	»	» »
37.	»	28 » 9 »	»	»	»	» »
38.	»	8 октября.....	»	Комо.....	»	» »

И	печатано	въ Р. Ст.....	1902 г.... IV т.... стр.	66.	—
	»	» » Ст.....	» » ... IV » ... »	69.	—
	»	» » Ар.....	1896 » ... I » ... »	109.	—
	2.	» Из. Алф.	1902 » ... » ... »	356	№ 3.
	»	» Р. Ст.	1902 » ... VI » ... »	73.	—
	»	» »	» » ... » ... »	92.	—
	»	» »	» » ... » ... »	81.	—
	»	» Р. Ар.	1874 » ... I » ... »	37	№ 6.
	2.	» Из. 7-ое.....	1878 » ... VI » ... »	305	№ 8.
	»	» Р. Ар.	1896 » ... I » ... »	117.	—
	»	» »	1874 » ... » ... »	44	№ 7.
	2.	» Из. 7-ое.....	1878 » ... VI » ... »	309	№ 9.
	3.	» » Алф.	1902 » ... I » ... »	372	№ 5.
	»	» Р. Ар.	1874 » ... » ... »	53	№ 8.
	3.	» Из. 7-ое.....	1878 » ... VI » ... »	314	№ 10.
	2.	» Из. Алф.	1902 » ... II » ... »	374	№ 6.
	»	» Р. Ар.	1874 » ... I » ... »	56	№ 9.
	» 2.	» Из. 7-ое.....	1878 » ... VI » ... »	316	№ 11.
	» 3.	» Из. Алф.	1902 » ... I » ... »	375	№ 7.
	»	» Р. Ар.	1874 » ... I » ... »	62	№ 10.
	» 2.	» » 7-ое.....	1878 » ... VI » ... »	319	№ 12.
	»	» Р. Ар.	1874 » ... I » ... »	64	№ 11.
	» 2.	» Из. 7-ое.....	1878 » ... VI » ... »	320	№ 13.
	» 3.	» Из. Алф.	1902 » ... I » ... »	377	№ 8.
	»	» »	» » ... » ... »	347	№ 2.
	»	» »	» » ... » ... »	361	№ 5.
	»	» Р. Ар.	1874 » ... I » ... »	67	№ 12.
	» 2.	» » 7-ое.....	1878 » ... VI » ... »	322	№ 14.
	» 3.	» Из. Алф.	1902 » ... I » ... »	378	№ 9.
	»	» »	» » ... » ... »	379	№ 10.
	» 2.	» Р. Ар.	1874 » ... I » ... »	71	№ 13.
	»	» » 7-ое.....	1878 » ... VI » ... »	324	№ 15.
	»	» Р. Ар.	1874 » ... I » ... »	74	№ 14.
	» 2.	» Из. 7-ое.....	1878 » ... VI » ... »	326	№ 16.

39.	1838	12/24 ноября	изъ Венеціи	...	рус.	И. А. Ө.
							»
40.	»	21 ноября, 3 декабря	..	»	»	»	»
							»
41.	1839	12/24 марта	» Карлсруэ	..	»	»
							»
42.	»	14/26 марта	»	»	»	»
							»
43.	»	17/29 апрѣля	» Гаги	»	»
44.	»	13 января	» Петербурга.		»	И. Н. П.
45.	1840	23 апрѣля	» Дармштадта		рус.	И. А. Ө.
46.	»	1/13 мая	»	»	»	»
47.	»	9/21 іюля	» Эмса	»	И. Н. П.
48.	»	между 1—3 іюля	»	»	»	»
49.	»	27 іюля, 8 августа	» Дармштадта		фр.	И. А. Ө.
50.	»	8 августа	»	»	»	»
51.	»	15/27 сентября	» Дюссельд.	..	»	»
52.	1841	7/19 августа	»	»	рус.	»
53.	1842	марта	»	»	»	»
							»
54.	»	22 іюня, 4 іюля	»	»	»	»
55.	»	7/19 ноября	»	»	фр.	»
56.	1843	10/22 іюня	» Эмса	рус.	»
57.	»	12/24 октября	» Дюссельд.	..	»	»
58.	1844	25 марта	» Дармштадта		»	»
59.	1846	24 февраля, 8 марта	..	{ » Франкфуртъ } на Майнѣ.		»	»
60.	1848	10/22 сентября	» Баденъ-Бад.		»	»
61.	1850	12/24 ноября	»	»	»	И. Н. П.
62.	1850	»	»	»	»	И. А. Ө.
63.	1850	»	»	»	»	»
64.	1852	13/25 января	»	»	»	»

напечатано	въ Р. Ар.	1874 г.	I т.	стр. 81	№ 15.
» 2.	» Из. 7-ое.	1878 » ...	VI » ...	» 330	№ 17.
3.	» Из. Алф.	1902 » ...	I » ...	» 380	№ 2.
»	» Р. Ар.	1874 » ...	I » ...	» 83	№ 16.
» 2.	» Из. 7-ое.	1878 » ...	VI » ...	» 332	№ 18.
»	» Р. Ар.	1874 » ...	I » ...	» 88	№ 17.
» 2.	» Из. 7-ое.	1878 » ...	VI » ...	» 334	№ 19.
3.	» Из. Алф.	1902 » ...	I » ...	» 381	№ 12.
»	» Р. Ар.	1874 » ...	I » ...	» 92	№ 18.
» 2.	» » 7-ое.	1878 » ...	VI » ...	» 336	№ 20.
3.	» Из. Алф.	1902 » ...	I » ...	» 382	№ 13.
»	» Ак. Сб.	1904 » ...	II » ...	» 43	№ 6.
»	» Из. 8-ое.	» » ...	VI » ...	» 408.	
»	» Ак. Сб.	» » ...	II » ...	» 46	№ 7.
»	» »	» » ...	» » ...	» 48	№ 8.
»	» »	» » ...	» » ...	» 52	№ 9.
»	» »	» » ...	» » ...	» 56	№ 10.
»	» »	» » ...	» » ...	» 66	№ 11.
»	» »	» » ...	» » ...	» 69	№ 12.
»	» »	» » ...	» » ...	» 73	№ 13.
»	» »	» » ...	» » ...	» 79	№ 14.
»	» Из. 7-ое.	1878 » ...	VI » ...	» 338	№ 21.
2.	» » Алф.	1902 » ...	I » ...	» 382	№ 14.
»	» Ак. Сб.	1904 » ...	II » ...	» 81	№ 15.
»	» »	» » ...	» » ...	» 83	№ 16.
»	» »	» » ...	» » ...	» 86	№ 17.
»	» »	» » ...	» » ...	» 88	№ 18.
»	» »	» » ...	» » ...	» 92	№ 19.
»	» »	» » ...	» » ...	» 93	№ 20.
»	» »	» » ...	» » ...	» 95	№ 21.
»	» О. Б. Ж.	1887 » ...	» » ...	» 145	—
»	» »	» » ...	» » ...	»	—
»	» Ак. Сб.	1904 » ...	II » ...	» 101	№ 22.
»	» »	» » ...	» » ...	» 105	№ 23.

Указатель личныхъ именъ и географическихъ названій. *)

А.

Александра Теодоровна Императрица, 1, 3, 34, 21, 116.
Александра, см. Воейкова.
Александра, см. Жуковская.
Александръ Николаевичъ, 6, 116.
Александръ Павловичъ Императоръ 11, 12, (19), 58, 96.
Альбрехтъ, принцъ прусскій 2, 110.
Англія, 44.
Архангельскій, А. С. проф., 125.
Архарова, см. Васильчикова.

Б.

Баденъ-Баденъ, 87, 96, 100, 103, 105, 107.
Балашевъ, 87.
Балашева, урожденная Паскевичъ 87.
Верисдорфъ, графъ 11, (18).
Берлинъ, 1, 2, 9, 10, (16), (18) 26, (35), 50, 64, 70, (72), 80, 89, 99.
Безръ, Мар. Вас., 111.
Брухзалъ, 95.
Будбергъ, баронъ, 46, 115.
Бычковъ, И. А., 108, 113.

В.

Варшава, 103, 104, 106.
Васильчиковъ, Ил. Вас., князь, 87.
Васильчикова, урожд. Архарова, 87.
Веймаръ, 26, (35).
Вильгельмъ, принцъ прусскій 2, 110.

Вильгельмъ, принцесса см. Маріанна, 22, (24).

Вильдерметъ, 1, 2, 10, (18), 50, 109, 117.

Воейкова, дочь Алек. Андр., 93.

Воейкова, Александра Андреевна 3, 4, (5), (6), 50, 84, 85, 93, 117.

Воейковы — дѣти Ал. Андр., 58.
Вѣна, 64.

Г.

Гага, 45, 92.

Гамбургъ, 8, (15).

Гастейнъ, 87.

Гейдельберъ, 96.

Геккеръ Фридрихъ—адвокатъ, руководитель движенія 1848 г., 98, 127.

Гельмерсенъ, преподаватель вел. князя, 61, 62, 63, 121.

Германія, 28, 30, 31, (37), (38), (39), (41), 99, 100.

Гете, поэтъ, 117.

Гогенцоллерны, 96.

Голицына, Мар. Арх. княгиня, урожденная Суворова, 11, (18), 112.

Гриммъ, 61, 62, 63, 121.

Гуттертъ, 100, 103, 106.

Гуфландъ, Хр. Вилг., лейбъ-медикъ прусскаго короля, 1, 109.

Д.

Дармштадтъ, 67, (76), 46, 50, 66, 93, 106.

Дерптъ, 3, 9, (16).

*) Ссылки на переводы писемъ поставлены въ скобкахъ, а ссылки на примѣчанія, гдѣ встрѣчаются болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о данныхъ лицахъ, напечатаны курсивомъ.

Диль, докторъ 26, (35), 114.
 Докторова, см. Дохтурова.
 Дохтурова, вдова генерала 11, (18), 112.
 Дрезденъ, 9, 16, 26, 33, (35), (42), 64.
 Дюссельдорфъ, 10, (18), 62, 64, 67, (69), 75, 76, (78), 81, 83, 84, (85), 91, 92, 93.

Е.

Елагина, Авд. Петр., 110.
 Елизавета, сунр. Фридриха Вильг. IV, урожд. принцесса Баварская, 10, (18).
 Ефремовъ, 6.

Ж.

Жиль, 32, 33, (41), (42), (43).
 Жуковская Александра, дочь Вас. Андр., 83, 84, (85), 125.
 Жуковский Павелъ Васильевичъ, 127, 129.

З.

Зонтагъ, Анна Петр., 121.
 Зинарь, графиня см. Фоссъ.

И.

Италія, 64, 88, 94.

І.

Іоаннъ, эрцгерцогъ австрійскій, викарій, Германіи, 126.

К.

Кавиринъ, Е. Ф. министръ русскій 87, 125.
 Капо-д-Истрія, политическій дѣятель 11, (18), 112.
 Карамзинъ, Ник. Мих., писатель 7, 11, (14), (19), 101, 102, 111.
 Карлъ, герцогъ мекленбургъ-стрелицкій. 1.
 Карлъ, принцъ прусскій 2, 110.
 Кирѣвская, Авдотья Петровна, 120.
 фонъ - Клаузевицъ, генералъ 10, (18), 112.

фонъ - Клейстъ, Гейнрихъ, писатель, 2, 110.

Клейстъ, придворная дама, 1, 50.
 Копенгагенъ, 8, (15).
 Копль, докторъ, 93, 106.
 Кремль (Московский), 88.

Л.

Лала Рукъ, 50, 70, (72), 90, 116.
 Лененсъ, поэтъ, 115.
 Ливенъ, 48, 116.
 Лифляндія, 58, 59.
 Литве, преподаватель велик. князя 61, 121.
 Лондонъ, 45.
 Луиза, принцесса прусская 1, 110.
 Любекъ, 8, (15).

М.

Маріанна, супруга принца Вильгельма, брата короля Прусскаго Фридриха Вильгельма III 22, (24).
 Марія Александровна, урожденная принцесса гессенская, супруга Наслѣдника Цесаревича В. К. Александра Николаевича, 48, 54, 55, 62, 63, 116.
 Марія Павловна, герцогиня Саксенъ-Веймарская 11, (18), (24), 48, 54, 55, 62, 63.
 Марія Николаевна, супруга герцога Лейхтенбергскаго 93, 107.
 Марія Теодоровна, Императрица, супруга Императора Александра Павловича, 43.
 Мердеръ, К. К. генер.-адъют., воспитатель наслѣдника, 9, (17), 32, (41), 112.
 Мещерская, Софія Серг. княгиня 11, (18), 112.
 Михаилъ Николаевичъ, вел. князь, 63.
 Мюберъ, Мар. Андр., 110, 111.
 Мюнхенъ, 63, 64.
 Москва, 11, 21, 26, (34), 44, 60, 88.

Н.

Нарышкина, М. Я. 87.

Николай Николаевичъ, вел. князь, 63.
 Николай Павловичъ, Императоръ, 3,
 4, 21, (23), 52, 56.
 Нурмагалъ, опера, 50, 116.
 Нюрнбергъ, 95, 104, 106.

О.

Ольга Николаевна, вел. княгиня, 95.
 Орловъ, графъ, 44, 114.

П.

Паскевичъ, см. Балашева, 87.
 Перпоише, графиня 11, (18), 22,
 (24), 112.
 Петербургъ, 3, 4, (5), 9, 11, (16), (18),
 26, 27, 28, 29, 32, 33, (35), (36),
 (37), (38), (42) 53, 60, 61, 73,
 75, (76), (78), 79, 80, 103.
 Петръ Великій, Императоръ, 12,
 (20), 44, 45.
 Потсдамъ, 2, 89.
 Протасова, Екатерина Анастасевна,
 111, 117, 119.
 Пруссія, 96, 99, 100.

Р.

де-Реде, графиня 11, (18).
 Рейнъ, 8, (16), 22, (24).
 Рейтернъ, Евграфъ Евграфовичъ тестъ
 В. А. Жуковского. 56, 60, 82,
 (85), 118.
 Рейтернъ, Елизавета Алексеевна, жена
 В. А. Жуковского. 74, (77), 119.
 Россія, 11, (14), (19), 25, 27, 29, 30, 34,
 (36), (38), (39), 47, 53, 55, 64, 65,
 82, 94, 95, 101, 102, 105, 107.
 Ростовцевъ, Яв. Ив. генералъ. 87, 125.
 Ротенбергъ, 83, (85).

С.

Саардамъ, 44, 45.
 Смирнова, 87, 125.
 Спонгини, композиторъ, 50, 116.
 Струве (по Жуковскому Штрув) 97,
 126.
 Стурдза, Александръ Скарлатовичъ
 11, (18), 112.
 Стурдза, Роксандра Скарлатовна, же-
 на гр. Эделинга. 11, (18), 112.

Т.

Толстая, графиня, 105, 106.
 фонъ-Тюмлинъ, Ал. майоръ, 11, (18),
 112.

Ф.

Философовъ, преподаватель великаго
 князя. 61, 121.
 Фоссъ, Матильда, замужемъ графиня
 Зинарь, 117.
 Франкфуртъ, 26, 34, 43, 44, 92, 93,
 94, 96, 97, 103.
 Франценсбруннъ, 26, 33, 34, (35), (43).
 Франція, 96.
 Фрейдльградъ, 98, 127.
 Фридрихъ Августъ, король саксонскій,
 10, (18), 112.
 Фридрихъ Великій, король прусскій,
 96, 109.
 Фридрихъ, наследный принцъ, 98.
 Фридрихъ IV, король Пруссскій, (24),
 90, 110.

Х.

Хитрово, Ал. Зах., госуд. контро-
 леръ, 87, 125.
 Христианъ Фридрихъ, сынъ датскаго
 короля Христиана IV, 8, 111.

Ш.

Шарлотенбургъ, 89.
 Шлянгенбадъ, 11, (18).
 Штутгардъ, 87.
 Штрув, см. Струве.

Э.

Эгеръ, 8, 9, (16), 22, 24, 26, 28, 29,
 (35), (37), (38).
 Эглофштейнъ, Юлія графиня 11, (18),
 112.
 Эделингъ, Альб., графъ, 11, (18), 112.
 Эделингъ, Рокс. Скарл. графиня,
 урожденная Стурдза, 11, (18), 112.
 Эйлертъ, Рулем., богословъ, 89, 126.
 Эльзпкоръ, 8, (15).
 Эмсъ, 6, 7, 8, 10, 11, 13, (14), (16),
 (18), (21), 22, 23, (24), 26, 27, 28,
 29, (35), (36), (37), (38), (42), 52, 56,
 65, 66, (68), 70, (72), 86, 87, 88,
 91, 103.

ПИСЬМА - ДНЕВНИКИ

В. А. ЖУКОВСКАГО

1814 и 1815 годовъ.

Біографическое значеніе печатаемыхъ далѣе писемъ-дневниковъ В. А. Жуковскаго, предназначавшихся для Марьи Андреевны Протасовой, выяснено въ книгѣ академика А. Н. Веселовскаго: «В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и «сердечнаго воображенія» (Спб. 1904 г. стр. 163 — 173, 177 — 181, 194—8), гдѣ сообщено ихъ содержаніе и даны большія выдержки изъ нихъ по списку, сообщенному Отдѣленію русскаго языка и словесности А. Θ. Онѣгинымъ. Нынѣ эти дневники издаются сплона по оригиналамъ, любезно предоставленнымъ въ распоряженіе Отдѣленія П. В. Жуковскимъ.

Проѣрку ихъ по подлиннымъ рукописямъ поэта, наблюденіе за печатаніемъ и описаніемъ самыхъ подлинниковъ принялъ на себя П. К. Симони.

1814 годъ.¹⁾

ІЮНЬ.

Мой другъ утѣшительный!
Тогда лишь покинь меня,
Когда изъ души моей
Лучъ жизни сокроется!
Тогда лишь простись со мной!
Источникъ великаго,
И вѣры и радости,
И въ сердцѣ невинности;
Мнѣ силу и мужество,
И твердость дающа,
Мой ангелъ — сопутница,
И въ жизни и въ вѣчности!

[Стран. 1] 21 іюня. Понедѣльникъ.

Я возвращаю тебѣ Май, *пустой* совершенно. Что было въ него записывать? Нужно ли было ²⁾ выражать для моего друга такое состояніе души, которое было ее недостойно. Пустота въ сердцѣ, непривязанность къ жизни, чувство усталости — вотъ все. Можно ли было объ этомъ писать. Рука не могла взяться за перо. Словомъ такая жизнь была смерть за живо. И самое живое и пріятное желаніе и надежда мои были въ это время на

1) «1814 годъ» — прибавлено редакціею. — Слово «Іюнь» и текстъ стихотворенія — написаны В. А. Жуковскимъ на лицевой сторонѣ верхней части обложки тетрадки.

2) «было» — приписано потомъ надъ строкою.

смерть! Другъ мой! прости меня! теперь о смерти не могу подумать безъ самаго нѣжнѣйшаго о тебѣ сожаленія. Какъ желать ея, когда ты на свѣтѣ! Какъ предпочесть свое спокойствіе твоему! Маша, милая моя спутница, моя истинная благодѣтельница, заплачу ли за всѣ тѣ чувства, которыя ты въ меня поселила, презрѣніемъ къ жизни, къ самому себѣ, низостию, отчаяніемъ! Нѣтъ! я долженъ любить тебя иначе! Я долженъ жить для тебя — кто мнѣ запретить это! Быть счастливыми, т. е. дойти до своей цѣли зависитъ не отъ насъ; но быть достойнымъ счастья, идти къ прекрасной цѣли — о! это наше! наше на-вѣки! Какъ живо чувствую въ эту минуту всю высоту жизни, посвященной добру и тебѣ! Незнаю какъ пробудилось во мнѣ это чувство, — но это сдѣлалось въ другъ! По моему письму къ М(арьѣ) Ник(олаевнѣ), то есть по его началу ты могла судить, что я взялся за перо совсемъ въ другомъ расположеніи: и мысли, и чувства были черныя. (Стран. 2) Вдругъ какъ будто свѣтъ озарилъ мое сердце и взглядъ на жизнь совсемъ перемѣнился. Ангель утѣшитель! вѣдь ты на свѣтѣ и ты моя.

Я остановился на этомъ мѣстѣ и пошелъ въ залу искать платка — ты подала мнѣ изломанное кольцо. Какъ кстатѣ, какой прекрасный знакъ! ³⁾ Другъ мой, оно дано тебѣ *не мною*. Возьми мое. Пускай оно означаетъ совершенну перемѣну моихъ чувствъ къ тебѣ на лучшее, возвышеннѣйшее чувство самой чистой, неизмѣнной привязанности; въ ней истинная моя жизнь; она будетъ для меня источникомъ вѣрнаго счастья, добра, надежды, религійи и наконецъ получить награду отъ того, кто будетъ *видѣть* жизнь мою, кто соединилъ насъ и освятить нашъ союзъ. Въ знакъ *того же* дай и ты мнѣ кольцо *отъ себя*. Обручимся во имя Бога на добродѣтель, на хорошую жизнь, которая пройдетъ естли не вмѣстѣ, то по крайней мѣрѣ *одинаково* и для одного. Милой другъ, увѣряю тебя, что ты мнѣ теперь еще милѣе, еще святѣе и необ-

3) Слова: «Какъ кстатѣ: какой прекрасный знакъ!» — вставлены между строкъ, какъ пропускъ.

ходимъе прежняго. Я въ послѣдній мѣсяцъ слишкомъ испыталъ, что безъ тебя, безъ ободрительнаго о тебѣ воспоминанія, безъ чистоты къ тебѣ привязанности я ничто. Мы не можемъ (*Стран. 3*) быть вмѣстѣ. Но одна кровля, одно небо—развѣ не одно и тоже! Главное—*наше сердце*—кто его перемѣнитъ? Мы могли бы жить вмѣстѣ, если бы намъ дана была полная довѣренность, полная свобода любить другъ друга и показывать другъ другу безъ принужденія самую чистую привязанность! Мы бы были счастливы вмѣстѣ и сохранили бы свое счастье непорочнымъ. Но ожидать такой довѣренности не возможно. Захочешь ли чтобы я былъ только терпимымъ въ твоей семьѣ, безъ уваженія, безъ дружбы; чтобы я всякую минуту чувствовалъ недостатокъ счастья; завидовалъ тѣмъ, кто пользуются безцѣнно правомъ дѣлить все съ тобою, и свои чувства таилъ бы какъ какое преступленіе. Вдали отъ тебя я болѣе съ тобою. Здѣсь все для меня отравлено. Когда я одинъ, то думаю только о томъ, какъ бы быть съ тобою и ничто другое не входитъ въ голову; когда съ тобою, то сердце рвется и самая твердость исчезаетъ,—по неволѣ ропотъ, досада на жизнь, унылость во мнѣ поселяются. Такая жизнь тебя недостойна. Когда я съ тобою простился, то въ первые дни или, лучше сказать, во весь первый мѣсяцъ я былъ какъ мертвый—нестерпимая холодность ко всему давила мое сердце—О! смерть несравненно лучше такого ощутительнаго ничтожества. Въ душѣ моей было одно только чувство розлуки. Всему конецъ, нечего искать въ жизни,—вотъ что я (*Стран. 4.*) думалъ и болѣе ниче(го)⁴ не могъ думать! Но это перемѣнилось! Я нашелъ вѣрное для себя убѣжище—ангелъ мой! хранительница моего сердца! самое лучшее украшеніе моей жизни! Ты мое убѣжище! Какъ могла ты сказать въ своемъ послѣднемъ безцѣнномъ письмѣ: *я даже желаю, что бы ты меня любилъ меньше*. Это желаніе убійственное; нѣтъ! нѣтъ! Желаю, чтобы моя къ тебѣ любовь усиливалась если можно безпрестанно! Въ ней *все* для меня! Она заключаетъ для меня всю мою

4) «ниче(го)» — «то» не дописано.

силу и дѣятел(ь)ность въ *настоящемъ*; ею можетъ быть для меня прекрасно и *будущее*! Съ нею могу воображать *вѣчность*! Она дастъ мнѣ примеръ — религію. Съ нею я богачъ, — безъ нее былъ бы самый жалкій, отверженный нищій. Скажу тебѣ то же, что я писалъ къ Марьѣ Николаевнѣ: для насъ осталось теперь одно: *твердая опора другъ въ друга*! Развѣ, разставшись, мы другъ для друга погибли! Развѣ нѣтъ у насъ одной общей надежды; одного вѣрнаго защитника! Развѣ цѣль, къ которой онъ насъ ведетъ, не прекрасная! Онъ только говоритъ намъ: *идите!* Ужели откажемся отъ проводника добраго? Развѣ можемъ требовать награды преждѣ заслуги? Развѣ брошены мы въ эту жизнь какъ въ пустыню, въ которой ужасы собраны только для того чтобы ужасать! Нѣтъ! это опытъ! Изъ него надобно вытти невредимо и достойнымъ награды! Вѣра въ тебя будетъ моею (*Стран. 5.*) твердостію! А ты вѣрь мнѣ и будь спокойна! Тотъ, кому дорого наше прямое счастье, сдѣлаетъ все за насъ и лучше-нежели мы сами. Неуспѣхъ употребленныхъ нами усилій доказываетъ намъ только то, что мы *ничего* не можемъ, и такъ оставимъ все на волю тому, кто *все* можетъ. А мы будемъ ждать, каждый въ своемъ углу, *розно*, чтобъ послѣ благодарить *вмѣстѣ*. «Гдѣ бы я нибылъ (это выписываю изъ письма моего къ М(арьѣ) Н(иколаевнѣ)⁵⁾ все ты «будешь въ душѣ моей, лучшею моею надеждою, вѣрнымъ моимъ «счастьемъ. Будемъ въ настоящемъ относить все ко этой надеждѣ, «а о будущемъ перестанемъ и заботиться. Станемъ *порознь* употреблять это *настоящее* самымъ лучшимъ образомъ, имѣя въ виду «то счастливое *вмѣстѣ*, которое когда нибудь придетъ. *Знай и «вѣрь*, что я живу для тебя. Развѣ мѣсто и время перемѣняютъ «чувства. Съ такою цѣлью могу любить жизнь! Гдѣ бы я ни былъ «вездѣ буду помнить, что я принадлежу тебѣ. И такъ вездѣ и «всегда надобно быть тебя достойнымъ. Есть ли дашь мнѣ слово «(и сохранишь его)⁶⁾ быть спокойною и беречь себя для лучшаго

5) круглыя скобки и въ подлинникѣ.

6) тоже.

времени, то я даю слово (и сохранию), что буду пользоваться «сколько можно своею жизнью, буду думать о себѣ какъ о твоей свято [не]отъемлемой собственности. Какъ не уважать жизнь, «когда она *твоя*! Какъ не желать ее сдѣлать тебя достойною!» Развѣ мысли быть тобою любимымъ не довольно на цѣлую жизнь! Такое счастье подвержено ли переменѣ судьбы? Случай (*Стран. 6*) можетъ ли имѣть владычествовать! Нѣтъ! нѣтъ! вѣрить провиденію! вѣрить другъ другу! всегда и вездѣ быть достойными другъ друга—вотъ все! Остальное не можетъ быть дурно! Дай же мнѣ руку! будь мнѣ примѣромъ! товарищемъ! ангеломъ хранителемъ!

Милой другъ, разставаясь съ тобою—я много теряю! Боже мой! не видаться! Но знае[шь] ли, что мы выигрываемъ? Свободу любить другъ друга! Мы заплатили за нее своимъ пожертвованіемъ! Теперь любовь вѣрная и чистая *наша* и никто не можетъ на нее имѣть права. Маменька могла бы дать намъ полное счастье — о! съ такимъ счастьемъ ничто не сравнится! — Но теперь она уже ничего у насъ отнять не можетъ. Безъ этаго полного счастья намъ нельзя быть вмѣстѣ. *Безъ довѣренности но вмѣстѣ*—мы бы опять были рабами, принуждены бы были таиться и притворствоваться, — *розно* мы свободны, и наша любовь принадлежитъ намъ по праву. Я никогда и нигдѣ не буду *одинокимъ* съ моею къ тебѣ привязанностію, съ моею вѣрою въ твое сердце! Я буду богатъ мыслию, что ты моя и что всякое мое⁷⁾ чувство, всякая мысль, всякой поступокъ мой будутъ освѣщены воспоминаніемъ о томъ, что мнѣ всего дороже — развѣ это не жизнь? Кто такой союзъ разрушить? Кто имѣетъ право его охуждать? Наша жертва сдѣлана! Теперь мы выше всѣхъ, кто такъ равнодушно располагаетъ нашу судьбою; мы спокойно можемъ скрыть себя во глубину сердца и въ немъ находить свое счастье, въ немъ заключить вѣру другъ въ друга, *неза* (*Стран. 7*) висящую ни отъ кого, и вѣру въ провиденіе, которая насъ приведетъ ко всему и все⁸⁾ заменить что дурно добрымъ. *Розно* — мы независимы ни

7) послѣ слова «мое» было написано: «къ тебѣ» — но зачеркнуто.

8) «все» — с выправлено изъ первоначально бывшаго *я*.

отъ кого, ни отъ чего. *Вмѣстѣ* — насъ только бы оскорбляли и сохранили бы еще нѣкоторое право и на то, что у насъ въ сердцѣ. Нѣтъ! мой ангелъ! для меня довольно одной моею къ тебѣ привязанности на цѣлую жизнь! *Одно* чувство распространить на нее самый прекрасный свѣтъ, который ни чѣмъ не помрачится. Я буду, буду дорожить жизнью.

Признаюсь тебѣ, съ тѣхъ поръ какъ сюда возвратился — я нѣсколько колебался въ этихъ мысляхъ. *Видя* тебя снова⁹⁾, чувствую все то жестокое горе разлуки, которое стѣсняло мою душу, — вижу одно только *то* счастье, котораго я лишонъ и забываю о томъ, которое мнѣ осталось. Видѣть тебя передъ собою и имѣть одно только воспоминаніе о тебѣ — какая розница! Но я и не хочу сражаться съ этимъ чувствомъ: пускай оно меня мучить! Теперь послѣднее время—оно безцѣнно при всѣхъ страданіяхъ! Но даю тебѣ слово, что убійственная безнадежность ко мнѣ уже не возвратится. Нѣтъ! другъ мой! Я знаю гдѣ и въ чѣмъ искать счастье. По крайней мѣрѣ теперь я съ одной стороны спокойнѣе, — я ничего нежду отъ маменьки; я поставилъ себя выше несправедливости и пренебреженія и доволенъ мыслю, что она уже у меня ничего отнять не можетъ.—Прошу отъ тебя только одного:—будь мнѣ примѣромъ и вѣрнымъ товарищемъ въ этой твердости, въ этой взаимной довѣренности; ищи (*Стран. 8*) такого же спокойствія въ самой себѣ. О, есть-ли бы я могъ быть увѣренъ въ твоемъ спокойствіи! Какую бы твердость это мнѣ дало на цѣлую жизнь!

Я¹⁰⁾ сдѣлалъ себѣ правило, которое одно мнѣ на *цѣлую жизнь* послужить можетъ. При всякомъ чувствѣ, при всякой мысли, при всякомъ намѣреніи буду у себя спрашивать: *достойны-ли они моею Машей? Можно ли ихъ ей открыть? Будетъ ли и должна-ли она въ нихъ участвовать?* Милой мой ангелъ, развѣ этаго не довольно, чтобы не только не испортиться, но еще и сдѣлаться лучшимъ?

9) послѣ слова «тебя» — приписано «снова» надъ строкою.

10) Отсюда писано другимъ перомъ, почеркомъ какъ-то тоньше.

Скажу нѣсколько словъ о своемъ планѣ жизни. Для меня теперь одно—занятіе. И это занятіе будетъ тройкое: *Читатъ*—собирать хорошія мысли и чувства; *писатъ*—для славы и пользы; *дѣлатъ* все то добро, которое будетъ въ моей власти. Милой ангелъ, еще жить можно! Хорошо мыслить и чувствовать не есть ли быть всегда съ моею Машею, становит[ь]ся для нее лучшимъ. О! я это часто, часто испытывалъ: при всякой высокой мысли, при всякомъ хорошемъ чувствѣ воспоминаніе о тебѣ оживляется въ моемъ сердцѣ! я становлюсь какъ будто съ тобою знакомѣе и дружнѣе. Гдѣ же разлука? Развѣ не отъ меня зависитъ всегда быть съ тобою вмѣстѣ? *Слава* имѣетъ теперь для меня необыкновенную и особенную прелесть—какой мо(Стр. 9) жеть быть не имѣла преждѣ. Ты будешь обо мнѣ слышать! Честь моего имени, купленная цѣною чистою, будетъ принадлежать тебѣ! Ты будешь радоваться ею и обѣщаю возвысить свое имя. Эта надежда меня радуетъ. Приобрести общее уваженіе для меня теперь дорого. О! какъ мнѣ сладко думать, что сердце твое будетъ трогаться тѣмъ уваженіемъ, которое будутъ мнѣ показывать. Или его не будетъ, или оно будетъ справедливое, достойное тебя, мой другъ безцѣнный и единственный. — Быть *добрымъ на дѣлѣ* значить для меня любить мою Машу. Я мало, слишкомъ мало добра сдѣлалъ. Теперь много имѣю бытъ причины сдѣлаться добрѣе. Всякое доброе дѣло будетъ новою съ тобою связію. О! если бы только это не осталось однимъ намереніемъ! Бо[ю]сь своей лѣни,—а сдѣсь нужна дѣятельность! Но ты со мною! Буду вырывать деньги! Часть себѣ, — а все, что не будетъ *необходимы[мъ]*, — другимъ. Но и пожертвованіе даже будетъ весело. Какой прелестный у меня свидѣтель! Милый другъ! проси бога, что бы онъ благословилъ меня на такую жизнь и сама дай мнѣ благословеніе любви, вѣрности и товарищества. Все доброе, что мы сдѣлаемъ, будетъ для насъ *заслугою* для счастія въ глазахъ провиденія. Но мы будемъ только вѣрить этой наградѣ, — а дѣйствовать и безъ награды, только не желай, чтобы *любовь моя къ тебѣ уменьши-*

ласть. Нѣтъ! пускай она часть отъ часу усиливается: въ ней всѣ мои сокровища.

(Стран. 10) Думаю, что буду жить въ Мишенскомъ, — то есть Мишенское будетъ главнымъ мѣстомъ моего пребыванія — (впрочемъ, увидимъ). — Желалъ бы лучше въ Долбинѣ. Дуняша всѣхъ лучше умѣетъ тебя любить, всѣхъ лучше тебя понимаетъ и съ нею всегда говоримъ объ тебѣ *однимъ языкомъ*, но у нее нѣтъ мѣста. — Уединеніе для меня лѣкарство. Я всегда лучше съ собою, когда одинъ; душа утихаетъ; мысли приходятъ въ порядокъ и *лучшее* все подымается на верхъ. Для меня разсѣянія не только не нужно, но и вредно. Отъ чего мнѣ разсѣваться? Неужели желать забыть? Забыть все мнѣ милое, все лучшее! — Нѣтъ! моя къ тебѣ любовь не можетъ быть моимъ губителемъ! Теперь болѣе нежели когда нибудь знаю, сколько она нужна моему сердцу! Какъ бы то ни было, буду *здѣсь, съ ними*, какъ можно уединеннѣе; порядокъ и занятіе — этаго въ рассѣянной жизни найти не можно. Разсѣяніе, естли не отвлечетъ меня сердцемъ¹¹⁾ отъ моей милой цѣли, то покрайней мѣрѣ будетъ препятствіемъ стремит[ь]ся къ ней на дѣлѣ. Думаю, однако, что изрѣдка буду заглядывать и въ Москву. Сарепта же была безумная мысль, произведенная первымъ волненіемъ. Нѣтъ, милая, совершенно уединиться невозможно — но лучшія минуты мои будутъ для меня со мною. Часть времени буду проводить въ Черни. Однимъ словомъ, буду кружиться на своей родинѣ. Но, Боже мой! то мѣсто, гдѣ я считалъ имѣть все, мой рай земной, будетъ уже для меня пусто или заперто. (Стран. 11) Но зачемъ этимъ себя мучить? Мой рай твое сердце — оно никогда не будетъ для меня закрыто. Какъ, однако, вдругъ одна мысль все помрачить и надобно пройтти нѣсколько времени, чтобы душа опять пришла въ порядокъ. Какое горькое сиротство въ этомъ словѣ — *быть розно съ тобою*. Но развѣ я думаю теперь о счастіи? Его нѣтъ! Намъ надобно думать только о вѣрѣ въ счастіе! Оно будетъ наше, когда мы будемъ счастія достойны. Мы

11) Слово «сердцемъ» — вставлено надъ строкою.

еще много сокровища сберегли отъ бури! Но смѣю-ли сказать, что мы сберегли лучшее! О! это слово: *розно*! Какъ оно раздраетъ душу! Другіе будутъ имѣть право заботиться о твоёмъ счастьи! А я буду для тебя чужой? Нѣтъ! не чужой! Они будутъ только имѣть наружность права, а настоящее, данное твоимъ сердцемъ, принадлежитъ мнѣ! Въ своемъ уголкѣ буду думать, вѣрить, утѣшаться мыслію, что я *живу для твоего счастья!* что мое право ни кому не будетъ уступлено. Это жестокое *розно* можно украсить; все, все употреблю на то, чтобы оно не было такъ убійственно. *Думать, чувствовать, дѣлать, писать* — все для тебя! О! если бы только имѣть довольно твердости—но моя твердость зависитъ отъ твоей. Будь моимъ утѣшителемъ, хранителемъ, спутникомъ жизни!

Ты говоришь о поѣздкѣ въ Петербургъ — есть-ли можно будетъ согласить уединеніе и (*Стран. 12*) занятіе съ Петербургскою жизнью, то я поѣду. Но ты напрасно желаешь, что бы я вошелъ въ службу — служба ничего мнѣ не доставитъ! Все могу сдѣлать перомъ—а для пера нужны уединеніе и свобода. Одно только можетъ меня на это подвигнуть: — петербургская жизнь насъ сблизитъ! Но что же пользы, если только сблизитъ, а не соединитъ; а между тѣмъ броситъ меня всеѣмъ не въ тотъ кругъ дѣйствій, въ которомъ я могу что нибудь хорошее сдѣлать. Впрочемъ обо всемъ посоветуюсь съ Тургеневымъ. Онъ укажетъ мнѣ настоящую дорогу. Ты пишешь: *нельзя чтобы маменька не захотѣла тебя увидѣть* Ангелъ мой! мнѣ ужасно быть у васъ гостемъ! Увидѣться для того, чтобы разстаться—какое мученіе! Быть подлѣ васъ и не съ вами, — какъ это тяжело! О! тогда нѣтъ ни покоя, ни твердости. Душевное волненіе не даетъ мѣста ни какой доброй мысли укорениться; чувствуешь одно бремя жизни и желаешь только его сбросить. Здѣсь я буду по крайней мѣрѣ безъ заботъ и не зависимъ.—Всеи бы этимъ я пожертвовалъ, когда бы могъ видѣть, что петербургск[ая] жизнь приведетъ къ чему нибудь счастливому. Но еще разъ повторяю — наше счастье зависитъ

теперь единственно отъ провиденія! вѣримъ ему отеческую объ немъ заботу. На *наши* средства полагаются нечего. Моя послѣдняя надежда была на Воейкова. Милой другъ, эта надежда (*Стр. 13*) пустая. Онъ не имѣетъ довольно постоянства, чтобы держаться одной и той же мысли. Я боюсь быть къ нему несправедливымъ— но кажется мнѣ, что пылкость его и рвеніе болѣе на словахъ и онъ слишкомъ перемѣнчивъ, для приведенія чего нибудь къ концу. Я не сомнѣваюсь въ его дружбѣ, но теперешній языкъ его и со мною не похожъ на *прежній*. Онъ прежде говорилъ¹²⁾ такъ часто *о нашей жизни вѣстѣ*; теперь объ этомъ нѣтъ и въ поминѣ. *P s'est trop vite resigné pour moi*. Мы съ нимъ живемъ подъ одною кровлею и какъ будто¹³⁾ не знаемъ другъ друга, а намъ жить вмѣстѣ не долго¹⁴⁾. Однимъ словомъ, лучше не ждать ничего и ни отъ кого, а вѣрить тому, кто не обманываетъ и не перемѣняется. О, мой милый другъ! Ему поручаю твою судьбу и твое будущее и въ этомъ все мое—ты моя единственная цѣль въ этомъ свѣтѣ. Пропади твое счастье, и я не подорожу жизнию! Тогда будетъ пріятно съ нею разстаться и слово «смерть» опять получить для меня свою прелесть. Теперь жизнь моя освящена тобою, и я буду любить ее какъ твою принадлежность.

Теперь планъ моей жизни тебѣ извѣстенъ—благослови насъ Богъ! Я увѣренъ, что ты одинаково со мною думаешь и о себѣ. Я желалъ бы, что бы ты болѣе занималась и такимъ, чтò бы питало твою душу. Я желалъ бы, что бы ты сколько можно болѣе читала. Планъ чтенія у тебя есть. Форово предписаніе такъ же. Неужели безъ меня не будешь о себѣ заботиться такъ же какъ (*Стр. 14*) и при мнѣ? Вотъ что тебѣ скажу: въ первые дни послѣ моего отъ васъ отъѣзда мнѣ приходило желаніе сдѣлать что нибудь такое, что бы совсемъ разстроило здоровье, что бы дало болѣзнь

12) Послѣ слова «говорилъ» — вставлены и приписаны надъ строкою два слова: «такъ часто».

13) «Какъ будто» — приписано надъ строкою.

14) Слова: «а намъ жить вмѣстѣ не долго» — приписаны надъ строкою очень мелкимъ почеркомъ поэта.

и есть-ли можно смертельную—прости меня за такую мысль, но знаешь ли что меня останавливало всякой разъ?—*сожаленіе* о тебѣ, а теперь и самая мысль о смерти возбуждаетъ это сожаленіе—ангелъ мой! имѣй такое же ко мнѣ сожаленіе! Береги себя! Не убей моей жизни! Я желалъ бы, что бы ты не бросала и своихъ *feuilles volantes*. Записывай дни свои, мысли и то что хорошаго замѣтишь въ книгахъ—я то же буду дѣлать и съ своей стороны. Когда нибудь размѣняемся.

Участіе Алек(сандра) Павл(овича)¹⁵⁾ въ насъ сильно меня тронуло. Какое доброе сердце! Но эта доброта не одно преходящее чувство, — нѣтъ, она выше! Она даетъ его душѣ сожаленіе и побуждаетъ ее *дѣйствовать* для облегченія или утѣшенія! Это прямая, но рѣдкая доброта. Дружба такого человѣка безцѣнна: я готовъ его любить какъ брата—и знаешь ли, что меня радуетъ? То, что онъ познакомится съ Тургеневымъ и они вмѣстѣ — два добрыхъ, благородныхъ сердца—будутъ о насъ заботит[ь]ся. Я съ нимъ переговорю о Петербургѣ. Есть ли можно будетъ все согласить, то онъ съ Тургеневымъ все устроить. — Такая привязанность къ *намъ* милыхъ, прекрасныхъ людей не есть ли большое утѣшеніе? О мой ангелъ! сколько людей тебѣ желаютъ счастья!

Авдотья Никол(аевна) пріѣдтъ и пріѣдтъ съ уроками и увѣщаніями. Другъ милой, не старайся ее убѣждать; скажи ей просто, что она разрушила прямое счастье; но скажи одинъ разъ и не (*Стр. 15*) давай ей никакой довѣренности; отклоняй даже и разговоръ, есть ли она захочетъ съ тобою обо мнѣ говорить. Все рѣшено. Отъ нее же утѣшенія не нужно.

Я буду писать къ маменькѣ,—но только тогда, когда съ нею разстанусь. Я никакой надежды не полагаю на свое письмо, — но сказать ей все необходимо. Ея мнѣніе обо мнѣ несправедливое и унижительное,—это надобно ей доказать. Болѣе ничего и не желаю. Я не хочу, чтобы она считала, что я признаю себя виноватъ.

15) Въ подлинникѣ написано сокращенно: «Алекс. Павл.».

тымъ, что принимаю изгнаніе изъ ея дома съ покорностію раскаянія. Нѣтъ, такое мнѣніе о себѣ ей оставить мнѣ невозможно. Теперь она ко мнѣ ласкова. Я этаго не приму за дружбу. И вѣра къ ея ласкѣ совсемъ исчезла въ моей душѣ. Но я благодаренъ ей и за добрую наружность. Теперь вижу въ ней одну твою мать и это имя для меня свято. Почтеніе, неожиданіе ничего и терпѣніе — вотъ все. Письмо мое будетъ просто. Отъѣздъ мой не будетъ разрывомъ. Наружность связи будетъ сохранена.

Прилагаю при этомъ письмо М(арья) Ник(олаевны). Отвѣтъ на то, которое я къ ней написалъ и еще письмо Дуняши, послѣ него написанное. Милые люди! Какое услажденіе для насъ ихъ дружба и участіе! Онѣ ничего не замѣнятъ для меня, — но онѣ будутъ знать мою цѣль! Они будутъ понимать мои чувства! Съ ними легче и бодрѣ буду итти къ этой цѣли. — Милой ангелъ! сердце разрывается, когда подумаю, что ты не будешь имѣть ихъ съ собою¹⁶⁾. О! для меня было бы легче, когда бы можно было отдать тебѣ всѣ свои отрады! И тогда бы я не былъ одинокимъ! Нѣтъ! нѣтъ! прочь мысль объ одиночѣ (*Стр. 16*) ствѣ! Моя цѣль прекрасная! Мой милой спутникъ въ одномъ свѣтѣ со мною: мы мыслимъ, чувствуемъ и живемъ одинаково и для одного! Боже! благодарю тебя!

Прилагаю при этомъ и *весь пустой май*. Прошу тебя все это въ него переписать. Отъ слова до слова, и прибавить свой отвѣтъ. Эта книжка будетъ моимъ закономъ. А то что ты мнѣ напишешь, перепишу для тебя. Даю тебѣ слово, что вся жизнь моя будетъ посвящена исполненію этихъ добрыхъ намереній или (чтобы кончить одною чертою)¹⁷⁾ *любви къ тебѣ*.

Воспоминанія, святая, утѣшительная мысль о моемъ другѣ — пусть будетъ оно хранителемъ моего сердца. Гдѣ бы я ни былъ,

16) Послѣ слова «собою» — стояло «Оди», но зачеркнуто. Ср. ниже — *одинокимъ*.

17) Скобки и въ подлинникѣ. Послѣ слова «намѣреній» было что-то написано, но зачеркнуто. «Или» — вставлено мелкимъ почеркомъ потомъ и на недостаточномъ промежуткѣ.

этотъ ангелъ меня не покинетъ. Съ нимъ моя жизнь не можетъ быть пустою, ничтожною жизнію. Нѣтъ, она будетъ *доброю жизнію*. Я чувствую въ душѣ своей какое то стремительное влеченіе ко добру¹⁸⁾; чувствую за себя и за тебя высокую твердость, которая говорить мнѣ: *вы ни отъ чего теперь не зависимы. Ни судьба, ни люди не истребятъ того, что вы имѣете! а лучшее впереди! Тамъ Богъ! Онъ васъ видитъ и вы въ любви его неразлучны! Никогда будете сами это чувствовать. А теперь только вѣрите и будьте выше своего жребія.*

Lass mich

Aus dem geliebten Mund was meine Seele hasset
 Nie wieder hoeren! Klage dich
 Nicht selber an, nicht Den, der was uns drücket
 Uns nur zur Prüfung, nicht zur Strafe zugeschicket;
 Er prüft nur, die Er liebt, und liebet wäterlich!

.....
 Mir sagts mein Herz, ich glaubs, und fühle was ich glaube
 Die Hand, die uns durch dieses Dunkel führt,
 Lasst uns dem Elend nicht zum Raube¹⁹⁾.
 Und wenn die Hoffnung auch den Ankergrund verliert,
 So lass uns fest an diesem, Glauben halten:
Ein einziger Augenblick kann Alles umgestalten.
 Doch lass das argste seyn! Sie ziehe ganz sich ab
 Die Wunderhand, die uns bisher umgab;
 Las seyn das Jahr um Jahr sich ohne Hülff erneue
 Fern sey es das mich je, was ich gethan, gereue!
 Und läge noch die freye Wahl von mir,
 Mit frohem Muth ins Elend folgt'ich dir!
 Mir kostet's nichts von allem mich zu scheiden

18) Было и, потомъ зачеркнутое.

19) Съ слѣдующаго стиха текстъ помѣщается на внутренней сторонѣ нижней обложки тетрадки.

Was ich besass; mein Hertz und deine Lieb' erzetzt
Mir alles; und so tief das Gluck herab mich setzt,
Bleibst du mir nur, so werd' ich keine neiden
Die sich durch Gold und Purpur glucklich schätzt,
Nur, dass *du leidest*, ist mein wahres leiden!
Ein truber blick, einstach, das dir entfährt,
Ist was mit tausend Farb die eigne Noth erschwert.
Sprich nicht von dem was ich fur dich gegeben,
Fur dich gethan! Ich that was mir mein Herz gebot,
That's fur mich selbst, der zehenfache Tod
Nicht bitterer ist als ohne dich zu leben.
Was unser Schicksal ist, hilft deine Liebe *mir*,
Hilft meine liebe *dir* ertragen;
So schwer es sey, so unerträglich — hier
Ist meine Hand — ich wills mit Freuden tragen.

На твое письмо завтра буду отвѣчать.

Іюль.

.....
Мой милой другъ! Намъ рокъ велить разлуку!
Дни, мѣсяцы, и годы пролетятъ —
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку!
Ни голосъ твой, ни взоръ меня не усладятъ!
Но и въ дали моя душа съ твоей согласна!
Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна!
Всегда, всегда ты мой хранитель-ангелъ будь!
Меня, мой другъ, не позабуди!

.....

Іюня 28.

Я ѣду по вашимъ слѣдамъ. Остановился въ Куликовкѣ въ 17 верстахъ отъ Орла, тамъ гдѣ вы ночевали въ послѣдній разъ, возвращаясь съ ярмарки. Сижу на томъ мѣстѣ, гдѣ ты сидѣла, мой милой другъ, и *вообразалъ* тебя. Хозяйка мнѣ рассказывала объ васъ и я увѣрилъ ее, что я *женитъ*, но что невеста моя ²⁰⁾ не младшая, а старшая дочь той госпожи, которая у нее останавливалась. Ночевать буду въ Разбѣгаевкѣ, на вашемъ же ночлегѣ; а завтра обѣдать въ Губкинѣ у Крылова и поклонюсь тому гробу, который вы сами сдѣлали. —

Ты видѣла меня грустнымъ, другъ милой, въ послѣдніе дни, — можетъ ли быть иначе? Во всякомъ положеніи, гдѣ бы я ни былъ, грусть болѣе или менѣе будетъ въ моемъ сердцѣ, — она

20) Слово «моя» — два раза повторено.

будеть его обыкновеннымъ состояніемъ. Могу ли когданибудь не чувствовать, что я лучшаго не имѣю въ жизни и имѣть не буду? Но какъ же разстаться съ нею, съ этою грустью? Она есть для меня воспоминаніе; — счастья истиннаго, настоящаго никогда для меня не будетъ, и я не могу даже его искать. Въ чемъ можно найти его? Но вѣрь мнѣ! убійственная безнадежность никогда ко мнѣ не возвратится. Тѣмъ, что осталось для меня въ жизни, буду стараться воспользоваться²¹⁾ и такъ, что бы не былъ недостойнымъ тебя. Теперь должно переѣмнить понятіе о жизни. Вчера подъѣзжая къ Мезени — я смотрѣлъ на рощу, которая растетъ близъ дорогъ; погода была тихая²²⁾, и роща была покрыта прекраснымъ сіяніемъ заходящаго солнца. Чувство во мнѣ было пріятное, но съ этою пріятностію соединено было уныніе, которое всегда чувствую, когда чтонибудь подобное мнѣ представится. Я очень понимаю это чувство. Прежде (но давно уже)²³⁾ съ пріятнымъ впечатлѣніемъ соединялась всегда веселая надежда на будущее, надежда неизвѣстная, но еще не обманутая и потому веселая (*Стр. 2*). Теперь при каждомъ такомъ впечатленіи недостаетъ веселой надежды и сердце стѣсняется. Будущее извѣстно. Ждать того, что составляетъ лучшее въ жизни, нечего Для чего это пишу? Чтобы сказать тебѣ то, что я въ эту минуту подумалъ. Мысль обыкновенная, слишкомъ обыкновенная. Но въ эту минуту она показалась мнѣ разительно-новою. Отъ чего это? Отъ того, что прежде она была просто мыслию, а теперь есть опытъ; тогда убѣждалъ въ ея справедливости одинъ умъ, а теперь она представилась какъ необходимость, какъ прібѣжище: — *Ограничить себя настоящимъ.*

Будь настоящее нашъ утѣшительный Геній.

Милой другъ, настоящее принадлежитъ намъ. Есть ли надежда на будущее пропала, то будемъ сколько возможно ста-

21) Въ подлинникѣ стоитъ: «воспользоваться».

22) Послѣ слова «тихая» — были написаны два-три слова, но старательно зачеркнуты.

23) Скобки и въ подлинникѣ.

раться пользоваться настоящею минутою и соберемъ *вокругъ себя все то*, что у насъ есть—предоставивъ *все будущее безъ всякой заботы* попеченію промысла. Въ настоящемъ мы принадлежимъ другъ другу и настоящимъ должны жить другъ для друга. Будемъ²⁴⁾, смотря на прекрасный вечеръ, наслаждаться имъ и не давать воли сердцу сжиматься при мысли о будущемъ. *То, что есть*, на то устремлять *все* вниманіе, и не давать ни какой посторонней мысли его разстроивать. Въ томъ маленькомъ кружку, въ которомъ суждено мнѣ дѣйствовать, можетъ найтись *доброе* занятіе для каждой минуты. А я имѣю свидѣтеля, вѣрнаго и неразлучнаго со мною. Любви къ этому другу достанетъ на всю жизнь.

Но все это одно прибѣжище. Я уцѣпился за него, какъ утопающій за доску. Лучшаго въ жизни, семейственнаго счастья, единственнаго котораго могъ я желать, я имѣть не буду—грусть объ его потерѣ всегда останется на днѣ сердца. Не должно только давать ей власти — чтобы она не отравляла того, что мнѣ осталось. Жизнь моя должна быть тебя достойна — (*Стран. 3*) въ этомъ главная теперь моя обязанность. —

Но пользоваться настоящимъ, — эта мысль еще не имѣетъ для меня полной ясности. Это одно только темное намѣреніе. Во мнѣ два человѣка. Одинъ — *вседневный*, то есть по привычкѣ ведѣтельный, слѣдующій своимъ склонностямъ, со всѣми недостатками; другой — *совершенный*, то есть въ инныя минуты готовый на все прекрасное, имѣющій высокія мысли и желанія. Этаго *совершеннаго* я вижу часто какъ будто во снѣ, и онъ точно какъ сонъ пропадаетъ, оставляя посебѣ одно легкое воспоминаніе. Надобно непременно взять, какъ говорится, *этотъ сонъ въ руку*. Не надобно быть хорошимъ во снѣ; надобно *совершенное* сдѣлать *вседневымъ*. Совершенное: какое гордое слово... но, другъ милый! есть ли предположить себѣ цѣль, то уже должно, чтобы эта цѣль была самая высокая. — Напримѣръ, кстатѣ или

24) Слова: «Будемъ» и «наслаждаться имъ» — приписаны надъ строкою. — Слово «смотря» — исправлено изъ «Смотрѣтъ», при чемъ *тъ* — зачеркнуто.

не кстатѣ, скажу то, что пришло мнѣ въ голову объ *удовольствіи*: много такого называютъ удовольствіемъ, что плѣняетъ насъ одну минуту и потомъ исчезаетъ не оставивъ по себѣ слѣда. Достойно ли такое удовольствіе исканія? Нѣтъ! одно *удовольствіе съ воспоминаніемъ* есть прямая принадлежность души человѣческой; одно воспоминаніе можетъ дать ему цѣну. И только такія удовольствія могутъ *слиться съ счастіемъ*. Но для этаго они должны быть *добрыя*. Объ этомъ много бы можно было сказать; послѣ что нибудь и напишу. Еще одна мысль: пока ничто въ жизни не рѣшилось, по тѣхъ поръ мы живемъ *оппротивляясь*—все наше; отъ всего чего то ждешь; когда же узнаешь, что такое жизнь—то нужда велитъ заключить себя *въ самомъ себѣ*, съ тѣмъ что лучшаго сберегъ отъ судьбы своей. Еще счастливъ, когда это прибѣжище возможно, когда самъ для себя можешь быть пріютомъ. Милой другъ! я не буду одинъ въ этомъ пріютѣ—мой лучший другъ со мною! Ты! (*Стран. 4*).

Вотъ смѣшное замѣчаніе. Въ Орлѣ остановился я ночевать на постояломъ дворѣ. Тамъ стоитъ княгиня Несвицкая съ большою дочерью. Эта женщина въ разводѣ съ мужемъ, котораго я зналъ. Глупой и пустой человѣкъ. Но вотъ что смѣшно. Съ глупымъ мужемъ она не ужилась, а къ глупому любовнику имѣла *нужную привязанность*... Чтобы сказать *все* однимъ словомъ, этотъ Грандиссонъ былъ Ник(олай) Ив(ановичъ) Вельяминовъ. Чтобы быть мужемъ—нужны добродѣтели; а любовника дѣлаетъ прелестнымъ для многихъ женщинъ мысль, что—его можно оставить. Pardon, pour cette betise. Je ne devrais pas la faire entrer ici. Но мнѣ хочется съ тобою болтать.

Пишу къ тебѣ, сидя у дверей постоялаго двора—деревня Сорочья Кусты; въ Разбѣгаевкѣ отъ того неостановился, что завтра будетъ слишкомъ великъ переѣздъ до Губкиной. Но *я видѣлъ* тотъ дворъ, въ которомъ вы ночевали. Передъ самыми окнами колодезь и мостъ. Признаю, жаль было его проѣхать.—Около меня бѣгаютъ три забавныхъ мальчика—здоровые и свѣжіе, хозяйскіе дѣти. Я перекупилъ у нихъ землянику, за кото-

рую они предлагали грошъ, а я далъ пятакъ. Надобно было видѣть ихъ гордость, когда они торговались, и смиреніе, когда торгъ не состоялся; но я ихъ утѣшилъ, раздѣливъ эту землянику между ними. Этотъ великодушный поступокъ произвелъ великое впечатленіе надъ дѣтьми собирательницами земляники. Явилось ихъ ко мнѣ съ поддюжины — и у всѣхъ земляника была куплена и роздана ребятишкамъ, за исключеніемъ одного стакана, за этимъ транспортомъ явился новый — но я отказалъ. Вотъ всѣ мои подвиги (*Стр. 5*).

Вотъ еще мысль²⁵), самая вѣрная дорога къ цѣли есть *пря-*
*мая*²⁶). Осторожность не есть хитрость. Но хитрить значитъ подвергать себя опасности быть открытымъ, необходимости поддерживать обманъ обманомъ, или себѣ измѣнить. Есть ли цѣль хорошая, то чтобы къ ней достигнуть, надобна и средства употреблять хорошія; — иначе дурныя средства и самую цѣль обезобразятъ. Кто ищетъ счастья, тотъ долженъ его *стоять* и чувствовать, что стоитъ; безъ этого чувства не будетъ и счастья. Получивъ желаемое униженіемъ самихъ себя, мы сами то уничтожаемъ, чего желали, ибо дѣло не въ приобретеніи, а въ сохраненіи; — приобретеніе — *минута*, сохраненіе — *жизнь*. — Но какъ же сохранить хорошее, когда оно приобретено дурнымъ способомъ и, слѣдовательно²⁷), когда мы сами сдѣлались неспособны имъ пользоваться. Важность не *въ присутствіи счастья*, а въ томъ, что бы мы могли выдержать его присутствіе.

Эта мысль написана прежде моего разговора съ маменькою *объ Ивановъ*.

Писалъ бы еще богѣе, но темно; надобно ложиться спать, чтобы встать до свѣту. Въ Губкинѣ опять поговорю съ тобою. Эти сивенькія книжки непременно будутъ продолжаться. Прошу и тебя писать. Возвратясь нашелъ ихъ тебѣ много. — Хорошо,

25) Почти три писанныя строки въ подлинникѣ тщательно зачернены.

26) Въ подлинникѣ написано: «пряма».

27) Въ подлинникѣ: «слѣд.»

что я ничего не писалъ въ маѣ. Онъ точно былъ пустой въ жизни. Но ты его наполнишь. Эта книжка всегда будетъ при мнѣ. Она будетъ моимъ катехизисомъ.

29.—*Губкино*. Лежу въ сараѣ, въ саняхъ, на сѣнѣ. Читаю Виландова Diogenes von Sinopre и часто перерываю чтеніе, чтобы думать о тебѣ. Гулялъ и по кладбищу, — даже и срисовалъ его.

Ты хотѣла знать мои мысли о предвѣденіи. Право не помню, что я писалъ къ Ив. Вл. — Этаго письма нѣтъ у меня. Смыслъ, кажется, слѣдующій: въ мірѣ подъ властію Божіею, два закона управляютъ всѣми вещами. Одинъ физическій — неизмѣняемый, другой нравственный—свободный. Первому подчинено все не имѣющее ума. Послѣднему—все, что имѣетъ умъ и волю. Предопредѣленіе, фатализмъ существуетъ только въ физическомъ мірѣ. Законъ, установленный отъ вѣка, продолжаетъ и вѣчно будетъ продолжать дѣйствовать безъ всякаго измѣненія. Но въ нравственномъ мірѣ нѣтъ предопредѣленія, иначе не было бы и воли, а безъ воли нѣтъ добродѣтели и человѣкъ былъ бы машиною, самою жалкою изъ машинъ потому что онъ бы чувствовалъ свою неволю. Но предвѣденіе и предопредѣленіе одно и тоже. Богъ предвидитъ только то, что самъ предопредѣляетъ. Предвидѣть наши поступки значитъ предопредѣлять ихъ, — значитъ отнять у насъ волю. Только тогда Богъ можетъ быть нашимъ помощникомъ, защитникомъ и наградителемъ, когда не будетъ имѣть сего предвѣденія, лишаящаго и его всякой свободы относительно къ намъ. Одному только всемогуществу возможно было отказаться отъ сего предвѣденія. Случаи жизни устроиваются промысломъ, путь человѣка назначается имъ же, — но человѣкъ самъ дѣйствуетъ, самъ мыслить — чувствуетъ посреди этихъ случаевъ, самъ *идетъ* по этой дорогѣ. Все что ни встрѣчается съ нами въ жизни, есть только *поводъ къ дѣйствию* и зависитъ отъ провиденія. Но какъ (*Стр. 7*) по этому поводу дѣйствовать, это зависитъ отъ насъ. — Творецъ предоставилъ себѣ только одно:—судить наши дѣйствія. Не предвидя ихъ, онъ оставилъ себѣ свободу насъ награждать; облегчать работу, трудную для нашихъ силъ, содѣй-

ствовать намъ, располагать случаи такъ, чтобы мы не могли никогда потерять силы и надежду (для этого онъ требуетъ отъ насъ одного только упованія)²⁸⁾. Въ противномъ случаѣ нѣтъ для человѣка надежды, а для творца свободы исполнять надежду вѣрующаго сердца. Есть ли подумаешь, то ты найдешь, что моя мысль гораздо болѣе сходна съ понятіемъ о провиденіи, нежели мысль тѣхъ, которыя даютъ Богу это жестокое предвѣденіе, думая тѣмъ доказывать его всемогущество, но въ самомъ дѣлѣ только лишая его свободы. Надобно отдѣлить человѣка *самаго* отъ того, что бываетъ *съ человекомъ*. То, что съ нимъ бываетъ опредѣляется, устроивается, предвидимо Божествомъ. То что онъ *самъ* бываетъ въ этихъ разныхъ случаяхъ жизни — зависитъ единственно отъ него и предоставлено совершенно на произволъ его всемогуществомъ Божиимъ. Въ одномъ и томъ случаѣ человѣкъ (одинъ и тотъ же)²⁹⁾ можетъ дѣйствовать тысячью разныхъ манеромъ, — доказательство что отъ него зависитъ избрать способъ дѣйствія. Иначе, гдѣ было бы достоинство человѣка. Богъ склоняетъ человѣческую волю къ добру, это правда, но человѣкъ властенъ слѣдовать или не слѣдовать этому влеченію. Въ чемъ же состоитъ провиденіе? Въ томъ, что оно располагаетъ случаями жизни, устроиваетъ ихъ къ лучшему³⁰⁾, а человѣку говоритъ: дѣйствуй согласно со мною и вѣрь моему содѣйствію. Что бы ни было, мой другъ, но мы должны смотрѣть на все, что ни встрѣчается съ нами, какъ на предлагаемый намъ способъ *свыше* пріобрести *лучшее*. Надобно только вѣрить. (Стр. 8) Какъ бы ни было страшно и трудно, а тайный, невидимый помощникъ близко.

Другъ! что бѣды для вѣры въ провиденье?
Лишь вѣстника, что смотритъ съ высоты
На насъ святой, незримый испытатель!

28) Скобки круглыя и въ подлинникѣ.

29) Круглыя скобки въ подлинникѣ.

30) Далѣе было написано, но зачеркнуто; «и чтобы ни было бы».

Лишь сердцу гласъ: крѣпись! Минутный ты
 Жилецъ земли! Есть Богъ! и ждетъ создатель
 Тебя въ другой и лучшей сторонѣ!
 Дорога бурь приводитъ къ тишинѣ.

5 июля. Орел³¹⁾). Въ Нетрубежѣ не писалъ ничего и не было времени писать. Мнѣ было очень свободно и я принять быль очень хорошо. Признаться, мнѣ не хотѣлось ѣхать, — я боялся быть неловкимъ, принужденнымъ, — слѣдовательно, скучнымъ. Но этаго совсемъ не было, и никогда быть не можетъ, есть ли не захочешь имѣть никакихъ претензій. Моя принужденность иногда бываетъ отъ *расположенія*. Въ инныя минуты невольно думаешь болѣе о самомъ себѣ; отъ этаго теряешь всякую свободу, или не имѣешь ни способности, ни желанія быть съ другими веселымъ, ласковымъ и прочее. Непринужденность въ обращеніи много зависитъ отъ *первой минуты* — отъ того, каковъ былъ въ первую минуту съ людьми, съ которыми заводишь сношеніе. Если первая минута не удалась, то это дѣлаетъ надолго или и навсегда не ловкимъ. Много непринужденность зависитъ отъ *изъ характера и образа жизни*.

Въ первой вечеръ много было говорено *объ васъ* и о тебѣ особенно. Милая, видно опять надобно отказать отъ довѣренности! Ты опять больна и опять начинаешь скрывать. Ты только хочешь носить маску любви ко мнѣ — не сердись за это выраженіе! Гдѣ же любовь, когда пѣтъ никакой (*Стран. 9*) заботы о себѣ, когда ты довольствуешься только тѣмъ, что я тебѣ вѣрю и ни мало не думаешь оправдывать моея вѣры. Правда! меня съ тобою не будетъ и я не буду *видѣть*. Но помни и то, что и тебя не будетъ со мною, что и ты такъ же *видѣть* не будешь. Но слѣдствія для меня *все* обнаружатъ и тогда уже сожаленіе не удержитъ меня отъ подражанія. Подумай объ этомъ хорошенько и будь заботлива. Моя привязанность къ жизни, мое уваженіе

31) Слово «Орелъ» вставлено.

къ ней основаны на мысли, что ты все со мною раздѣляешь. Одна только ты можешь для меня все уничтожить.

Ал. Павловичъ говорилъ обо *всемъ* со мною. Предполагая гнѣвнѣйшее сожаленіе въ сердцѣ маменькиномъ къ намъ, онъ думаетъ, что всего важнѣе стараться перемѣнить ея мнѣніе и что это возможно; надеется на Досифея, на Ив. Владим. и пр. Милой другъ, онъ былъ бы правъ, есть-ли бы его *предположеніе* было справедливо. Я самъ всего ждалъ отъ сожаленія, отъ желанія сдѣлать наше счастье. Но ихъ нѣтъ. Ты видишь, что маменька не хочетъ вѣрить, что это тебѣ *нужно*; что она только объ томъ заботится, чтобы и другіе тому вѣрили. Наше несчастье для нее не существуетъ. Иначе могла ли бы она имѣть духъ съ такою холодностію, съ такимъ пренебреженіемъ шутить на счетъ нашей привязанности, которую называетъ страстію и хочетъ представить смѣшною и странною; а насъ какими то романтическими героями и тому подобнымъ. Для нее важно только исполненіе ея воли. О! она была бы исполнена и безъ этихъ жестокихъ, незаслуженныхъ несправедливостей. Она не понимаетъ насъ или понимать не хочетъ. Гдѣ же тутъ думать о перемѣнѣ мнѣнія. Тогда была бы возможность его побѣдить, когда бы она сравнивала его пожертвованіе съ пожертвованіемъ нашего счастья! Но она не чувствуетъ необходимости въ этомъ сравненіи, и не думаетъ колебаться. Ей не страшно (*Стран. 10*).

Ал. Павл. сказывалъ мнѣ, что и отецъ и мать его слышали объ насъ и были весьма недовольны, что узнавши васъ они увѣрились въ несправедливости слуховъ и что М. Ник. — какъ она объ этомъ сказывала Катер(инѣ) Яковлевнѣ — *поговоривъ со мною, по своей проникаемости все узнала и*³²⁾ *совсемъ успокоилась на мой счетъ. Начавъ говорить о тебѣ*³³⁾, она смотрѣла

32) Слова: «все узнала и» — вставлены другими чернилами почеркѣе.

33) Послѣ слова «о тебѣ» было написано: «со мною» — но зачеркнуто чернилами почеркѣе.

мнѣ пристально въ глаза: не замѣтила никакой во мнѣ перемѣны; и я отъчалъ ей холодно! чего же болѣе? и она обѣщала порядочную спѣть обѣдню тѣмъ, которыя такъ ее вздумали дурачить.—На нихъ нечего надеяться. Павелъ Иван. способенъ сильное въ насъ принять участіе, но онъ не имѣеть никакой воли и ничего рѣшительно желать не можетъ. Онъ говорить о тебѣ съ чувствомъ; я увѣренъ, что не смотря на мнѣніе, онъ въ состояніи согласиться съ нами въ желаніяхъ, — но исполнить ихъ онъ не способенъ. При первомъ противорѣчій онъ насъ оставитъ, слѣдовательно все еще болѣе испортитъ. Я даже скорѣе бы положился на Мар. Ник. не смотря на весь ея флегматизмъ. Она имѣеть твердость. Стоитъ только найти способъ привлечь на свою сторону ея мнѣніе. Но для этаго нужна бы была великая осторожность и время, есть-ли бы и думать, что и онъ и она могутъ быть намъ полезны. Но что они для насъ сдѣлають? Все что теперь остается, есть только пріобрести ихъ дружбу, — это отчасти и сдѣлано, само собою, безъ всякихъ пантомимъ и маскарадовъ, а просто, — иначе и не должно.

9 іюля. Деревня *Котовка*. Завтра увидимся, другъ мой. Вчера я простился съ своими хозяевами, которыя, кажется довольно меня полюбили. А съ Александромъ Павловичемъ у насъ идетъ по братски. Знаешь ли что мнѣ вчера было предложено? Не менѣе какъ путешествіе вмѣстѣ съ Алек. Павловичемъ. Что ты на это скажешь? Я далъ слово подумать, но рѣшительнаго ничего не сказалъ. Александр. Павл. очень былъ бы радъ путешествію, — но онъ не вѣрить, чтобы этотъ плавъ былъ исполнимъ. (*Стран. 11*). Его уже совсемъ снарядили было одинъ разъ въ Неаполь и вдругъ ужасное *не хочу* все разстроило; былъ нѣкогда общій планъ ѣхать въ Америку, и все уже было уложено, — но грозное *не хочу* подоспѣло въ свое время. Его состояніе тяжелое. Онъ совершенный невольникъ капризовъ. Время у него отнято; занятіями его располагають самовластно; безпрестанно упрекають его въ холодности и твердятъ о его независимости. Павел. Ив. при всей своей добротѣ со всемъ соглашается и все сносить. Но

онъ сносить, потому что имѣть характеръ слабый, который во всѣхъ положеніяхъ быть можетъ и на все погвется. А Алекс. Павл., имѣя характеръ твердый, долженъ все снести, обо всемъ молчать и все скрывать въ самомъ себѣ. Это его невольно отъ нихъ отдаляетъ въ душѣ своей и онъ совершенно одинокъ въ отеческомъ домѣ. Но и въ самомъ этомъ одиночествѣ онъ не имѣетъ свободы. Напр. онъ желалъ бы писать и точно имѣть дарованіе, которое могъ бы при такой охотѣ къ трудолюбію весьма образовать, но онъ долженъ отказаться отъ пера—ему будутъ и здѣсь связывать руки, будутъ поправлять то, что онъ напишетъ и свое печатать подъ его именемъ. Служба для него прибѣжище. Но вотъ уже матери опять не хочется, что бы онъ служилъ, а отецъ съ нею согласенъ. Лучше желаютъ, что бы онъ путешествовалъ, а онъ боится, что бы подъ предлогомъ путешествія только не была бы у него отнята служба. — Однимъ словомъ, у него нѣтъ матери. Подъ этимъ именемъ безразсудное твореніе управляетъ его судьбою—желаетъ отъ него любви ³⁴⁾, хочетъ искренности, но естественно ли быть искреннимъ съ тѣми, которые не предполагаютъ въ насъ никакой собственной воли, не даютъ намъ ни радости, ни права мыслить, а требуютъ (*Стран. 12*) одной слепой и безотвѣтной покорности! Это жесточаетъ человѣка съ характеромъ твердымъ. Онъ могъ бы имѣть въ отцѣ и товарища, и друга и участника въ счастіи, когда бы ³⁵⁾ отецъ его былъ съ нимъ свободенъ, когда бы чужая воля не управляла его слабою волею. Но безразсудство матери не только обременяетъ сына, но и отца съ нимъ разлучаетъ. Таково его положеніе. Къ матери онъ имѣть привязанности не можетъ,— онъ можетъ только рабски молчать передъ нею; къ отцу такъ же,— отъ него не надеется онъ ни справедливости, ни помощи, ибо доброе сердце его молчитъ передъ самовластіемъ матери. Къ тому же его

34) Послѣ слова «любви» стояло «супрекаетъ» — зачеркнутое тѣми же чернилами.

35) Слова: «отецъ его» написаны подъ строкою вмѣсто зачеркнутаго слова онъ.

не понимаютъ. Онъ выше ихъ образомъ мыслей и чувствами. Въ своей горницѣ со мною онъ совсемъ не тотъ, каковъ въ гостинной съ отцемъ и матерью. Главное его чувство желаніе оставить домъ семейственный, гдѣ нѣтъ ему никакого счастья. Такое положеніе ужасно.

Путешествіе было бы весьма пріятно съ такимъ товарищемъ, каковъ Ал., а ему очень было бы хорошо со мною,—я въ этомъ увѣренъ. Между тѣмъ это бы сохранило мою съ ними связь, а они для насъ нужны. Твое же сердце и мое не могутъ перемѣниться. Путешествіе не разсѣитъ меня и ничто въ свѣтѣ не отниметъ у меня лучшей моей драгоценности: *любви къ моему земному спутнику*. Подумай сама объ этомъ, мой безпѣнный ангелъ. Эта мысль — уѣхать за-границу — ужаснула бы меня въ другое время, но теперь и безъ того надобно будетъ разлучиться и скоро. Я думаю, что я *долженъ* уѣхать отъ васъ *самъ*, а не ждать вашей поѣздки въ Дерптъ. Какъ жить у васъ, зная образъ мыслей маменьки? Какъ быть у васъ только *терпимымъ*; имѣть только пріютъ — уѣхать, (*Стран. 13*) съ вами видаться, но не жить у васъ. Я желаю знать твое мнѣніе на этотъ счетъ. Подумай, милая, что маменька видитъ во мнѣ Иванова и ставитъ меня на одну съ нимъ доску. Къ тебѣ, мой другъ, я привязанъ теперь болѣе нежели когда нибудь, — прошедшій мѣсяцъ убѣдилъ меня, что эта привязанность необходима для моей жизни. Теперь знаю на опытѣ, что имѣю такое благо, котораго ничто, ни обстоятельства, ни случай у меня не похитятъ. Но отъ маменьки благодарній принять не могу. Она не должна думать, что бы чѣмъ нибудь могла заплатить мнѣ за ту дружбу, которою я отъ нее требовалъ въ замѣну моей, и чтобы была какая нибудь замѣна того счастья, котораго она меня лишила съ такимъ спокойствіемъ. Милому человеку простить не можно, хотя бы и желалъ. Я недавно между письмами нашелъ одно свое письмо, писанное къ ней въ Москвѣ въ мартѣ 1811 послѣ вашего отъѣзда. Не помню почему оно не послано, — но въ этомъ письмѣ я прошу отъ нее довѣренности и увѣряю ее, что это единственный способъ перемѣнить

мою къ тебѣ привязанность въ чувство брата и сдѣлать насъ счастливыми. Это письмо я ей отдамъ въ доказательство, что она не захотѣла нашего счастья. За послѣдній тяжелый мѣсяць я готовъ даже ³⁶⁾ благодарить провиденіе. Оно жестокимъ способомъ преобразовало мое сердце и сдѣлало его тебя достойнѣе. Теперь люблю тебя какъ причину всего что можетъ сдѣлать мою жизнь хорошею. Надежда моя не пропала, — но отъ нее отдѣлилось спокойное нетерпѣніе, котораго мѣсто заступила (*Стран. 14*) беззаботная довѣренность къ промыслу. Пускай онъ все устроиваетъ самъ и все будетъ устроено къ лучшему. — Будущее все еще наше, — не будемъ мѣшаться въ распоряженія отеческой власти, а будемъ только думать, о томъ, какъ бы заслужить отъ нея награду. Та-ка(я) ³⁷⁾ мысль, мой другъ, не даетъ ли душѣ утѣшительное спокойствіе: что передъ этою надеждою случаи жизни?

Какъ тяжела разсѣянная жизнь! Я это чувствовалъ во все время нынѣшняго моего путешествія. Счастливъ тотъ, кто можетъ заниматься и умѣетъ не скучать съ самимъ собою. Дорогою изъ Муратова въ Орелъ я завелъ разговоръ съ Павломъ Ив. о свадьбѣ Толстаго (Варв. Вас.), въ которой онъ много участвовалъ. Изъ этаго разговора заключить можно только то, что онъ все для насъ сдѣлать можетъ и ничего не сдѣлаетъ. Онъ любитъ тебя нѣжно и его рѣдко доброе сердце заставитъ его съ жаромъ взять твою сторону, но онъ не устоитъ противъ противурѣчій. Какъ бы то ни было, все ты можешь имѣть въ немъ добраго защитника.

Теперь вспомнилъ еще одно, что слышалъ о тебѣ отъ Павла Ивановича. Ты возвратилась съ ярмарки съ больною грудью и у тебя болѣлъ бокъ. Онъ (который тебя останавливалъ отъ поѣздки)³⁸⁾

36) Слово «даже» вставлено другими чернилами.

37) я — недописано.

38) Круглыя скобки и въ подлинникѣ.

спросилъ у тебя, не повредило ли тебѣ это путешествіе. Ты и не подумала ничего сказать. Напротивъ успокоила его и по обыкновенію своему, разсудила страдать молча.... Неужели (*Стран. 15*) это всегда такъ будетъ. Когда я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ, ты была блѣднѣе и казалась нездоровою. Другъ мой, какого же мнѣ счастья велишь ты искать на свѣтѣ, когда не буду имѣть довѣренности къ твоей любви. И есть-ли какое ни будь въ тебѣ ко мнѣ сожаленіе! Ты послѣднее сама у меня отымаешь, послѣднее добровольно хочешь разрушить!

Есть-ли можно, другъ мой, спиши мнѣ нѣкоторыя мысли, которыя въ этой тетрадкѣ.—Я желалъ бы ихъ сохранить. Этотъ списокъ доставить мнѣ съ Маріей Николаевной ³⁹⁾.

Милой другъ, когда я стоялъ въ церквѣ и смотрѣлъ на нашу милую Сашу и когда мнѣ казалось сомнительнымъ ея счастье, сердце мое было стѣснено и никогда такъ не поразило меня слово *отче нашъ* и вся эта молитва. Я читалъ ее или, лучше сказать, объяснялъ для себя совсемъ иначе, нежели какъ это случалось прежде. Во мнѣ возбудилась довѣренность къ промыслу и будущее не было уже такъ страшнымъ. Я обѣщалъ Сашѣ написать эту молитву съ собственными, немногими прибавленіями. Гдѣ же лучше написать ее, какъ не здѣсь? Пусть будетъ она *прежде* для тебя, а потомъ и *для нее*. Жаль, что это не написалось, тогда же, такъ какъ было въ душѣ (*Стран. 16*).

Отче нашъ. Что утѣшительнѣе этаго имени, другъ мой! Отецъ, *нашъ* Отецъ и *всесильный*, слѣдовательно все строющій къ благу. И ты и она будете счастливы, — сердца ваши достойны счастья. Отецъ, а мы дѣти. Вообрази обязанности, налагаемыя на насъ

³⁹⁾ Эти послѣднія три строки написаны чернилами чернѣе и почеркомъ крупнѣе.

тимъ именемъ! Вообрази счастье съ нимъ соединенное! Быть обрѣтыми дѣтьми добраго отца и отца всемогущаго. Можноли бояться жизни! Мы живы и онъ нашъ отецъ, — мы созданы для таго святаго семейства! Гдѣ же одиночество? И земля и небо развѣ не нашъ отеческій, семейственный домъ? Я живу въ домѣ отца моего, въ домѣ, куда ни зло, ни несчастія не входятъ, а когда входятъ то единственно только для того, что бы мы живѣе могли почувствовать всю безопасность отеческаго крова, живѣе почувствовали всю красоту милаго, отеческаго края. — Гдѣ лучше товарищество, какъ не съ отцемъ? А этотъ отецъ намъ товарищъ. Передъ нимъ *все* ясно. Онъ насъ видитъ и слышитъ. Не нужно языка, чтобы передъ нимъ выражать свои чувства. Онѣ для него понятны. Только намъ надобно понимать языкъ его.

Иже еси. Какое утѣшеніе! Какую твердость даетъ душѣ это слово *еси*. Онъ существуетъ, — онъ *есть* нашъ товарищъ, (*Отран. 17*) нашъ защитникъ, судія нашего сердца неизмѣнный, неподкупный. Онъ *есть*, — въ этомъ словѣ вся наша судьба, всѣ наши надежды, утѣшенія и подпоры. Онъ *есть*, — онъ вездѣ, гдѣ бы мы ни были и мы носимъ его въ своемъ сердцѣ, и онъ вездѣ нашъ, вездѣ видимъ нашему сердцу. *На небесахъ.* Тамъ, гдѣ увидимъ его нѣкогда лицомъ къ лицу, — гдѣ онъ все для насъ объяснить. Но и объясненіе нужно-ли намъ будетъ! *На небесахъ* — этимъ величественнымъ словомъ все еще здѣсь объясняется. *И на землѣ.* Здѣсь, гдѣ онъ нашъ товарищъ — на жизнь и смерть, въ горѣ и радости! Съ нимъ прямо къ цѣли! Что дорога жизни съ такимъ спутникомъ! Куда ни оглянись, — онъ вездѣ на землѣ, вездѣ видимъ въ могуществѣ и благодати и всюду слышенъ сердцу, — только склоняя слухъ къ его утѣшительному голосу! Только научись понимать его! Только вѣрь и люби. *Да святится имя твое.* Можноли сказать безъ чувства отцу, да святится имя твое? Имя милое. Вообрази сына, который святить имя отца, — святить его всею: любовію, когда онъ еще съ нимъ, воспоминаніемъ,

когда его уже нѣтъ. Но отецъ земной разлучается съ своимъ сыномъ; съ отцемъ небеснымъ разлуки нѣтъ. — Да святится имя его любовію, благодарностію, надеждою и твердостію. *Да пріидетъ (Стран. 18) царствіе твое.* Не то царствіе, которое начинается для насъ за гробомъ, — оно откроется вмѣстѣ съ гробовою доскою, и эта минута сама собою наступитъ. Желать ея ускоренія можно только въ минуту забвенія самаго себя и значило бы нарушать законъ вѣчный, — но царствіе сіе да начнется для насъ на земли. Вообразимъ, что оно уже началось, что мы всѣ граждане этаго царствія. Если не всѣ съ нами согласны въ покорности, то будемъ покорны каждый отдѣльно своему царю, будемъ вѣрными подданными его престола и скажемъ: *Да будетъ воля твоя якоже на небеси и на земли.* Здѣсь и тамъ. Міръ земной да сольется для насъ съ міромъ небеснымъ. О какъ не предаться въ *Ею* волю, когда все такъ обманчиво и тлѣнно на землѣ! Но какъ же и земная жизнь становится возвышенною, когда предашь себя этой волѣ, всемъ земнымъ управляющей! *Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.* Все провиденію и обо всемъ безпечность младенца. Вѣрь и будь достоинъ, — *остальное* дурно быть не можетъ. *И остави намъ доми наши.* Суди насъ какъ отецъ! И дай намъ въ твоихъ милостяхъ уроки добра! Самыя твои наказанія да пріемлемъ какъ милости и наставленія. *Якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* О! Это пишу (Стран. 19) отъ всего сердца! Прочь низкое! прочь злоба! Съ именемъ святаго отца — всѣмъ любовь или всѣмъ — прощенье. Богъ станетъ насъ судить, какъ мы сами сдѣсь судили. Другъ мой! Я начинаю теперь *новую дорогу жизни*: вонъ изъ сердца всякое чувство ненависти и злобы. Оскорбленія не чувствовать не могу — я ⁴⁰⁾ но прочь низкое и злоба! Я буду достоинъ моего небеснаго отца! Вся моя жизнь его провиденію.

40) Далѣе идетъ одно неразборчиво написанное слово («исполни»?) и полторы тщательно зачеркнутыхъ чернилами строкъ текста. Можетъ быть эти слова: «я исполни...» тоже слѣдовало зачеркнуть, но это осталось неисполненнымъ по забывчивости.

Не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго. — Не несчастіе для насъ искушеніе, но слабость души, приводящей къ ропоту, который все унижаетъ и жизнь и свѣтъ дѣлаетъ противнымъ! *Отчаяніе* — вотъ опасный врагъ; тотъ *лукавый*, отъ котораго да избавитъ насъ отецъ всевышній. Оно и небо и землю покрываетъ для насъ темнотою, въ которой изчезаетъ путь провиденія. Духъ бодрый на дорогѣ бѣды!

Воейковъ сей часъ разсказалъ мнѣ вашъ разговоръ съ маменькою. Боже мой, сколько обвиненій!

Послѣднее! и кончу на всегда! Сей часъ мы говорили съ Воейковымъ, — обнялись, плакали и дали другъ другу слово въ братствѣ отъ сердца. Другъ мой — будь съ нимъ искренна, ищи въ нихъ обѣихъ подпоры и *опору* имъ. Довѣренность (*Стран. 20*) не будетъ обманута. Сердце мое рвалось, когда я воображалъ тебя съ ними одинокою. Теперь легче, но ради Бога не таись ни въ чемъ и все дѣли съ ними. Мнѣ же остается теперь одно: — вѣра въ твое сердце! Есть ли въ немъ бережено будетъ мое мѣсто, есть ли твое уваженіе ко мнѣ будетъ всегда неизмѣнно, — чего мнѣ останется желать? Моя судьба теперь вся отъ тебя зависить; никто другой на мою жизнь вліянія имѣть не можетъ. Ты и провиденіе — въ васъ мое вѣрное счастье. Тебя отдаю подъ его защиту, а самъ даю тебѣ слово предаться ему съ совершеннымъ спокойствіемъ; оно сохранитъ насъ: — мы передъ нимъ невинны; мы желали и желаемъ счастья, основаннаго на всемъ добромъ. Оно насъ приведетъ къ нему, — когда? Это неизвѣстно! Но думай, вѣрь всякую минуту, что мы къ нему идемъ! Эта спокойная надежда стоять счастья. Я боялся одного: — чтобы не захотѣли дѣлать насилія твоему сердцу. Саша и Воейковъ ручаются за его сохраненіе. Я просилъ Воейк(ова) какъ друга, какъ брата, быть твоимъ помощникомъ, твоимъ утѣшителемъ. Нѣтъ! онъ не обманетъ меня. Онъ это завѣщаніе вѣрно исполнитъ. Сохраняя твое

спокойствіе онъ будетъ и моимъ благотворителемъ. Я просилъ его ничего болѣе для насъ не требовать, но быть только всегда на нашъ счетъ не измѣннымъ во мнѣніи. Это для него не можетъ быть трудно. Только будьте согласны и не имѣйте недовѣрчивости⁴¹⁾ другъ къ другу. Ангелъ мой, прости! Благослови тебя Богъ!

Я живъ — и ты моя!

Въ этихъ двухъ словахъ весь мой жребій....

[Сентябрь]⁴²⁾.

(Стран. 1.) *Все въ жертву за нее!*⁴³⁾

(Стран. 2.) Ты хочешь отвѣта—что сказать тебѣ. Базиль! Меня огорчаетъ чрезвычайно твоя малая довѣренность къ промыслу. Другъ мой! я не буду несчастлива и не могу быть несчастливою. Добрый, милостивой отецъ, который *ездитъ* со мною, который любить меня для тебя (для меня! Боже мой, стою ли такой высокой обо мнѣ мысли!),⁴⁴⁾ можетъ ли онъ допустить это? *L'amour parfait chasse la crainte—oh! je ne crains rien je t'assure; j'espère, j'attens tout et ce n'est pas en vain, crois moi. Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten.* Это такъ вѣрно, и я такъ увѣрена, что это будетъ, что смотрю на теперешнюю жизнь, какъ на срокъ, который мнѣ данъ, чтобы приготовиться къ счастью, чтобы имѣть возможность сказать: теперь я его достойна! и достойна

41) Отсюда текстъ переходитъ на заднюю синюю обложку и тамъ продолжается.

42) Обозначенія мѣсяца не имѣется, оно прибавлено редакціею.

43) На первомъ листѣ кромѣ упомянутаго девиза ничего не написано. Самый текстъ записанъ лишь со 2-ой страницы. На этой страницѣ помѣщенъ текстъ письма М. А. Протасовой. Печатается онъ здѣсь подрядъ,—отвѣтныя замѣчанія В. А. Жуковскаго—см. ниже на страницахъ 180 и слѣд.

44) Круглыя скобки и въ подлинникѣ, такъ же и ниже.

дѣлать счастье ангела! О! моя жизнь мнѣ драгоценна — и я берегу ее какъ твою принадлежность, которую нѣкогда должна буду тебѣ возвратить! Базиль, чего намъ бояться! — Отложимъ на часъ всѣ надежды (или крѣпкую вѣру на благодѣть Божію, потому что счастье наше впереди и оно *тѣрно*) и посмотримъ на вещи съ дурной стороны. Могу ли я зависѣть отъ В[оейкова], каковъ бы онъ ни былъ? Мое все со мною. Есть ли онъ имѣетъ особенные планы, то все они до меня не касаются; вліянія на судьбу мою онъ все[же] имѣть не можетъ, потому что съ твердостью, съ полною вѣрою въ твое сердце, я не могу быть столько слаба, чтобы забыть тебя и себя. И только въ такомъ случаѣ когда они совершенно вооружаютъ мое сердце противъ себя, позволю себѣ такія средства, которыхъ теперь ничто бы извинить не могло. Ты говоришь: разставшись теперь, мы расстаемся съ надеждою жить когда нибудь другъ для друга — нѣтъ! я буду жить для тебя и вѣрно придетъ время, что буду жить и вмѣстѣ — но теперь еще это невозможно. (Стран. 4). Послѣ возвращенія нашего изъ Дерпта, я не только всего надеюсь, но точно увѣрена въ счастья, а теперь я еще его недостойна! Два года эти будутъ проведены розно — цѣль моя есть: дѣлаться лучше и достойнѣе тебя. Это развѣ не тоже что жить вмѣстѣ? Счастье впереди! Вопреки всему, будь его достоинъ и оно будетъ твое. Одного только я бы желала: большую довѣренность на Бога и безпечность младенца — тотъ кому *все* повѣришь — *все* и сдѣлаетъ. Вспомни наши планы, нашу надежду на Авд:[отью]Ник:[олаевну], на Вой:[ейкова]: не помагалъ ли намъ Богъ! Что мы несчастливы — отъ того, что не умѣемъ возложить на него свою довѣренность. Онъ для насъ *все* сдѣлаетъ! Базиль! ты слишкомъ огорчаешься разлукой. Скажи, много ли ты имѣешь утѣшенія теперь, будучи вмѣстѣ? Правда, что вчера мы имѣли хорошія, милыя минуты, но онѣ тебя не достойны. *Mon ange, ta vie doit être active, utile à tout ceux qui t'entoureront, mais pas seulement à ceux qui seront avec toi. Elle doit l'être aussi à moi. Ton exemple me donnera des forces et du*

courage. Другъ мой, одно мѣсто въ твоей тетрадкѣ меня огорчило, но ты вѣрно самъ раскаиваешься въ этомъ. Твоя жизнь не нужна, не драгоценна!... О, Базиль! ты знаешь, что моя связана съ твоею! Je n'aurai de force et de resignation qu'autant que je pourrai être tranquille sur ton compte, mais dès que j'aurai perdu cette seule consolation, il n'y aura plus ni bonheur, ni espoir pour moi. Береги свое здоровье—ты объ немъ уже давно не думаешь. Базиль! для тебя начнется ничтожная жизнь! О Боже мой! mon ami il faut être plus grand que le sort, tu ne te ressembles plus — *il faut monter la montagne pour voir le royaume de Cachemire*. Si Dieu voulait nous éprouver par de plus grands malheurs encore. Basile, je suis heureuse, en possédant ton coeur; mon sort est digne d'envie. Comment ne pas tout faire pour me perfectionner, pour me rendre digne de la recompense que j'ai reçue avant (*Cmpan. 6*) le combat. Oh! je me sens beaucoup de force et de resignation surtout.

Ecoute mon ami! je t'en prie ne donne pas la lettre à maman. Elle ne pourra faire aucun bien, mais si même elle en faisait, je te prierais encore de ne pas la donner. Оставь все на власть лучшаго заступника и ни что не пропадетъ. Есть ли у тебя есть силы, то поговори ей самъ, но этаго я желала бы только для того, что бы она хотя послѣдніе два дни была лучше съ тобою. О! какое ее ужасное раскаяніе ожидаетъ! Базиль, какъ мы счастливы въ сравненіи съ нею.—Eh bien! mon ami, point de lettre, oui! tu me le promets. N'as tu pas assez de ton propre cœur: de ta conscience, qui doit te mettre au dessus de tout. Et puis si tu le veux moi et nos amis sont aussi pour toi. Послушай, она слишкомъ чувствуетъ сама, что она не права; доказательства ей не нужны; признаться ей тяжело и отъ письма твоего она этаго не сдѣлаетъ.—Ты бы меня много утѣшилъ, есть ли бы послушался въ этомъ. Я боюсь за ее здоровье,—намъ надобно ее беречь.— О Базиль! что насъ разлучитъ? Цѣль, желанія, надежды, дѣйствія однѣ! А какое счастье еще насъ ожидаетъ! Оно будетъ! Богъ мнѣ это говорить!

Теперь поговоримъ о томъ, чего я отъ тебя требую. Tu me promettera de t'occuper beaucoup. Basile, tes compositions feront ma gloire et mon bonheur. Естьли бы ты зналъ, сколько мнѣ упрекала совесть это бездѣйствіе, въ которомъ ты жилъ до сихъ поръ. Я не только причина всѣхъ твоихъ горестей, но даже и этого мучительнаго ничтожества, которое отымаешь у тебя будущее, не давая въ настоящемъ, ничего кромѣ слезъ. — И такъ занятія! непременно *занятія*! Въ одной книжкѣ ты сказалъ, что оно будетъ для тебя драгоценно, потому что твоя слава будетъ *моя*; я надеюсь на твои обѣщанія. Еще: я бы желала *очень*, что бы ты занимался воспитаніемъ *дѣтей*. Другъ мой, это *счастіе*, котораго не надобно отвергать — а кто можетъ (*Стран. 8*) болѣе тебя сдѣлать имъ пользы? И такъ ты сдѣлаешь и счастіе ихъ матери. Ты мнѣ и это обѣщаешь? — Творца надобно благодарить только за жизнь, сказалъ ты. (О! какъ я была счастлива въ эту минуту!). Послушай, Базиль — а эта жизнь есть только испытаніе, которое легко перенести можно! (Легко! легко только съ такимъ ангеломъ утѣшителемъ какъ ты!) Вообрази же награду, которая насъ ожидаетъ! Боже — мы твои дѣти!

Comme je voudrais te donner toute ma force et tout mon courage — mais cela aussi, c'est à toi que je le dois (А я! Чѣмъ я тебѣ не обязанъ! Ты во всей силѣ слова моя благодарительница.) je me sentais si faible, si differente de moi même. Toi qui fais tant de bien, comment n'est tu pas heureux!

Объщай дѣлать все то, о чемъ я тебя здѣсь прошу. Скажи, что ты надеешься. О! мы точно вмѣстѣ будемъ счастливы. Une voix intime me ce dit. Et celle la ne trompe jamais.

Je te promets de t'ecrire toujours, quelque part que je sois. Sur ce point — je suis sure de Woeykoff et quand nous serons à Pétersbourg А. Пав. me sera d'une grande utilité. Tes lettres à lui seront pour moi aussi, et puis les lettres d'Eudoxie seront dictées par toi. Ты будешь писать рецензію между строкъ. Но главное то, что мое сердце пойметъ, чего нельзя будетъ написать. О! счастье — наше! — я это говорю за полтора дни

до разлуки съ тобою: стало быть я его *предчувствую* (вопреки всему).

Ангель мой! Богъ тебя благословить! Я не имѣю силъ сказать: *прощай!* Да и не должна! мы не разстанемся.—*Je te benis, je prie pour toi à tous les instants du jour! Ma vie! Perseverance.*

(Стр. 3)⁴⁵⁾. Не недовѣрчивость къ промыслу⁴⁶⁾, мой другъ а забвеніе самаго себя, естественное слѣдствіе смущенія и горести. Я видѣлъ, сколько печальнаго ожидало тебя въ будущемъ; многое можетъ быть и увеличивалъ, — когда подумаю объ этомъ и теперь, то такое же смущеніе; но теперь имѣю твое письмо—оно ото всего защита! Я его перечитываю и всякой разъ имѣеть оно на меня вліяніе *добраго дѣла*,—я готовъ прыгать; чувствую себя легче и живѣе. Но знаешь ли, что я не даю себѣ воли часто читать это безцѣнное письмо. Я откладываю его нарочно, какъ радость, чтобы имѣть и наслажденіе ожиданія.

L'amour parfait chasse la crainte. Вотъ въ чемъ твое совершенство. Ты имѣешь такую спокойную вѣру. Она даетъ и любви твоей большую высоту. Ты лучше меня любить умѣешь, и я въ самой моей къ тебѣ привязанности долженъ принять тебя же за образецъ.

Такъ, мой другъ, будемъ смотрѣть на разлуку, какъ на срокъ — будемъ надѣяться. Мы сдѣлали условіе съ *тѣми*, кто объ нашемъ счастіи будетъ заботиться болѣе насъ самихъ. Будемъ увѣрены, что все хорошее будетъ и не позже, не ранѣе какъ нужно. Готовить[ся] *въ ожиданіи*. Въ этомъ словѣ теперь для насъ жизнь. Но все это не было бы для меня такъ понятно, когда бы я говорилъ тебѣ отъ одного себя; но и тутъ милость ко мнѣ провиденія. Я долженъ былъ на минуту забыться, чтобы

45) Отсюда начинаемъ печатаніе отвѣтныхъ замѣчаній В. А. Жуковскаго на письмо М. А. Протасовой. Они вписаны на нечетныхъ страницахъ тетради, а въ концѣ, по окончаніи письма Протасовой, — идутъ уже подрядъ до конца тетради.

46) Слова: «къ промыслу»—внесены поперехъ строки.

мой ангель изъяснилъ мнѣ мою должность — и какимъ языкомъ! — самый языкъ совести никогда не будетъ для меня такъ убѣдительно. — Языкъ утѣшенія, радости, однимъ словомъ — языкъ моей Маши. Наканунѣ и въ самый день отъѣзда, я сказалъ отъ сердца, что жизнь прекрасна, — это твое дѣло. Ты представила мнѣ въ будущемъ столько прекраснаго. Своему проступку обязанъ я тѣмъ, что началъ еще болѣе тебя уважать, началъ чувствовать твое превосходство надо мною, а какъ весело его чувствовать! Твои наставленія кажутся мнѣ чѣмъ то святымъ! И кто имѣетъ то, что я имѣю? Стоитъ о тебѣ вспомнить, чтобы обрадоваться что я живъ; стоитъ развернуть твое письмо, что бы во всякое время жизни имѣть утѣшеніе; ободреніе для хорошаго дѣла, защиту отъ дурнаго; поощреніе къ прекрасному; — всемъ, (*Стр. 5*) всемъ я обязанъ тебѣ; какъ весело въ этомъ признаваться! Знаешь ли что я перечитываю это письмо съ восхищеніемъ, но не даю себѣ этого удовольствія каждый день, что бы оно было дороже отъ ожиданія. Вѣчныя мечты! Ты мнѣ велела назвать тебя *своею матерью*, за ту нѣжную заботу о моей судьбѣ, которую ты имѣешь. Нѣтъ, мы не расстаемся — вся наша жизнь будетъ тѣснымъ сношеніемъ другъ съ другомъ, une correspondance intime. Все что ни здѣлаю въ жизни — все для тебя, ты будешь знать обо мнѣ и будешь радоваться.

(Я не пишу того, что было писано о Воейковѣ. Несправедливость!)

Райское *амьсть* поручимъ Богу. Теперь одно, *мы живы* и другъ для друга. Заслуживать! При этомъ словѣ всѣ силы душевныя возбуждаются et il me semble déjà voir le royaume de Cachemire. Съ маменькою можешь обо мнѣ говорить свободно; теперь имѣемъ на это право; никто, кромѣ нея не можетъ насъ облизить.

Ты говоришь: *ta vie doit être active*. Надобно было все это слышать *отъ тебя*, что бы сильно пожелать исполнить. Безцѣнное завѣщаніе моего друга, какъ его преступить! Мой примѣръ

для тебя нуженъ! нѣтъ, я могу только подражать тебѣ! *Oui! montons la montagne!* жизнь впереди! Какое счастье: *resignation et courage!* Si tu veux mon exemple, tu l'auras. Теперь мое правило (и даю слово его исполнить!): *жить какъ ты велишь! какъ тебѣ нужно!* У меня баронесса [Черкасова?] спросила: какія же теперь мои намеренія? — Я ей отвѣчалъ: никакихъ! жить, какъ ей надобно! Въ этомъ все! (Милой другъ, прости! я не утерпѣлъ, что бы ей не сказать о своемъ предложеніи; мнѣ хотѣлось, что бы она знала въ совершенствѣ *что ты!* И какое для меня наслажденіе видѣть, какъ добрыя сердца тебѣ удивляются! Вотъ истинное мое достоинство: быть любимымъ такою душою, какъ твоя!)

Теперь слово о томъ, что ты отъ меня требуешь! — Требуешь, милой другъ: какое счастье тебѣ повиноваться. Бездѣйствіе! Нѣтъ! оно было не отъ тебя. Теперь мы розно, и чтоже влечетъ меня къ дѣятельности? Ты! Что же когда бы мы были вмѣстѣ и вмѣстѣ счастливы? И такъ вини не себя, а тѣхъ, которые наше вмѣстѣ разрушили.

(Стр. 7). Вотъ мой кодексъ. *Писать* (и при этомъ правило — жить какъ пишешь, что бы сочиненія были не маска, а зеркало души и поступковъ). Это будетъ моею съ тобою корреспонденціею. Слава моя будетъ твоею. Мнѣ сладко теперь думать о уваженіи, которое могу заслужить отъ отечества и котораго причиною будешь ты. Эта мысль даетъ мнѣ гордость и силу. Слава моя будетъ чистая и достойная моего ангела, *моей Маши*. Я буду писать много и безпрестанно.

Воспитаніе дѣтей. Это занятіе будетъ посвящено тебѣ же. Но какъ же я радъ, что ты угадала мои мысли. Я самъ хотѣлъ употребить на это часть времени. Темъ лучше, что это занятіе будетъ исполненіемъ твоей воли.

Владиміръ будетъ написанъ. Мы не розно. Мой Ангелъ вдохновенія всегда со мною. Мои милѣйшія желанія исполнены въ твоей любви. Остальное провидѣнію. Нѣтъ моя бѣлая книга не останется пустою, — *я бѣлой книги не боюсь*. Провиденіе твоею рукою начертало въ ней невидимыя черты, видимыя сер-

ну: — *жить для Маши, для всего добраго, быть ея достойнымъ, и этимъ заслужить счастье, которое тырно.* Ты получишь ее въ моихъ рукъ, и полную, полную, и во всякой часъ. Все недостойное тебя забыто или будетъ отброшено. Съ такимъ предметомъ я счастливъ.

Вотъ мои ежедневныя занятія:

1. *Собраніе понятій о религіи.* Надобно сдѣлать тебѣ мою исповѣдь. Я не могу быть передъ тобой лицомъ. Я не имѣю того, что называется полнымъ понятіемъ о религіи. Но желаю вѣрить и буду имѣть чистую, достойную чловѣка и Бога вѣру, Въ этомъ ты мнѣ порука. Искренность въ этомъ желаніи и довольно. Душевно буду искать убѣжденія, той вѣры, которая нужна для счастья, которая совершенствуетъ сердце. Что бы ни было, но жить по правиламъ христіанства. Это ведетъ къ небу. И такъ: чтеніе свещ[еннаго] писанія, книгъ о религіи, и твоей книжки. Свои мысли объ этомъ предметѣ и для тебя особенное собраніе этихъ мыслей.

(Стр. 9) 2. *Чтеніе моралистовъ.* Хочу непремѣнно дѣлать свои привычки, то есть каждой день къ какой нибудь хорошей чужой мысли прививать нѣсколько своихъ. Собраніе этихъ мыслей для тебя. Надобно, чтобы каждой день былъ означенъ своею особенною мыслию.

3. *Каждый день дѣть или три страницы прозы* о чемъ бы то ни было. Это составитъ современемъ порядочный матеріалъ для журнала. Особенный списокъ для тебя. На это уже готовъ альбомъ.

4. *Всякой день непременно писать въ стихахъ,* и все будетъ для тебя переписано.

5. *Чтеніе книгъ о воспитаніи.* Прежде нежели приняться за дѣло, надобно понабраться мыслей и чужихъ естли нѣтъ своихъ. Изъ этихъ матеріаловъ современемъ составитъ письма о воспитаніи и письма къ Дунашѣ о ея дѣтяхъ. Можетъ выйти прекрасная книжка (?).

6. *Записывать свой день.* Это для тебя. Дурное и хорошее. безъ закрывки передъ моимъ другомъ, передъ моею совестію,

передъ вторымъ провиденіемъ моимъ. Видишь ли, какая куча занятій, и при всемъ этомъ оживотворитель, ободритель, свидѣтель ты, мой другъ, моя благодѣтельница. Вотъ и расположеніе часовъ, что бы ты знала чѣмъ я въ какую минуту занять.

6 часъ. Чтеніе Св. Писанія и т. под. и твоей книжки.

7 }
8 } Проза (письма).

9 Ходить.

10 }
11 } Стихи (письма)
12 }

1 }
2 } Матеріалы для Владиміра

3 }
4 } произвольное занятіе. Не худо и поспать.
5 }

6 ход.

7 }
8 } Чтеніе мор[алистическихъ] книгъ и о воспитаніи.
9 }

10. Записки дня.

(Стр. 10)⁴⁷⁾ Отъ тебя желалъ бы, что бы ты дѣлала 1, 2 и 6 для меня, какъ я для тебя. Кажется, что это возможно. Сдѣлай книжку, въ которую бы записывать лучшее изъ Святаго Писанія и духовн[ыхъ] писателей. Къ этому прибавлять свои замѣчанія. Другую книжку для записыванія лучшихъ мыслей изъ всѣхъ книгъ и къ нимъ такъ же свои замѣчанія. Наконецъ, каждый день въ десяти строкахъ записать въ журналъ (въ голуб[ую] книжку) все это для меня. Этотъ журналъ будетъ вмѣсто писемъ. При случаѣ отдавать на почту, что будетъ легко. Миѣ же особенно писать къ тебѣ будетъ нельзя. Но въ Дунашиныхъ письмахъ все подчеркнутое будетъ мое

47) Отсюда продолжаютъ замѣтки В. А. Жуковскаго безъ перерыва.

Что же касается до денегъ, то вотъ мое требованіе (поздно я вздумалъ требовать!). Могутъ случиться весьма затруднительныя обстоятельства — ты не имѣешь объ нихъ понятія; *но стъръ мнѣ*. Можетъ случиться то, что деньги вамъ будутъ спасеніемъ. 1000 Дуняшины и еще другая 1000, которую получишь отъ меня, должны у тебя храниться какъ залогъ. Обѣщайся мнѣ до этихъ денегъ ни въ какомъ случаѣ не касаться и беречь ихъ *на черный день*. Есть ли рѣшишься исполнить мою просьбу, то успо[ко]ишь меня совершенно. Я боюсь вашихъ нуждъ. Не имѣть денегъ въ такой дальней сторонѣ есть быть невольникомъ и самымъ жалкимъ. (а ты обо мнѣ не подумала и раздала безъ нужды свои деньги. Это меня очень огорчило и огорчаетъ). Береги эти деньги, какъ маменькино добро. Условіе: не тратить ихъ ни на что, а беречь про черный день. — Есть ли дашь слово исполнить это условіе, то я буду спокоенъ.

Теперь послѣднее слово. Другъ мой, *perseverence*, твердость и дѣятельность въ горѣ; вѣра къ будущему. — Однимъ твоимъ словомъ: *devant Dieu* ты дала мнѣ все: силу, надежду и даже счастье. Мысль, что ты (*Стр. 11*) призовешь меня на помощь, когда нельзя будетъ ни чего другаго сдѣлать, замѣняетъ для меня все. Все прочее заключено для насъ въ одномъ: *будемъ достойны своего счастья*.

26 сентября.

Все это было написано 15 сентября. Милой ангелъ, кто бы могъ ожидать такой перемѣны!

Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten.

Маша, дай руку на счастье. Мы будемъ вмѣстѣ; *вмѣстѣ!* какъ мило это слово послѣ двухъ мѣсяцевъ горькой мысли, что мы разстались. Теперь нечего и вѣкогда тебѣ сказать. Прости, другъ безцѣнный! Безъ васъ буду много думать о нашей будущей жизни, о нашемъ миломъ вмѣстѣ; какого объ этомъ напишу и для тебя. Это будетъ послѣднимъ моимъ письмомъ къ тебѣ и единственнымъ,

какое ты имѣть будешь. Между тѣмъ чтобы ты знала, что буду безъ тебя дѣлать, то вотъ рапортъ.

1. Написать планъ *нашей жизни* (ангелъ, нашей).
2. Переслать къ Тургеневу мои сочиненія.
3. Собраться въ Дерптъ.
4. Посланіе къ Государю и перевести Библию.

Все то, что ты читала здѣсь было бы планомъ моей жизни *безъ тебя*.— Оно останется такимъ же, но къ этому прибавится только милое, одушевительное *съ тобою*. Надобно сдѣлать, чтобы наше вмѣстѣ было какъ можно яснѣе и спокойнѣе, но чего не снесешь для этого *вмѣстѣ*. Ты будешь моимъ ободрителемъ, моею наставницею. Боюсь только какъ бы Авд[отья] Никол[аевна] всего не разстроила. (*Стр. 12*) Но это уже твое дѣло. Другъ мой, будь моею защитницею. А я постараюсь обогатить себя такими мыслями, которыя бы утвердили, а не разстроили наше счастье. Прости, душа, радость, жизнь!

[1815 годъ].⁴⁸⁾

[Апрѣль.]

(*На обложкѣ*): Und trennen uns gleich Meer und Land,
Vereinigt uns doch Freundschaft band?
Und fester knüpft nach *kurzer Zeit*
Es einst die Ewigkeit!

Дерптъ. Апрель 14-го.

48) Обозначенія года и мѣсяца прибавлены отъ редакціи.

14 апрѣля.

(Стр. 1) Милой другъ, поняла ли ты то чувство, которое меня рѣшило къ тебѣ написать: *позволь мнѣ отъ тебя отказаться и самому найти человѣка, который бы могъ тебя сдѣлать счастливою!* Это самое лучшее чувство въ жизни моей и въ эту минуту я былъ счастливъ! Маша, въ эту минуту я точно тебѣ доказалъ, что я тебя люблю. Чемъ я жертвовалъ? Тѣмъ что было мнѣ всего дороже! Не одною надеждою, но вмѣстѣ и тѣмъ, что ее замѣняло, своею привязанностию, отъ которой готовъ былъ отказаться[ся] и которую надобно было совсемъ перемѣнить, которой надобно было дать совсемъ другой характеръ! Ты должна знать, что заставило меня на это рѣшиться, — я хотѣлъ быть увѣреннымъ въ твою счастіи, въ томъ, что тобою не пожертвуютъ, что ты будешь зависеть и отъ меня! Мнѣ надобно было съ тобою разстаться и покинуть тебя подъ власть человѣка, который не умѣетъ тебя ни щадить, ни утѣшать. Въ эту минуту мысль *пожертвовать собою* (точно собою, то есть всею, что наиболѣе было я,) представилась мнѣ какъ вдохновеніе Божіе. Съ этою мыслию новая жизнь для меня открылась: *моя семья, мои связи семейственныя*, и что всего дороже ты, въ зависимости отъ меня, мой другъ, моя сестра, съ полною свободою любить другъ друга любовью родныхъ. Какъ за это не отдать всего съ наслажденіемъ. Но *первое* движеніе было право безкорыстное — слѣдствіе его представилось мнѣ *послѣ*. Ахъ! милая, какъ въ эту почъ я радовался жизнию. Я видѣлъ въ ней все новое. Но моимъ чувствомъ не умѣли воспользоваться, нашли способъ даже его охолодить. Какъ опытъ ни научилъ меня, что все мнѣ кажущееся возможнымъ одному, дѣлается невозможнымъ съ ними; но я не послушался и еще написалъ! Письмо прочтено было холодно; но жить стали со мною лучше — но въ чемъ же это *лучшее*, котораго лучше уже вѣрно не будетъ? Что мнѣ дали за мое счастіе, за мои сокровища: которыми я такъ рѣшительно пожертвовалъ? Одну наружность! Лице ласковое — а все прочее тоже. Я перемѣнилъ самое мнѣніе, рѣшился перемѣнить даже и чувство, рѣшился хо-

тѣтъ, чтобы и ты его перемѣнила—(*Стран. 2*). Для этаго нужно большое надъ собою усиліе, большое постоянство и постоянная помощь съ ея стороны и съ твоей — это общее наше дѣло! А она что дѣлаетъ съ своей стороны! Какое усиліе беретъ надъ собою! Есть ли мнѣ можно обѣщать и стараться⁴⁹⁾ изтребить такое чувство въ сердце, къ которому я привязанъ — что весьма трудно — то почему же она не можетъ изтребить недовѣрчивости, которая мнѣ только мѣшаетъ исполнить мое обѣщаніе! Она требуетъ, что бы я былъ постояннымъ, а сама не можетъ и пяти дней выдержать такого характера, который для нее долженъ быть легокъ; требуетъ отъ меня искренности, что бы я внутренно желалъ того, что обѣщала (и я на это рѣшился) а сама и не думаетъ, что ей нужна такая же искренность, дабы насъ обонхъ съ тобою поддержать. Я думалъ все сдѣлать для своего и еще болѣе для твоего счастья своею жертвою и вижу, что ничего не сдѣлалъ, а только наложилъ на себя жестокою неволю. Изъ того чистаго позволеннаго счастья, на которое теперь лично имѣю право, выходитъ одна тяжелая должность. Все что прежде меня съ тобою соединяло, должно быть разорвано — а что же на его мѣстѣ! Ничего! Въ душѣ ужасная пустота, на которую даже и жаловаться нельзя, потому что сдѣсь и сожаленіе не позволено. Все что прежде наполняло душу, естли не исчезло, то сдѣлалось запрещеннымъ — надобно было его замѣнить! А какъ замѣнить, когда меня съ тобою, не смотря на обѣщаніе, разлучаютъ подозрѣніемъ? Я видѣлъ, что ты грустила, — это меня мучило, а какъ было помочь? Мысль, что ты воображаешь меня и холоднымъ, и равнодушнымъ, меня терзала — естли бы я могъ говорить съ тобою свободно, какъ другъ, какъ родной, мы бы вѣрно согласились, мы оба любимъ доброе, а виѣстѣ его любить весело — ты бы меня послушалась, а я видя твою рѣшимость могъ бы имѣть всю нужную мнѣ твердость и никогда бы не боялся слабости! Но какъ (*Стран. 3*)

49) Слова «и стараться» — приписаны тѣмъ же почеркомъ, или нѣсколько мельче поверхъ строки между строками.

же ждать, что бы теперь что нибудь для насъ перемѣнилось! Никто не подумаетъ о томъ, чего я себя лишаю, чего мнѣ должно стоить себя и тебя передѣлать! Они только требуютъ жертвы, а сами не хотятъ подумать, что значить эта жертва и сколько нужно съ ихъ стороны участія! Теперешнее обращеніе со мною войдетъ въ привычку; все будущее останется похожимъ на настоящее. Мы будемъ всегда розно и сверхъ того наша обязанность будетъ разлучиться и въ сердцѣ, потому что ты дала слово! Не только по прежнему будемъ мы—подъ тѣмъ же принужденіемъ, которое уже сдѣлало насъ виноватыми въ скрытности, но еще и въ самой привязанности другъ ко другу не найдемъ никакого утѣшенія, ибо сохранить эту привязанность такую, какова она была прежде, запрещаетъ намъ наша обязанность. Моею любовію къ тебѣ я могъ только пожертвовать для твоего счастья.—Она была моею жизнію; я могъ промѣнять ее только на другую жизнь, на любовь къ тебѣ безъ примѣся собственнаго, на свободную любовь друга, брата, товарища! Дано ли мнѣ это счастье? нѣтъ, и никогда оно дано не будетъ! Есть ли теперь не могли обрадоваться брату, то уже ему никогда обрадоваться не могутъ! Вообразить, что *все* для насъ сдѣлали! а какъ имъ доказать, что они не сдѣлали ничего? Это можно только чувствовать! Кто же принудить это почувствовать? Нашего положенія они не понимаютъ и понимать не могутъ! И живучи вмѣстѣ мы будемъ несчастнѣе нежели когда нибудь! И такъ необходимость велитъ уѣхать—и я беру *свое* назадъ! По крайней мѣрѣ розно съ тобою мнѣ своего лучшаго чувства изтреблять нѣтъ нужды! Но *съ нимъ* я не могу и не долженъ *сдѣсь* остаться! Сдѣсь я могу только быть братомъ, не по одному имени, а съ чувствами, (*Стран. 4*) съ обязанностями и есть ли хочешь съ счастьемъ брата. Розно съ тобою, я никому, кромѣ Бога, отчета въ своихъ чувствахъ не отдаю, а я увѣренъ, что онъ не отвергнетъ того, что у меня въ сердцѣ.

Ты не поняла меня, мой милый другъ! Это естественно! На твоёмъ мѣстѣ и я можетъ быть такъ же бы тебя не понялъ! Намъ не дали и не дадутъ говорить другъ съ другомъ откровенно!

Есть ли бы мы имѣли эту свободу, мы согласились бы на то, что намъ теперь должно и вмѣстѣ бы рѣшились его исполнять и вѣрно были бы счастливы исполненіемъ, хотя оно и дорого бы намъ стоило. Но мы бы вмѣстѣ учились добродѣтели—это связь другаго рода и самая чистая и самая счастливая! Самое тяжкое въ моемъ положеніи было то, что я замѣчалъ твою грусть и чувствовалъ, что ты обвиняла меня тогда, когда я истинно стоилъ твоего уваженія и всей помощи со стороны твоей. Въ то время когда ты думала, что я пожертвовалъ всемъ *au plaisir de je ne sais quoi*, всемъ, даже и возможностью показывать къ тебѣ дружбу, когда уходила, что бы давать мнѣ грустныя минуты съ маменькою, когда воображала, что я *все забывъ* радовался дружбою своею къ Воейкову, въ то время когда онъ тебя такъ нѣжно утѣшалъ, *говоря что я не хочу тебя любить, а хочу только поскорѣ выдать, замужъ* (и ты даже считала нужнымъ въ *утожденіе* мнѣ кинуться первому на шею) въ то время когда была одна и даже въ самой себѣ не находила отрады—мнѣ было право не легче. Безпрестанное мучительное бореніе съ собою, котораго ни что не обле[г]-чало и съ которымъ соединялась мысль, что ты должна обвинять меня. Имя брата, которое я одинъ взялъ на себя и за которое мнѣ ничего не давали, обязывало меня перемѣнить, вырвать изъ сердца всѣ прежнія чувства; При воспоминаніи о Красов- (*Стран. 5*)скомъ душа хотѣла вспыхнуть, но я себя удерживалъ и твердилъ себѣ, что такого роду движеніе не должно быть мнѣ свойственно. Часто, смотря на тебя, былъ готовъ забыться, но оставался, уходилъ къ себѣ, и все опять возвращалось въ надлежащій порядокъ. Часто однако и съ самимъ собою не находилъ утѣшенія. Что было для меня прежде *прибѣжищемъ*—мыслью о твоей ко мнѣ любви, надежда на нее, для меня болѣе не существовала, потому что не должно было существовать болѣе! Этой мысли, этой надежды я долженъ былъ бояться! И свою любовь къ тебѣ—лучшее свое чувство—я долженъ былъ есть ли не уничтожить, то перемѣнить! Я запрещалъ себѣ это чувство, потому что назвался братомъ твоей матери и долженъ былъ имъ быть не

по одной только наружности. Вообрази же мое положеніе! — *Съ тобой*⁵⁰⁾ — я былъ отъ тебя далеко, не только тѣмъ принужденіемъ, которое насъ рознило, но даже своею обязанностію, которая не только мнѣ⁵¹⁾ на тебя запрещала смотрѣть преж[н]ими глазами, но и въ тебѣ такъ же искать и желать прежняго ко мнѣ чувства, мы сдѣлались совершенно *чужи* другъ для друга; *одинъ* — я былъ лишенъ всѣхъ своихъ воспоминаній и надеждъ, которыя давали мнѣ прежде бодрость и *думать* о тебѣ такъ, какъ прежде почиталъ не позволеннымъ, словомъ прежней Маши для меня уже не было, той, которая была соединена въ душѣ моей со всякимъ чувствомъ, а той, которая должна была заступитъ ее мѣсто, я еще не имѣлъ и слабо надѣялся имѣть, видя то принужденіе, которымъ, не смотря на наши жертвы, насъ разлучали! Я былъ въ уныніи, но право ни разу не поколебался въ своемъ пожертвованіи. И чтобы впередъ не поколебаться вотъ что для себя написалъ. (Но *для себя*, а вѣдь *ты* этого не знала — и никому въ голову не приходило того, что дѣлалось въ моей душѣ. Имѣ только можно требовать пожертвованіе; величаться своимъ великодушіемъ, а понять человека не умѣютъ и не хотятъ).⁵²⁾

(*Стран. 6*). *Апрѣля 11*. (Надобно тебѣ знать, что я для собственнаго утѣшенія, оправданія и, если хочешь, для того, что бы хотя съ бумагою быть искреннимъ хочу непременно, во всѣ трудныя минуты писать свои мысли — это и облегчаетъ и даетъ твердость! Пусть дѣлаютъ что хотятъ, пусть думаютъ обо мнѣ какъ хотятъ! Моя книга про меня знаетъ — и вотъ что я написалъ въ своей книгѣ:) «Прежде я имѣлъ цѣлю быть счастливымъ *вмѣстѣ* съ Машею. Это *вмѣстѣ* было бы *средствомъ къ прекрасному*. «Прекрасное состояло бы не въ одномъ наслажденіи собственнымъ счастіемъ, но въ томъ что составляетъ настоящую жизнь,

50) Передъ этими двумя словами стояло зачеркнутое слово, похожее на «Розно» (?).

51) Слово «мнѣ» внесено сверхъ строки.

52) Такъ въ скобки заключено и въ подлинникѣ, тоже и далѣе по мѣстамъ.

«въ исполненіи ея обязанностей, въ добрѣ на дѣлѣ, въ нравственномъ своемъ усовершенствованіи. Отъ этаго теперъ должно отказаться. Совсемъ другое должно теперъ быть *средствомъ къ прекрасному*. Оно состоятъ въ пожертвованіи самимъ собою, въ совершенномъ забвеніи собственнаго и все *для нее*. Для этаго рѣшительно отказаться отъ невозможнаго (а что бы отказаться рѣшитель[но], то и перемѣнить свое къ ней чувство на лучшее, безкорыстное, братское), все употребить для сбереженіе семейнаго «покоя, твердо покориться судьбѣ или лучше своей должности, и не слабѣть въ исполненіи труднаго. Я назвался братомъ не для того что бы подъ этимъ именемъ имѣть непозволенные чувства и желанія. Нѣтъ! но для того, что бы она была мною счастлива, что бы она принадлежала мнѣ какъ дочь моей сестры, что бы судьба ея зависѣла и отъ меня, что бы я имѣлъ въ ея матери настоящую сестру, товарища и друга, съ которымъ ея счастье было бы общимъ нашимъ дѣломъ. Спокойствіе на счетъ ея судьбы и сладкая мысль что я имѣю участіе въ ея счастья и еще болѣе сладостная объ немъ забота будутъ моею наградою. Съ именемъ брата должна разрушиться вся прежняя связь между нами, но начаться другая тѣсная и самая чистая. Надобно *сказать* себѣ и приучить себя *думать*, что (*Стран. 7*) она не должна любить меня, какъ прежде, но любить какъ родного, какъ брата или лучше какъ отца, и заботиться о своемъ отдѣльномъ счастья, не сливая его, какъ прежде, съ моимъ, но съ твердою увѣренностію, что дѣлая свое счастье она въ то же время дѣлаетъ и мое. Не только должно это сказать самому себѣ, но и исполнить на дѣлѣ, *ее самое* приучить къ этой мысли, изъ ея счастья вырвать все собственное, основанное на одномъ эгоизмѣ, все что было прежде общаго (несогласнаго съ нашимъ обѣщаніемъ) уничтожить, сдѣдовательно не желать, что бы и она имѣла то чувство, котораго я имѣть не долженъ, не только не желать, но и ее заставить не имѣть его— (а какъ заставить, Маша, когда мы не только не можемъ говорить другъ съ другомъ, но и глядѣть другъ на друга боимся) заставить ее ко мнѣ перемѣниться и утѣшать себя однимъ только

одобрениемъ сердца, что все сдѣлано, все принесено въ жертву должности и тому, что всего было ⁵³⁾ дорожѣ, что теперь еще стало дороже. Однимъ словомъ мнѣ должно быть истиннымъ братомъ ея матери и поступать такъ, какъ бы долженъ былъ поступать истинной братъ! Теперь спрашиваю: въ чемъ счастье Маши? Въ спокойствіи и свободѣ сердца, въ согласіи съ матерью и со всею семьею, слѣдовательно, и со мной въ увѣренности, что я счастливъ! Наконецъ, если такъ быть должно, еще и въ замужствѣ по сердцу, то есть чтобы съ другимъ имѣть то, чего надѣялась со мною! Мое же счастье состоитъ теперь въ томъ, что бы Маша это все имѣла, что бы я видѣлъ, что она все это имѣетъ, что бы я былъ во всемъ этомъ участникомъ! Стремленіе къ этому есть то, что теперь для меня прекрасное въ жизни. Что нужды, что трудно, что даже и вопреки себѣ! Самая трудность, самое страданіе есть средство къ прекрасному! Та минута, въ которую, для этой цѣли, я рѣшился пожертвовать собою была ⁵⁴⁾ восхитительна! Но это чувство восхищенія часто пропадаетъ и я прихожу въ уныніе! Что нужды! Не дол(ж)но терять бодрости! Что чувство произвело въ одну минуту, то твердость должна исполнять въ теченіе жизни. Гдѣ жъ было бы достоинство добродѣтели, когда бы она была и легка и пріятна? Надобно смотрѣть не на удовольствіе, а на достоинство внутреннее! Знать, если не чувствовать. (*Стран. 8*) Всякое исполненіе отдѣльной должности есть дорога по утесамъ, кончи ее—небо надъ головою и кашемиръ передъ глазами. Мое небо *ея счастье*—и такъ унывать не должно. Что прежде наполняло душу, то разрушено—свои надежды замѣнить ея надеждами; чего желалъ для себя передать ей и изъ ея будущаго сдѣлать свое будущее! А для себя беречь настоящую минуту, которую посвятить дѣятельности и добру. Мы съ нею въ этомъ случаѣ не раздѣлимся; она будетъ увѣрена, что ея будущее есть мое и станетъ объ немъ думать, какъ о моемъ, и между тѣмъ

53) Слово «было» вставлено надъ строкою.

54) Начато было *пре*, но зачеркнуто.

будеть видѣть, что я счастливъ настоящимъ, все имѣя въ настоящемъ— свою работу, ея дружбу, одобреніе сердца, и надежду для «*меня одной* такого счастья, какого прежде желалъ для *насъ двоихъ*. «Но это все равно».

Вотъ что, милой другъ, я думалъ и, для своего ободренія, записалъ для себя въ то время, когда тебя утѣшали съ насмѣшкою, говоря, что я не хочу тебя любить и брежу тѣмъ, какъ бы тебя поскорѣе выдать замужъ! А ты огорчилась, думала что ты мнѣ въ тягость, и богъ знаетъ что еще тебѣ приходило въ голову. Но это все отъ того, что ты не могла со мною объясниться. Естли бы, я могъ быть твоимъ товарищемъ такъ какъ бы это теперь было должно—ты бы мнѣ повѣрила, ты бы со мною во всемъ согласилась, и мнѣ и тебѣ было бы легче исполнить общую должность. Мы бы сдѣлали другъ друга счастливыми. Въ этомъ я увѣренъ; ни кто не можетъ такъ успокоить и рѣшить на все доброе моего сердца, какъ ты; и ни кто не можетъ сдѣлать того на душѣ твоей, что я могу сдѣлать. Мы бы возвратили другъ другу спокойствіе, когда бы намъ дана была воля и надлежащая довѣренность. Жить вмѣстѣ съ такою цѣлю, какую я себѣ предписалъ, было бы сначала труднѣе, но послѣ гораздо лучше—мы бы вели другъ друга прямо къ добродѣтели, путемъ пожертвованія и должности и были бы счастливы взаимнымъ другъ къ другу уваженіемъ. Я исполнялъ бы *à la lettre* то, что себѣ предписалъ, а ты, (*Стран. 9*) согласившись во всемъ со мною, первая и лучше всехъ мнѣ бы помогала. И ты бы должна была сказать себѣ тоже, что я: мнѣ надобно смотрѣть на него другими глазами. Чего онъ хочетъ? Моего счастья! *И я хочу его!* Въ чемъ полагаетъ онъ это счастье? Въ свободѣ и спокойствіи сердца, въ согласіи съ моею матерью? Въ моей увѣренности, что онъ счастливъ? Въ довѣренности къ нему, которая не иное что какъ мысль (которой ни чьи слова перемѣнить не могутъ), что онъ мое счастье всему предпочитаетъ, что онъ стоитъ хочетъ моего уваженія, столько, сколько самъ меня уважаетъ, на конецъ и въ томъ, что бы я была счастлива за мужемъ! *я помогу ему наит-*

ти это счастье. Но какія же для этого средства? *Что бы имѣть спокойствіе и свободу сердца* ты бы должна была не только сказать себѣ, но и приучить себя къ мысли, что я твой братъ, твой родной другъ и непременно смотришь на меня совсемъ другими глазами, и дать совсемъ другой характеръ своей ко мнѣ привязанности (не сдѣлавъ этого или не стараясь искренно этого дѣлать, намъ теперь жить вмѣстѣ не лзя — мы дали слово! Но намъ иначе нельзя этого будетъ сдѣлать, какъ имѣя полную свободу другъ съ другомъ, говоря другъ другу все что на сердце, а не быть разлученными, какъ теперь, подозрѣніемъ, которое только что напоминаетъ о прежнемъ и лишаетъ силы себя переимѣнить!) Съ этимъ неразлучно и твое *согласіе съ матерью а мое съ моею сестрою*. Что можетъ лучше согласить, какъ не съ ея стороны полная довѣренность? ибо тогда она все для насъ сдѣлаетъ и будетъ имѣть право на нашу благодарность, а съ нашей стороны⁵⁵⁾ искренняя жертва и стараніе ее поддержать. Тогда бы и ты и она взаимно другъ другу были всемъ обязаны и это стѣснило бы нашу дружбу и мы точно бы другъ друга любили, точно бы жили другъ для друга. *Чтобъ быть утѣренною въ моемъ счастьи* тебѣ только нужно заботиться о своемъ! ибо мнѣ точно ничего не надобно кромѣ его, кромѣ исполненія своей должности⁵⁶⁾ и мысли что и ты такъ же ее охотно исполняешь, какъ я, кромѣ нужнаго покоя для своихъ работъ, которыя при мысли о твоёмъ счастьи полетѣли бы прямо на крыльяхъ! Когда все это будетъ, то есть, твое счастье, работа, и любовь моей (*Стран. 10*) семьи, искренняя а не по одной наружности, то уже мнѣ право желать ничего не останется. И если ты можешь вообразать, что мнѣ еще что ни будь нужно, то очень ошибешься и только сама всестроишь. Въ этомъ случаѣ ты должна à la lettre быть со мною согласна и эта статья самая легкая. Для полной *довѣренности къ моему сердцу* (довѣренности, которая теперь должна быть совсемъ

55) Зачеркнуты: «не только».

56) Далѣе слова: «и мысли, что и ты такъ же ее охотно исполняешь, какъ я» — желкимъ почеркомъ вписаны сверху между строкъ.

другаго рода) тебѣ должно только помнить, что я всею пожертвовала для твоего счастья и что эта жертва еще болѣе меня къ тебѣ привязала, слѣдовательно переимѣниться къ тебѣ не могу иначе какъ въ лучшее, что эта привязанность, теперь совсемъ иная, всегда будетъ главнымъ моимъ чувствомъ и теперь еще болѣе причиною всего добраго; что слово *être à charge à moi* есть жестокое, убійственное для тебя и для меня слово; что я не могу не хотѣть любить тебя, чтобы ни говорили тѣ, которые не знаютъ, что такое любить; что теперь для меня любить тебя значить быть добродѣтельнымъ и предпочитать всему на свѣтѣ святую должность; что желаніе выдать тебя за мужъ въ моемъ сердцѣ есть высочайшая степень къ тебѣ привязанности, самой безкорыстной, забвеніе не о самомъ себѣ, но обо всемъ, что⁵⁷⁾ принадлежитъ къ эгоизму; что это слово: выдать за-мужъ только на языкѣ нечувствительнаго человѣка, который хотѣлъ позабавиться надъ твоимъ страданіемъ оскорбительно, а на моемъ языкѣ значить: твоя семейная жизнь, твои семейныя радости, все прекрасное для чего ты рождена и что ты должна имѣть, и что дать тебѣ съ человекомъ тебя достойнымъ было бы верхъ моего счастья! Желать тебѣ такого счастья никто болѣе меня не можетъ; я знаю ему цѣну и потому то, что знаю ему цѣну, желаю, что бы оно было твоимъ — а этаго желать тебѣ можно и совершенно забывъ о себѣ, не будучи ни холоднымъ къ тебѣ, ни равнодушнымъ и что бы исполнить такое желаніе, тебѣ не должно бросаться *къ первому на шею*, а на противъ стараться всѣ тѣ условія выполнить съ которыми я, а не другой кто, могу имѣть его во глубинѣ сердца. Милой другъ, вспомни для чего я совершенно отъ тебя откался? для того что бы имѣть полную безпечность (*Стран. 11*) на счетъ твоей судьбы, что бы радоваться мыслию: теперь нечего за нее бояться! по крайней мѣрѣ могу быть увѣренъ, что прежняя ея ко мнѣ привязанность будетъ хранителемъ ея сердца, что она будетъ за мужемъ только за тѣмъ, кто замѣнитъ для нее

57) Зачеркнуто слово: «есть».

меня, кто лучше меня дастъ ей счастье, кому она такъ же захочитъ себя повѣрить, какъ мнѣ! Это давало моему сердцу полное спокойствіе на счетъ твоей будущей судьбы и къ этому то счастию желалъ бы я быть твоимъ проводникомъ — я бы шелъ къ нему вмѣстѣ съ тобою какъ къ своему. И точно мнѣ бы ничего желать не осталось, ибо при этомъ все что мнѣ нужно, у меня бы было: трудъ, семья и одобреніе сердца. Однимъ словомъ мы бы шли по дорогѣ добродѣтели вмѣстѣ. Она трудна; за то лучше всѣхъ прочихъ. А ты, не понявши меня и повѣривъ толкователямъ моихъ чувствъ, которыя не постигаютъ ихъ, сама хочешь лишитъ меня плода моего пожертвованія! То, для чего именно все сдѣлано, хочешь уничтожить. Но всему причиною то, что мы не можемъ говорить другъ съ другомъ — что насъ стерегутъ! Намъ не вѣрять! Не дадутъ намъ никакого счастья вмѣстѣ даже и добродѣтели вмѣстѣ.

До сихъ поръ я написалъ, когда получилъ твою послѣднюю записку. Такъ точно! *Для дружбы все что въ мѣрѣ есть!* Ничего другаго не прошу, какъ только счастья исполнить это на дѣлѣ и отдать мое *все* для моего *друза*, для моей сестры, для той, которой всѣмъ хорошимъ обязать и теперь еще лучшимъ буду обязанъ — *добромъ на опытѣ*. Но это *добро на опытѣ* возможно только съ прямою довѣренностію. Безъ нея ничему быть невозможно. Есть ли ее не будетъ, то я осуждаю и тебя и себя на прямую гибель — у насъ все возьмутъ и намъ никакого утѣшенія не останется. Въ *ея* довѣренности вся подпора. Я хочу лично быть счастливъ моею жертвою и видѣть что ты ею счастлива будучи розно съ тобою, буду не въ состояніи съ тобою объясниться, будемъ ли понимать другъ друга, и что насъ можетъ подкрѣпить? Развѣ отказавшись отъ тебя я перемѣнился? Развѣ можно все изъ себя сдѣлать однимъ словомъ? Нужно постоянство, нужна твердость! А какъ ихъ имѣть, когда принужденіе и подозрѣніе всякой часъ будутъ отымать силы! У насъ въ душѣ будутъ однѣ чистыя намѣренія, (*Стран. 12*) а все вокругъ насъ будетъ слу(жи)ть къ тому только, чтобы эти намѣренія ослаблять! Какъ же за себя ру-

чатся? Послѣ такого рѣшительнаго обѣщанія измѣнить себя не будетъ ли ужаснымъ несчастіемъ, которое отравитъ всякую минуту жизни! Одинъ дурной шагъ — и прости спокойствіе! Излишней на себя надежды имѣть не должно и въ хорошихъ обстоятельствахъ; а какъ на себя надѣяться, когда для насъ только что обременяютъ исполненіе обязанности! Прежде мы иное себѣ позволяли, потому что не давали слова перемѣнить свои чувства, а теперь, обѣщавъ это, и въ самомъ сердцѣ должны согласоваться съ обѣщаннымъ. По настоящему въ трудныхъ обстоятельства(хъ) и должно удержаться на прямой дорогѣ — болѣе было бы достоинства! Но я опять скажу, себѣ не должно слишкомъ вѣрить! Прибавлю къ этому еще одно — будучи не въ состояніи съ тобою говорить, я буду видѣть твою грусть и это только у меня отыметъ бодрость! Надобно будетъ не только бороться съ собою но и съ чувствомъ твоей горести, видѣть что ты отъ меня страдаешь и не имѣть возможности тебѣ помочь! Между тѣмъ и самая борьба будетъ безъ успѣха — нѣсколько времени будешь себя удерживать, стараться переломить и вдругъ одна минута все снова разстроитъ! Опять начинай снова и уже съ большею слабостью и съ меньшею надеждою! Это уже и случилось, было, со мною! Отъ такого бесполезнаго усилія потеряешь и самое къ себѣ уваженіе, и даже то, что казалось добродѣтелю, потеряешь свою прелесть. Они не думаютъ какъ это трудно, и какъ нужна съ ихъ стороны помощь. Что открыло тебѣ глаза, что привлекло тебя ко мнѣ въ тайнѣ, что и тебя и меня заставило наконецъ скрываться? Подозрѣніе и принужденность! Почему же и теперь нельзя того же бояться? Почему она объ этомъ не подумаетъ. Я имѣлъ силу сказать себѣ: перемѣни все и всею жертвуй! имѣлъ силу желать этаго искренно! имѣлъ силу даже нѣсколько времени искренно себя преодолевать — а она не имѣетъ силы сказать себѣ: буду любить брата какъ сестра и совершенно ввѣрившись ему, дать ему все возможное счастье! То что я теперь дѣлаю, есть дѣло жертвы и жертва свободная, но весьма трудная — (Стран. 13) то что ей должно сдѣлать, совсемъ не есть жертва

напротивъ ей же самой счастіе! Развѣ трудно повѣрить своей дочери и своему брату и быть между нами безъ всякаго подозрѣнія! Она говоритъ мнѣ: будь твердъ, а сама ни какой твердости не имѣеть въ своей довѣренности! Два дни хорошо, а десять дурно! — Наше вмѣстѣ, съ тою прекрасною цѣлю, какую я себѣ предположилъ, было бы прекрасно, но безъ довѣренности ему быть не можно. Ея къ намъ не имѣютъ — и намъ *разстаться*. Такъ и быть, еслии уже ничего имѣть не должно. Разлука все мое мнѣ возвращаетъ. Я все отдавалъ, что мнѣ дорого, отдавалъ искренно, и ты бы тоже сдѣлала. Мое письмо у маменьки. Она знаетъ, что могла бы изъ меня и для меня сдѣлать. Но въ этомъ же письмѣ я говорю, что могу быть братомъ только вмѣстѣ съ нею, что розно она не имѣеть ни какого права на мое сердце, ни на тѣ чувства, которыя въ немъ; что я жертвую ими не потому, что считаю ихъ незаконными, а потому что искреннее пожертвованіе считаю необходимымъ для общаго счастія. И такъ я передъ нею правъ — правъ самыми чувствами. Разлука избавить насъ отъ опасности нарушить данное слово. Все будущее другъ для друга и для добра. Теперь ты въ своей горницѣ не будешь одинокою — твой вѣрной товарищъ будетъ съ тобою, а мой ни когда меня не покинетъ. Теперь не буду бояться своего чувства; оно по прежнему будетъ во мнѣ источникомъ всего прекраснаго. Я нашелъ для себя правило, котораго теперь не отдамъ за миліоны: *все въ жизни къ великому средство*. Это правило можно легко примѣнить какъ къ цѣлой жизни, такъ и къ каждому отдѣльному обстоятельству! Стоитъ только спросить у себя: къ чему великому или прекрасному оно можетъ быть средствомъ. Этому правилу я уже обязанъ многими добрыми минутами и съ нимъ нигдѣ и никогда не пропадешь. Нужды терпѣть не буду — я одинъ! Вспомни Эверса и скажешь себѣ, что бѣдности нѣтъ на свѣтѣ. Не воображай меня несчастнымъ, — у меня есть твое уваженіе, твоя дружба, воспоминанія, друзья, прекрасная цѣль и твердость! Я буду вѣрить твоему сердцу; это значить, что ты все употребишь для своего счастія и ни когда имъ не пожерт-

внешь изъ воспоминанія о своемъ братѣ и благодарности за его къ тебѣ любовь! Этой только вѣрности отъ тебя требую и на этомъ только условіи *все* общаю. (Стран. 14) Я желалъ бы, что бы ты была болѣе съ собою, съ своими мыслями, съ своимъ Фенелономъ; что бы ты записывала для себя свои мысли, чувства и опыты, такъ какъ это уже начала было дѣлать. Знаешь ли какъ это утѣшительно, особливо тогда, когда бы желалъ и не можешь кому нибудь передать сердце. Пусть этотъ *кто нибудь* будетъ бумага. Думать и выражать мысли есть облегченіе. Я же смотрю на жизнь теперь совсемъ другими глазами — человѣкъ не долженъ быть несчастливъ, если только онъ можетъ быть добрымъ! Эверсъ одинъ на свѣтѣ и бѣденъ! На что будущее? Вся жизнь въ настоящей минутѣ, посвященной добру! За такую добрую минутою слѣдуетъ другая ей подобная — слѣдовательно и счастливая, изъ минутъ дни, изъ дней жизнь, а за жизнью вѣчность и вмѣстѣ. Такъ не примѣтно отъ одной доброй минуты переходя къ другой очутимся вмѣстѣ съ прекраснымъ прошедшимъ, въ которомъ такъ же были не розно, потому что были равно добры. Прости. Perseverence.

15 апреля.

Вчера, въ то время когда ты была у вечерни — я прошелъ въ низъ и нашелъ маменьку одну съ Сашею. Я говорилъ съ нею опять и искренно. Сказалъ ей, что не говѣю отъ того что она не позволила бы мнѣ ходить въ церковь вмѣстѣ съ тобою и что такого рода осторожность совсемъ не годится; что я хочу имѣть ту же свободу съ тобою, какъ съ Сашею; что мнѣ больно теперь бояться и говорить съ тобою и смотрѣть на тебя, теперь, когда я ей братъ; что ей нельзя требовать чтобы⁵⁸⁾ слова были дѣло — что я имѣю искреннее намереніе все перемѣнить, но что перемѣнится все отъ постоянства, а не вдругъ однимъ словомъ, и что для этаго нужна съ ея стороны помощь; что я всегда замѣчалъ, что принужденность только ослабляла меня, и что я при ея со

58) Далѣе зачеркнуты два слова.

мною перемѣнѣ самъ мѣнялся; — окончаніе разговора было, что тебя *надобно выдать за мужа* (это она сказала) — я прибавилъ: *надобно что бы ты была счастлива*. — Послушай, другъ! Нѣтъ ничего лучше семейственнаго счастья и ты должна его имѣть. Я одного только боюсь, именно, что бы не случилось то, отъ чего я своимъ пожертвованіемъ тебя хотѣлъ избавить. Естьли тебѣ сдѣлають насиліе и ты выдешь замужъ не только безъ склонности, но еще в сохранивъ противное чувство — и естьли я еще долженъ буду этаго быть свидѣтелемъ — тебѣ должно освободить сердце для счастливаго (*Стр. 15*) замужства; отдать себя другому съ надеждою, что будешь съ нимъ счастлива — однимъ словомъ сдѣлать изъ себя все то, что бы быть готовою для семейнаго счастья, но никакъ не жертвовать собою! Эта жертва не только бесполезна но, можно сказать, и преступная. Для чего можетъ быть необходима она! Что бы имѣть эту готовность *быть счастливою* съ другимъ, ты должна приучить себя смотрѣть на меня другими глазами, видѣть во мнѣ брата, друга, который этаго же счастья за тебя желаетъ, но для меня же и изъ уваженія къ своей должности ты должна стараться, чтобы⁵⁹⁾ замужство было для тебя счастіемъ драгоцѣннымъ, а не бѣдствіемъ, съ которымъ ничего на свѣтѣ не сравнится. Особливо для тебя это бѣдствіе будетъ несносно. Что же я буду, естьли за все, что у меня взято, еще надобно будетъ быть его свидѣтелемъ!

Однимъ словомъ опять, имѣю надежду, что сестра моя будетъ моею сестрою и что мнѣ дано будетъ право любить мою Машу и жить для ея счастья. Но я желалъ бы чтобы и ты посмотрѣла безпристрастными глазами, основательна ли моя надежда? Не лучше ли я сдѣлаю, когда съ вами разстанусь? Живучи вмѣстѣ, не будемъ ли мы только нарушать другъ другу спокойствіе?

16 апрѣля.

Вчера утро было прекрасное. У насъ у всѣхъ было на душѣ свободно. Мнѣ кажется, что есть начало той довѣренности, кото-

59) Далѣе было написано: «это было», но зачеркнуто.

рой я желаю и которая одна все намъ дать можетъ. Когда я принесъ цвѣты, то *объявилъ*, что одинъ горшокъ для тебя — это не сдѣлало дурнаго впечатленія. Когда дѣлалъ приготовленія къ обѣду — то ихъ не приняли въ дурную сторону. Добрый знакъ. Вчера еще, безъ васъ, но при ней, побранилъ я Воейкова, за его стихи ко мнѣ въ Альбомъ, въ которыхъ онъ хвастаетъ своею дружбою ко мнѣ, которая будто *ладила меня противъ шерсти* и сказалъ ему довольно рѣзко, что я отъ него ни когда не слышалъ жестокой правды и что мнѣ совсемъ не нужно напоминать, что тотъ другъ, который говоритъ правду, хотя и неприятную. Это не имѣло дурнаго впечатленія. Но объ этихъ стихахъ Воейкова ко мнѣ знаетъ моя книга. Они служатъ новымъ⁶⁰⁾ доказательствомъ, что онъ вездѣ хочетъ быть въ виду, всемъ казаться. И здѣсь онъ хотѣлъ дать почувствовать, что теперешняя моя перемѣна есть плодъ той жестокой правды, которую онъ мнѣ сказалъ — хорошій плодъ хорошаго разговора. Я спросилъ у него, (*Стран. 16*) когда онъ говорилъ мнѣ такого рода правду? И напередъ угадавъ его отвѣтъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: *а третьяго дня?* Именно то, чего я ожидалъ. Это тотъ день, въ который я написалъ у него въ альбомѣ. Черта негодная. Есть ли бы онъ зналъ настоящую причину! Но что ему до настоящихъ причинъ! Ему хочется только *казаться!* Не *жить*, а только заставить другихъ думать, что онъ *живетъ!* Оставимъ это. Я не могу быть оскорбленъ и униженъ тѣмъ, что могутъ подумать, что я только потому, что Воейковъ доказалъ мнѣ, что надобно *исправиться*, рѣшился на перемѣну образа чувствовать! Голосъ и оправданія сердца всего лучше! А ты моя Маша, мой двадцатилѣтній Эверсъ, знаешь что у меня въ душѣ — чего же болѣе! Можно жить прекрасно! Стоитъ только теперь стараться о нашемъ счастьи и сказать себѣ въ чемъ оно состоитъ.

Докончу сперва исторію вчерашняго дня и ныншняго — а тамъ слова два и о будущемъ. — Вчера послѣ причастія ты об-

60) Слово: «новымъ» приписано надъ строкою.

няла маменьку, и она заплакала вмѣстѣ съ тобою. Напрасно я взялъ ее за руку—этимъ я напомнилъ ей только о прошедшемъ. А, въ эту минуту, естъли бы она тоже насъ понимала, мы бы должны были думать объ одномъ прекрасномъ будущемъ⁶¹⁾ и на всю жизнь, *другъ другу пошрить*. Мысль, что она не поняла меня, стѣснила и даже охолодила мнѣ сердце на минуту—но regrette-rence! и все будетъ. Вечеру, когда я возвратился домой и напелъ васъ всѣхъ вмѣстѣ и тебя такую веселою, не знаю отъ чего стало мнѣ грустно—нѣтъ! знаю отъ чего! Я вообразилъ, что кто ни будь другой уже на моемъ мѣстѣ, а еще сердце не такъ привыкло къ этой мысли! И поутру проснулся съ этою же грустью—но утро всегда возвращаетъ хорошія мысли. Ты не огорчайся, естъ ли будешь видѣть меня въ инныя минуты и унылымъ и мрачнымъ! Можно ли не быть теперь этимъ минутамъ! и они будутъ еще можетъ быть долго! Только не бойся ихъ и для нихъ не переимѣняй того, что должно быть не на минуту, а на всегда. Когда старое возвращается — я грустенъ! Эта грусть вѣрный товарищъ эгоизма! Хорошее, доброе, безкорыстное, то что естъ настоящая любовь къ моей милой сестрѣ, единственно ея достойная, то всегда весело, ясно и чисто! Я знаю, каковъ⁶²⁾ я теперь *быть долженъ*—понятіе объ этомъ во всякую минуту, и хорошую, и дурную, *одинаково*; но я еще не сдѣлал(ся) тѣмъ *что должно*; я еще ни какъ не дошелъ до той высоты, на которой *быть должно*—вѣдь, я отказываюсь отъ тебя не изъ равнодушія, не изъ холодности! Дать другое свойство моей привязанности къ тебѣ я долженъ и рѣшился! Но этаго не сдѣлаешь (*Стран. 17*) въ одну минуту! и ты должна мнѣ помогать! По старой привычкѣ я называю *моимъ* то, что не должно быть *моимъ*, или что будетъ *моимъ*, но не такъ, какъ прежде! Развѣ я потеряю тебя, тогда когда ты будешь *счастлива* съ другимъ? и счастлива нѣкоторымъ образомъ отъ меня? Нѣтъ! милая, повѣрь, что мое сердце привыкнетъ предпо-

61) Зачеркнуто тщательно другими чернилами одно слово въ 3—4 буквы.

62) Неясно читается слово съ поправкою въ 4 буквы: «чѣмъ (?)».

читать это счастье прежнему! Только ты будь моею помощницею! Смотри на это такъ какъ мнѣ должно; не огорчайся моими тяжелыми минутами! Иди впередъ, за тобою и мнѣ будетъ легко; есть ли же и надъ тобою что нибудь грустное будетъ имѣть силу, не поддавайся; всякую противную мысль удаляй отъ себя, а есть ли трудно, жди чтобы доброе опять возвратилось и оно вѣрно возвратится, такъ какъ я уже это испыталъ на себѣ. Жди того, что скажетъ доброй шептунъ, который всегда умѣетъ дать бодрость душѣ. Что бы грустныя минуты не приводили въ отчаяніе и не мешали бодрости! Это минуты, которыя проходятъ, а доброе не мѣняется. Когда увидишь меня грустнымъ, думай, что это не на долго; когда увидишь веселымъ, знай, что я доволенъ собою, что въ эти минуты наиболѣе люблю тебя и что въ душѣ у меня свѣтлыя мысли о твоёмъ счастьи, что я воображаю себя его причиною, что съ этой минуты все низкое пропадаетъ и все хорошее беретъ верхъ! Милой другъ, и въ грусти и въ радости помню тебя,—но въ грусти я болѣе эгоистъ; а въ радости я весь принадлежу тебѣ. Последнее лучше и ты должна желать, что бы последнее сдѣлалось постояннымъ. Оно даетъ мнѣ прямое счастье. Съ *прежнимъ*, я не могу ни чѣмъ заняться. *Последнее* напротивъ оживляетъ во мнѣ все; занятіе становится и пріятнее и успѣшнее, а все хорошее — еще лучше. Прекрасныя мысли и чувства теперь имѣютъ еще болѣе цѣны для меня. Давеча это мѣсто въ проповѣди мнѣ⁶³⁾ понравилось такъ, какъ бы прежде не могло понравиться. *Пусть время промчится надъ ихъ гробами—лишь бы не унесло объ нихъ воспоминанія! Они живы!* Вообразимъ же, что въ прошедшемъ умерло для насъ только то, что не должно жить всегда; но чистое, вѣчное осталось! Пусть проходитъ время — оно не умертвить того, что вѣчно! Оно живо! Мы живемъ для другаго и лучшаго! Разставшись во всемъ томъ, что не должно быть нашимъ *вмѣстѣ*, мы ближе другъ къ другу въ томъ, что теперь прямо *наше*. Теперь *прекрасное* состоитъ

63) Далѣе было слово «болѣе», но зачеркнуто.

для насъ въ победеніи себя. Для тебя *побѣдить* себя значить⁶⁴⁾ все сдѣлать для своего счастья и совершенно увѣриться, что въ немъ и *мое*, слѣдовательно, приучить себя думать объ немъ такъ, какъ бы ничего прежде не было. Для меня (*Стран. 18*) побѣдить себя значить совсемъ не имѣть прежн[ихъ] желаній и надеждъ, все что было вдвоемъ, передать тебѣ одной—однимъ словомъ жить въ будущемъ за *тебя*. О! въ этомъ будущемъ много прелестнаго! Развѣ трудно желать его и надеяться съ такою же живостью за одну тебя, какъ прежде за насъ двоихъ! Не отыми же у меня этой надежды и будь мнѣ въ ней товарищемъ. *Средство* къ этому *прекрасному* есть искреннее пожертвованіе тѣмъ, что ему противно. А что бы было пожертвованіе, нужна твердость! нужно, чтобы мы другъ съ другомъ были согласны. Я уже сказалъ, въ чемъ твое счастье и ты должна въ этомъ себя увѣрить! Не думай ни какъ, что желая его ты нарушишь любовь и ей измѣнишь! Напротивъ, теперь измѣною будетъ есть ли будешь дѣлать не то, что должно! Ты должна имѣть прекрасныя надежды, ты стоишь того, чтобы они были исполнены, а для меня не должно ли быть счастьемъ когда онѣ исполнятся! Что же касается моего собственнаго, то и объ это[мъ] ты должна имѣть мои же понятія! Ты говорила маменькѣ, что желала бы видѣть меня отцемъ семейства; милая, я могу прожить безъ этаго—мнѣ же надобно *искать самому*, а тебя *напро[тивъ]*—*искать будутъ!* Это большая розница! И мое положеніе совсемъ другое, чѣмъ твое — я имѣю занятія, имѣю кругъ дѣйствія; для тебя же другаго нѣтъ, какъ въ семействѣ. Но главное, чтобы ты была счастлива въ семействѣ. Этаго то счастья хочу, чтобы ты надѣялась, этого счастья желалъ бы тебѣ дать—сколько еще много мнѣ останется. Мысль что ты все имѣешь, твоя дружба, работа полезная и одобреніе сердца.

Прошу все это переписать и такъ, какъ переписана прежняя голубая книжка — то есть страница твоя, страница моя. Себѣ

64) Далѣе стояло «увѣриться», но зачеркнуто; *заплатил* же послѣ его остался.

не такъ вѣрю какъ тебѣ. А то что скажешь мнѣ ты то будетъ свято; я буду тогда твердъ и все исполню. Съ этой минуты я твой другъ, твой братъ — и въ этомъ perseverance.

Вотъ тебѣ и тетрадка, въ которую переписать.

Назначить *правила* обхожденія съ каждымъ особенно, съ маменькой, Воейковымъ, тобою и — съ собою.

NB. Я никогда не говорилъ Воейкову, что ты мнѣ сказала о Красовскомъ; онъ солгалъ; онъ поступилъ съ тобою, какъ полиціймейстеръ съ колодникомъ; — мое NB. стерто! видно онъ его видѣлъ.

28 апреля.

(Стран. 19) Милая моя волшебница! Прочитавъ то, что ты мнѣ написала, я сталъ веселъ, бодръ — горя и слѣду нѣтъ. Между тѣмъ мы съ тобою разстаемся! Что *будетъ* впередъ неизвѣстно! Но намъ теперь да *будетъ* дѣла нѣтъ! Настоящее и прошедшее — вотъ наше! А оно у насъ есть и, право, самое богатое. Мы выдержали много испытаній, есть ли иное и можно бы опорочить, то все въ цѣломъ хорошо? Не надобно надежды — на что этотъ обманщикъ, который мѣшаетъ быть добрымъ? Сама вообрази, можетъ ли быть что нибудь для насъ дурнаго? Тѣ, которые намъ вредятъ или, лучше сказать, вредили, сами не счастливы насъ! Имъ у насъ отнять теперь нечего — а что они въ своемъ сердцѣ? Захотимъ ли быть на ихъ мѣстѣ? Я говорю: *нѣтъ*! Это несправедливо! *Томъ!* Милая твое письмо помирило меня съ маменькою! Я опять чувствую къ ней нѣжную благодарность, — она за тебя заступилась. Мой отъѣздъ свяжетъ все крѣпкими узами и она будетъ самымъ усерднымъ твоимъ защитникомъ — теперь въ этомъ я увѣренъ. Прочитавъ твое письмо, я сошелъ въ низъ и отъ души пожалъ ей руку — она несчастна! Несчастны насъ въ инныя минуты! Повѣрь, милая, что теперь тебѣ будетъ легко быть съ нею искренною! А я, будучи отъ нее далеко, буду ей дорожѣ; она можетъ быть отдастъ мнѣ болѣе справедливости и уже ничто не будетъ ей мешать меня любить. Мысль, что она тебя защищаетъ, даетъ мнѣ большое спокойствіе; привязываетъ

меня къ пей и въ эти два остальные дни, которые пробуду я съ вами, мнѣ будетъ легко ее любить. За себя уже нечего досадовать—прошедшему забвенье! а въ будущемъ вижу въ ней одну твою защитницу! Будь я съ вами — она будетъ меня бояться! Будь я далеко отъ васъ—она будетъ видеть все наше пожертваніе, отдастъ намъ справедливость, и есть ли не открыто, то въ тайне будетъ одно съ тобою ко мнѣ чувствовать—вотъ еще благодѣянія разлуки! Вы будете понимать другъ друга! молча будете обо мнѣ говорить!

(Стран. 20). Переписываю то что тебѣ надобно:

Что намъ до той пустыни, въ которой нашъ голосъ раздается? Не ей насъ слышать! А слышитъ насъ Богъ! Милая Маша, скажемъ рѣшительно другъ другу, что наше прекрасное для насъ теперь въ разлукѣ — намъ не дадутъ быть добродѣтельными и мы даромъ отдадимъ все свое лучшее, свою привязанность другъ къ другу, которая здѣсь потеряетъ всю для насъ прелесть и всѣ свои отрады: Въ словѣ: разлука—и свобода, и добродѣтель, и всѣ наши утѣшенія Надобно было все то испытать, что мы испытали, чтобы живо почувствовать какъ это справедливо. Что выигрываемъ мы, будучи вмѣстѣ? Самое то, что дѣлаетъ разлуку несносною, *чувство, что мы розно*; разставшись, напротивъ, мы возвратимъ себѣ ободрительное увѣреніе, что мы вмѣстѣ *и мысляю и сердцемъ и жизнью!* Розно это чувство, это увѣреніе намъ запрещено не будетъ. Неужели значить быть *омъсть* — видѣть другъ друга и не имѣть способа сказать другъ другу искренняго слова! Боже мой! тебѣ и мнѣ бояться говорить другъ съ другомъ и кого же бояться—Воейкова! Неужели значить быть *омъсть* — страдать, не имѣя способа облегчить другъ другу страданія? Значить-ли быть *омъсть* — затруднять другъ для друга исполненіе обязанностей? Значить-ли быть *омъсть* — напоминать только другъ другу своимъ присутствіемъ, что мы розно? О вѣтъ! мы можемъ быть вмѣстѣ безъ этого жестокаго напоминанія: вмѣстѣ однимъ добрымъ чувствомъ, воспоминаніемъ, добромъ, желаніемъ хорошаго, вѣрою другъ въ друга! Въ какое время

жизни и гдѣ ты будешь не со мною? Здѣсь только это не возможно. Милая, не бойся этого слова — разлука! Я вижу теперь въ ней благодѣтельнаго ангела! Она и мнѣ и тебѣ все *наше* возвращаетъ. Скроемся въ глубину нашего сердца—тамъ наше *все*? Все спокойствіе, вѣрная взаимная любовь, свобода чувствовать, желаніе прекраснаго, твердость въ достиженіи къ нему. Энтузіазмъ, довѣренность другъ къ другу и къ себѣ самимъ—вмѣстѣ мы не воспользуемся ни какимъ средствомъ къ прекрасному — у насъ оторвутъ руки, естли мы ихъ къ нему протянемъ. Разно мы свободны и жизнь совершенно наша. Я когда то написалъ: *счастье не состоитъ изъ удовольствій простыхъ, слѣдующихъ просто одно за другимъ; (Стран. 21) но изъ удовольствій съ воспоминаніемъ* и эти удовольствія сравнилъ я съ фонарями, зажженными на улицѣ ночью—между ими есть пустые промежутки, но эти промежутки освѣщены и вся улица свѣтла, хотя не вся составлена изъ свѣта. Такъ и счастье жизни. Удовольствіе—фонарь, зажженный на дорогѣ жизни, воспоминаніе — свѣтъ, а счастье рядъ этихъ прекрасныхъ воспоминаній, которыя всѣ сливаются въ одно общее тихое ясное чувство, и которыя всю жизнь озаряютъ. Чѣмъ чаще фонари — тѣмъ свѣтлѣе дорога! Я сказалъ *надежда мимнее!* лучше сказать: *надежда пустое, вредное слово* Это слово имѣетъ прелесть для одной неопытности, для которой эта прелесть заключена въ непостижимости этого слова. Что такое надежда? Ожиданіе чего то въ будущемъ? всегда неясное? часто безпокойное? Часто и веселое! такое ожиданіе болѣе вредно, нежели полезно! Оно всегда уничтожаетъ настоящее. Есть ли весело, то дѣлаетъ къ настоящему по крайней мѣрѣ равнодушнымъ; есть ли печально, то его отравляетъ. Позабудемъ о будущемъ, чтобы жить какъ должно! Милой другъ, пользуйся настоящею минутою, ибо она только есть средство и самое вѣрное къ прекрасному! Зажигай *свой* фонарь, не заботясь ни мало объ тѣхъ, которые удастся зажечь послѣ. Въ свое время ты оглянешься и за тобою будетъ прекрасная свѣтлая дорога—между настоящею минутою и неизвѣстнымъ предѣломъ жизни помѣстимъ не *надежду*, а *про-*

видение. Переходъ отъ одной хорошей минуты къ другой *нечувствительно* — дойдемъ до этого предѣла, за которымъ вѣрное, прекрасное будущее! Объ этомъ будущемъ можно думать безъ сомнѣнія — оно не мѣшаетъ жизни. Но здѣшнее будущее есть настоящій врагъ всего *прекраснаго*! Что въ немъ! Приходитъ ли оно когда нибудь такимъ, какимъ мы его себѣ воображаемъ? На что же ему вѣрить и объ немъ заботиться? а прошедшее пускай идетъ съ нами рядомъ. Il ne faut pas s'avancer dans la vie en detournant la tete, mais il ne faut pas du tout attacher ses yeux sur un lointain incertain! Tout cela empêche de *voir autour de soi*. Надобно имѣть въ прошедшемъ вѣрнаго, добраго товарища настоящему. *Для сердца прошедшее вѣчно* — а наше съ тобой прошедшее есть самый необходимый другъ нашъ. Только съ нимъ будетъ и настоящее для насъ прелестно. Увѣряю тебя, что у меня теперь на душѣ такъ ясно, какъ никогда не бывало. Всѣ проклятыя цѣпи, мѣшавшія всему доброму, сброшены; я остался съ моею чистою вѣчною къ тебѣ привязанностію, съ довѣренностію къ жизни, въ которой уже ничего дурнаго (*Стран. 22*) бытъ не можетъ (одна мольба: не укради!) съ беззаботностію о будущемъ и съ твердою привязанностію къ настоящему, которое не иное что какъ желаніе употребить его на прекрасное. Повѣрь, что мнѣ всегда будетъ хорошо — въ Петербургѣ, въ Долбицѣ, въ тюрьмѣ, — только не здѣсь, гдѣ я не въ силахъ буду ничего добраго сдѣлать, гдѣ всѣ наружности будутъ противъ меня, гдѣ мы же будемъ обвинены при самыхъ прямыхъ намѣреніяхъ и мысляхъ, гдѣ и къ самимъ себѣ довѣренности имѣть невозможно. Тебѣ же безъ меня будетъ здѣсь спокойнѣе — и съ собою и съ ними: не нужно будетъ ничего таить! Полная независимость! Маменька сама будетъ къ тебѣ ближе! Теперь ни тебя, ни меня обвинять будетъ не въ чемъ! Разлука подружитъ меня съ нею! Мы будемъ другъ ко другу писать — я къ нимъ, но ты узнаешь свои мѣста; а тебѣ вѣрно будетъ позволено писать много. Ты пользуйся — пиши о постороннемъ, но искренно. Петербургской жизни бояться нечего — я буду имѣть

время и что весьма важно, тамъ настоящіе мои друзья, съ которыми сердцу легко и свободно! Петербургъ полонъ людьми, которые имѣютъ обо мнѣ хорошее понятіе! Стоитъ только это поддерживать! Я не буду искать многого, слѣдовательно и труднаго писанія не будетъ. А Тургеневъ? Нѣтъ! не бойся ничего—я буду работать съ энтузіазмомъ! Во всякую минуту жизни можно быть человѣкомъ и радовать этою мыслію! Только здѣсь эти *минуты* въ которыя можно бы быть добрымъ, будутъ употреблены единственно на то чтобы избѣжать отъ зла! *C'est indigné! Est-ce la vivge?* А что ежели избѣжать не удастся? Намъ не дадутъ избѣжать—но они будутъ въ сторонѣ! А виноваты передъ собою и передъ ними будемъ мы! Гдѣ бы я ни былъ, у меня будетъ хорошее настоящее и свобода имъ воспользоваться! *Хорошее* — не значитъ счастливое, значитъ болѣе—доброе! Тоже и для тебя! Прошедшаго у насъ никто не отниметъ, а будущаго не надобно! Одно только условіе: не дай собою пожертвовать! Чтобы твой другъ, твой братъ не могъ тебя упрекнуть, что ты изъ доброй воли истребила все его счастье!

Рѣшиться быть опекуномъ—была минута энтузіазма! Но это надобно хорошенько обдумать! Можетъ быть еще полезнѣе *не быть* быть опекуномъ, чѣмъ *быть*.

(Стран. 23)—Видишь-ли, мы можемъ доказать другъ другу какъ геометрическую задачу, что для насъ разлуки нѣтъ! У насъ одинъ шептунъ! Что думалъ я въ хорошую минуту, то пришло въ голову и тебѣ—однѣ и тѣ же мысли; одни и тѣ же слова. Прости же, другъ! *Настоящее и все оз жизни къ прекрасному средство*. Съ этими двумя подпорами забудемъ легко о томъ промежуткѣ, который отдѣляетъ насъ отъ той границы, за которой начнется наша родина, отъ того будущаго въ которомъ мы будемъ вмѣстѣ и неразлучно. Теперь твердость, постоянство, спокойствіе души и неизмѣнная вѣрность другъ другу! Есть ли бы могла ты вообразить, какъ у меня теперь на душѣ ясно! Безъ страха смотрю на жизнь! Въ ней *tout est consequent!* Все влечетъ за собой свои естественныя слѣдствія. Испытаніе — приготовленіе къ утѣше-

нію! Разлука—условіе соединенія! Одинакая сдѣшняя жизнь—
приготовленіе къ одинакой вѣчности! Ничто не пропало! Все луч-
шее наше! Гдѣ бы я ни былъ, вездѣ свѣтъ Божій — Вездѣ на-
стоящее наше и можетъ быть прекрасно! Можно даже иногда
подумать, что и то будущее началось для насъ здѣсь! Разница
между той и здѣшнею жизнью только въ томъ, что здѣсь могутъ
быть горы и лѣса между нами, а тамъ нѣтъ этого непроницае-
маго пространства! Все остальное для насъ и здѣсь то же какъ
и тамъ! Чего же унывать? Жизнь прекрасна! Прости!

Внѣшность дневниковъ.

Всѣхъ писемъ-дневниковъ В. А. Жуковскаго имѣлось въ распоряженіи Редакціи пять. Это небольшія тетрадки, сшитыя изъ бѣлой и съ покрывшкою изъ синеѣ бумаги. Самъ Жуковскій ихъ называлъ «синенькія книжки» (см. стран. 163 или «голубая» книжка 184, 205). Одна тетрадь, предположительно относящаяся къ *Сентябрю* мѣсяцу 1814 года, украшена наклеенными восьмиугольными пластинками бѣлой бумаги съ рисунками, исполненными сепіею. (См. на снимкѣ). Форматомъ всѣ тетрадки 9,5 см. × 10,1 см. Одна тетрадка за *Апрѣль 1815 г.*(?) безъ обложки: на верхнемъ листочкѣ нарисованъ «фонарикъ» (см. стр. 186 снимокъ; ср. стран. 208.).

Дневникъ за *Май 1814 г.* въ футлярчикѣ для сбереженія вложенныхъ въ листы тетради засушенныхъ цвѣтовъ, можетъ быть, дорогихъ по какимъ-либо воспоминаніямъ. На тетради наклеенъ красный ярлыкъ и полоска такой же бумаги по корешку. Бумага, судя по знаку на ней, относится къ 1811-му году.

На первыхъ двухъ страницахъ записаны чернилами и карандашомъ лишь первыя 2 страницы. (Ср. стр. 156). Приводимъ текстъ:

«Жизнь и для счастья—въ этомъ увѣреніе, великая отрада. Жизнь для души! Много непонятнаго въ судьбѣ человѣческой, но словомъ: душа существуетъ все объясняется. Жизнь для души—не одна , но жизнь, здѣсь и тамъ.

«Да не смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога и въ мя вѣруйте. Въ дому отца моего обители многи суть: аще ли же ни рекъ быхъ вамъ, иду уготовати мѣсто вамъ. И аще уготовлю

На Верхней обложкѣ.

На Нижней обложкѣ.

Рисунки на обложкѣ „Дневника за Сентябрь“.

мѣсто вамъ паки приду и пойму вы къ себѣ да идеже есмь азъ и вы будете. Каможе азъ иду вѣсте и путь вѣсте.

Іоаннъ XIV, 1—4.

Отвѣщавъ же Іисусъ рече ей: Марѳо, Марѳо, печешися и молвиши о мнози. Едино же есть на потребу. Марія же благую часть избра, яже не отыметя отъ нея. Лук. гл. X. 42.

Блаженни плачущіе яко тѣи утѣшатся. Матв. V. 4. ||

Вѣчность для человѣка: прошедшее, обратившееся въ настоящее для будущаго

Колумбъ¹⁾ угадалъ Америку, хотя и не былъ увѣренъ въ ея существованіи—компасъ и рѣшимость.

Утѣшеніе есть убійство. Въ потерѣ милаго нельзя утѣшиться какъ въ потерѣ чело(вѣ)ка).

Красота

Приидите²⁾ ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и азъ упокою вы. Возмите иго мое на себе и научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго бо мое благо и бремя мое легко есть.

Мате. Глав. 11—28 и пр.»

На одной изъ дальнѣйшихъ пустыхъ страницъ въ срединѣ тетради отмѣчено карандашомъ: «13 Іюля» и тутъ же вложенъ засушенный цвѣточекъ.

При изданіи текста «Дневниковъ» были соблюдаемы всѣ орфографическіе приемы автора и даже описки и недомолвки. Въ ломанныхъ скобкахъ заключены предположительныя дополненія.

1) Отсюда писано карандашомъ.

2) Опять писано черниломъ, но не тѣми, что было выше, а почеряѣ.

В. А. Жуковскій въ Москвѣ въ 1837 году.

(Новые матеріалы).

Большую часть 1837 года, отъ мая до декабря, Жуковскій провелъ въ предпріятомъ его Августѣйшимъ Питомцемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ В. К. Александромъ Николаевичемъ путешествіи по Европейской и Азіатской Россіи. Это историческое путешествіе, въ теченіе котораго, какъ извѣстно, неоднократно имѣли случай проявиться и отозваться благотворными для многихъ послѣдствіями добрыя и возвышенныя чувства нашего поэта, его гуманность, человѣколюбіе и добросердечіе¹⁾, обогатило его чуткую и воспріимчивую душу множествомъ новыхъ разнообразныхъ и сильныхъ впечатлѣній, не только свѣтлыхъ и утѣшительныхъ, но порой и грустныхъ, которыя не могли не отразиться въ дальнѣйшихъ стадіяхъ его духовнаго развитія, въ его послѣдующей поэтической дѣятельности. Какъ суровый востокъ Россіи и Сибирь, такъ особенно теплый и поэтический югъ, впервые посѣщенные имъ Кіевъ и Крымъ должны были оставить въ умѣ и сердцѣ его яркіе, неизгладимые слѣды.

1) См. письма его съ пути къ императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ. Срв. П. Загарина «В. А. Жуковскій и его произведенія», М. 1888, стр. 507 и сл. Также статью П. А. Плетнева «Путешествіе В. А. Жуковскаго по Россіи». Соч. и Переп. Плетнева, 1885, т. I, стр. 404—415.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

Въ это же путешествіе Жуковскому удалось побывать и на своей родинѣ, въ родномъ своемъ Мишенскомъ, въ Бѣлевѣ, и пожить въ кругу родныхъ; но это оживленіе воспоминаній о давно-минувшемъ, о счастливыхъ, но не безмятежныхъ годахъ юности, — воспоминаній, смѣшанныхъ съ горестнымъ чувствомъ по поводу понесенныхъ утратъ и найденныхъ въ родномъ гнѣздѣ пережвѣтъ, павѣяло на него глубоко-грустное, меланхолическое настроеніе, довольно замѣтное въ его письмахъ къ друзьямъ въ это время.

Зато много истинно-отрадныхъ минутъ и утѣшеній, много свидѣтельствъ высокаго уваженія, общественнаго признанія и сердечнаго сочувствія и дружбы выпало на долю В. А. въ этотъ разъ — въ Москвѣ, въ которой онъ въ два пріема провелъ недѣли по двѣ: сперва съ 23 іюля по 9 авг., когда Наслѣдникъ пріѣхалъ въ Первопрестольную, возвращаясь съ Востока и изъ центральной Россіи, и имѣлъ здѣсь свиданіе съ императрицей Александрой Феодоровной; а затѣмъ съ конца октября до половины декабря — уже на обратномъ пути съ юга Россіи, когда Государь съ семьей и весь дворъ возвращались въ Петербургъ.

Изъ переписки самого Жуковского, изъ писемъ и показаній нѣкоторыхъ современниковъ, литераторовъ и друзей поэта, изъ Дневника Погодина¹⁾ мы имѣемъ лишь самое общее понятіе о дняхъ, проведенныхъ имъ въ Москвѣ, о чествованіи его москвичами и вообще о его тамошнихъ впечатлѣніяхъ.

Нынѣ я имѣю возможность обнаруженіемъ новаго небольшого матеріала, именно отрывковъ изъ дневника извѣстнаго друга нашего поэта, А. М. Тургенева²⁾, и одного письма Жуковского къ князю П. А. Вяземскому, пополнить имѣющіяся свѣдѣнія о пребываніи В. А. въ Москвѣ лѣтомъ и осенью 1837 г., причемъ — надо замѣтить — въ этихъ новыхъ документахъ чрезвычайно живо и симпатично рисуетъ идеальный образъ нашего

1) См. Н. П. Барсукова, Ж. и Т. Погодина, кн. V, стр. 1—18.

2) Этотъ дневникъ былъ, по всей вѣроятности, тогда-же переданъ авторомъ — В. А. Жуковскому.

славнаго писателя и человѣка, «чистой души Андреевича», какъ его фамильярно звалъ его московскій пріятель¹⁾).

Замѣтки А. М. Тургенева, не представляя никакихъ особенно крупныхъ и важныхъ фактическихъ данныхъ для біографіи В. А., но изображая его привлекательный нравъ, его замѣчательную простоту и скромность въ общежитіи, даютъ намъ интересныя бытовыя картинки, рисуя многіе типы и черты времени, рядомъ съ описаніемъ примѣчательныхъ мѣстъ и портретами нѣкоторыхъ историческихъ лицъ, а потому во всякомъ случаѣ прочтутся съ любопытствомъ. Весьма характерно также «обращеніе» Тургенева къ Жуковскому, какъ къ наставнику Наслѣдника русскаго престола.

Что касается помѣщаемаго здѣсь интереснаго письма Жуковскаго, то оно писано по поводу кончины И. И. Дмитриева, случившейся какъ разъ въ промежутокъ между обоими посѣщеніями Москвы Жуковскимъ, именно 3 окт., и все посвящено памяти этого дорогаго В—ю А—чу и душевно-любимаго имъ учителя и перваго руководителя на поэтическомъ поприщѣ. Оно принадлежитъ къ тому собранію бумагъ, относящихся къ кончинѣ И. И. Дмитриева, которое только-что издано мною въ статьѣ «Къ біографіи И. И. Дмитриева»²⁾).

1) См. ниже «Дневникъ» Тургенева, а также сохранившіяся его письма къ Жуковскому. Русск. Старина, 1893, янв., стр. 249.

2) Извѣстія Отд. русск. языка и слов. И. А. Н., 1901, кн. 4-я.

I.

А. М. Тургеневъ о В. А. Жуковскомъ.

(Дневникъ А. М. Тургенева).

Александръ Михайловичъ Тургеневъ¹⁾ (род. 26 окт. 1772 г., умеръ 18 июня 1862), герой Бородина, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и достойнѣйшихъ русскихъ дѣятелей первой половины прошлаго вѣка — сперва на военномъ, а потомъ на гражданскомъ поприщѣ, былъ близокъ со многими выдающимися современниками, какъ литераторами, такъ и государственными людьми (напр. Сперанскимъ, Канкринымъ, граф. Строгановымъ), и былъ въ искренней, тѣсной дружбѣ съ В. А. Жуковскимъ, съ которымъ состоялъ въ постоянной перепискѣ и котораго горячо любилъ и высоко цѣнилъ. Нашъ поэтъ платилъ ему такую же сердечною привязанностью и искреннимъ уваженіемъ и постоянно надблягалъ его въ письмахъ самыми нѣжными и дружески-фамильярными эпитетами. Нельзя не согласиться, что въ этихъ отношеніяхъ къ нему Жуковского заключается лучшая характеристика его высокихъ нравственныхъ свойствъ и благороднаго характера. Въ подтвержденіе сказаннаго достаточно привести нѣсколько строкъ В. А. къ Тургеневу по поводу своего брака: «Я еще не писалъ къ тебѣ о томъ, что было со мною, къ тебѣ, который принималъ въ судьбѣ моей такое живое братское участіе, къ тебѣ, котораго люблю какъ вѣрнаго друга, уважаю, какъ лучшаго и самаго

1) Эта вѣтвь рода Тургеневыхъ очень давно отделилась какъ отъ той, къ которой принадлежали братья А. И. и Н. И. Тургеневы, такъ и отъ той, изъ которой происходитъ И. С. Тургеневъ, а потому о родствѣ А. М. съ послѣдними трудно и говорить.

чистаго изъ людей, какъ это могло случиться — пойми самъ... Одно только знай, что не проходило дня, въ который бы я о тебѣ не думалъ съ любовью, въ который бы не желалъ всѣмъ сердцемъ, чтобы ты былъ свидѣтелемъ моей семейной жизни.... До сихъ поръ я все твой по прежнему, и на всю остальную жизнь...»¹⁾

Извѣстно, что Тургеневъ, смолоду проникнутый свободолобивыми идеями, всю жизнь мечталъ объ освобожденіи крестьянъ, и судьба дала ему на склонѣ дней дожидаться этого великаго событія, которое онъ привѣтствовалъ съ восторгомъ и умиленіемъ.

Интересно и то, что А. М., переживъ почти всѣхъ своихъ современниковъ, явился живымъ, связующимъ звеномъ между писателями стараго поколѣнія и литераторами второй половины вѣка, въ средѣ которыхъ онъ поддерживалъ лучшія преданія пережитой старины: въ его домѣ въ 50-хъ годахъ собирались и читали свои произведенія такіе корифеи нашей литературы, какъ И. С. Тургеневъ, гр. Л. Н. Толстой, И. А. Гончаровъ, Я. П. Полонскій и другіе.

А. М. Тургеневъ оставилъ интересныя записки о событіяхъ конца XVIII и начала XIX вѣка, часть которыхъ была напечатана въ Русской Старинѣ 1885—1889 г. (см. томы 47, 48—1885 г.; т. 49 и 52—1886 г.; т. 53—1887 и т. 61 и 62—1889 г.) и 1895, т. 84 и которымъ былъ предпосланъ краткій біографическій очеркъ объ авторѣ ихъ, сообщенный внукомъ его, А. С. Сомовымъ²⁾.

Въ 1837 г. Тургеневъ жилъ въ Москвѣ уже въ отставкѣ, оставивъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ службу, а именно послѣд-

1) Письмо отъ 12 окт. 1841. См. «Русск. Стар.» 1885, ноябрь, стр. 428. Переписка Жуковского съ А. М. Тургеневымъ, главнымъ образомъ письма перваго помѣщены въ «Русск. Старинѣ» 1892 г., ноябрь, стр. 361—397 (Письма Жуковского 1833—1851 гг.) и 1893, янв., стр. 249—253 (6 писемъ Тургенева и замѣтка его о смерти Жуковского).

2) У Александра Мих. Тургенева отъ брака его съ П. Х. Литке была единственная дочь Ольга, крестница В. А. Жуковского, вышедшая замужъ за С. Н. Сомова (нынѣ Управл. Госуд. Имущ. въ Херсон. и Бессар. губ.) и рано умершая.

нюю свою должность директора Медицинскаго Департамента, по которой безвинно терпѣлъ гоненія со стороны министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго. Жуковскій, сопровождая Наслѣдника во всѣхъ его экскурсіяхъ по московскимъ окрестностямъ, пользовался тою значительною свободою, которая ему предоставлялась, для самостоятельныхъ передвиженій, прогулокъ и для любимаго своего дорожнаго занятія — срисовыванія видовъ и эскизовъ въ свой альбомъ. Обычнымъ спутникомъ его при этомъ былъ А. М. Тургеневъ, который затѣмъ описывалъ эти прогулки и свои впечатлѣнія живыми чертами и красками по большей части въ игривомъ и шутливомъ тонѣ, сопровождая свои рассказы историческими комментаріями, воспоминаніями и анекдотами. Этотъ-то дневникъ его съ 27 іюля по 4 августа и дошелъ до насъ и здѣсь цѣликомъ печатается¹⁾.

Ему предшествуетъ маленькое обращеніе къ Жуковскому, какъ къ наставнику В. К. Наслѣдника, съ слѣдующей на немъ надписью:

«Ермолафія, собственно до тебя относящаяся».

Въ поясненіе этого заглавія скажемъ, что этимъ семинарскимъ словомъ (означающимъ «многословная болтовня, чепуха, дребедень»²⁾) Тургеневъ озаглавилъ и свои упомянутыя Записки и что сообразно съ этимъ и онъ самъ себя и Жуковскій его называлъ (и въ разговорахъ, и въ письмахъ) *«ермолафомъ»*. Вотъ это обращеніе.

«На тебя смотреть вся Россія, вся Европа! Первая утѣшаетъ себя мыслию упованія наслаждаться благоденствіемъ, уготованнымъ трудами и попеченіемъ твоими при развитіи душевныхъ качествъ высокаго Питомца твоего. Вторая знаетъ тебя какъ знаменитаго автора. Ты не принадлежишь самъ себѣ; имя твое

1) Съ благосклоннаго разрѣшенія семьи Сомовыхъ.

2) См. Я. К. Гротъ, Филологич. Разысканія («Труды», т. II), кн. I. стр. 92. У Крылова есть «Похвальная рѣчь Ермолаѣиду». Въ приводимыхъ далѣе словахъ Тургенева о В. А. «Ермолаѣей» называетъ онъ въ шутку и родословную, генеалогическую роспись.

будеть извѣстно въ позднѣйшемъ потомствѣ. Роль твоя à peu près роль Адашева. Въ этихъ отношеніяхъ ты ходишь, какъ говорятъ, по ножевому острю. Ты всѣмъ извѣстенъ добротою души и сердца твоего. Всѣ знаютъ, что душа твоя свѣтла какъ зеркало, съ котораго и малѣйшее дуновение мгновенно исчезаетъ. Но знай, что ты имѣешь много людей недоброжелательствующихъ тебѣ. Всѣмъ тѣмъ, которыхъ называютъ у насъ родовыми, ты не угодишь потому, что у тебя нѣтъ трехсаженной поколѣнной ермолафи. Въ 60 лѣтъ жизни мнѣ довелось видѣть одного въ большомъ табунѣ родовыхъ, который не принадлежалъ къ роду, а прочіе всѣ носили отпечатокъ наслѣдниковъ Тараса Скотицина.

«Сколько разъ слышалъ я восклицанія насчетъ выбора твоего! Чему быть доброму? Что можемъ у него занять? Чему научиться? Стихи писать! — и вслѣдъ за сими восклицаніями панегирикъ Е. П.-ой за премудрое избраніе Н. І. С.¹⁾!

«Кто не помнитъ? Кто не знаетъ? Многіе видѣли своими глазами, какъ наканунѣ П. З.²⁾ работѣнно стоялъ въ толпѣ поклонниковъ въ прихожей Н. І. С. и какъ на другое утро работѣнно ожидалъ Н. І. С. выхода П. З. изъ кабинета своего!

«Я увѣренъ въ томъ, какъ знаю, что я Ермолавъ (*т. е. ермолафъ*), что ты скорѣе согласишься умереть, нежели сдѣлать какую-либо подлость. — Но суди-жь о людяхъ, и именно родовыхъ, которые до того и глупы и дерзки, что осмѣливаются тебя ставить въ параллель съ Н. І. С.

«И потому, повторяю тебѣ, ты ходишь по ножевому острю. Помни, родовая сволочь на все способна!

.....

«Питомца твоего масса любить и обожаетъ. Родовая сволочь видитъ въ немъ направленіе, не сообразное съ ея желаніями.

1) Кн. Ник. Ив. Салтыковъ (1786—1816), ген.-фельдмаршалъ, президентъ военной коллегии, а съ 1812 предсѣдатель Государственного Совѣта. Съ 1788 г. онъ руководилъ воспитаніемъ вел. князей Александра и Константина Павловичей.
К. Г.

2) Кн. Платонъ Ал. Зубовъ (1767 — 1822), выдвинувшійся благодаря Салтыкову, протавъ котораго потомъ интриговалъ.
К. Г.

Она будетъ всячески стараться, употреблять всё ухищренія, чтобы завладѣть грунтомъ и истребить добрыя сѣмена насажденныя. Уповаю на Бога! Это ей не удастся».

Дневникъ А. М. Тургенева.

27 июля 1837 г. Москва.

Вчера условились мы какъ можно ранѣе отправиться на Воробьевы горы. Въ четвертомъ часу по полуночи 27 числа (вторникъ) я былъ уже въ Кремлевскомъ дворцѣ и комнатахъ чистой души Андреевича; сказалъ слугѣ его разбудить молодца: это правду сказать помедлилось нѣсколько. В. А. легъ поздно спать, однакоже въ 5 часовъ съ четвертью мы уже стояли наверху Воробьевыхъ горъ. Столь раннее путешествіе предпринято въ намѣреніи снять московскіе виды. Кто не знаетъ величественнаго, прелестнаго вида съ Воробьевыхъ горъ на Москву, того можно назвать жалкимъ человѣкомъ въ мірѣ. Но мы были много опечалены. Густое, непроницаемое облако коричневаго изъ-свѣтла цвѣту покрывало Москву Бѣлокаменную — какъ пеленою. Что дѣлать — утро пропало! Ожидая, что облако это восходящее солнце разложитъ, мы послали въ селеніе на Горахъ за молокомъ и чернымъ хлѣбомъ. Скоро принесли намъ кувшинъ свѣжаго, холоднаго и вкуснаго молока, два ломтя чернаго хлѣба, два стакана; мы съѣли по куску хлѣба, выпили по стакану молока. Между тѣмъ густое облако кое-гдѣ прорѣдѣло, обнаружилось нѣсколько предметовъ; чистая душа усѣлся въ тѣни столѣтняго вяза и началъ снимать видъ, а я, не умѣя рисовать, любовался прекрасными видами, смотрѣлъ на Москву погруженный въ задумчивость съ какимъ-то неизъяснимымъ душевнымъ удовольствіемъ и вспомнилъ о прошедшемъ, вспомнилъ о своей молодости, о бывшихъ.

со мною на Воробьевыхъ горахъ случаяхъ и о томъ, что я былъ здѣсь въ 1800 г. Тридцать семь лѣтъ протекло съ того времени! А кажется какъ будто все вчера только было!

День былъ прежаркій, солнце начало несносно палить и было еще надобно въ 9-мъ часу В. А. быть въ Донскомъ Монастырѣ.

Въ девять часовъ Государь Наслѣдникъ обѣщалъ въ монастырь пріѣхать. Чистая душа сказалъ мнѣ: «Ну братъ Михалычъ, ѣдемъ въ Донской; надобно будетъ сюда еще пріѣхать и думаю, послѣ обѣда, подъ вечеръ снимать видъ лучше, — теперь нельзя рисовать: всѣ предметы кажутся въ туманѣ, красками это было бы превосходно». Сѣли въ карету и покатили въ Донской монастырь. Пріѣхавъ, мы нашли братію у Св. Воротъ: два іеромонаха были въ облаченіи: одинъ держалъ большое серебряное блюдо и на немъ животворящій крестъ, прочіе въ черной одеждѣ, но опрятной и у всѣхъ бороды были хорошо расчесаны и вычесаны; святіи отцы ожидали Владыку — милостиваго архипастыря, преосвященнѣйшаго митрополита московскаго Филарета.

Мы не успѣли молвить десяти словъ съ преподобными, какъ длинноногій и поджарый послушникъ, поставленный на Средней Донской подзоромъ, чтобы благовременно увѣдомить братію о шествіи и приближеніи архипастыря, бѣжалъ въ длиннополой своей свитѣ, махалъ скинутымъ съ головы чернымъ кокуемъ и кричалъ во все горло: «ѣдетъ, ѣдетъ, звони Ермошка!»

Черезъ нѣсколько минутъ увидѣли мы четырехмѣстную карету, запряженную шестью вороными конями, которые тяжело на песокъ прыгали, рассыпался въ ухахъ трескъ бѣга, густая пыль клубилась подъ ногами коней и предшествовала святителю. Когда остановились у вихода на рундукъ, преосвященный минутъ пять не позволилъ служкѣ отворить дверцы кареты, дожидаясь, пока пыль разложится. Наконецъ изволилъ вытти, весь чинъ монашескій подвинулся на встрѣчу архипастырю, пѣли, кадили, звонили, и смиренно шли передъ нимъ. Владыка увидѣлъ В. А., благословилъ его, началъ съ нимъ говорить и мимоходомъ мнѣ также далъ благословеніе. Шелъ въ храмъ, обычно тамъ молился

и, приложась къ святымъ иконамъ, всѣхъ бывшихъ тутъ благословилъ. Потомъ пошелъ смотрѣть всѣ храмы и въ кельи братій заглянулъ. Извѣстили о приближеніи Цесаревича.

Тогда митрополитъ, облекшись въ мантию, въ рукѣ съ крестомъ животворящимъ, со всею братіей и клиромъ пошелъ Наслѣдника встрѣчать. Въ святыхъ вратахъ, къ кресту святому приложась, Царевичъ шелъ въ соборный храмъ съ митрополитомъ. По совершеніи краткаго молебствія, провозглашеніи многолѣтія Государю Императору и всей Августѣйшей фамиліи, митрополитъ повелъ Цесаревича показывать достойныя замѣчанія вещи и рассказывалъ Его Высочеству разныя историческія событія, до монастыря Донского относящіяся.

По осмотрѣ всего Государь Цесаревичъ въ сопровожденіи архипастыря изволилъ отправиться въ Даніиловъ монастырь на берегу Москвы рѣки, гдѣ опочиваютъ мощи святаго князя Даніила, сына св. великаго князя Александра Невскаго, гдѣ митрополитъ съ архимандритомъ и братіею встрѣтилъ Государя Цесаревича такимъ же образомъ, какъ было въ монастырѣ Донскомъ. Прибытія Его Высочества въ Донской монастырь ожидали болѣе получаса сверхъ назначеннаго времени. Въ этотъ промежутокъ я замѣтилъ собирателя вѣстей — уже преклонныхъ лѣтъ, сѣдого господина, котораго я непременно долженъ знать потому, что онъ по всѣмъ его пріемамъ, поступу и разговору долженъ быть москвичъ; а все то, что за 40 лѣтъ въ Москвѣ случилось, кто за 40 лѣтъ въ Москвѣ жилъ и дѣйствовалъ, мнѣ извѣстно потому, что свѣдѣнія эти составляли за 40 лѣтъ мою обязанность, отъ меня требовали, чтобы я все случившееся вѣдалъ и каждаго дѣйствующаго въ обществѣ зналъ¹⁾. Но протекшія сорокъ лѣтъ насъ совершенно раззнакомили. Сѣдоголовый очень увивался около придворнаго лакея, служившаго Василию Андреевичу, спрашивая, распрашивая, кто онъ таковъ. Лакей удовлетво-

1) Съ 1799 г. Тургеневъ нѣсколько лѣтъ состоялъ адъютантомъ при Московскомъ генералъ-губернаторѣ, гр. Салтыковѣ. К. Г.

рилъ его любопытство, но относительно меня, кто я, оставилъ его въ неизвѣстности. Сѣдая голова нѣсколько разъ ходилъ вокругъ меня, наводилъ лорнетъ, протиралъ себѣ глаза и все не могъ узнать, кто бы это былъ, кто такъ съ Жуковскимъ вольно-дружески въ присутствіи Его Высочества обращается.

Въ Даниловомъ монастырѣ опять увидѣлъ я сѣдую голову, которая вокругъ меня обжигиваетъ. Было чрезвычайно жарко: я не пошелъ въ церковь и сѣдая голова осталась на монастырѣ (?) и сѣлавъ около меня круга два-три, ослабилась и заговорила: «Позвольте васъ спросить, вы—родственникъ Его Превосходительства г. Жуковскаго?» «Нѣтъ», отвѣчалъ я. Сѣдая голова вынула изъ кармана большую серебряную круглую съ медаліономъ Екатерины II табатерку, понюхала сам-пан-тре и ослабляясь, заговорила: «Позвольте васъ спросить, вы конечно также находитесь въ свитѣ Его Императорскаго Высочества-съ?»—«Нѣтъ». Сѣдая голова вытаращила глаза, разинула большой ротъ, въ которомъ не было ни одного жильца, отступила шага на два отъ меня, понюхала сам-пан-тре и, уклоня немного туловище свое впередъ, заговорила: «Дозвольте-жъ васъ спросить, кто вы?»—«Ты видишь—человѣкъ», отвѣчалъ я. Съ послѣднимъ словомъ моего отвѣта сѣдая голова затряслась, начала моргать глазами, повернулась и пошла отъ меня скорыми шагами, что-то бормотавъ, чего я не разслушалъ.

Когда я сѣлъ съ В. А. въ карету, сѣдая голова торчала противъ дверца каретнаго; надобно было видѣть ужасную рожу, какую голова сѣдая сочинила, услышавъ отвѣтъ мой придворному лакею на вопросъ, куда прикажете?—въ Александрійскій дворецъ! Не могу утверждать, а припоминая лицо сѣдой головы, котораго быть можетъ я не встрѣчалъ лѣтъ 30 или болѣе, это былъ единственный изъ князей Б — хъ, рязанскихъ помѣщиковъ, извѣстныхъ записныхъ и подрѣзныхъ карточныхъ игроковъ, существовавшихъ въ Москвѣ въ 1798—1799 и 1800 годахъ,—вхъ было два брата, совѣсть у обоихъ была подъ каблучкомъ. Они были великіе профессеры взящнаго и благороднаго

искусства лѣпить и передергивать и если который изъ нихъ еще (существуетъ), то конечно, широкое мое лицо и короткое мое туловище въ бѣломъ кирасирскомъ мундирѣ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю ему во снѣ представляется. Игроки помянутаго времени во сто лѣтъ А. Т. не забудутъ. Они меня и я ихъ (т. е. игроковъ) весьма не жаловали!

Государь Наслѣдникъ изволилъ изъ Даниловскаго монастыря поѣхать осматривать Голицынскую больницу, а оттуда Его Высочество изволилъ отправиться въ манежъ Александрійскаго дворца, гдѣ Его Высочеству было благоугодно выбрать и испытать себѣ коня на манѣвры. Времени было много. Чистая душа Андреевичъ усѣлся въ саду въ тѣни и началъ чертить карандашомъ виды. Къ счастью явился къ нему главный садовникъ дворцовыхъ оранжерей и садовъ, *deutscher Mann und zwag aus Bamberg gebürtig*. Щедрый нѣмчинъ въ мигъ представилъ русскій самоварецъ и пошло пированье! — чай со сливками, бѣлымъ хлѣбомъ, сухарями былъ намъ очень по душѣ, — и мнѣ и Андреевичу и ѣсть и пить не шутя хотѣлось.

Мы благодарили нѣмца и нѣмецъ насъ за сдѣланную ему честь и извинялся нѣсколько разъ, что его Мари Ивановна «не тогда-де прислалъ малинка шашка». Я увѣрялъ гостепріимнаго нѣмца, что малинка шашка намъ, по крайней мѣрѣ мнѣ, труда не сдѣлаетъ и съ своей стороны доказалъ ему это на дѣлѣ: я выпилъ 8 чашекъ чаю. Приѣхалъ Наслѣдникъ во дворецъ. В. А. поднялся съ мѣста, остановилъ свое рисованье, пошелъ съ великимъ княземъ и, скоро возвратясь, сказалъ мнѣ: «Ну Михалычъ, мы можемъ пробыть здѣсь до 3-хъ часовъ». — Потомъ пошли мы къ домику, въ которомъ графъ Федоръ Григорьевичъ Орловъ, бывшій владѣлецъ дома и сада, нынѣшняго александрійскаго дворца, утопая въ богатствѣ, нѣжилъ чувства свои и находилъ земное блаженство въ сладострастіи. Орловы, сколько ихъ ни было, жили просто физически, скотоподобно. Чувственныя наслажденія, удовлетвореніе требованій—были единственнымъ для нихъ блаженствомъ. Кто изъ нихъ оставилъ что на память себѣ? Ничего!

Въ жизнь ихъ утѣхою имъ были—кулачный бой, медвѣжья трава, рысаки, фабричныя, цыгане, дураки! Извѣстно, когда послѣдній часъ въ жизни гр. Алексѣя Григорьевича Орлова Чесменскаго наступилъ, графъ потребовалъ стаю цыганъ и духъ оставилъ тѣло графское съ напутствіемъ въ жизнь вѣчную, сопровождаемый пѣснью ихъ: «На что-жъ было городъ городить, во сыромъ бору по ягоды ходить!» которую цыгане орали во все горло вокругъ смертнаго одра его сіятельства.—Услужливый gefälliger нѣмчинъ-садовникъ принесъ тарелку черныхъ превкусныхъ вишень. Какъ онѣ были кстати, какъ я ихъ ѣлъ! Признаюсь пографски,—да я, сказать правду, болѣе 20 лѣтъ такихъ крупныхъ, вкусныхъ вишень, какія далъ нашъ бамбергскій уроженецъ, не ѣлъ! Не много изъ нихъ досталось чистой душѣ Андреевичу. Ему и некогда было—онъ рисовалъ. Вишни почти всѣ за мной остались.

Въ три часа кончилъ Андреевичъ свое рисованіе, и мы отправились въ городъ. На другой день, т. е. 28-го числа (среда) назначили ѣхать въ Коломенское, Симоновъ Монастырь, въ Новоспасскій, куда Его Высочество изволилъ ѣхать осмотрѣть мѣстоположеніе и древности, какія гдѣ еще остались.

28 Іюля. Среда. Москва.

Въ 4 часа по полуночи 28-го числа разбудилъ я камердинера Андреевича, который сказалъ мнѣ: «дайте уснуть В. А., Его Превосходительство изволилъ поздно лечь почивать». На 28-ое во всю ночь лилъ сильный дождь, все въ природѣ освѣжилось, отдохнуло отъ жаровъ, простоявшихъ непрерывно 10 дней и доходившихъ до 27—28 градусовъ въ тѣни; на солнцѣ, сказывали мнѣ, было 35 и до 37. Это по нашему, по-астрахански. Жажда меня не томила въ жаръ; я не знаю что такое томиться отъ жажды, какъ то видно надъ другими, однако-же замѣтилъ, что я поутру и вечеру пилъ чаю почти вдвое обыкновенной моей мѣры. Все небо было еще покрыто облаками, вѣтеръ дулъ сильно

съ юга, казалось—безъ дождя не обойдется, и я думалъ, что путешествіе наше будетъ отложено.

Въ 5 часовъ слуга разбудилъ Андреевича, карета была уже готова, чистая душа скоро прихотился, одѣлся, и мы отправились черезъ коломенскую заставу. Ъхали менѣе часа.

Я увидалъ село Коломенское ровно черезъ 37 лѣтъ, а Василий Андреевичъ видѣлъ это прелестное, очаровательное мѣсто, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни. Къ несчастью исторіи, поэзіи, любителей древности, къ сокрушенію народа русскаго, которому ничего не оставляютъ старины его, какъ-будто бы хотятъ, чтобы народъ русскій не зналъ ничего о себѣ самомъ, навсегда забылъ свою древность, славное знаменитое свое происхожденіе! наконецъ скажу, къ стыду правленія, — ахъ! горестно мнѣ вымолвить, но что дѣлать, правду сказать должно: это случилось въ царствованіе великаго, незабвеннаго, благословеннаго Александра I, государя неусыпно стремившагося народы, вѣрнные Богомъ его управленію, просвѣтить, прославить, возвысить, облагородить. Вандакъ невѣжда, подлый пройдоха, пролазь, шатавшійся по всѣмъ переднямъ у всѣхъ временщиковъ, Петръ Степановичъ Валуевъ — кто его не зналъ! — вскорѣ по вочареніи Александра I, былъ назначенъ начальникомъ Грановитой и Оружейной палаты и всѣхъ дворцовъ царскихъ въ Москвѣ и внѣ города. Что-жъ варваръ надѣлалъ? сломалъ дворець Коломенскій! колыбель рода царскаго Романовыхъ! памятникъ священной древности для ученаго, памятникъ изящнаго зодчества, украшенія, убранства, прямо русскаго! что ваши рококо и всѣ коко—никуда не годятся и дрянъ въ сравненіи съ стариною нашею! И все это Валуевъ учинилъ, чтобы набить себѣ карманъ! Я помню какъ онъ въ Кремлѣ продавалъ съ молотка разныя утвари царскія, одежды, мебели; при мнѣ купилъ путешественникъ англичанинъ желѣзныя кресла царя Алексѣя Михайловича съ его вензелемъ и, какъ тогда говорили, что царь сидѣлъ на этихъ креслахъ въ соборѣ въ день вѣнчанія его на царство, — за 800 рублей и какихъ же? бумажныхъ! и ни

одного не сыскалось вельможи-богача русскаго перекупить кресла царскія, оставить ихъ потомству! Валуевъ былъ наглый корыстолюбецъ; для него ничего не было священнаго. На первой башнѣ съ правой стороны, когда идешь изъ Кремля въ Спаскія ворота, висѣлъ вѣчевой колоколъ Великаго Новгорода, взятый у новгородцевъ и привезенный въ Москву по велѣнію Грознаго царя Ивана Васильевича, послѣ конечнаго разоренія Новагорода и уничтоженія правъ и свободы новгородцевъ, когда гражданъ новгородскихъ въ присутствіи Грознаго царя опричники его убивали долбнями, какъ бьютъ передъ Рождествомъ свиней, и бросали съ моста въ Волховъ. Хитрые раскольники, желая имѣть у себя вѣчевой колоколъ, разгласили, что въ вѣчевомъ колоколѣ было болѣе серебра по вѣсу его, нежели мѣди. Молва эта была пущена для того, что бы склонить скорѣе Валуева на удовлетвореніе желанія ихъ.

Г. Валуевъ подъ предлогомъ тѣмъ, что сокровища царскихъ дворцовъ, Оружейная палата и прочее ввѣрены ему, рассудилъ за благо и вѣчевой колоколъ включить въ мягкую царскую рухлядь и успѣлъ уже стащить колоколъ съ башни на землю. Незабвенный и благороднѣйшихъ правилъ человекъ, бывший въ то время комендантомъ ген.-маіоръ Иванъ Христьяновичъ¹⁾ Гессе прискакалъ въ большомъ смущеніи и огорченіи къ фельдмаршалу Ивану Петровичу Салтыкову, бывшему тогда въ Москвѣ военнымъ губернаторомъ съ рапортомъ.

«Ваше сіятельство, я, московскій комендантъ, честь имѣю доложить вашему сіятельству, что г. тайный совѣтникъ Валуевъ съ башни новгородскій колокольчикъ укралъ. Я заарестовалъ колокольчикъ и поставилъ двухъ часовыхъ, чтобы тайный совѣтникъ Валуевъ ночью не увезли колокольчикъ.» О происшествіи этомъ было донесено Государю Императору; высочайшее повелѣніе послѣдовало — вѣчевой колоколъ оставить неприкосновеннымъ на прежнемъ мѣстѣ. Кстати о Иванѣ Христьяновичѣ Гессе: Гессе былъ вызванъ изъ Дрездена въ Гатчино къ великому князю

1) Тургенева пишетъ: *Крестьяновичъ*.

Павлу Петровичу въ качествѣ садовника и садоводство очень хорошо зналъ. Неизвѣстно, по собственному ли своему расположенію, или понравившись великому князю, — по предложенію его высочества, вступилъ въ Гатчинѣ въ военную російскую службу, въ баталіоны тогда у великаго князя въ Гатчинѣ бывшіе и составлявшіе особенное во всемъ отъ армейскихъ полковъ войско, одѣтое въ мундиры по прусскому покрою. Гессе прибылъ въ Москву при восшествіи Императора Павла на царство въ чинѣ майора съ назначеніемъ плацъ-майоромъ въ Москвѣ; получилъ слѣдующіе чины до генераль-майора и былъ не только въ кругу высшаго сословія любимъ и уважаемъ, но и всѣмъ вообще народомъ; послѣ нашествія непріятеля въ 1812 году, по изгнаніи французовъ Иванъ Христьяновичъ, возвратясь въ Москву по прежнему въ званіи коменданта, вскорѣ умеръ¹⁾.

1) Еще о Иванѣ Христьяновичѣ: прискорбно прямо русскому человѣку и видать и вспоминать о томъ, что нѣмцы—чуждые для насъ, водворившись въ Россіи, болѣе насъ, природныхъ россіянъ, уважаютъ, чтятъ и сохраняютъ старину русскую.—При воцареніи Павла I умножилось карауловъ конечно въ 5 разъ болѣе, сколько ихъ существовало; шахматные будки часовыхъ на всѣхъ углахъ въ Кремлѣ торчали. Кого боялись—кого стерегли,—про то знаетъ блаженной памяти императоръ Павелъ II—4000 солдатъ выходило каждый день въ караулъ! Москва, казалось, была въ осадѣ. Въ главный караулъ, т. е. гауптвахту ходила цѣлая рота. Солдаты русскій, хотя всегда довольствуютъ себя пищею Св. Антонія, но слѣдствія пищи болѣе нежели воздержной—однѣ и тѣже, какія бывають и у тѣхъ, которые ѣдятъ самыя лакомыя кушанья. Кому придетъ на мысль, чтобы потомокъ, хотя дальнѣйшій и позднѣйшій, перваго основателя Москвы, князь Долгорукій (Юрій Владиміровичъ), бывшій въ Москвѣ военнымъ губернаторомъ, назначилъ устроить необходимое мѣсто для солдатъ главнаго караула — да гдѣ же? въ Патріаршемъ Домѣ, подлѣ храма Господня во имя двенадцати апостолъ!!! Повѣрять ли? Кто требовалъ и настоялъ на томъ, чтобы сказанное мѣсто было уничтожено? Иванъ Христьяновичъ Гессе!!!! Ничтожный князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій не постыдился рассказывать, какъ ему Гессе рапортовалъ о непристойномъ назначеніи необходимаго мѣста, и именно: «В. Сіятельство, честь имѣй рапортовать главна гауптвахтъ на караулъ солдата на двѣнадцать апостолъ с...., негодно Ваше Сіятельство такой мѣсто—патріаршій домъ». Всѣ хотали. Чему? что иностранецъ не умѣетъ по-русски объясниться! но не стыдился того, что иностранецъ первый указалъ князю русскому о непростительномъ неуваженіи св. храма, неблагопристойности, однимъ словомъ. О, невѣжество, свинство, какого едва ли увидишь у дикарей! Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, увы! къ стыду Россіи, жилъ болѣе ста лѣтъ и прожилъ вѣкъ свой, слывя всегда и..... мѣ; но былъ генераль-аншефъ и кавалеръ всѣхъ орденовъ Россійскихъ!!!!

Любезный другъ, чистая душа Андреевичъ, и я съ нимъ помянули вандава Валуева по-свойски. Если при поминовеніи — усопшіе также вчуть, какъ говорятъ, когда кто начнетъ вкать — что его поминаетъ кто-либо, то Петръ Степановичъ Валуевъ навѣрное отъ поминовенія нашего замучился икотою въ аду, гдѣ онъ — безъ всякаго сомнѣнія — находится и служить у князя тьмы перемноймейстеромъ.

Василій Андреевичъ въ Коломенскомъ снималъ виды съ двухъ мѣстъ, былъ доволенъ своею работою и прохладною погодою. По милости его и мое короткое туловище узреть позднѣйшее потомство! Онъ заставлялъ меня становиться два или три раза въ нѣкоторомъ отъ себя отдаленіи, чтобы и мой прекрасный станъ помѣститъ въ рисунокъ.

Въ Коломенскомъ мнѣ было хорошо — *fideles Leben!* Услужливый нѣмчинъ садовникъ явился съ самоваромъ и *heute, aber in allem asperat und richtig* чайныя чашки, какъ миски суповыя, сливочное свѣжее масло, превкусный бѣлый хлѣбъ, густыя сливки! — *fideles Leben!* и это какво? мы пили чай, мы ѣли *Butterbrod*, роскошествовали, прохлажались подъ дубомъ, въ тѣни котораго великій Петръ съ дѣтьми боярскими въ лапту игралъ!

За полдень, въ часъ съ четвертью, а много въ половинѣ двухъ, мы поднялись и поѣхали въ Симоновъ монастырь, въ которомъ былъ еще слышенъ звонъ во всѣ колокола въ честь отъѣзжавшаго изъ обители Государя Наслѣдника.

Минуть черезъ двадцать слуга отворилъ дверцу, мы стояли уже у вратъ обители. Вышли. Андреевичъ спросилъ: «куда же пойдѣмъ, Михалычъ, все заперто». «Пойдѣмъ къ отцу архимандриту», я отвѣчалъ. Вошли, гостей не ожидали. Отецъ Мельхиседекъ, архимандритъ, въ подрясникѣ люстрина голубого, застегнутомъ однимъ въ верху крючкомъ, низъ на распашку, такъ что порты было можно зрѣть смиреннаго монаха. Среди палаты стоялъ столъ, на немъ десятокъ блюдовъ, на нихъ въ росолѣ стерляди, бѣлужина и осетрина, донской балыкъ, уральская икра.

Среди стола, на превеликомъ блюдѣ высокая какъ пуховикъ господствовала кулебяка. Въ углу сидѣла дамина лѣтъ тридцати — небогѣе, не такъ чтобы красива, не такъ чтобы и дурна. По комнатѣ, какъ тѣнь, фигурой гнусный по указу, съ Владимірскимъ за 35 годовъ, шагаль увялый кавалеръ. Еще какой-то фифукусъ лѣтъ молодыхъ и вѣроятно строкулистъ съ крестомъ *стой-слава*, виталь вокругъ архимандрита, коилъ предъ даминой и табакерку подносилъ страдавшему удущьемъ господину. — Отецъ архимандритъ зело былъ пьянъ! подумаль я: когда успѣлъ отецъ насуслиться до сыта? у Спаса Нового еще гудѣли колокола, едва-ли было полчаса — Его Высочество присутствовать изволилъ здѣсь и архипастыръ также былъ съ Царевичемъ у Мельхиседека! Лишь возрился въ Андреевича преподобный, въ другую комнату спѣшилъ главу всунуть въ клубокъ и рясу черную накинуть; явился въ мигъ обратно и громко возгласилъ: «шампанскаго сюда!» Андреевича благословлялъ, лобзалъ его плеча, въ знакомые изъ давнихъ лѣтъ втирался и часто повторялъ: «Андрей Васильевичъ, припомни, какъ меня ты отстоялъ». Я видѣлъ, мой Андреевичъ, что пьяный архимандритъ вралъ, ни слова въ томъ не понималъ! Хвалами до небесъ превозносилъ онъ обличиху. Вино намъ подали: его во славу Божью Мельхиседекъ въ себя послалъ необинуясь. Мнѣ кубокъ подали. «Отецъ, сказалъ я пьяному монаху, вина не пью». Архимандритъ кивнулъ мнѣ бородой и кубокъ опорожнилъ. Потомъ завелъ разсказъ о строящейся колокольнѣ: 43 сажени будетъ въ вышину. Синодъ святейшій поднесъ Царю докладъ и строить мнѣ разрѣшено — кому какое дѣло! Блаженной памяти купецъ Игнатъевъ, мой другъ, 500 мнѣ тысячъ рублей далъ и завѣщаніе самъ написалъ высокую построить колокольню.

Купецъ Игнатъевъ былъ извѣстная шельма, ограбилъ родственниковъ своихъ сиротъ Колосовыхъ, и богатѣйшаго отца дѣтей пустилъ по міру, — а чего изъ награбленнаго не прожилъ, передалъ другу своему архимандриту на построение колокольни въ 43 сажени! Все это и всѣмъ извѣстно. Сироты по совершенно

лѣтн своемъ просили, обнаружили, доказали неоспоримо, что завѣщанный капиталъ 500 тысячъ рублей и усвоенныя Симонову монастырю, кажется, 70 лавокъ — есть ихъ достояніе, похищенное у нихъ во время малолѣтства и сиротства родственникомъ и опекуномъ ихъ Игнатьевымъ. Дѣло было обсуждено у юристъ-консультовъ, въ сенатѣ, въ святѣйшемъ синодѣ и кончено безъ сомнѣнія — въ рестораціи, гдѣ деньги и вино юристъ-консульты съ синодомъ согласили! Все отдали по завѣщанію разбойника монастырю, а Колосовыхъ по міру съ сумой пустили!!!

Чась битый пьяница насъ задержалъ. Въ Симоновѣ мы ничего не видали, да сказать правду, не знаю, что есть любопытнаго видѣть? Если что и было древняго въ обители, рука времени и не менѣе того бывшіе настоятели монастыря не менѣе вандала Петра Степановича Валуева все изгладили, изглодали, какъ черви могильные, которые, уничтоживъ гробницу и тѣло, сами исчезаютъ.

Вырвавшись отъ высокопреподобнаго отца архимандрита, Андреевичъ пріютился съ карандашемъ и картономъ на буграхъ подъ соснами, близъ пороховыхъ погребовъ. Я растянулся во всю мою длину также на бугрѣ подъ сосною. Мнѣ пришло на память, что вѣка 4, а можетъ быть и 5 тому вѣковъ, Симоновъ праотцы мои татары держали долгое время въ осадѣ, что было чудо: осажденные иноки весь запасъ съѣстной употребили, отцамъ святымъ нечего было ѣсть; по благодати Божіей каждое утро въ обитель падали съ неба рыбы, которыми братія и народъ, укрывшійся отъ непріятели въ монастырѣ, питались до освобожденія своего. Событіе это было изображено на ставняхъ паперти соборнаго храма, — не знаю, существуетъ ли оно нынѣ. Мысль о томъ, что я, потомокъ ченгисъ-хана или по крайней мѣрѣ Батыя, Тургенъ-Золотая орда, — лежу, катаюсь на бугрѣ, можетъ быть скрывающемъ котораго-нибудь изъ величайшихъ варваровъ, почтенныхъ моихъ предковъ, передалъ я Андреевичу. Онъ согласился съ мнѣніемъ моимъ и сказалъ: «можетъ быть». — Скучная вѣточка, но все того же корня, который питаль и

державу, дубъ, скрывавшій вершину свою въ облакахъ! я лежу роскошно и валяюсь на прахъ ужаснаго злодѣя, предка моего, и подлѣ кого-же, въ чьихъ глазахъ это великое событіе совершается? Слава русской поэзіи, другъ мой Жуковскій сидитъ съ карандашемъ подъ сосною и чертитъ каракули въ десяти шагахъ отъ меня!!! Wunder, wunder—grosser Gott! Неужели достопамятная среда... въ жизни моей 28 іюля, день, въ который было столь много воспоминаній о великомъ, о старинѣ нашей, — день, въ который мы видѣли село Коломенское, отыскивали подъ угломъ церкви надгробный камень Осляби и Пересвѣта, были, сидѣли и рисовали у Лизина пруда и были въ гостяхъ у пьянаго архимандрита! неужели объ этомъ не узнаетъ потомство?

Совсѣмъ было забытъ: У Лизина пруда Андреевичъ, сидѣвши подъ березой, снималъ видъ съ церкви стараго Симонова, въ которой подъ угломъ заложены два камня предлинные и пребольшіе, покрывающіе прахъ двухъ богатырей, посланныхъ князю Димитрію Донскому святымъ архимандритомъ Сергіемъ, нынѣ чудотворцемъ Радонежскимъ на битву съ Мамаемъ на полѣ Куликово.

Отъ Лизина пруда поѣхали мы въ Новоспасскій монастырь. Здѣсь подъ церковью осматривали гробницы предковъ царскаго рода Романова. Тутъ же погребены князья Сицкіе и царевичи и царевны сибирскіе, да митрополитъ Сарскій и Подонскій.

Въ древнія времена между Новоспасскимъ монастыремъ и Крутицами и недоѣзжая Новоспасскаго монастыря отъ Москвы протекали два ручья: одинъ назывался Сара, другой — Подонъ. По названіямъ этихъ ручьевъ именовался архіерей Сарскимъ и Подонскимъ, проживалъ на Крутицахъ. Не знаю, существовала ли Сарская и Подонская епархія и какой былъ удѣлъ ея. Но это извѣстно: Сарскій и Подонскій архіерей впоследствии именовался Крутицкимъ и была составлена Крутицкая епархія, которой удѣломъ были города Коломна и Кашира. Епархія Крутицкая долго существовала и, если не ошибаюсь, — до времени на-

значенія въ Москву въ архіепископы знаменитаго нашего Платона. Нынѣ здравствующій еще архіепископъ, послѣднѣ бывшій Ярославскимъ и Ростовскимъ, Авраамій, проживающій на покоѣ въ Толнскомъ монастырѣ, въ 7 верстахъ отъ Ярославля на луговой сторонѣ, сказывалъ мнѣ, что онъ былъ рукоположенъ въ дьяконы Крутицкимъ архіереемъ, и именно въ храмѣ на Крутицахъ. Преосвященный Авраамій былъ 25 лѣтъ призримъ въ сиропитательномъ домѣ протоіереемъ, потомъ принялъ монашескій чинъ, былъ долгое время архимандритомъ въ Андроніевѣ монастырѣ въ Москвѣ въ 1822 году:—я свель съ преосвященнымъ знакомство въ Астрахани,—тогда владыка прибылъ туда на епархію, на мѣсто архіепископа Іоны, воззваннаго въ Экзархи Грузіи, Карталинніи и Кахетин.

Съ преосвященнымъ Аврааміемъ въ Астрахани мы пріятельски жили: архипастыръ благочестивый, умный, трезвый и, дозволю себѣ сказать, много и лучше ученый многихъ нынѣ новочуныхъ! Въ 1822 году въ іюлѣ я оставилъ Астрахань, освободившись отъ несносной для меня таможенной службы! Ровно 10 лѣтъ — *malgré moi* — я былъ мытаремъ подъ начальствомъ биреч-мытаря (*sic*), т. е. министра финансовъ. Тогда былъ м. ф. претолстый человекъ, Д. А. Гурьевъ. Въ Астрахани пробылъ я 5 годовъ, благодарю Бога, очень счастливо, былъ любимъ и уважаемъ цѣлымъ астраханскимъ обществомъ. Ко мнѣ ходили на судъ и разборъ мой добровольно торговаго сословія люди, имѣвшіе между собой пререканія — въ сотняхъ тысячахъ рублей, съ тѣмъ, какъ я разберу и обсужу, — такъ тому и быть безъ новорота. Не гордись, смѣю сказать, — гордымъ Богъ противится, — ни одинъ министръ юстиціи и прочихъ названій, конечно, не имѣлъ такого довѣрія въ обществѣ, какимъ я былъ осчастливленъ въ Астрахани! Всегда воспоминаю Астрахань съ неизъяснимымъ удовольствіемъ.

Съ почтеннѣйшимъ старцемъ Аврааміемъ (ему, сказалъ онъ мнѣ, 87-ой годъ или уже 87) видѣлся я сего 1837-го года въ іюлѣ мѣсяцѣ, ровно черезъ 15 лѣтъ послѣ послѣдняго моего

свиданія съ нимъ въ Астрахани. Разстались мы на берегу Волги и свидѣлись на берегу той-же рѣки. Велить-ли Богъ намъ, сказали мы другъ другу прощаясь, въ этомъ мірѣ еще увидѣться!

Подъ сводами храма, гдѣ покоится прахъ предковъ царскаго рода Романовыхъ, монахи, вѣроятно по приказанію мудраго, тонкаго и знающаго дворъ и свѣтъ митрополита Филарета, повѣсили лампы и засвѣтили ихъ елеемъ. Безъ приказанія архипастыря, святіи отцы не догадались бы это сдѣлать. Прости Господь мнѣ согрѣшеніе, но отцы наши черноризцы большей частью бываютъ весьма свиноваты, грубы и наглы.

Когда мы были въ Новоспасскомъ монастырѣ,—это было послѣбѣденное время, половина 4-го часа пополудни. Но при насъ привезли погребать тѣло г-жи Глѣбовой, урожденной Новосильцовой.

Она была дочь Петра Александр. Новосильцова, извѣстнаго въ свое время чудака въ Москвѣ. Онъ былъ великій искусникъ верховой ѣзды, страстный лошадиный охотникъ: каждый день утромъ ѣздилъ на конѣ съ трубкой въ зубахъ; табакъ курилъ, можно сказать, безпрестанно. За нимъ и передъ нимъ всегда ѣзжало по нѣскольку слугъ, предѣхавшимъ ему дѣлалъ онъ наставленіе въ верховой ѣздѣ и объѣздкѣ лошадей; слѣдовавшіе за нимъ имѣли каждый свое назначеніе. Одинъ везъ боярину питье, другой курительный табакъ, чубуки и трубки, зрительную трубку, съ шинелью или плащемъ, одинъ вель лошадей заводныхъ боярскаго сѣдла, и наконецъ ѣздовой вель выючнаго коня, покрытаго красивою попоною, которая скрывала отъ зрителей судно боярина. Въ Вѣнѣ видѣлъ я герцога Альберта, прогуливающагося на конѣ съ такимъ же кортежемъ.

Я былъ знакомъ съ покойнымъ Новосильцовымъ. Знакомство завязалось у насъ въ манежѣ фельдмаршала Салтыкова. Я умѣлъ тогда хорошо управлять конемъ. Петръ Александровичъ любилъ меня. Я довольно часто ѣзжалъ къ нему обѣдать. Новосильцовъ ѣлъ и пилъ славно. Опрятность служителей, чистота комнатъ, придуманныя симетрія и украшенія въ домѣ заста

вляли восхищаться; но супруга его, дѣти, даже гости, не упоминающая уже о служителяхъ, что называется — ходи по стрункѣ! Покойный обыкновенно садился за обѣдъ въ 2 часа по полудни. Сѣвши на кресла, онъ начиналъ съ хоромъ пѣвчихъ, который составляли служители, молиться Отче нашъ, потомъ по данному отъ хозяина знаку, всѣ за столомъ сидѣвшіе снимали съ тарелокъ салфетки и развертывали ихъ. Въ углу залы сидѣли музыканты, которые всѣ были уроды или увѣчные, какъ-то: хромые, горбатые, кривые, криворотые, косоглазые и т. п. Послѣ горячаго, по произволу и сигналу хозяина, начинали чающіе движенія воды симфонию въ своемъ углу, или стоявшіе за стульями слуги начинали пѣсню и хозяинъ съ ними вмѣстѣ. Новосильцовъ пѣлъ 2-ой басъ и умѣлъ прекрасно пѣть. По окончаніи стола, не вставая со стула, отправлялъ съ хоромъ пѣвчихъ благодарственную молитву. Говорили про него, что онъ былъ тиранъ съ подданными своими.

Слѣдующее событіе заставило меня отстать отъ Петра Александровича. Обѣдая у него видѣлъ я какого-то среднихъ лѣтъ господина, котораго онъ называлъ сосѣдомъ, и дѣйствительно гость былъ по деревнямъ ему сосѣдъ, большой пріятель. Новосильцовъ обращался съ гостемъ искренно, дружески. Послѣ стола, послѣ кофе предложилъ хозяинъ гостю не помню что-то пропѣть вмѣстѣ. Вѣроятно гость также былъ любитель музыки. Началось пѣніе, все шло хорошо, да гость не въ тонъ взялъ ниже, — какъ нашъ хозяинъ могучимъ кулакомъ хлопъ гостя по виску! Какъ снопъ другъ съ ногъ долой: лежитъ безъ чувствъ вдоль протянувшись. Вотъ гостю прыскаютъ водой въ лицо и спиртомъ оттираютъ, за лѣкаремъ шлютъ, за попомъ! Насилу черезъ часъ сосѣдушка очнулся. Признаюсь, я какъ только могъ скорѣе отъ Новосильцова убрался.

Какую отвратительную, гадкую сцену видѣли мы въ святыхъ вратахъ Новоспасскаго монастыря! Когда принесенное тѣло Глѣбовой, по прочтеніи послѣдней литіи, опустили въ могилу и весь обрядъ погребенія былъ оконченъ, толпа нищихъ мужинъ

и женщинъ, покрытые лохмотьями, съ разбитыми лицами, пьяные, въ развращеннѣйшемъ видѣ, кинулась къ Святымъ вратамъ, гдѣ имъ подавали денежную милостыню. Шумъ, гамъ, ругательства, драка этихъ развращенныхъ до того омерзительны и несносны, что я впалъ въ большое прегрѣшеніе, подумавъ: неужели эти мерзавцы достойны называться человѣками! Проѣзжая отъ Симонова въ Новоспасскій монастырь, дорога ведетъ мимо бывшаго Крутицкаго монастыря, который въ царствованіе Екатерины II-ой упраздненъ, и бывшій главнокомандующимъ въ Москвѣ ген.-анш. князь Александръ Александровичъ Прозоровскій испросилъ дозволеніе обратить зданія монастырскія въ казармы и конюшни для сформированныхъ Городскихъ гусаръ, начальникомъ которыхъ былъ любимецъ князя Прозоровскаго, полковникъ, грузинскій князь Филиппъ Семеновичъ Жеваховъ. Князь Прозоровскій и князь Жеваховъ были плохіе археологи, не любили древностей и все что только было въ монастырѣ древняго зодчества, все разрушили! Остались однѣ ворота или галерея надъ воротами, складенная изъ изразцовъ. Храмъ обращенъ въ амуничники, въ амбары для овса! *Ce n'est pas mieux ce que faisaient les français pendant leur séjour à Moscou!*

Чтобы вамъ дать ясное понятіе о князьяхъ Прозоровскомъ и Жеваховѣ, читайте со вниманіемъ: кому не извѣстны гоненія на Н. И. Новикова. Князь Прозоровскій угождалъ Катеринѣ Романовнѣ Дашковой, злобствовавшей на Новикова за то, что онъ въ типографіи своей напечаталъ въ 6 недѣль словарь Чулкова о внутренней въ Россіи торговлѣ, гдѣ, чѣмъ и въ которое время существуютъ ярмарки, бываютъ съѣзжіе торги, дневные, недѣльные и т. д. (книга и нынѣ еще преполезная, а тогда единственная), которую Чулковъ поднесъ Императрицѣ. Государыня милостивѣйше удостоила принять посвященіе Ей книги, тотчасъ наградила трудъ сочинителя собственно изъ своихъ рукъ золотою большою табакеркою, наполненною червонцами и повелѣла Президенту Россійской Академіи Наукъ немедленно напечатать книгу на счетъ казны въ пользу сочинителя. Чулковъ былъ въ это

время придворнымъ актеромъ. За что княгиня К. Р. Дашкова не благоволила къ Чулкову, мнѣ неизвѣстно, но три года книга его валялась въ Академіи и напечатать ее не было соизволенія Романовны. Одни говорили: она злобствовала за то, что Чулковъ сочиненіе свое осмѣлился помимо ея представить Государынѣ. La sottise scandaleuse en parle autrement, что Чулковъ не пошелъ къ Романовѣе ея утѣшить. Я зналъ Чулкова, когда онъ уже былъ оберъ-секретаремъ сената въ московскихъ департаментахъ.... Вы спросите — да Новиковъ какъ замѣшался? Чулковъ, видѣвъ сочиненіе свое обреченное Романовною валяться въ прахъ на полу, быть съѣденнымъ крысами, взялъ отъ театра отпускъ, пріѣхалъ въ Москву: Новиковъ напечаталъ ему сочиненіе его; Чулковъ схватилъ 5-6 экземпляровъ, поскакалъ въ Петербургъ и поднесъ напечатанное сочиненіе Императрицѣ. Государыня, принявъ книгу, изволила сказать: «ну насилу-то Катерина Романовна поворотилась, — я три года ждала твоего сочиненія». Чулковъ упалъ на колѣни: Виновать, всемилостивѣйшая Государыня, я напечаталъ книгу на свой счетъ въ вольной типографіи. — Гдѣ? спросила Екатерина. — Въ Москвѣ, въ типографіи Новикова. — Въ какое время? — Въ 6 недѣль, Ваше Величество, я для этого отпускъ испросилъ. — Спасибо тебѣ, Чулковъ, — ты меня утѣшилъ, изволила сказать Государыня. Еще пожаловала ему награжденіе и, отпуская Чулкова, милостиво сказала ему: «Чулковъ, ты годишься и на лучшее дѣло, нежели быть скоморохомъ. Ты бы вступилъ въ службу гражданскую. Чулковъ, ободренный милостивымъ ласковымъ словомъ Государыни, не замедлилъ разстаться съ театромъ и изъ гистріона превратился въ преподлезнаго и почтеннаго оберъ-секретаря сената.

Когда Шишковскій, Степанъ Ивановичъ, главный начальникъ тайной канцеляріи, прибылъ въ Москву произвести слѣдствіе въ ложѣ масонской и разыскать мартинистовъ, — это было, если не ошибаюсь, въ 1790—1791 или 1792 году, не помню твердо года, — онъ пересѣкъ многихъ, какъ-то дураковъ князей Никитичей Трубецкихъ, Татищева Петра Алексѣевича, Ив. Влади-

мировича Лопухина, кажется и Ив. Петровичу Тургеневу досталось, и многих еще, всѣхъ не припомнишь. Шишковскій этою продѣлкою, т. е. сѣченіемъ недѣль шесть занимался. Всѣ книги напечатанныя, всѣ манускрипты, подготовленные къ печати въ типографіи Новикова, и всѣ найденныя у него бумаги были секвестрованы. Было велѣно ихъ разобрать. Шишковскій, окончивъ всѣ сѣченія обряды, отправился въ С. Петербургъ, а князь Прозоровскій поручилъ разборъ книгъ и манускриптовъ любимцу своему, князю Филиппу Жевахову. Жеваховъ во всю жизнь свою ничего не читалъ и ничего другого не могъ разобрать, кромѣ утренней рапортгички вахмистра о состояніи эскадрона!

Прошелъ мѣсяць, прошло можетъ быть и два послѣ порученія, сдѣланнаго Жевахову. Князь Прозоровскій, увидѣвъ Жевахова, спросилъ: «А сиречь (любимая рѣчь князя Прозоровскаго, которую онъ въ разговорѣ приставлялъ къ каждому слову) сиречь князь Филиппъ, чтожъ сиречь ты не рапортовалъ мнѣ сиречь долго времени, сиречь отобралъ-ли ты сиречь годныя отъ негодныхъ книги? А сиречь чтожъ ты сиречь не шьешь, не порешь». «Да, кажу ваше сіятельство, я исполнилъ въ точности, кажу, повелѣніе вашего сіятельства». «А какъ это сиречь?» «Да кажу, ваше сіятельство, мы въ троемъ съ капитаномъ да съ вахмистромъ поворочали, поворочали стоны то и печатныхъ и не печатныхъ, кажу, вахмистръ пыталъ и читать—онъ письменный; да кажу, говоритъ, такая де гиль напорота, что и не поймешь. Я кажу, ваше сіятельство, вывезъ все на Воробьевы горы, кажу сгрудилъ все въ кучи да и зажегъ. Кажу, часа полтора горѣли, ваше сіятельство, да уже, смѣю доложить Вашему сіятельству, кажу всѣ до словичка сгорѣли». — «А, сиречь, князь Филиппъ, ты умно и поступилъ!»

Новиковъ былъ посланъ въ заточеніе, гдѣ и дождался воцаренія Императора Павла. Иванъ Петровичъ Тургеневъ былъ сосланъ въ свои деревни; дураковъ князей Никитичей Трубецкихъ, помнится, послали въ Кострому; Лопухинъ и Татищевъ отдѣлались спинами и были оставлены въ Москвѣ.

Изъ Новоспасскаго поѣхали мы обѣдать, — намъ ѣсть захотѣлось, и я, не зная въ Москвѣ гастрономическихъ заведеній, завезъ чистую душу Андреевича въ ресторацію Печкина противу Александровскаго саду. Андреевичъ обѣдомъ былъ недоволенъ, да и я бы не поблагодарилъ г. Печкина, еслибы свѣжепросольная съ ботвиньей осетрина не заставила молчать въ моей утробѣ ворковавшаго желудка.

Послѣ обѣда Андреевичъ поѣхалъ къ себѣ отдохнуть, а я по образу пѣшаго хожденія стопы мои направилъ на Тверскую.

29-го іюля.

Встрѣтилъ Андреевича, шедшаго съ крыльца. «Мы ѣдемъ завтра въ Воскресенскъ, — тебѣ со мной нельзя, мнѣ навязали Муравьева¹⁾ со мной ѣхать». «Въ добрый часъ тебѣ — ступай благополучно, сказалъ я другу и пошелъ къ себѣ писать Ермолафію.

Муравьевъ, высокій ростомъ, статный мужчина, съ пригожимъ лицомъ насильно лѣзетъ въ рай! Грѣшу и можетъ быть много грѣшу, но святости его я худо вѣрю. Двѣ пуговицы онъ носить на кафтанѣ сзади и ключъ есть у него, да этимъ онъ ключемъ въ рай дверь не отомкнетъ. Къ нему, какъ говорятъ, молиться ѣздить въ будуаръ. Всѣ бабы вѣры той, что онъ алтарь привезъ къ намъ на святую Русь изъ Іерусалима! Не знаю, какъ могло это случиться! Навѣрное, что бабы врутъ.

30-ое іюля.

Праздникъ, балъ, иллюминація и фейерверкъ у князя богача, князя Сергія Голицына въ деревнѣ, отъ города Кремля въ тринадцати верстахъ. Мнѣ сказывали людей тамъ семь десятковъ тысячъ было! Не знаю, кто и какъ могъ сосчитать. Не знаю,

1) Андрей Николаевичъ, извѣстный писатель, авторъ «Путешествія ко Святымъ мѣстамъ». К. Г.

правдаль-то, каретъ и дрожекъ много переломили, ушибленныхъ было много людей, но это знаю вѣрно: на барышнѣ породы знатной все платье изорвали, а она сидѣла въ ужинѣ за тѣмъ столомъ, гдѣ Цесаревичъ былъ!

31-го июля.

Отправился въ 9-мъ часу утра къ Андреевичу и встрѣтилъ въ каретѣ на Тверской его вслѣдъ за великимъ княземъ во всю рысь ѣхавшаго — куда не знаю.

1-е августа 1837 г. Москва.

Въ 8 часовъ по полуночи сегодня, 1-го августа, былъ я у друга Андреевича въ Кремлѣ. Высоко живетъ — двѣ большія лѣстницы прежде должно влѣзть, чтобы до него добраться. Видно 60 мои годовъ начинаютъ требовать къ себѣ уваженія; войдя къ другу, я почувствовалъ въ 1-й разъ, что вѣрноподданные крѣпостные мои ноги очень хотѣли, чтобы я сѣлъ и тѣмъ освободилъ отъ ноши.

Великій князь завтра изволить ѣхать въ Троицкую Лавру: «Если что не помѣшаетъ, Михалычъ, мы ѣдемъ вмѣстѣ». «Хорошо, ѣду», сказалъ я. Андреевичъ облекся во вся тяжкая, то есть мундиръ и всѣ ордена, отправился въ Николаевскій дворецъ къ Цесаревичу, и я спустился на площадь предъ Грановитую Палатою, хотѣлъ итти въ Успенскій соборъ, да не пустили: насъ отставныхъ on traite en saпaille. — Что дѣлать? Толпа народа занимала все пространство площади и ежеминутно умножалась; народъ все подходилъ. Я пріютился на лѣстницѣ церкви, которая у западнаго входа въ соборъ, гдѣ образъ явленный Печерской Богоматери; мнѣ было очень покойно, меня не толкали, не тѣснили, не жали, не давили, и я сидѣлъ на ступенькахъ лѣстницы препокійно. Народъ на площади походилъ на волнующееся море, толпа была въ безпрестанномъ движеніи—и у каждаго выражалось желаніе протѣсниться, стать поближе, стать у самаго ка-

ната, которымъ означено свободное мѣсто для хода духовенства съ крестомъ и шествія Его Высочества.

Смотря на это движеніе, думалъ я, какое перо, какое краснорѣчіе можетъ описать живо любовь и преданность народа русскаго къ его Государямъ! Нѣтъ, это невозможно, — какъ объяснить это русское радованіе, нетерпѣніе увидѣть царя, счастье поклониться ему и отъ всей души прокричать ура! Какой иностранный вивать поравняется съ русскимъ ура! — слышалъ я и нѣмецкій и французскій вивать, — наше русское ура выше всего.

Всемиловѣйшій указъ Государя Императора о дарованіи преступникамъ помилованія, уменьшенія ихъ наказанія, дарованія нѣкоторымъ права загладить преступленія содѣянные усерднымъ снова служеніемъ и честнымъ поведеніемъ, данный по ходатайству Его Императорскаго Высочества изъ Тобольска, произвелъ въ народѣ великую радость; всѣ и вездѣ толкуютъ, говорятъ о добродушіи Наслѣдника, о милосердіи Государя.

Но вѣроятно написать указъ было поручено строкулисту! Указъ читаютъ и перечитываютъ, — и надо сказать правду — не ясно понимаютъ.

Если бы въ указѣ были помѣщены слова *«я всегда буду милловать во имя твое!»*—это обрадовало бы несказанно сердце русское! Это выраженіе родителя, показывающее нѣжную любовь къ сыну, радованіе о его человѣколюбіи и милосердіи напомнило бы старину нашу, нашъ бытъ русскій! — Какъ говорили цари русскіе? Что спасло Россію въ 1812 году? Слова Александра I-го: *не положу меча моего доколь будетъ хотя одинъ солдатъ неприятельскій на землѣ русской!* Это было сказано по-царски! Изъ лагеря на Двинѣ Александръ прибылъ въ Москву объявить народу своему о предстоявшей опасности государству. Что сказалъ Александръ въ собраніи дворянства и купечества, въ залѣ благороднаго собранія? «Отечество въ опасности, мы должны спасти его». Эти слова въ одно мгновеніе, какъ электрическая сила, проникли въ душу cadaго и воспламенили сердце. Мы

русскіе любимъ краснорѣчіе сильное! Фразы — для насъ не годятся и фраза есть пататри - пататри, — словъ много, а силы никакой!

Какимъ молодцомъ шелъ за митрополитомъ въ крестномъ ходу Наслѣдникъ! Всѣ пришли въ восхищеніе! Въ народѣ слышенъ былъ говоръ: вотъ надежда наша; герой, кавалеръ, красавецъ, молодецъ. Дай Богъ ему многія лѣта здравствовать! Нѣтъ сомнѣнія, что молитва къ Богу о долгоденствіи Государю Цесаревичу у всѣхъ и каждого восходила отъ чистаго сердца! Я видѣлъ, могу сказать, тысячи людей, у которыхъ катились изъ глазъ слезы, и самъ плакалъ съ неизъяснимымъ радованіемъ сердечнымъ. Не умѣю дать отчета, что происходило во мнѣ въ это время.

Какой случай: жена московскаго купца Соколова, пришедшая, какъ и всѣ прочія, увидѣть Государя Цесаревича, вдругъ занемогла. Ее провели за церковь, на крыльцѣ которой я стоялъ. Пособіе сдѣлать ей было, отъ большого стеченія народа, невозможно, — нельзя было достать стакана воды. Когда прошелъ крестный ходъ на виду, видѣлъ я, что священникъ уже исповѣдовалъ ее. Не знаю, осталась ли въ живыхъ, но тогда казалась при послѣдней минутѣ жизни своей.

2-ое августа 1837 г. Москва.

Понедѣльникъ, 2-го августа, по полуночи въ 3 часа и три четверти взобрался я къ другу Андреевичу въ кремлевскомъ дворцѣ: карета дорожная, шестью конями запряженная, стояла у крыльца; у ямщиковъ нашиты номера на шляпахъ и смотритель почталіонъ при нихъ сказалъ мнѣ: все готово. Комватный слуга и постельникъ (камердинеръ) еще спали; взбудивъ народъ, велѣлъ подать себѣ огня и расположился на креслахъ съ сигарою въ зубахъ. Андреевичъ легъ спать въ 2 часа, кряхтѣлъ, когда его будили, однако скоро всталъ, скоро сварядился. Ему подали кофе, а мнѣ чай; въ половинѣ шестого часа, благословясь, мы покатали въ Лавру Троицкую къ Святому Сергію чудотворцу.

Видѣсто трехъ перемѣнъ было три прибавлено и мы въ три часа двадцать минутъ приѣхали въ Сергіевскій Посадъ — отъ Москвы 61 да отъ Кремля до заставы вѣрно 7 верстѣ, итого 68 въ три часа двадцать минутъ: семнадцать верстѣ въ часъ — быстро ѣхали; двадцать минутъ времени прошло при перемѣнахъ лошадей. На козлахъ съ кучеромъ торчалъ лакей придворный и поэтому во всѣхъ селахъ по дорогѣ священники въ облаченіи, съ животворящимъ крестомъ, со хоругви намъ выходили, осѣняли насъ святымъ крестомъ, а еклезіархи звонили во всѣ колокола безъ пощады! Въ селѣ Рахмановѣ стоялъ на конѣ служка монастырскій и едва завидѣлъ нашу карету, во всю прыть пустился скакать въ монастырь подать вѣсть о прибытіи Цесаревича въ село Рахманово.

Высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ спѣшилъ возложить одежды, облаченіе и съ архимандриты, и іереи и всѣмъ соборомъ пошелъ къ святымъ вратамъ ожидать прибытія Его Высочества. Мы догадались, что скакунъ-служба надѣлаетъ въ лаврѣ кутерьму, думали — придумывали, какъ бы это упредить; да какъ? косматый послушникъ летѣлъ предъ нами вихремъ! Скоро вскакали мы въ посадъ и не безъ затрудненія могли заставить ямщиковъ остановиться потому, что во всѣхъ церквахъ звонили во всѣ колокола и изъ всей силы. — Мы вышли изъ кареты и поспѣшили къ стоящему предъ церковью священнику съ святымъ крестомъ — діаконъ съ кадиломъ, усердствующіе православные держали хоругви — сказать, что великій князь едва-ли еще черезъ часъ изволитъ прибыть. Не тутъ-то было. Священникъ осѣнялъ крестомъ, діаконъ кадилъ, дьячокъ и пономарь пѣли. Что было дѣлать? Дождаться пока окончатъ всю продѣлку? Наконецъ умолкло пѣніе, но колокола звонили. Андреевичъ толковалъ священнику, что мы — не великій князь, что Его Высочество не прежде изволитъ прибыть, какъ черезъ часъ. Уймись звонить, отцы святыя. На это со всею простотою чши сказалъ діаконъ: «да уймись звонить, слышишь въ лаврѣ царь звонять».

Каретѣ велики тихо спускаться съ горы, сами пошли пѣшкомъ, стараясь увѣрить, что Его Высочество еще не прибылъ. Но смотримъ: чины всей ратуши въ мундирахъ насъ встрѣчаютъ! Съ этими господами было не трудно изъясниться: у нихъ не было колоколовъ. Пошли мы далѣе. Сойдя съ горы, другъ чистая душа увидѣлъ уголокъ, сказалъ мнѣ: «Михалычъ, вотъ здѣсь бы порисовать—прекрасный видъ, да гдѣ бы приютиться?» Я указалъ ему лавку подлѣ будки: «садись здѣсь, сказалъ ему, тебя и солнце печь не будетъ». Онъ приютился, а я пошелъ въ лавру увѣдомить митрополита, что прибылъ г. Жуковский, а его Высочество Государь Наслѣдникъ изволить прибыть не прежде, какъ черезъ часъ.

Въ святыхъ вратахъ нашелъ я высокопреосвященнаго митрополита во всемъ архипастырскомъ облаченіи, сидящимъ на своемъ стулѣ: вокругъ его стояли архимандриты, іеромонахи также во всемъ облаченіи, протодіаконъ, діаконы съ кадцями, діаконы съ рипиды, и иподіаконы съ трекили,—вся братія въ мантияхъ. Испросивъ у архипастыря благословенія, я доложилъ его высокопреосвященству, что Государь Наслѣдникъ изволить прибыть не прежде какъ чрезъ часъ. «Да какъ же намъ дали вѣсть, что Его Высочество изволилъ уже пріѣхать въ Рахманово и тамъ его Его Высочество встрѣчали со кресты». — «Ваше Высокопреосвященство, звонили по ошибкѣ, — увидѣвъ придворный экипажъ, въ которомъ ѣхалъ В. А. Жуковский». — «А вы какъ это знаете?» спросилъ митрополитъ меня. — «Я съ нимъ сюда пріѣхалъ». — «Гдѣ же В. А.?» Расположился внизу горы снимать видъ Лавры. Съ лѣвой стороны архипастыря стоялъ московскій гражданинъ губернаторъ Никол. Авдот. Небол., усталый отъ трудовъ: потъ градомъ съ него лилъ. Намѣстникъ священно-архимандрита-митрополита въ Лаврѣ Троицкой, архимандритъ Антоній, державшій крестъ святой на блюдѣ, началъ со мною разговоръ. — Благородный видъ инока, прекрасныя черты лица, выражающія чувства души нѣжной, умѣющей любить, способной и чувствовать и мыслить благородно, — всѣ формы его обращенія, самый голосъ

заставили меня Антонія любить! Халтурою Антоній не вонялъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ—сердечною тоскою изнуренный, искалъ убѣжище въ стѣнахъ монастыря! Смотрѣвъ на Антонія, мысль о тщеславіи, что оно нарядило его въ черную рясу, гонишь прочь.

Черезъ часъ и 15 минутъ послѣ звонкаго нашего приѣзда изволилъ прибыть въ Лавру Высокій Путешественникъ, Государь Цесаревичъ. На площади не умолкало радостное народа русскаго ура! Колокола звонили, всѣ и вся были въ движеніи. Митрополитъ съ крестомъ въ рукѣ привѣтствовалъ Наслѣдника престола рѣчью; но шумъ народа, звонъ колоколовъ не позволили ничего разслушать. А какой-то изступленный послушникъ съ косматыми волосами, протягивавшій долгую свою шею у меня изъ-за плеча съ одной стороны, а съ другой—длинный, святой уже до половины, съ ключемъ златымъ къ низу спины, бояринъ комнатный Андрей—миѣ надоѣли до крайности: первый космами своими царапалъ по лицу, а другой, перегнувшись, шепталъ Антонію, что ему въ проѣздъ его вездѣ звонили; вѣрно онъ скоро будетъ самъ архіереемъ, и просилъ архимандрита приказать отвезти ему комнату, гдѣ бы ему сдѣлать туалетъ свой!—Подумалъ я—онъ мѣтитъ въ архіерея, а первая забота—туалетъ! Антоній дернулъ надоѣдавшаго миѣ космача и вдругъ оба исчезли. Я былъ доволенъ несказанно и тогда только разслушалъ слова митрополита къ Наслѣднику: «и мы нынѣ съ тобой пойдемъ во храмъ молиться!»

Наслѣдникъ, приложась къ животворящему кресту Христа Спасителя, съ смиреніемъ христіанина шествовалъ за митрополитомъ. Толпа двинулась, и я въ минуту былъ въ 50 шагахъ сзади,—отъ давленія кости у меня хрустѣли! По счастью моему какой-то строкулистъ въ мундирѣ съ бѣлыми пуговицами, слышавшій, что я приѣхалъ съ Жуковскимъ въ придворной каретѣ, и быть можетъ прочитавшій на козлахъ у кареты надпись: *Его Императорскаго Высочества*, принялъ меня за преважное, презначущее лицо; послѣдняя догадка строкулиста и не совѣмъ была

ошибочна,—во всей толпѣ круглѣе и шире моего не было ни одного лица! Но что бы то ни было почтенный строкулисть, схвативъ меня за руку, началъ въ толпѣ тузить кого какъ попало: прочь невѣжды, дай дорогу, кого вы оттерли! раздвинулись и я пошелъ, поднявши морду величаво. Другая остановка: дверь въ храмъ была заложена запоромъ. Мой благодѣтель строкулисть шепнулъ что-то сквозь щель дверей—что я не разслышалъ. Мгновенно отняли запоръ и въ храмъ меня впустили. — Ужъ пѣли запричастный стихъ,—услышали гвалтъ мы у дверей — и голосъ громкій прокричалъ: пусти, я камергеръ Андрей Муравьевъ—свиты Его Императорскаго Высочества:—отверзлася церковна дверь и молодецъ франтомъ явился.

По совершеніи литургіи Его Высочество, сопровождаемый митрополитомъ, изволилъ шествовать во всѣ храмы обители, гдѣ почиваютъ святыя мощи угодниковъ, — для поклоненія, потомъ отправился въ Виѳанію.

Митрополитъ поѣхалъ въ каретѣ намѣстника Антонія въ Виѳанію. Лошади были запряжены—четыре въ рядъ. Неискуство-ли кучера управлять, или долго кони не были ѣзжены,—начали бить и понесли. Рѣшительная, но дерзкая отважность слуги Надежды Алексѣевны Шереметевой спасла митрополита. Увидѣвъ, что лошади несутъ и кучеръ не въ силахъ удержать ихъ, слуга бросился предъ лошадей и повисъ на дышлѣ и тѣмъ спасъ жизнь митрополиту.

Въ Виѳаніи митрополитъ затомилъ Наслѣдника, показывая Его Высочеству всѣ углы новопостроенной имъ семинаріи, въ которой, сказать правду, глядѣтъ нечего и неначто! По моему лучшаго митрополитъ не показалъ Наслѣднику, онъ не повелъ Его Высочество на балконъ, съ котораго виды прелестныя!

Что это значить? — Не мною былъ балконъ построенъ!

По возвращеніи изъ Виѳаніи въ Лавру, Андреевичъ передалъ меня архимандриту Антонію, чтобы меня накормили. Почтенный архимандритъ ввѣрилъ меня отцу Саватію, который отвелъ меня въ кельи намѣстника. Едва успѣли мы войти, какъ при-

бѣжалъ святой до половины камергеръ—причесывать, крутить хохоль по модѣ, лицо и руки умывать, жабо вновь завязывать и пр. и пр.

Мнѣ принесли стерляжью уху — хоть бы и въ Астрахани! Потомъ ботвинью съ осетриной виноградной—чудо-рыба! какъ янтаремъ подернута.

Отблагодаривъ отца Саватія, пошелъ я на монастырь, гдѣ множество было народа, гдѣ много видѣлъ я прекрасныхъ дамъ, которыхъ святіи отцы всѣхъ знаютъ. Между ними увидѣлъ я одну чудесной, разительной красоты. Въ ней все: осанка, взглядъ, глазъ въ маслѣ голубой, бровь черная дугой и бѣлоснѣжная грудь, и ножки стройныя съ крутымъ подъемомъ, какъ персикъ мягкая рука, — въ ней все обворажало! спросилъ отца святого — кто она? новорожденница — 18 минуло ей лѣтъ, живетъ съ родителями здѣсь лѣтомъ. Другую увидалъ: была одѣта въ платьѣ черномъ, какъ ангелъ хороша, — сказали, что она недавно овдовѣла. Подумалъ я — конечно, неутѣшная вдова утѣшится здѣсь скоро! и подлинно, съ отцомъ лѣтъ подъ тридцать вдова, какъ мнѣ казалось, условіе заключала! — Какъ вдругъ монахъ въ заношенномъ подрясникѣ мнѣ по-нѣмецки говорить. Ба! это что за чудо? — *Ich bin aus dem neuen Finland, bin Probstes Sohn, mir nicht hier wohl im Kloster; ich will nicht mehr hier bleiben, bin arm, hier liebt man nur die Reichen.* — Онъ принявъ вѣру греческаго исповѣданья, вступилъ сюда въ монахи и кажется во всемъ монастырѣ здѣсь только два монаха: если не ошибаюсь, намѣстникъ Антоній и монахъ-пасторскій сынъ изъ новой Финляндіи (онъ былъ теологъ въ Абовскомъ университетѣ); а прочихъ можно раздѣлить на два разряда. Ученые монахи академисты помышляютъ, какъ-бы поскорѣй пробиться въ архіереи; надѣтъ побольше орденовъ, да въ сытную епархію попасть владыкой, а тамъ живи и проклажайся. Неученые — чтобъ пить, ѣсть и — хорошо. . . .

4 августа 1837 г.

Вчера въ 6 часовъ пополудни изволила прибыть Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ великою княжною Ма-

ріею Николаевною. Государь Цесаревичъ ѣздилъ Ея Величество встрѣчать, далеко-ли не знаю. Хотя и живу на Тверской улицѣ, по которой Государыня изволила проѣзжать, но мнѣ не удалось видѣть. За четверть часа пришелъ ко мнѣ слуга тѣтки моей Воронцовой увѣдомить меня, что тѣтушка вдругъ сдѣлалась нездорова. Почтенной тѣтушкѣ безъ малаго 90 лѣтъ. Пошелъ старушку навѣстить. Разстроился у тѣтушки желудокъ: сырыхъ груздей покушала родная, огурчиковъ, да подали малины ей стоявшей въ погребѣ на льду. Вотъ и поднялась съ тѣтушкой потѣха!

Сегодня (4-ое число) въ 9-мъ часу пришелъ я къ чистой душѣ: онъ только что проснулся. Ему вчера московскіе писаки дали въ Сокольникахъ пирушку¹⁾. Все было прекрасно, хорошо, пристойно, благородно; но власть ихъ авторская — цыганское гузновертѣнье въ бесѣдѣ литераторовъ, хула изящнаго.

Чистая душа Андреевичъ одѣлся во всѣ орнаменты и отправился въ Николаевскій дворецъ къ Государынѣ, предлагалъ мнѣ доѣхать съ нимъ до крыльца и тамъ пріютить меня посмотрѣть шествіе Царицы. Убоявшись толпы, я сказалъ, что лучше стану на Красномъ крыльцѣ. Но меня туда не пропустили: строгое было дано повелѣніе, чтобы никого и ни подъ какимъ предлогомъ на Красное крыльцо не пропускать. Куда-жъ дѣваться, думалъ я. Пойду на площадь посмотрѣть на народъ. Иду мимо Архангельскаго собора съ Москворѣцкой стороны и слышу: псаломщикъ ведетъ торгъ съ купечкой бабой — пустить ее въ соборъ. Псаломщикъ требуетъ цѣлковый, а баба говорила: «Ахъ! батка мой, да за что? вѣдь намъ лишь поглядѣть — довольно четвертакъ». Я далъ чтецу псалмовъ рубль серебра и былъ очень доволенъ, надѣясь безъ толчковъ имѣть счастье увидѣть всемиловѣйшую Государыню! На Ивановской Колокольнѣ начали звонить во всѣ колокола, въ соборѣ у Архангела духовенство

1) Объ этомъ чествованіи поэта см. Н. Барсукова «Ж. и Тр. Погодина», кн. V, стр. 8—9.

начало пѣть молебень, который былъ скоро совершенъ, и ожидали Ея Величество. Увы! пропалъ мой рубль. Государыня Императрица не изволила въ соборъ къ Архангелу зайти; пошла изъ Успенскаго Собора по Красному крыльцу— въ Грановитую палату. Рубля псаломщикъ не отдаетъ. Я заставилъ его указать мнѣ, что есть въ Соборѣ древняго—достойнаго примѣчанія.— Извольте, покажу.— Онъ мнѣ показалъ портретъ Царя Алексѣя Михайловича, написанный на доскѣ въ видѣ образа: въ старину царей причисляли къ лику святыхъ и писали ихъ на образахъ: портретъ или образъ этотъ много отъ сырости повредился; однако же можно еще хорошо рассмотреть черты лица и вѣроятно портретъ большое имѣетъ сходство, судя по абрису и чертамъ лица. Другой портретъ указалъ мнѣ брата царя Ивана Васильевича Грознаго, который хорошо сохранился и не оставляетъ никакого сомнѣнiя въ сходствѣ оригинала. Римскихъ съ горбомъ носовъ и красивыхъ ястребиныхъ глазъ идеальнымъ ликамъ святыхъ на иконахъ не пишутъ. Я спросилъ псаломщика, нельзя ли списать копiи съ портретовъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ: не мало объ этомъ хлопоталъ Полевой, да не дозволили. Есть-ли псаломщикъ сказалъ мнѣ правду, то въ какомъ еще сильномъ невѣжествѣ глушится наше духовенство!»...

На этомъ, къ сожалѣнiю, прерывается дневникъ Тургенева. Жуковский оставался въ Москвѣ еще 4 дня (до 9 августа), но вслѣдствiе приѣзда Императрицы— загородныя экскурсиiи Наслѣдника вѣроятно прекратились, и Жуковский не могъ уже пользоваться прежней свободой: время его было болѣе занято прiемами у высочайшихъ особъ, тѣмъ болѣе, что повѣствованiя о путешествiи изъ его устъ должны были особенно интересовать Императрицу-мать. Кромѣ того, числа 5-го или 6-го вернулся изъ Петербурга И. И. Дмитрiевъ, котораго Жуковский ждалъ

съ нетерпѣніемъ, и оба поэта, учитель и ученикъ, ловили часы и минуты, чтобы быть вмѣстѣ... Они не подозрѣвали конечно, что это было ихъ послѣднее свиданіе¹⁾. При такихъ условіяхъ Жуковскій едва-ли могъ эти дни удѣлять сколько-нибудь времени своему другу А. М. Тургеневу. Быть можетъ потому прервался и дневникъ послѣдняго.

1) См. ниже, слѣдующую замѣтку. Также нашу ст. «Къ біографіи И. И. Дмитріева», Изв. Отд. Имп. Ак. Наукъ, 1901, т. VI, кн. 4.

II.

В. А. Жуковский объ Ив. Ив. Дмитриевѣ.

(Неизданное письмо Жуковского).

О самыхъ близкихъ, искренно дружескихъ и проникнутыхъ глубокимъ взаимнымъ уваженіемъ отношеніяхъ Жуковского и Дмитриева достаточно извѣстно, и распространяться здѣсь о томъ не представляется надобности.

Кто не знаетъ, что Дмитриевъ наставлялъ Жуковского съ первыхъ шаговъ его поэтическаго развитія и что послѣдній, послѣ Карамзина, считалъ себя ему всего болѣе обязаннымъ. Никогда ни малѣйшая тѣнь или недоразумѣніе не нарушало ихъ задушевной пріязни: Жуковский, поддерживая непрерывно то личныя, то письменныя сношенія съ И. И., любилъ дѣлиться съ нимъ своими самыми интимными мыслями и впечатлѣніями, отдавать ему на судъ свои работы и свои замыслы. Дмитриевъ ему платилъ тою же искренностью и не менѣе восторженнымъ сочувствіемъ: полученіе произведеній своего славнаго ученика было для него всегда праздникомъ. Вспомнимъ напр. ихъ обменъ поэтическими изліяніями въ концѣ 1831 года.

Осенью этого года Дмитриевъ получилъ отъ Василя Андреевича два его стихотворенія по случаю взятія Варшавы (именно «Старая пѣсня на новый ладъ» и «Русская Слава»). Это вдохновило И. И. къ слѣдующему извѣстному посланію:

В. А. Жуковскому¹⁾.

Была пора, питомецъ русской славы,
И я во слѣдъ Державину пѣвалъ
Фелицы мощь, погромъ и стонъ Варшавы,—
Рекла и бысть — и Польши тронъ упалъ.

Пришла пора... увянулъ, сталъ безгласенъ
И лиру прахъ въ углу моемъ покрылъ;
Но прочь свое! мой вечеръ тихъ и ясенъ:
Побѣды звукъ меня одушевилъ.

Взыграй же духъ! Жуковский, дай мнѣ руку!
Пушай съ пѣвцомъ воскликнетъ патриотъ:
Хвала и честь Екатерины внуку!
Съ нимъ русский лавръ цвѣсть будетъ въ родъ и родъ.

Отвѣтомъ на это посланіе были прекрасные стихи Жуковскаго «Къ Ив. Ив. Дмитріеву», начинающіеся такъ:

Не прошла, пѣвецъ нашъ вѣчноюный,
Твоя пора: твой геній бодръ и свѣжъ;
Ты пробудилъ давно молчавши струны,
И звуки насъ плѣнили тѣ жъ...²⁾

Въ тотъ же день, когда были написаны эти стихи, т. е. 16 окт., Жуковский писалъ Дмитріеву: «Ваши стихи расшевелили всю мою душу: примите мою искреннюю благодарность за то чувство, которое вы во мнѣ пробудили. *Жуковский, дай мнѣ руку*: въ этихъ словахъ, сказанныхъ мнѣ Дмитріевымъ, такъ много магическаго;

1) Стихотвореніе это вмѣстѣ съ отвѣтомъ Жуковскаго было напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1832 г. Мы печатаемъ его съ тѣми исправленіями автора (*Побѣды звукъ* вм. *Побѣды гласъ*, и *цѣсть будетъ* вм. *прозябнетъ*), которыя онъ просилъ сдѣлать въ письмѣ къ Ж. отъ 21 окт. 1831 г. и которыя почему-то до сихъ поръ не приняты въ изданіи сочиненій Дмитріева.

2) Недавно въ найденномъ мною автографѣ этого стихотворенія — оказались еще двѣ новыя строфы (т. е. варианты), заслуживающія вниманія. См. статью «Нѣсколько дополненій къ рукописямъ В. А. Жуковскаго» въ Извѣстіяхъ Отд. р. яз. и сл. И. А. Н. т. VI, кн. 2.

они мнѣ кажутся подписью всей прошедшей моей жизни, въ лучшихъ годахъ которой Дмитріевъ и Карамзинъ играютъ такую свѣтлую роль. Какъ весело подать Вамъ руку въ такую минуту, когда слава отечества опять вспыхнула яркимъ свѣтомъ». (Письмо изъ Петерб. 16 окт. 1831)¹⁾...

Въ послѣдній разъ Жуковский и Дмитріевъ обмѣнялись письмами въ мартѣ 1837 г., слѣдовательно за полгода до смерти послѣдняго, по поводу посылки Жуковскимъ своему учителю-другу — «Ундяны». Это было вскорѣ послѣ постигшей Россію великой литературной утраты, трагической смерти Пушкина, — и не удивительно, что скорбнымъ размышленіямъ о ней посвящены въ значительной части эти письма²⁾. Собираясь между тѣмъ въ путешествіе съ Наслѣдникомъ по Россіи и имѣя въ виду быть въ Москвѣ, В. А. прибавлялъ въ своемъ письмѣ (12 марта): «Надѣюсь нынѣшнимъ лѣтомъ имѣть счастье васъ увидѣть. Тогда поговоримъ подробно о Пушкинѣ»... Это свиданіе дѣйствительно состоялось въ первыхъ числахъ августа, но, къ сожалѣнію обоихъ друзей, было очень кратко. И. И. Дмитріевъ провелъ іюль мѣсяцъ въ поѣздкѣ въ остзейскій край и въ Петербургъ и вернулся въ Москву лишь за три дня до выѣзда оттуда Жуковского въ свитѣ Наслѣдника на югъ (9-го авг.). Онъ былъ все-же очень счастливъ, что засталъ его, какъ не менѣе былъ этимъ доволенъ и Василій Андреевичъ, и оба они старались насладиться обществомъ другъ друга. Это было послѣднее ихъ свиданіе, о которомъ такъ трогательно повѣствуетъ Жуковский въ ниже печатаемомъ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому. Друзья разстались въ надеждѣ вновь скоро увидѣться, но уже 3-го октября, послѣ краткой, но тяжелой болѣзни, И. И. Дмитріева не стало³⁾. В. А. Жуковский, пріѣхавъ затѣмъ въ

1) Сочиненія Жуковского, изд. 7-ое, т. 6, стр. 432.

2) Тамъ же, стр. 437—39 и Соч. И. И. Дмитріева (ред. Флоридова) Спб. 1895, т. II, стр. 329.

3) О послѣднихъ мѣсяцахъ жизни И. И., о его болѣзни и обстоятельствахъ кончины см. въ моей статьѣ въ Извѣстіяхъ отд. р. яз. и сл. И. А. Н. (1901, т. VI, кн. 4) «Къ біографіи И. И. Дмитріева».

Москву, въ свѣтѣ Государя, въ концѣ октября, могъ только навѣстить могилу и поклониться праху своего дорогого учителя въ Донскомъ монастырѣ. Подъ грустнымъ впечатлѣніемъ этой неожиданной утраты имъ и написано настоящее письмо.

Письмо къ кн. П. А. Вяземскому.

30 октября, Москва.

Вотъ мы и въ Москвѣ, проглотивъ около 20,000 верстъ. Скоро увижусь съ тобою, мой милый другъ, мнѣ къ вамъ — моимъ очень хочется; здѣсь въ Москвѣ безъ Ивана Ивановича пусто: онъ былъ для меня здѣсь представителемъ прошлой жизни. Проѣзжая черезъ Тулу, гдѣ я началъ жить, гдѣ были и первые мои уроки, и первая любовь, и первые стихи, гдѣ я въ первый разъ въ жизни услышалъ и полюбилъ имя Дмитріева вмѣстѣ съ именемъ Карамзина, я нашелъ въ трактирѣ на столѣ тотъ № газеты, гдѣ напечатана статья о немъ Шевырева¹⁾, — какой интервалъ между этими двумя эпохами! Вся жизнь быстро предо мною пробѣжала воспоминаніемъ; потомъ приближаясь къ Москвѣ черезъ Подольскъ, я проѣхалъ въ виду Астафьева, вспомнилъ немногіе, но прекрасные, свѣжіе, чистые дни астафьевскіе — въ нашемъ прошедшемъ два самыя яркія для насъ лица: Карамзинъ и Дмитріевъ. Около нихъ сосредоточиваются всѣ тѣ дни, въ которые и мы сами какъ-то были лучше и все около насъ было лучше. Пустоты, которая послѣ нихъ въ нашемъ быту осталась, ничѣмъ не наполнишь. Первый визитъ мой въ Москвѣ былъ на погребенье — ужъ не предсказанье ли это какое? Ужъ и меня не придется ли вамъ хоронить въ нынѣшнемъ году? Оно было бы и кстати: представитель лучшаго стараго времени въ литературѣ

1) Московскія Вѣдомости, 1837, 16 октября, № 83. Отзывъ о ней кн. П. А. Вяземскаго въ письмѣ его къ Шевыреву, Р. Архивъ, 1885, № 6, стр. 305; также въ письмѣ его къ А. А. Краевскому, см. Прилож. къ Отчету И. П. Библ. за 1895 г., стр. 67. См. «Ж. и Тр. Погодина» кн. V, стр. 124. К. Г.

и представитель лучшаго новаго времени сошли со сцены; я стою въ промежуткѣ, какъ-будто ни на что не опираясь — по неволѣ надобно повалиться. — Знаешь ли, на кого у меня главная надежда для будущей генераціи? Но надежда, еще ни на чемъ положительномъ не основанная? На Карамзина II, на Андрея (котораго поздравляю съ возвращеніемъ на родину¹⁾). Въ немъ

1) Андрей Николаевичъ Карамзинъ родился 24 окт. 1814 г., убитъ 16 мая 1854 года въ Каракальскомъ дѣлѣ, съ Турками. Это былъ человекъ выдававшійся умомъ, образованностью и благородствомъ; характеромъ прямымъ и симпатичнымъ (о смерти его см. ст. П. Вистенгофа «А. Н. Карамзинъ» въ Рус. Стар. 1878, т. 22, стр. 193 и д., и поправки къ ней кн. Васильчикова и Дика, тамъ же, т. 23, стр. 155 и 710, и А. Вязмитинова «Каракальское дѣло», тамъ же, 1879, т. 26, стр. 125). Съ 1846 г. онъ былъ женатъ на Аврорѣ Карл. Демидовой, рожд. Шериваль, извѣстной своимъ умомъ и красотой финляндкѣ. См. частыя упоминанія объ этой четѣ въ «Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», Спб. 1896. Плетневъ очень любилъ А. Карамзина и усердно рекомендовалъ его Я. К. Гроту. «Ты въ Андрей, пишеть онъ, найдешь что-то восхитительно-благородное и умное. (Переписка, II, стр. 810). «Если представится случай, не уклонись сблизиться съ нимъ, ты ему нужнѣе, нежели онъ тебѣ, — поэтому то и хорошо явиться готовымъ на душевную помощь. Онъ у васъ прямо въ пустыньѣ. (тамъ же, стр. 827). «Конечно, слишкомъ свѣтская его наружность не заманчива для нашего съ твоимъ вкуса; но у него въ душѣ много теплоты, а въ умѣ — идей» (тамъ же, III, 270). Однакожь эта внѣшняя свѣтскость и манера дѣйствительно не понравились Я. К. (тамъ же, III, стр. 549—50, 554). Какъ бы то ни было А. Н. при всѣхъ своихъ способностяхъ и литературныхъ склонностяхъ, не оправдалъ надеждъ Жуковскаго, хотя въ ту пору, въ 30-хъ годахъ видимо подавалъ ихъ. Отправляясь передъ тѣмъ по болѣзни за границу, онъ писалъ И. И. Дмитріеву: «... я уже подалъ просьбу объ увольненіи меня въ отпускъ за границу на полтора года. Если Богъ дастъ, я отправлюсь сперва по слѣдамъ Русскаго Путешественника въ Германію и Швейцарію, а потомъ на зиму въ Италію. Италія! какъ это имя звучитъ гармонически моему воображенію! Много есть привлекательнаго для меня въ этихъ планахъ, но горькая мысль о разлукѣ все покрываетъ черною тѣнью...». («Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву» Спб. 1866, стр. 440). Въ словахъ о немъ Жуковскаго слышится какъ-будто отголосокъ мнѣній и отзывовъ о немъ семьи Карамзиныхъ. 2 мая 1837 г. сестра его Екатерина Николаевна писала къ Дмитріеву же: «Братъ Андрей нѣсколько разъ просилъ въ письмахъ своихъ напомнить Вамъ о немъ, и нѣжно благодарить за ваше, нами ему переданное, воспоминаніе. Какъ живо наслаждается онъ своимъ путешествіемъ и какъ часто письма его поражаютъ насъ сладостомъ мыслей и чувствъ съ папечкиными. Онъ конечно вслѣдъ больше похожъ на него душой и умомъ, и къ тому же имѣеть очень счастливый, веселый характеръ» (курсивъ нашъ). Тамъ же, стр. 440. Желая ему бросить военную службу, Жуковскій какъ-будто предчувствовалъ, что эта карьера станетъ для него роковою.

К. Г.

таится высокость и чистота отца. Какъ отецъ началъ онъ письмами и такими же письмами. Желаю ему и дороги отца, съ его высокою, смиренною мудростию. Но чортъ поberi пушки. Сидя на лафетѣ, не приготовишься продолжать исторію государства російскаго; и не пушками застрѣлишь Булгариныхъ et comr., обратившихъ въ торжище храмъ словесности и п.... изъ своихъ н.... на свѣтъ большой и малый.

Мы проживемъ здѣсь съ мѣсяцъ и болѣе¹⁾. Я просилъ Солнцева²⁾ написать къ наслѣднику Дмитріева³⁾, чтобъ поспѣшилъ приѣхать: я бы желалъ разобрать оставшіяся бумаги. Надобно издать полное собраніе сочиненій его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ самъ ихъ въ послѣдній разъ издалъ. Но все выключенное можно приложить въ Аппендиксѣ. Я бы желалъ присоединить къ старому: Записки и переписку съ Карамзинымъ⁴⁾. Цѣлы ли письма И. И. у Екатерины Андреевны? Сбираюсь взглянуть на его свѣжую могилу. Проѣзжая черезъ Сызрань, я (съ в. к.⁵⁾ посѣтилъ его деревню⁶⁾, видѣлъ мѣсто, гдѣ онъ родился, и изъ оконъ построеннаго имъ самимъ дома срисовалъ это мѣсто. Какое счастье, что онъ приѣхалъ въ Москву дня за три до моего отъѣзда. Я былъ у него, потомъ мы обѣдали вмѣстѣ въ Англійскомъ клубѣ⁷⁾, потомъ были вмѣстѣ на вечерѣ у Императрицы, и на другой день онъ нарочно для меня приѣхалъ въ концертъ,

1) Это предположеніе не осуществилось, такъ какъ уже 17 дек. путешественники вернулись въ Петербургъ. К. Г.

2) Феодоръ Григорьевичъ, археологъ-живописецъ, † 1891 г. К. Г.

3) М. А. Дмитріевъ, бывший тогда въ Симбирскѣ. К. Г.

4) Мысль Жуковскаго, къ сожалѣнію, не была осуществлена. Новое изданіе сочиненій Дмитріева, первое по его смерти, вышло лишь въ наши дни (1893—5 г., подъ ред. А. А. Флоридова). Записки его («Взглядъ на мою жизнь») изданы М. А. Дмитріевымъ въ 1866 г. (М.). Изъ переписки съ Карамзинымъ сохранились лишь письма Карамзина къ нему, которыя и изданы И. Академіей Наукъ (Я. Гротомъ и П. Пекарскимъ) тоже въ 1866 г. К. Г.

5) Съ великимъ княземъ Наслѣдн. Александромъ Николаевичемъ. К. Г.

6) Село Богородское, Симбирск. губ., въ 25 верстахъ отъ Сызрани. К. Г.

7) «Погодинъ ужасно досадовалъ «изъ самолюбія», что ему не удалось вмѣстѣ съ И. И. Дмитріевымъ и Жуковскимъ побывать въ Англійскомъ Клубѣ». Н. П. Барсуковъ, «Ж. и Тр. Погодина»; кн. V, стр. 8. К. Г.

гдѣ мы и простились. Онъ былъ какъ-то особенно ко мнѣ во все это время нѣженъ.

Напиши ко мнѣ, прошу тебя, обо всѣхъ нашихъ, о своихъ, о Карамзиныхъ. Поблагодари мою милую Юсифовну¹⁾ за то, что пріѣхала здоровая, съ запасомъ новой для всѣхъ насъ жизни. Обними Вьельгорскаго²⁾, а его заставь обнять за меня графиню³⁾; да скажи Юсифу⁴⁾, чтобы ко мнѣ написалъ о себѣ подробный отчетъ. Ну Слава Богу! скоро буду опять со всѣми вами. Лишь бы только не здѣсь сбылось со мною предсказаніе. Живу такъ тѣсно, что и гроба негдѣ будетъ оставить, а отпѣвать не будетъ и мѣста. Правда и въ Петербургѣ трудно будетъ спустить вамъ меня съ моей лѣстницы, да все ужъ лучше, нежели здѣсь⁵⁾.

(Притиска:) «Навѣсти Козлова⁶⁾, онъ въ ужасномъ положеніи. Пальцы уже одеревенѣли; и языкъ начинаетъ нѣмѣть. Слухъ давно ослабѣлъ. А душа какъ будто живѣетъ».

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого письма Жуковскій уже покинулъ Москву, и 17 дек. уже подѣзжалъ къ Петербургу. Версть за 50 отъ столицы онъ увидѣлъ большое зарево, а не до-

1) Александра Осиповна Смирнова.

2) Гр. Михаилъ Юрьевичъ.

3) Гр. Луиза Карловна, жена предыдущаго.

4) Гр. Юсифъ Михайловичъ, ихъ сынъ, сотоварищъ Наслѣдника В. К. Александра Николаевича, начавшій путешествіе съ ними, но вернувшійся съ дороги, умеръ отъ чахотки въ 1839 г. К. Г.

5) Любопытно, что въ то самое время, какъ Жуковскому, подъ впечатлѣніемъ тяжелыхъ утратъ, приходили въ голову мысли о смерти, которая, по его словамъ, «была бы даже кстати»,—другъ его, Гоголь, въ тотъ же самый день, 30 окт. 1837 г. пишетъ ему изъ Рима письмо, въ которомъ читаемъ: «Я веселъ, душа моя свѣтла. Тружусь и спѣшу всѣми силами совершить трудъ мой. Жизни! Жизни! Еще бы жизни! Я ничего еще не сдѣлалъ, что было бы достойно Вашего трогательнаго расположенія... и заключаетъ письмо словами: «Храни Богъ долго, долго прекрасную жизнь вашу!» К. Г.

6) Ив. Ив. Козловъ, извѣстный нашъ поэтъ-слѣпецъ прожилъ еще два года слишкомъ и скончался 30 янв. 1840 года. Горячая дружба Жуковскаго была лучшимъ его утѣшеніемъ въ испытаніи. По смерти его В. А. посвятилъ ему прочувствованныя строки въ статьѣ «О стихотвореніяхъ И. И. Козлова» въ «Современникѣ» 1840 г. т. XVIII, стр. 83. К. Г.

ѣзжая до города узнать, что горитъ Зимній Дворецъ, гдѣ находилась и квартира Жуковскаго... Однакожь по приѣздѣ оказалось, что она не пострадала, что все осталось на своемъ мѣстѣ. По свидѣтельству П. А. Плетнева, Жуковскій «съ трогательнымъ простодушіемъ говорилъ по этому поводу: мнѣ было какъ-то стыдно...»¹⁾.

Е. Я. Гротъ.

1) П. А. Плетневъ. О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго, «Соч. и Переп. Плетнева», т. III, Спб. 1888, стр. 107.

Чешскіе переводы произведеній В. А. Жуковскаго и статьи о его жизни и литературной дѣятельности.

Вл. А. Францевъ.

Изъ русскихъ поэтовъ немного знакомъ чехамъ по переводамъ В. А. Жуковскій. Въ этомъ отношеніи ему посчастливилось значительно меньше другихъ русскихъ писателей, иногда даже второстепеннаго значенія. О Жуковскомъ вообще и въ чешскихъ литературныхъ журналахъ, и въ частныхъ письмахъ главнѣйшихъ представителей возрожденія находимъ весьма незначительныя упоминанія. Шафарикъ въ своей *Geschichte der slaw. Sprache und Lit.* (1826 г.) отводитъ Жуковскому всего лишь одиннадцать строчекъ; къ музѣ Жуковскаго и Батюшкова, съ которыми онъ знакомъ только по отзывамъ русской критики, онъ относится съ какимъ-то недоумѣемъ, когда пишетъ Коллару (21 янв. 1824 г. Cf. *Časop. Česk. Mus.*, 1873, str. 384): «*Žukovský a Baťuškov trůní teď na Ruském Parnasu; a jestli všickni ruští kritikové nelhou, mohou směle Sophoclesa, Pindara, Shakespeara a Schillera do kola svého zavolat, aby s nimi vodkovali a sklenicemi brnkali*». Въ 1827 году съ нашимъ поэтомъ встрѣтился въ Лейпцигѣ Фр. Палацкій, впоследствии знаменитый чешскій историкъ. О своемъ знакомствѣ съ Жуковскимъ онъ писалъ Коллару: «Въ маѣ я познакомился въ Лейпцигѣ и, такъ сказать, подружился съ нѣкоторыми знаменитыми русскими, между прочимъ съ Жуковскимъ. Оба наши журнала будутъ исправно ему по-

сылаться. Онъ мнѣ пришелся очень по сердцу и общалъ мнѣ давать журналы русскіе. Онъ состоитъ воспитателемъ цесаревича Александра, — человекъ остроумный, ученый, очень любезный, скромный и притомъ серьезный, любящій своихъ славянъ». (Č. Č. Mus., 1879, 392). Но съ музой Жуковского Палацкій едва ли былъ знакомъ, хотя самъ былъ въ юные годы поэтомъ. Для чешской литературы это личное знакомство его съ Жуковскимъ ничего не принесло. Заслуга перваго перевода принадлежитъ, если не ошибаемся, Фр. Л. Челаковскому, который напечаталъ въ журналѣ *Česká Včela* (1834, № 11 — 13) «Pohádka o králi Kojatovi, o synu jeho králeviči Milanovi, o čarodějníku Černuchovi a o dceři jeho Velence» (См. также Fr. L. Čelakovského *Sebrané spisy*, sv. III, 403. Praha, 1877). Поэтъ нашелъ большое сходство между сказкой, обработанной Жуковскимъ, и чешскими народными пѣснями. Съ произведеніемъ Жуковского Челаковскій познакомился въ альманахѣ «Новоселье».

Остальные извѣстные намъ переводы произведеній Жуковского относятся къ болѣе позднему времени. «Свѣтлану» перевелъ на чешскій языкъ Іосифъ Коларжъ въ журн. *Světozor*, II, 1868, 484; переводъ этотъ вошелъ впоследствии въ сборникъ «*Slovanská poesie*» (изд. Fr. Vymazal, v Brně, 1874, I, 78). Изъ мелкихъ стихотвореній Жуковского въ чешскомъ переводѣ намъ извѣстны слѣдующія: «*Pomsta*» (Мечь), — перевелъ I. B. Пихль (*Společenský krasořečník český. Díl III*, 11 — 12. Praha, 1853); «*Slavnost Borodinská*» — перевелъ M. Яндикъ (*Šumavan*, 1871); «*Noc*» («*Den znaven už se v lesku svém...*»), «*Listek*» («*Od větve družné odloučený...*») и «*Píseň*» («*Zaniklých dnů čarovná zdání...*») — перевелъ I. B. Сладекъ (*Lumír*, IX, 1881, 347, 364); «*Pěvec v táboře ruských vojáků*» (отрывокъ) — перевелъ I. Калашъ (*Zlíchán*, 1883, № 3); стихотворенія: «*Večer*» («*Stružko, vinoucí se žlutavou písčinou...*»), «*Noc*» («*Již nad plamenný vodu klín...*») и «*Píseň*» («*Kéž jsem ptáčkem, který libě zpívá*») — перевелъ Фр. Халупа (*Ruch*, V, 1883, 68, 70); онъ же перевелъ стихотворенія: «*Hádanka*» (Загадка) и «*Vánoce*» (Крещенскій вѣ

черъ, отрывокъ изъ «Свѣтлань») въ сборн. *Kvítí z ruských luhů*, Praha, 1885, стр. 22, 99. Стихотвореніе «Моѣ» («*Nemluvné ty moře, lazurné ty moře*») перевелъ Руд. Покорный (*Květy*, 1886, II, 153).

Статья В. А. Жуковского о И. И. Козловѣ (изъ «Сѣв. Пчелы») по-чешски напечатана была въ журн. *Časopis Česk. Mus.*, 1840, sv. II, 198 — 199. «*V kruhu rodinném*» («Въ семейномъ кругу») переводили: а) V. L. въ газ. *Krakonoš*, 1884 г.; б) И. Ваня, въ своемъ сборникѣ «*Světém, kniha knih*», v Praze, 1883, и с) неизвѣстный въ журн. *Domací hospodyně*, 1887, № 4.

Либретто оперы П. И. Чайковского «Орлеанская дѣва», представленной въ первый разъ на сценѣ чешскаго Народнаго театра 28 іюля 1882 г., перевелъ В. І. Новотный (*Rapna Orleanská. Velká zpěvohra ve 4 dějstvích. Dle Schillera od Žukovského*, издана въ «*Bibl. operních a operetn. textů*», Serie II, seš. 13).

Изъ біографическихъ и критическихъ статей и очерковъ, посвященныхъ В. А. Жуковскому, можемъ отмѣтить: замѣтку J. W. P. о «новомъ» произведеніи Жуковского «Ундины», въ приложеніи къ журналу «*Květy*», 1838, № IX, стр. 35, гдѣ Жуковский, какъ поэтъ, поставленъ рядомъ съ Пушкинымъ. «Ундину», появившуюся послѣ продолжительнаго молчанія поэта, авторъ замѣтки называетъ «цвѣткомъ русской поэзіи» и хвалитъ изданіе Смирдина. Нѣсколько замѣчаній о Жуковскомъ находимъ въ статьѣ: «*Novější básníci ruští*» (по Кенига: «*Litterarische Bilder aus Russland*»), въ приложеніи къ журн. «*Květy*», 1840, № XV, XVIII. Литературный очеркъ: «*Žukovský a Gogol*» помѣщенъ въ журн. *Vesna*, 1852, № 29 (ve Vídni); здѣсь же находимъ замѣтку: «*O literárních pracích pozůstalých po V. A. Žukovském*» (1852, № 32). Нѣсколько замѣчаній о литературной дѣятельности Жуковского сообщается въ статьѣ І. Б. Коржинка: «*Lermontov a přední básníkové ruští*» (*Časopis Česk. Mus.*, XXVII, 1853, 275). Біографическій очеркъ: «*Ze života ruského básníka V. A. Žukovského. Dle serbského*» (sic!) написалъ Фр. Ржига (*Květy*, 1871, 214); краткія біографическія свѣдѣнія сообщены въ сб.

«Slovanská poesie» (Fr. Vymazal, т. I, 78). Наиболее полную и обстоятельную характеристику поэтической дѣятельности В. А. Жуковского и русскаго романтизма представилъ на основаніи русскихъ пособій А. Дурдикъ (въ журн. Světozor, X, 1876, стр. 419, 432, 443, 458, 470, 478). Къ столѣтней годовщинѣ рожденія Жуковского вышли двѣ статьи: «Žukovského jubilejní slavnost» Эд. Елинка въ журн. Slovanský Sborník (II, 1883, 208) и Фр. Халупы: «Stoleté jubileum narození V. A. Žukovského» (Ruch, V, 1883, 79). Чешскій поэтъ Святополкъ Чехъ къ столѣтнему юбилею рожденія Жуковского написалъ стихотвореніе: «Жуковскому» (Žukovskému), посвятивъ его «Кружку любителей русскаго языка въ чешской Прагѣ» (напечатано въ программѣ торжественнаго собранія Русскаго Кружка въ Прагѣ, 3 (15)-го февраля 1883 года). Такъ какъ стихотвореніе это, насколько намъ извѣстно, не появлялось нигдѣ, кромѣ названной программы, то мы приводимъ его здѣсь въ оригиналѣ.

ŽUKOVSKÉMU.

Když Rusi ňadro nadšením se dmulo
 a mečem bleskla ruka hrozebná;
 když posvátným jí žárem zaplanulo
 to srdce zlaté, Moskva velebná;
 když odrážela valný světa voj,
 jak hrdá skála moře vzteklý příval:
 tu v jejích stanech vojín-pěvec sníval,
 na srdce tiskna varito i zbroj;
 on vlast i krásu kochal duší junou,
 on jaře zvonil čepelem i strunou
 a ve válečný ryk, děl temný řev
 svůj mísil jasný bohatýrský zpěv.

Boj minul. Harfa otčiny se chvěla
 větérkem svěžím, dechem jarních tuch —
 tu Tvoje, Žukovský, dlaň umná, vřelá

ji probudila v nový černý ruch.
Tvá duše vssála kouzlo cizích květů,
však zachovala vlastní vděk i pel,
zpěv ruský v ether ideálních světů
Svým křídlem duhovým Jsi povznášel.

Ve stopách Tvých se pevců zástup sbíral,
šír' perutě duch ruský rozestíral,
a vzešel Puškin jako slunce skvoucí
i Lermontov jak luna čarosnivá...
Však Ty jsi nezašel. Tvá píseň živa.
Na ruském nebi září nehynoucí
plát budeš dále v zoři červánkové,
jak luzná jitřní hvězda doby nové. (Sv. Čech)

Н. В. Гоголь въ чешской литературѣ.

Печальнымъ выдался для русской литературы тысяча восемьсотъ пятьдесятъ второй годъ: 21-го февраля этого года она оплакала крупнѣйшую утрату — Гоголя, въ апрѣлѣ — схоронила Жуковского, а въ июнѣ скончался Загоскинъ. «Я не запомню такого ужаснаго високоса!» съ скорбью писалъ С. Т. Аксаковъ И. С. Тургеневу. Столь же печальнымъ былъ этотъ роковой високосъ и для литературы чешской, потерявшей въ этомъ году сразу двухъ замѣчательнѣйшихъ своихъ поэтовъ: пѣвца славянской взаимности Яна Коллара († 24 янв. 1852) и симпатичнѣйшаго автора «Отголоска русскихъ пѣсенъ» Ф. Л. Челаковского († 5 авг. 1852). «Текущій годъ и для васъ и для насъ очень несчастливъ: вы потеряли Гоголя, Жуковского и Загоскина, а мы Коллара и Челаковского», писалъ Ганка Бодянскому (1 авг. 1852 г.). Кончина Гоголя вызвала въ кругахъ чешскихъ писателей чувства искренняго соболѣзнованія русской литературѣ. Прага видѣла великаго русскаго писателя въ своихъ стѣнахъ, здѣсь у него были друзья и почитатели, а многія произведенія его сдѣлались значительно раньше 1852-го года достояніемъ чешской литературы.

Гоголя знали и читали въ Прагѣ и въ Чехіи раньше, чѣмъ появились въ печати первые чешскіе переводы произведеній его. Уже въ 1838 году въ приложеніи къ чешскому литературному журналу Kwětu (str. 58) встрѣчаемъ небольшую замѣтку о Го-

голь, въ коей говорится слѣдующее: «Послѣ смерти Пушкина и Марлинскаго среди русскихъ писателей особенно замѣчательнымъ является Гоголь. Его новеллы и романы (sic) являются мастерскими произведеніями, ибо въ нихъ чрезвычайно правдиво изображаются характеры русской жизни. Новѣйшее его произведеніе составляетъ комедія, пользующаяся въ Петербургѣ большимъ успѣхомъ. Нынѣ Гоголь пребываетъ въ Римѣ, и о немъ ничего не слышно». Въ томъ же журналѣ въ 1840 г. (прилож. къ № XVII), въ очеркѣ К. Сабины «Nowelisté ruští», составленномъ по извѣстной книгѣ Кенига (*Litterarische Bilder aus Russland*, v. H. Koenig. Stuttgart, 1837) Гоголю посвящено уже значительно болѣе мѣста.

Раннему знакомству чешскихъ писателей съ твореніями Гоголя должны были способствовать въ извѣстной степени и непосредственныя отношенія нѣкоторыхъ изъ нихъ къ Гоголю во время пребыванія его въ Прагѣ. Еще въ началѣ іюля н. с. 1838 года Бодянский въ письмѣ къ Погодину высказываетъ надежду встрѣтиться съ Гоголемъ въ Карлсбадѣ. Собравшись вмѣстѣ съ Шафарикомъ въ Карлсбадъ и Теплицы для лѣченія ревматизма, Бодянский предполагалъ провести въ этихъ мѣстахъ недѣль пять и здѣсь думалъ свидѣться съ Гоголемъ. Возможность такой встрѣчи допускалъ, очевидно, и Погодинъ. 1-го іюля (18-го іюня) 1838 года, наканунѣ выѣзда въ Карлсбадъ, Бодянский, которому надлежало передать Гоголю какое-то письмо, пишетъ Погодину изъ Праги: «Касательно письма къ Гоголю, я оставляю оное до Карлсбада: мнѣ что-то шепчетъ, что я его найду тамъ; а если это не случится, тотчасъ же отправлю по адресу въ Римъ; можетъ быть, напишу и отъ себя нѣсколько строкъ къ нему». Встрѣча, какъ видно изъ письма Бодянскаго отъ 6 (18) августа того же года, не состоялась. «Письмо къ Гоголю отправлено мной тотчасъ по приѣздѣ въ Карловары», извѣщалъ онъ Погодина.

Письма Бодянскаго къ Погодину за 1840-ой годъ свидѣтельствуютъ, что въ началѣ 1839-го года Гоголя ожидали въ Прагѣ. Въ письмѣ отъ 7 (19)-го мая 1840-го года Бодянский вы-

сказываетъ сожалѣніе, что ему «не удалось еще разочекъ сойтись съ Гоголемъ». «...Я все надѣялся», говоритъ Бодянской дѣлѣ, «авось, оправившись, гдѣ-нибудь сойду съ нимъ въ Италиі, Маріенбадѣ, Прагѣ или Вѣнѣ». Но свиданіе нашего славяновѣда съ великимъ своимъ землякомъ, къ огорченію Бодянскаго, не состоялось. Повидимому, однако, Гоголь въ этомъ году былъ въ Прагѣ или гдѣ-либо въ Чехіи и познакомился здѣсь съ Шафарикомъ. По крайней мѣрѣ, нѣкоторыя мѣста писемъ Бодянскаго къ Погодину даютъ основаніе для такого предположенія. Правда, 1-го іюня 1840 года Шафарикъ въ письмѣ къ Погодину заявляетъ: «Gogol war bis Dato nicht in Prag», но значить ли это, что Гоголь вообще до этого времени не былъ въ Прагѣ, или же эти слова относятся только къ 1840-ому году, когда его тоже могли ожидать здѣсь? 6 (18)-го октября 1839-го года Бодянской изъ Вѣны сообщаетъ Погодину: «Третьяго дня получилъ письмо отъ Шафарика... Онъ пишетъ, что Николай Васильевичъ Гоголь взялъ у него малороссійскія и польскія пѣсни, изданныя Вацлавомъ изъ Олеска, обѣщаясь послать назадъ ему изъ Вѣны, но онъ донинѣ не получалъ этой книги. Если онъ ея не получитъ, то очень трудно будетъ достать другой экземпляръ, потому что въ самой Галичинѣ изданіе это теперь чрезвычайно рѣдко»...

Библіотека Шафарика, несомнѣнно, заключала много поучительнаго и новаго для Гоголя. Многія книги этой сокровищницы, нынѣ составляющей собственность Чешскаго Національнаго Музея, являются нѣмыми свидѣтелями живыхъ связей Шафарика съ русскимъ ученымъ и литературнымъ міромъ. Упомянутыя о томъ, что Гоголь въ разное время, надо думать, чрезъ чье-либо посредство пользовался книгами библіотеки Шафарика, встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ письмахъ Шафарика къ Погодину. Такъ, 19-го іюля 1839 года Шафарикъ пишетъ Погодину въ Маріенбадѣ: «Von Hrн von Gogolj erhielt ich ein Schreiben und die ihm geliehenen Bücher über Wien richtig und schon lange». Очевидно, это не тѣ книги, о коихъ писалъ выше Бодянской. Спустя три дня (22 іюля 1839 г.) Шафарикъ, вѣроятно, въ исполненіе

просьбы Погодина, извѣщаетъ его: «Heute schicke ich Ihnen die verlangten Bücher und wünsche herzlich, dass Hr. von Gogol' recht viel für seine Zwecke darin finden möge».

Въ эти годы связей съ Прагой Гоголь познакомился ближе съ знаменитыми «Славянскими Древностями» Шафарика. Книга произвела на бывшаго профессора исторіи сильное впечатлѣніе. Заимѣтимъ, что Гоголя вообще занимали вопросы славянской исторіи. 15-го апрѣля 1838 г. онъ проситъ Н. Я. Прокоповича прислать ему книгъ отъ Смирдина, «особенно книгъ относительно исторіи славянской и русской»¹⁾. 3-го мая 1839 года Гоголь писалъ Погодину изъ Рима о «Славянскихъ Древностяхъ»: «Я ихъ читалъ и удивляюсь ясности взгляда и глубокой дѣльности. Кое-гдѣ я встрѣчалъ мои собственныя мысли, которыя хранилъ въ себѣ и хвастался втайнѣ, какъ открытіями, и которыя, натурально, теперь не мои, потому что уже не только образовались, но даже напечаталась прежде моего»²⁾. О размѣрахъ и значеніи ученой и литературной дѣятельности Гоголя Шафарикъ составилъ себѣ вполне вѣрное сужденіе по отзывамъ Погодина, который усердно, какъ извѣстно, знакомилъ искренняго друга и многочисленныхъ знакомыхъ своихъ въ Чехіи съ произведеніями русской литературы вообще и нашего писателя въ частности. Въ наброскахъ и замѣткахъ Шафарика, извлеченныхъ изъ бумагъ его проф. Е. В. Пѣтуховымъ, о Гоголѣ со словъ Погодина записано: «Gogol', grosser Kenner Kleinrusslands, schreibt Gesch. v. Kleinrussland. Hist. Künstler, kein grosser Forscher. Ein junger Mann, ein der ersten Schriftsteller»³⁾.

Шафарикъ, какъ мы замѣтили выше, благодаря Погодину, уже рано имѣлъ возможность познакомиться съ произведеніями Гоголя. При крайней затруднительности непосредственной выписки русскихъ книгъ изъ Россіи, взаимный обмѣнъ ученыхъ рус-

1) См. Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу, изд. Е. В. Пѣтуховъ, Кіевъ 1895, стр. 24.

2) Сочин. Гоголя, V, 369. Сф. А. А. Кочубинскій, Гр. С. Г. Строгоновъ, Вѣстн. Евр., 1896, авг., 482.

3) Зап. Юрьевск. Унив., 1896, № 1, стр. 52.

скихъ и чешскихъ и добровольныя подношенія русскихъ ученыхъ путешественниковъ были единственными путями, коими русская литература проникала въ родственныя славянскія земли. Насколько велика была въ Прагѣ потребность въ русской книгѣ вообще, свидѣтельствуемъ, на примѣръ, тотъ фактъ, что Шафарикъ беретъ на себя роль посредника между пражскимъ книгопродавцемъ И. Г. Кальве и Москвою и въ январѣ 1841 года пишетъ Погодину обширное письмо о желаніи Кальве вступить въ непосредственныя сношенія съ московскими книгопродавцами, дабы новыя русскія книги кратчайшимъ путемъ и возможно скорѣе могли получаться въ Прагѣ. Прося Погодина оказать содѣйствіе этому дѣлу, Шафарикъ отмѣчаетъ далѣе, что именно слѣдуетъ присылать въ Прагу. «Такъ какъ русскія книги, — говоритъ онъ, — читаютъ здѣсь только ученые и образованные люди, то поэтому слѣдуетъ высылать въ числѣ научныхъ и спеціальныхъ изданій и выдающіяся произведенія изящной словесности: романы и стихотворенія». Шафарикъ имѣлъ въ виду удовлетворить духовнымъ интересамъ своихъ соотечественниковъ, не состоявшихъ въ столь близкомъ, какъ онъ, общеніи съ русскими учеными. Пребываніе въ самомъ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ Бодянскаго въ Прагѣ и Чехіи въ извѣстной степени облегчило эти связи съ Россіей, и подъ вліяніемъ Бодянскаго могъ создаться особенный интересъ къ твореніямъ Гоголя. Въ апрѣлѣ 1838 года Бодянскій проситъ Погодина: «Захватите, пожалуйста, съ собой сочиненія Гоголя, Марлинскаго и другихъ, кого можно, изъ новѣйшихъ нашихъ лучшихъ писателей для Шафарика, — онъ хотѣлъ бы познакомиться съ ними⁴⁾; кромѣ того, здѣсь нашлись бы многихъ изъ нихъ пе-

4) Сочиненія Гоголя были въ рукахъ Шафарика значительно раньше, но, повидимому, онъ не обратилъ на нихъ вниманія, будучи занятъ главнымъ трудомъ своимъ — Славянскими Древностями. Извѣщая Ант. Марка (15 ноября 1836 года) о полученіи изъ Москвы русскихъ книгъ, Шафарикъ посылаетъ ему списокъ тѣхъ произведеній, которыя онъ желалъ бы переуступить любителямъ русскаго языка. Здѣсь между прочимъ встрѣчаемъ: Gogol, Mirgorod, povjesti, St PBg., 80, 2 díly.

ревести». Такимъ переводчикомъ, насколько намъ извѣстно, прежде всего предполагалъ быть Ф. Л. Челаковский. Въ декабрѣ (20-го) 1837 года Бодянской, сообщая Погодину нѣкоторыя свѣдѣнія о переводахъ Челаковского произведений русскихъ поэтовъ, замѣчаетъ, что Челаковский собирается перевести также нѣкоторыя повѣсти Гоголя. Но намѣреніе Челаковского не осуществилось.

Первымъ переводчикомъ повѣстей Гоголя въ Чехіи, какъ слѣдуетъ заключать изъ писемъ Бодянскаго, явилась жена Шафарика. Въ мартѣ 1838 года Бодянской проситъ Погодина отъ имени Шафарика прислать въ Прагу для больной жены его сочиненія Гоголя и, если можно, Пушкина, а 1-го іюля н. ст. того же года Бодянской спѣшитъ сообщить Погодину: «Нѣкоторыя изъ повѣстей Гоголя и вашихъ переводятся на чешскій языкъ». Въ дополненіе къ прежней своей просьбѣ онъ еще разъ повторяетъ: «Потрудитесь вмѣстѣ съ прочими книгами послать Шафарику для его жены, если можно достать еще, Ревизора, Арабески и Вечера на хуторѣ».

Были ли переводы жены Шафарика гдѣ-либо напечатаны, и переводила ли она Гоголя на *чешскій* языкъ, мы не можемъ сказать достовѣрно, но самъ Шафарикъ свидѣтельствуетъ о томъ, что жена его переводами съ русскаго языка занималась. «Моя Юлія⁵⁾, покончившая теперь съ Гоголемъ, переводитъ вапш «Сокольниковскій садъ», сообщаетъ онъ Погодину 5-го января н. ст. 1841 года. Изъ напечатаннаго въ «Русской Мысли» (1896, V, 179) Itinerarium'a путешествія Гоголя видно, что Гоголь, какъ свидѣтельствуетъ отмѣтка на паспортѣ его, былъ въ Прагѣ 30-го іюня 1842 года⁶⁾. Къ сожалѣнію, объ этомъ, вѣроятно, весьма кратковременномъ, пребываніи Гоголя въ Прагѣ мы ничего болѣе опредѣленнаго сказать не можемъ: чешскія газеты совершенно молчатъ о семъ фактѣ; никакихъ упоминаній о немъ нѣтъ и въ письмахъ современниковъ; никакихъ семъ Шафарика за лѣтніе мѣсяцы 1842 года ни къ Погодину,

5) Урожденная Julie Ambrózy de Sédén или Zsédén.

6) Cf. Шенрокъ, Матеріалы, IV, 136—137.

ни къ Бодянскому не сохранилось. Нѣтъ сомнѣнiя, что Гоголь уже знакомый съ Шафарикомъ, хотя бы по трудамъ его, не преминулъ бы посѣтить его. Замѣтимъ здѣсь, что нѣсколько лѣтъ спустя Гоголь явился посредникомъ между Погодинымъ и Шафарикомъ по личнымъ дѣламъ перваго. Гоголь долженъ былъ передать Шафарику деньги за купленные у него Погодинымъ книги. Объ этомъ говоритъ самъ Погодинъ въ письмѣ къ Шафарику отъ 2 (14) авг. 1847 г.: «Вамъ могъ я послать только 800 р. съ чѣмъ-то асс., пополамъ съ Пештомъ за кнвги, но не знаю еще, дошелъ ли до васъ вексель. Больше никакъ не могъ, а просилъ Гоголя помочь мнѣ, и онъ обѣщаль доставить вамъ остальное непременно». Вскорѣ послѣ этого, въ письмѣ отъ 21 авг. (2 сент.) 1847 г. Погодинъ спрашиваетъ Шафарика: «Получили ли вы деньги чрезъ Гоголя? Мнѣ было тяжело въ послѣднее время, — вотъ почему прислалъ я такъ поздно свой долгъ, или часть своего долга...»⁷⁾. Но предположенное свиданiе Гоголя съ Шафарикомъ не состоялось. На оба отмѣченныя выше письма Шафарикъ отвѣчалъ Погодину 25 сент. 1847 г.: «Вы спрашиваете въ послѣднихъ двухъ письмахъ, не получилъ ли я чего-либо отъ Гоголя. Я отъ него не только ничего не получаль, но даже не говорилъ съ нимъ, не видалъ его и рѣшительно ничего не знаю, гдѣ онъ обрѣтается».

Болѣе опредѣленныя данныя о пребыванiи Гоголя въ Прагѣ относятся къ 1845 году. Въ июнѣ этого года Гоголь былъ въ Карловыхъ Варахъ, а въ августѣ мы встрѣчаемъ его въ Прагѣ, куда онъ прибылъ проѣздомъ изъ Грeфенберга. Здѣсь⁸⁾ Гоголь обратилъ особенное вниманiе на Національный Музей, завѣдываемый Ганкою⁹⁾, приходилъ туда нѣсколько разъ и рассматри-

7) Письма—въ библиотекѣ Чешскаго Музея въ Прагѣ.

8) По свидѣтельству «Записокъ о жизни Н. В. Гоголя», т. II, стр. 50.

9) Ганка имѣлъ о Гоголѣ кое-какія извѣстія отъ своего ученика и друга. впоследствии профессора Дерптскаго университета, А. С. Жиряева. 8(20)-го мая 1845 г. онъ писалъ Ганкѣ: «Русскую Пасху встрѣчалъ въ русской церкви въ Висбаденѣ, гдѣ познакомился съ двумя русскими знаменитостями: Жуковскимъ и Гоголемъ. Оба пріѣхали изъ Франкфурга говѣть и разговляться. По-

валь хранящіяся въ немъ сокровища славянской старины. Для Ганки, усердно и съ удивительнымъ вниманіемъ слѣдившаго за всѣми явленіями русской духовной жизни, Гоголь былъ уже старымъ знакомымъ; произведенія его онъ читалъ, несомнѣнно, раньше этой первой встрѣчи съ нимъ въ Музеѣ. Въ 1842 году Василій Алексѣевичъ Пановъ поднесъ Ганкѣ сочиненія Гоголя, сдѣлавъ на книгѣ слѣдующую надпись: «Какъ творческое истинное изображеніе Русской жизни приносить эту книгу въ даръ вполне умѣющему цѣнить эту жизнь Вячеславу Вячеславичу Ганкѣ одинъ изъ читателей—Русскій Славянинъ. Прага, 1842 г. сент. 8-го — авг. 27-го»¹⁰). Ганка создалъ въ своемъ воображеніи собственный образъ Гоголя, котораго онъ зналъ по портретамъ, и никакъ не хотѣлъ вѣрить, что передъ нимъ тотъ самый Гоголь, сочиненія котораго онъ изучалъ съ такою любовью: такъ наружность Гоголя, его приемы и разговоръ мало выказывали того, что было заключено въ душѣ его; наконецъ Ганка спросилъ у самого поэта, не онъ ли авторъ такихъ-то сочиненій.

«И, оставьте это!» сказалъ ему въ отвѣтъ Гоголь.

«Ваши сочиненія», продолжалъ Ганка, «составляютъ украшенія славянскихъ литературъ».

«Оставьте, оставьте!» повторялъ Гоголь, махая рукой, и ушелъ изъ Музея. Столько мы знаемъ о пребываніи его въ Прагѣ. Въ книгѣ посѣтителей Чешскаго Музея онъ расписался 5 (17) августа¹¹) и тогда же написалъ въ альбомѣ Ганкѣ слѣдующія строки: «Гоголь желаетъ здѣсь Вячеславу Вячеславичу еще сорокъ шесть лѣтъ ровно, для пополненія 100 лѣтъ, здравствовать, работать, печатать и издавать во славу славянской земли и съ

слѣдній намѣренъ ѣхать въ Италію и Португалію: онъ въ природѣ своей — прямая противоположность тому, какимъ онъ является въ своихъ уморительныхъ повѣстяхъ и комедіяхъ: гипохондрикъ въ высшей степени. Впрочемъ, онъ дѣйствительно не совсѣмъ здоровъ, хотя болѣзнь свою онъ уже слишкомъ преувеличиваетъ въ своемъ воображеніи».

10) Это тотъ самый Пановъ, который вызвался сопровождать Гоголя въ его поѣздкѣ за границу въ 1840 г.

11) Дата приписана рукой Ганки.

такимъ же радушіемъ привѣтствовать всѣхъ Русскихъ, къ нему заѣзжающихъ, какъ нынѣ»¹²⁾).

*Гоголь пишетъ Дмит
Вилемаву Вилемаву ему
Сорок) шест) летъ ровню, 50 лѣтъ
словами работами податями и
идаетъ бошаву славамою драмъ
и отъ таковыхъ же радушіемъ привѣт
словами всего вышло къ нему сау
менше) подь слова. —
1845. 5/11 Мѣсѣцъ.*

Насколько намъ извѣстно, первымъ появившимся въ печати въ чешскомъ переводѣ произведеніемъ Гоголя былъ «Тарасъ Бульба». Переводъ этотъ принадлежитъ К. В. Запу и былъ помѣщенъ въ журналѣ Kwětu за 1839 годъ (стр. 125 и сл.) Впослѣдствіи, въ 1847-омъ году, переводъ К. В. Запа вышелъ отдѣльнымъ, исправленнымъ и дополненнымъ,—по всей вѣроятности, при содѣйствіи Гавличка,—изданіемъ, подъ заглавіемъ: «Taras Bulba. Obraz starého kozactva na Ukrajině», въ сборникѣ: M. Gógola Zábavné spisy, v Praze, u Pospíšila, 1847, и отдѣльнымъ выпускомъ въ 202 стр.¹³⁾.

Слѣдующіе по времени переводы относятся уже къ сороко-

12) Эта записъ Гоголя была сообщена, къ сожалѣнію, не вѣрно и неполно, въ альманахѣ Libuša, 1852 г., въ жизнеописаніи Ганки, составленномъ его другомъ Легисъ-Глюкзелигомъ, а оттуда перешла въ томъ же видѣ и въ «Записки о жизни Н. В. Гоголя...», т. II, стр. 50—51. Одновременно съ Гоголемъ въ Прагѣ пребывалъ знаменитый хорватскій поэтъ Станко Вразъ. Страннымъ образомъ оба писателя не встрѣтились другъ съ другомъ.

13) Въ послѣднее время «Тараса Бульбу» переводили на чешскій языкъ: Јос. Конерза («Taras Bulba. Historická kozacká pověsta», въ изданіи Besedy Slovanské, díl I, v Brně, 1892. Отзывъ объ этомъ переводѣ въ газетѣ Čas, VI, 1892, 614) и И. Гошекъ (въ коллекціи Ruská knihovna, т. XVI, 1893, стр. 29—154. Рецензія въ газетѣ Národní Listy, 1896, № 271). И. С. Гинекъ передѣлалъ повѣсть Гоголя въ драму («Taras Bulba. Obraz kozackého života na Ukrajině, v 5 odděl.», Dle romanu M. Gogola pro české divadlo vzdělal I. S. Hunek), представленную въ первый разъ на чешской сценѣ 20-го декабря 1865 года. Cf. Národní Listy, 1865, № 291. Здѣсь названъ Фричь, какъ авторъ этой драмы.

вымъ годамъ и принадлежать извѣстному чешскому публицисту и поэту Карлу Гавличку-Боровскому (1821—1856).

Такимъ образомъ, чешское общество рано начало знакомиться съ произведеніями Гоголя. Едва ли поэтому справедливо утверждение В. И. Ламанскаго¹⁴⁾, который говоритъ, что не только въ сороковыхъ годахъ, но и гораздо позже у западныхъ славянъ читали, переводили, любили Мицкевича, совсѣмъ мало знали Пушкина и почти вовсе не переводили и не читали Гоголя. Задолго до кончины Гоголя чехи читали на родномъ языкѣ и «Мертвыя души» и многія изъ повѣстей нашего писателя. Съ Пушкинымъ они тоже познакомились рано и во многихъ переводахъ¹⁵⁾. Иной вопросъ, насколько они понимали произведенія корифеевъ нашей новой литературы, и въ какой мѣрѣ знакомство съ ними отразилось въ тогдашней чешской литературѣ. По справедливому замѣчанію А. Н. Пыпина, непониманію Пушкина и особливо Гоголя способствовало вообще малое знаніе или совершенное незнаніе русской жизни¹⁶⁾, но интересъ къ твореніямъ ихъ существовалъ несомнѣнно. Особенно сильно было увлеченіе всѣмъ славянскимъ вообще послѣ бурнаго 1848-го года. Въ провинціяхъ, въ разныхъ чешскихъ гимназіяхъ въ пятидесятыхъ годахъ образовались кружки учениковъ, которые, насколько это было возможно, старались изучать славянскіе языки и литературы. Въ числѣ любимыхъ авторовъ молодежи чешской былъ и Гоголь¹⁷⁾.

Въ 1842-омъ году Гавличекъ, по рекомендаціи Шафарика, приглашенъ былъ въ Россію Погодинымъ въ качествѣ воспитателя дѣтей его, но по пріѣздѣ въ Москву Гавличекъ поступилъ на ту же должность въ семью С. П. Шевырева. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Гавличекъ не случайно попалъ въ Россію. Перебирая средства, которыя могли бы служить къ избранной имъ цѣли

14) «И. И. Срезневскій», стр. 7.

15) Ср. В. Францевъ, Пушкинъ въ чешской литературѣ, Спб., 1899.

16) А. Н. Пыпинъ, Ист. русск. этногр., III, 97.

17) О. Первольфъ, Славянское движеніе въ Австріи. Русская Рѣчь, 1879, августъ, 100.

служенія чешскому народу, Гавличекъ пришелъ къ мысли, что поприще журналиста, 'издателя популярной газеты, есть самое полезное и плодотворное для проведенія въ массу идей, необходимыхъ для ея благосостоянія. Хорошо изучивъ свое отечество, онъ пожелалъ узнать бытъ и другихъ народовъ. Это рѣшеніе раздѣляли съ нимъ еще два чешскіе патріота, которые рѣшились отправиться въ разныя страны Европы съ тѣмъ, чтобы результатами своего пребыванія за границей воспользоваться по возвращеніи въ отечество. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ отправиться въ Англію, другой во Францію, третій въ Россію. Россію избралъ Гавличекъ¹⁸⁾.

Общество, въ которомъ юный Гавличекъ очутился въ Москвѣ, должно было весьма благодѣтельно повліять на расширеніе знакомства его съ русской литературой. «Я имѣлъ счастье», говоритъ Гавличекъ, «попасть въ общество людей, которыми могла бы гордиться Русь, если бы только умѣла цѣнить ихъ, а не смотрѣла бы, какъ деревенская женщина, на одинъ блескъ и шумиху. Я живу не у Погодина, какъ предполагалъ, а у Шевырева... Въ нашемъ домѣ и у Погодина—средоточіе всѣхъ горячихъ народныхъ стремленій къ усовершенствованію русской литературы. Хомяковъ (поэтъ), Павловъ, Снегиревъ, Кирѣевскій постоянно бываютъ у насъ. Гоголь не живетъ въ Москвѣ, но зато у насъ (у Шевырева) складъ его сочиненій, и отъ насъ они продаются книгопродавцамъ. Сбытъ ихъ громаднѣй. «Мертвыя души» уже распроданы, хотя экземпляръ (NB. одна только часть) ихъ стоитъ 14 гульденовъ...»¹⁹⁾.

Но, къ сожалѣнію, знакомство Гавличка съ русской литера-

18) М. И. Сухоминовъ, изъ Праги, въ Русск. Вѣстн., т. XXIII, стр. 118. «Dobře víte, писалъ Гавличекъ 27 апр. 1844 г. изъ Москвы, že jsem tyto peprné cesty své na sv. Rus předvezval hlavně v společnosti s dvěma spolužáky Ga. (=dr. Vilém Gabler) a Gi. (Fr. Gírgl). Rozdělili jsme si Evropu na tři díly a mně se dostala do cestování a studování východní». Korrespondence, vyd. L. Quis, str. 177; см. еще стр. 20 и 25.

19) Въ письмѣ изъ Москвы, отъ 3-го мая 1843 г., къ Запу. Havlička Sebr. píseu, str. 233; Слав. Ежегод., II, 1877, стр. 185; то же въ новѣйшемъ изданіи переписки Гавличка подъ ред. Л. Квиса, стр. 101—102.

турой не отличалось ни особенной глубиной, ни широтой. Гавличекъ общалъ другу своему Запу посылать изъ Москвы рефераты о русской литературѣ для задуманнаго послѣднимъ временнаго изданія «Зерцало»²⁰⁾.

Запъ искалъ «на востокѣ Европы», у ближайшихъ соплеменниковъ, новыхъ источниковъ литературной жизни, которая въ Чехи пробуждалась нынѣ отъ долгаго сна. Въ предисловіи къ первому выпуску «Зерцала» онъ ясно высказалъ свой взглядъ на значеніе для чешской литературы ближайшаго общенія съ литературами этихъ единоплеменниковъ. «За недостаткомъ удачныхъ оригинальныхъ трудовъ, говорилъ онъ, мы постоянно питаемся переводами плодовъ духа и жизни чужихъ, неславянскихъ народовъ. Это де-націонализируетъ насъ больше, нежели кому-либо при первомъ взглядѣ можетъ казаться. Гибельная чужеземщина вкрадывается въ жизнь, изъ жизни въ литературу. Поэтому такъ мало народнаго духа, такъ мало самостоятельнаго самосознанія замѣчается въ нашей литературѣ. Обратимъ вниманіе на обильные и прекрасные плоды литературъ нашихъ восточныхъ побратимовъ: какой полетъ фантазіи, какое богатство и свѣжесть духа! Мы должны пользоваться ими, черпать изъ нихъ переливающуюся въ нихъ силу, и древо нашей собственной литературы навѣрно прекрасно зазеленѣетъ, и мы сами отвернемся отъ запада, нынѣ представляющаго намъ объѣдки своей истощенной жизни».

Отчеты о главнѣйшихъ явленіяхъ тогдашней русской литературы, писанные у непосредственныхъ источниковъ ея, могли бы сослужить великую службу чешскому просвѣщенному обществу. Темъ для такихъ рефератовъ безъ труда можно было найти изобиліе. Но вотъ что писалъ Гавличекъ тому же Запу уже въ маѣ мѣсяцѣ 1843 года, т. е. спустя всего три мѣсяца по прибытіи въ Москву. «Русская литература вовсе не въ такомъ блестящемъ состояніи, какъ мы обыкновенно думаемъ; пе-

20) Zrcadlo žiwota na východní Evropě. Sw. I a II. W Praze, 1843. Во второмъ выпускѣ въ чешскомъ переводѣ напечатана была «Projížďka do Bessabii» Н. И. Надеждина.

редь нашей чешской она имѣть лишь то преимущество, что она — богатая дама, что у нея есть деньги; если бы у насъ было столько золота, мы сумѣли бы вытряхнуть изъ рукава столько же плохихъ книгъ, какъ и господа русскіе. Зато русской литературѣ недостаетъ одной малой вещи, но столь драгоценной и угодной Богу, что я увѣренъ, что она поможетъ нашей убогой литературѣ достигнуть Парнаса, — я имѣю въ виду безкорыстіе, настоящій, искренній и упорный трудъ и любовь къ народу своему. Сомнѣваюсь, чтобы во всемъ шестидесятимилліонномъ русскомъ царствѣ было столько искреннихъ патріотовъ, сколько ихъ въ одной Прагѣ. Богатство портить людей».

Отзывъ нельзя не назвать страннымъ. Русская литература, записавшая уже на скрижали свои имена Пушкина и Лермонтова, не удовлетворила юнаго славянскаго гостя. Еще рѣзче и еще несправедливѣе были его сужденія въ письмѣ къ Запу отъ 24-го октября 1843 года.

«Я только потому не послалъ вамъ до сихъ поръ реферата о русской литературѣ», извинялся Гавличекъ, «что совѣсть не позволяетъ мнѣ лгать». «Kdo si nechce hubu spalit, musí mlčet, nebo chvalit», оправдывается онъ. «Вамъ, какъ знатоку дѣла, я говорю, что намъ, чехамъ, хотя бы намъ нечего было и ѣсть, все-таки чрезъ нѣкоторое время, что касается основательности и оригинальности, не въ чемъ будетъ завидовать русскимъ. Доселѣ я знаю только одного Гоголя: всѣ прочіе (и съ Пушкинымъ) составляютъ только, такъ сказать, *imitatorum pecus!*»

Такимъ образомъ, вся тогдашняя русская литература для Гавличка не представляла ничего достойнаго вниманія, за исключеніемъ одного Гоголя. Собираясь покинуть къ осени 1844 года Москву, онъ пишетъ 30 апрѣля Запу: «Я насытился уже русскими полушубками... жаль времени! По-русски я уже знаю, Москву изучилъ, еще больше научусь нынѣшнимъ лѣтомъ, а этого пока будетъ достаточно. Много, конечно, я уже не успѣю просмотрѣть, но для меня, какъ для будущаго преимущественно беллетриста, даже русская литература не имѣетъ цѣны; всю премудрость, которая

мнѣ нужна, я могу унести съ собою на спинѣ. Еще одно доказательство, какъ мало знакомъ былъ Гавличекъ съ корифеями нашей новой письменности, какъ незначительна была программа его изученій и задачъ, которыя онъ имѣлъ въ виду выполнить во время пребыванія своего въ Россіи.

Подобный скороспѣлый приговоръ надъ представителями всей новой русской литературы, съ Пушкинымъ во главѣ, произнесенный недолговременнымъ гостемъ Бѣлокаменной, свидѣтельствуеетъ больше о его критической отвагѣ, чѣмъ о дѣйствительномъ знакомствѣ и истинномъ пониманіи произведеній русской литературы. Замѣчательно, что въ письмахъ своихъ изъ Москвы Гавличекъ ни единымъ словомъ не обмолвился ни о Грибоѣдовѣ, ни о Лермонтовѣ, ни о Жуковскомъ, ни о Крыловѣ, ни о пріобрѣвшемъ уже въ тѣ годы литературную извѣстность Достоевскомъ, ни о многихъ другихъ выдающихся нашихъ писателяхъ, которыми русская литература того времени могла по праву гордиться. И это молчаніе и приведенные отзывы о главнѣйшихъ представителяхъ русской литературы являются тѣмъ болѣе странными, что, по признанію Гавличка (въ письмѣ къ Запу отъ 3 мая 1843 г.), у него было достаточно времени для занятій, а бібліотека Шевырева, богатая произведеніями всѣхъ вообще литературъ, Погодина, изобиловавшая книгами историческими и старыми русскими, славянская бібліотека Бодянского и, наконецъ, университетская — всѣ были къ его услугамъ.

Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что Гавличку прежде всего, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Москву, пришлось познакомиться съ твореніями Гоголя. Это знакомство произошло само собой. Домъ Шевырева, какъ выше свидѣтельствовалъ самъ Гавличекъ, былъ складомъ изданій Гоголя. Познакомившись съ произведеніями Гоголя, Гавличекъ немедленно приступаетъ къ переводу нѣкоторыхъ повѣстей его на чешскій языкъ. Уже въ октябрѣ (24-го) 1843 года онъ обѣщаетъ выслать Запу ²¹⁾

21) Korespondence K. Havlíčka, str. 112—113.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

переводъ трехъ повѣстей Гоголя, при чемъ сообщаетъ нѣкоторые свѣдѣнія о содержаніи ихъ.

«Въ двухъ повѣстяхъ, — говоритъ Гавличекъ, — комически изображена жизнь мелкопомѣстнаго малорусскаго дворянства въ деревнѣ («Старосвѣтскіе помѣщики», или, какъ Гавличекъ переводитъ, «Filemon a Vaucis») и въ городѣ («Matěj a Matouš», т. е. «Повѣсть о томъ, какъ поспорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»), а третья — рисуеъ бытъ бурсаковъ». Эти переводы, согласно обѣщанію Гавличка, предназначались для Zrcadla, задуманнаго Запомъ. Гавличекъ въ томъ же письмѣ преподаетъ Запу слѣдующій совѣтъ, въ извѣстной степени опредѣляющій взглядъ его на указанные произведенія Гоголя: «Если вы желаете помѣстить въ «Зерцалѣ» что-либо сухое, незанимательное, тогда прибавьте это къ тому выпуску, въ коемъ будутъ напечатаны эти повѣсти Гоголя: онѣ весьма забавны, — какъ бы публика не разлакомилась».

Только къ концу января 1844 года обѣщанные переводы Гавличекъ надѣялся окончить, при чемъ извѣщалъ Запа, что изъ «Вія» онъ переведетъ только часть (а именно: «ropsání kijevských burzaků»), такъ какъ предлагать чешскому читателю переводъ всей повѣсти было бы противно задачамъ «Зеркала»; съ другой стороны, и самая повѣсть, хотя и основанная на народномъ преданіи, казалась Гавличку сильно переиначенной, ненародной и имѣющей весьма малую беллетристическую цѣну.

Въ то же самое время Гавличекъ выражалъ желаніе дополнить и исправить, согласно новому изданію²²⁾, «Тараса Бульбу», переведеннаго К. В. Запомъ для журнала Kwěty еще въ 1839 году, но такъ какъ единственный экземпляръ этого журнала, имѣвшійся въ библіотекѣ Бодянскаго, проданной имъ университету, былъ недоступенъ, ибо библіотека лежала неразобранной, и пользоваться ею не позволялось, то это намѣреніе Гавличку пришлось отложить. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ къ Запу

22) 1 мая ст. ст. 1843 г. онъ пишетъ Запу: «Gogola spisy vyšly ve 4 dílech; Taras Bulba velmi zdokonalen a skoro o polovic větší».

изъ Москвы онъ прямо говоритъ о томъ, что дополненія эти онъ сдѣлаеть, если будетъ нужно, уже въ Чехіи, т. е. по возвращеніи на родину. Въ Чехіи же спустя нѣсколько лѣтъ сдѣланъ былъ Гавличкомъ и переводъ «Мертвыхъ душъ».

Относительно переводовъ Гавличка вообще можно замѣтить, что всѣ они отличаются большою близостью къ оригиналу, хотя не всюду переводчикъ надлежащимъ образомъ понимаетъ русскій текстъ. Гавличекъ переводитъ обыкновенно слово за словомъ, вообще чрезвычайно точно, не обходя болѣе трудныхъ мѣстъ, какъ это дѣлали позднѣйшіе переводчики; конструкція его предложеній поразительно близка къ русской, и этимъ переводы его сильно и выгодно отличаются отъ позднѣйшихъ. Все это можно сказать о внѣшней сторонѣ переводовъ Гавличка.

Но едва ли можно утверждать, что Гавличекъ понималъ истинное значеніе Гоголя для русской литературы и умѣлъ дать своимъ соотечественникамъ вѣрное опредѣленіе творчества его, а между тѣмъ такого рода утвержденія мы встрѣчаемъ въ жизнеописаніяхъ Гавличка. Такъ, редакторъ послѣдняго изданія переписки Гавличка Л. Квисъ утверждаетъ, что Гавличекъ правильно понималъ значеніе Гоголя и для русской и для чешской литературы: «Třeba i podceňoval Puškina, házeje jej nemilosrdně do koše s ostatními napodobiteli západu, přece dlužno se podiviti tomu, jak správně vystihuje význam Gogolův pro ruské a spolu hned pro české písemnictví»²³). Но это утвержденіе ничѣмъ не поддерживается и никакъ не вытекаетъ изъ того, что сказано было Гавличкомъ о Гоголѣ.

«Неподражаемый ключъ къ уразумѣнію современной русской жизни», «Мертвыя души» остались непонятыми Гавличкомъ.

Односторонность пониманія Гавличкомъ произведеній Гоголя констатировалъ уже Шевыревъ въ одномъ изъ писемъ къ Погодину²⁴). Упрекая Гавличка въ полномъ отсутствіи интереса къ русскимъ лѣтописямъ, древней письменности, писателямъ эпохи до на-

23) Korespondence K. Havlíčka, str. 86.

24) Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. VIII, стр. 452—454.

чала сороковыхъ годовъ, вообще ко всему тому, что необходимо было изучить для пониманія русской жизни, Шевыревъ утверждаетъ, что Гавличекъ довольствовался знакомствомъ лишь съ однимъ Гоголемъ, при чемъ понималъ въ немъ одну только комическую сторону, которая приходилась по сердцу его наклонности къ смѣшному. Свой взглядъ на «Мертвыя души» Гавличекъ выразилъ въ нѣсколькихъ строкахъ предисловія, предпосланнаго переводу ихъ: называя бессмертную поэму «замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ перваго русскаго юмориста», онъ видитъ въ ней прежде всего чрезвычайную *zábauňost*, которая не позволитъ читателямъ скучать. Такими же «забавными» произведеніями, какъ было указано выше, онъ считалъ и повѣсти Гоголя. Такого рода сужденія, отзывы о необыкновенно яркомъ юморѣ Гоголя, какъ исключительномъ дарованіи его, не чужды были, правда, и тогдашней русской литературной критикѣ, и молодой славянскій гость нашъ легко могъ поддаться влиянію чужихъ взглядовъ и вкусовъ.

Великое соціальное значеніе «Мертвыхъ душъ», влияніе этого произведенія на русскую литературу и литературныя понятія, глубокое проникновеніе художника-мыслителя въ тайники души русскаго человѣка, — все это осталось для Гавличка закрытой книгой, открыть которую онъ не сумѣлъ. Смѣсь слезъ и смѣха, «внѣшній смѣхъ и тайный плачъ», — основныя черты творчества Гоголя, были не замѣчены Гавличкомъ, и Гоголь въ изображеніи его представляется лишь юмористомъ, «забавнымъ пересмѣшникомъ», безъ той «думы скорби на челѣ», которая неразлучна съ вѣрнымъ его портретомъ.

По возвращеніи на родину Гавличекъ продолжаетъ знакомить своихъ соотечественниковъ съ произведеніями Гоголя. Раньше всего появились въ печати сдѣланные Гавличкомъ еще въ Москвѣ переводы «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» («*Starosvětská šlechta*») и «Носа»; переводы эти вышли въ изданіи *Biblioteka zábavného čtení (Nový běh, svazek V, str. 33, 102)* за 1845 годъ²⁵⁾.

25) Въ 1893 году оба перевода Гавличка вышли въ новомъ изданіи Фр. Бачковского. Второй переводъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» сдѣланъ Яномъ

Въ 1846 году Гавличкомъ былъ изданъ въ журналѣ *Česká Včela* (№ 35, подписано: Н. В., т. е.: *Havlíček Borovský*) отрывокъ изъ «Віа», подъ заглавіемъ: «*Kujevští študenti, jak byli před časy*»²⁶).

Къ 1847-му году относятся переводы Гавличка: «Шинели» (подъ заглавіемъ: «*Plášť*») и «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» (*Pověst o tom, kterak se rozhněvali pan Matěj s panem Matoušem*), вышедшіе въ сборникѣ: *M. Gógola Zábavné spisy* (Прага, 1847) и отдѣльнымъ изданіемъ²⁷).

Радостно привѣтствовалъ это первое, въ видѣ самостоятельнаго сборника, изданіе избранныхъ сочиненій Гоголя литературный критикъ журнала *Květy*²⁸: «Гоголь! Одна изъ первѣйшихъ звѣздъ на небосклонѣ русской литературы, одинъ изъ главнѣйшихъ столповъ храма русской романтики. Творенія его, вышедшія въ прошломъ году въ французскомъ переводѣ, стали достояніемъ всего просвѣщеннаго міра, а отнынѣ будутъ украшеніемъ и въ сокровищницѣ нашей переводной литературы».

Выразивъ похвалу переводчикамъ за ихъ симпатичное начинаніе, чешскій критикъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ

Гербеюмъ (*Zora*, 1882); третій—Л. Шкорпиломъ (*Moravská Orlice*, 1885); четвертый—Яномъ Вагнеромъ (*Česká bibl. ročníká*, R. II, sv. 5) и пятый—И. Гошкомъ (*Ruská knih.*, 1893, XVI, 5—28). Гошку принадлежатъ и послѣдній переводъ повѣсти «Носъ» (*Ruská knih.*, XVI, 249—275).

26) Вслѣдъ за Гавличкомъ тотъ же отрывокъ «Віа» въ 1847 году перевелъ Христіанъ Стефанъ въ сборникѣ повѣстей Гоголя: *M. Gógola Zábavné spisy*, подъ заглавіемъ: «*Kujevští školáci*». Отрывокъ, переведенный Гавличкомъ, перепечатанъ былъ въ 1857 году въ календарѣ «*Průrok*» (стр. 65 и сл.). Полный переводъ «Віа», сдѣланный И. Гошкомъ, вышелъ въ «Русской библ.» (т. XVI, 155—194), а подъ заглавіемъ «*Král duchů*», въ переводѣ П. Изерской, онъ былъ напечатанъ въ газетѣ *Pišeňské Listy* въ 1893 г. (№ 93 и сл.).

27) Вторымъ изданіемъ этотъ переводъ «Шинели» вышелъ у Фр. Бачковскаго въ Прагѣ въ 1892 г., а «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»—въ 1893 г. Новый переводъ ихъ принадлежитъ И. Гошку (*Ruská knih.*, т. XVI, 333—364, 195—248).

28) 1847, стр. 344. Краткая библиографическая замѣтка объ этомъ изданіи появилась въ этомъ журналѣ уже въ № 36, стр. 143.

творчество Гоголя: «Перо Гоголя подобно волшебному жезлу, при помощи котораго дѣйствительная, неподдѣльная жизнь разнообразной Россіи переносится на бумагу, безъ нарушенія оригинальности этой жизни, безъ ослабленія силы ея красокъ. Геній Гоголя подобенъ проказнику-гному, который играетъ то маленькимъ зернышкомъ чистаго золота, то мишурными блестками и такъ искусно вращаетъ ихъ, что каждый разъ онѣ иначе сияютъ, и каждый разъ на нихъ увидишь нѣчто новое».

Приводимъ здѣсь интересные, свидѣтельствующіе о вдумчивомъ пониманіи произведеній Гоголя, отзывы критика о вышедшихъ въ этомъ сборникѣ переводахъ. О «Тарасѣ Бульбѣ», переведенномъ, какъ выше было отмѣчено, К. В. Запомъ, по поводу употребленныхъ переводчикомъ двухъ различныхъ опредѣленій повѣсти: «*Obraz starého kozáctva*» и «*Pověst kozácká*», критикъ замѣтилъ: «Если бы мы вздумали приложить къ произведенію Гоголя обычную форму повѣстей, то въ самомъ дѣлѣ не знали бы, какъ съ нею приступить къ нему, и едва-ли какое-либо изъ мѣриль пришлось бы по нему. Но въ этомъ нѣтъ бѣды. При помощи параграфовъ эстетики не создавалось еще ни одно художественное произведеніе, и наоборотъ — изъ истинно-художественныхъ произведеній возникло много эстетическихъ параграфовъ... Назовемъ ли мы «Тараса Бульбу» «казацкой повѣстью», или «картиной стараго казачества», — это не можетъ повліять на цѣну самаго произведенія, которое навсегда останется замѣчательнымъ явленіемъ русской беллетристики, величественнымъ и могучимъ дубомъ на рубежѣ поэзіи и прозы, озареннымъ сіяніемъ заходящаго солнца, огненной картиной бьющей ключемъ жизни, не знающей никакихъ узъ, полной разнообразнѣйшихъ фигуръ и цѣлыхъ группъ удалыхъ искателей приключеній, такъ что глазъ не знаетъ даже, на чемъ прежде всего остановить свое вниманіе. Главное здѣсь — не внутренняя основа творенія, не совершенное и прочное соединеніе всѣхъ частей его, впередъ выдвигается не столько причина, сколько слѣдствіе — и притомъ со всею силою пластики. Увлеченные живымъ потокомъ дѣйствія, развивающагося предъ

нашими очами, мы сосредоточиваемъ взоры на томъ, что несется мимо насъ, не доискиваясь источника, изъ коего все это истекаетъ. Къ этой «картинѣ казачества» мы невольно должны приложить иную мѣрку, чѣмъ къ обыкновенной повѣсти».

Не менѣе восторженно отзываясь о повѣсти Гоголя и современный критикъ, который желалъ бы видѣть и въ чешской литературѣ историческую повѣсть, подобную «Тарасу Бульбѣ». «Тарасъ Бульба — прелестная историческая картинка. Попробуйте взять любой образчикъ исторической беллетристики, процвѣтавшей въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, напимѣрь въ Германіи, и убѣдитесь, въ состояніи ли будете дочитать до конца болѣе обширную повѣсть. Прочитавъ нѣсколько страницъ, вы положите книгу въ сторону. Безсодержательность разсказа, безцвѣтность формы и матеріи утомятъ васъ тотчасъ же. «Тараса Бульбу» прочитаете съ удовольствіемъ до послѣдней строки и съ любопытствомъ будете искать еще продолженія. За исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей, коими произведеніе это связано съ своей эпохой (романтизмъ дѣйствія и героевъ, связь Андрія съ польской красавицей, картины сношеній влюбленныхъ и нѣкоторыя преувеличенія въ изображеніи характеровъ и военнаго счастья казаковъ), повѣсть о казацкой жизни въ Запорожьѣ, дикой жизни степи, необузданности нравовъ Сѣчи, военномъ движеніи въ окрестностяхъ осажденнаго Дубна и прочія главы казацкаго романа читаются какъ нѣчто свѣжее, вчера только появившееся. Произведеніе это отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ современному повѣствовательному искусству: оно имѣетъ свой особенный ароматъ, мѣстный колоритъ и множество поэтически использованныхъ деталей времени и мѣста. Приблизительно такую картину военнаго лагеря мы желали бы видѣть у нашихъ гуситовъ подъ Вышеградомъ или подъ Пльзенью.. Удивительно, откуда авторъ тридцатыхъ годовъ набралъ красокъ и матеріала для своей кипящей жизнью исторической картины! Въ ней нѣтъ ни тѣни кропотливыхъ студій, тщательнаго собранія замѣтокъ и записокъ. Все это какъ бы схвачено

въ дыханіи воздуха, въ самой природѣ тѣхъ давно минувшихъ временъ»...²⁹⁾).

Первый критикъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на повѣстяхъ: «Какъ поссорился Иванъ Ивановичъ...» и «Шинель». Авторъ, говоритъ онъ о Гоголѣ, какъ бы играетъ кускомъ нѣжной фарфоровой глины, которая въ рукахъ великаго художника пріобрѣтаетъ все новыя и новыя формы. Подобный остроумный рассказъ о столь ничтожныхъ предметахъ могло создать только гениальное перо Гоголя. Критикъ находитъ, что повѣсть, которую можно было бы назвать комической идилліей, если бы подобное опредѣленіе существовало въ какой-либо словесности, написана въ сильномъ Хоггартовскомъ стилѣ, кое-гдѣ даже слишкомъ яркими, крикливыми красками³⁰⁾.

Относительно содержанія обѣихъ онъ говоритъ слѣдующее: «Можно ли найти предметъ проще и незамысловатѣе? Это—повѣствованіе безъ всякой завязки и развязки, и какое тутъ множество игриваго юмора и шутливой ироніи! Какова сила наблюдательности и мелкихъ, правда, но чрезвычайно удачныхъ узоровъ, чертъ и точекъ, постепенно создающихъ въ общемъ блестящую картину извѣстной части русской жизни. Въ этомъ отношеніи Гоголь обладаетъ гениальною изобрѣтательностью и столь вѣрно рассчитанными словами, что всегда попадаетъ ими въ цѣль; каждый оборотъ его заключаетъ нѣчто знаменательное, язвительно затрагивающее то общественные нравы, то отношенія частныя и общественныя. Читателя увлекаетъ не столько предметъ рассказа, сколько самый способъ изложенія. Въ этомъ Гоголь недостижимъ!»

Нельзя не признать остроумными сужденія чешскаго критика о «Портретѣ». По мнѣнію критика, Гоголь представляется намъ здѣсь, какъ поэтъ, одаренный необычайной фантазіей, дикой, наполняющей насъ ужасомъ; здѣсь онъ обнаруживаетъ то демоническое настроеніе (*infernalní rozmar*), какимъ, на примѣръ,

29) *Národní Listy*, 1896, № 271.

30) *Květy*, 1847, стр. 352, 379—380.

отличается Гоффманнъ. Такимъ характеромъ проникнута уже въ извѣстной степени «Шинель», но тамъ онъ скрывается хоть частью подъ покровомъ дѣйствительной жизни. Критикъ справедливо замѣчаетъ, что, кромѣ элемента чисто фантастическаго, повѣсть имѣетъ нѣсколько тенденціозныхъ, касающихся вопросовъ искусства, орнаментовъ, придающихъ всему произведенію своеобразный, оригинальный характеръ.

«Носъ» чешскій критикъ называетъ «взрывомъ необузданнѣйшей, лишенной всякаго удержу фантазіи, не обращающей вниманія на то, что скажетъ о созданіяхъ ея строгая дѣйствительность». «Казалось бы, говорить критикъ, что для подобной мелочи не стоитъ обмакивать перо, а между тѣмъ Гоголь сумѣлъ украсить ее удивительнымъ богатствомъ юмора и оживить блескомъ красокъ дѣйствительности». Не менѣе восторженнымъ является и отзывъ о «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ». Критикъ прежде всего находитъ, что повѣсть поражаетъ читателя чрезвычайной легкостью разсказа, текущаго плавно безъ всякихъ усилій со стороны разсказчика, безъ всякихъ лишнихъ словъ. «Это истинный шедевръ стиля!» замѣчаетъ онъ. По его мнѣнію, «Старосвѣтскіе помѣщики» являются восхитительной идилліей, далеко превосходящей десять книгъ неестественныхъ идиллій Геснера, съ ихъ безжизненными маріонетками, сисящими казаться людьми изъ крови и тѣла.

Въ 1849-мъ году вышелъ наконецъ и переводъ «Мертвыхъ душъ» («Mrtvé duše»), печатавшійся въ редактированной Гавличкомъ газетѣ Národní Noviny съ № 156 (20-го іюля н. ст.) по № 207 (11 сентября н. ст.). Въ № 221 той же газеты напечатана была въ переводѣ Н. В. (т. е.: Гавличка-Боровскаго) «Лакейская» («Lokajství»³¹).

Переводъ «Мертвыхъ душъ» не отличался однако полнотой и

31) Издатель корреспонденціи Гавличка Л. Квисъ ошибочно утверждаетъ, въ примѣчаніи на стр. V, что эта сцена не была никогда напечатана и сохранилась только въ рукописи, въ бумагахъ Гавличка, въ бібліотекѣ Чешскаго Музея.

точностью, и Гавличекъ, сознавая недостатки его, приготовилъ въ послѣдствіи болѣе полный, исправный и тщательнѣе отдѣланный текстъ перевода, которому не суждено было однако появиться въ печати при жизни переводчика. Переводу своему Гавличекъ предпослалъ въ *Národních Novinách* слѣдующія строки: «Надѣюсь, что именно въ настоящее время я приобрѣту благодарность нашего общества, познакомивши его съ этимъ замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ перваго русскаго юмориста, особенно потому, что въ этомъ произведеніи прекрасно изображены разнообразныя русскіе характеры. Хотя произведеніе это довольно длинно и, по моему расчету, можетъ печататься въ газетѣ нашей около мѣсяца, однако необыкновенная занимательность его (*zábavnost'*) никому не позволитъ скучать, и мнѣ кажется, что этимъ хорошо восполнится нынѣшняя скудость политическихъ статей». Дополненнымъ и исправленнымъ переводомъ³²⁾ «Мертвыхъ душъ» Гавличка³³⁾ воспользовался въ послѣдствіи д-ръ В. Ржезничекъ, напечатавшій его въ своемъ изданіи *Modrá knihovna*³⁴⁾. Гавличекъ перевелъ только первую часть поэмы Гоголя. Не желая присоединять къ этому переводу какой-либо чужой переводъ отрывковъ второй части и основываясь на мнѣніи Гавличка, что

32) Однако, и этотъ дополненный и исправленный переводъ Гавличка никакъ нельзя назвать полнымъ и всегда вѣрнымъ. Гавличекъ почему-то и въ этой позднѣйшей переработкѣ своего перевода избѣгаетъ лирическихъ и описательныхъ мѣстъ. Мы не будемъ перечислять здѣсь эти пропуски, а ограничимся только указаніями на нѣкоторые неточности въ переводѣ Гавличка. Такъ «на закускѣ послѣ обѣдни» онъ переводитъ: «na vvačíně», понимая выраженіе «послѣ обѣдни» въ смыслѣ «послѣ обѣда» (*vvačina*—вѣм. *Jause*); «казенная палата» Гавличекъ переводитъ «*zemský soud*», «подмигивающій глазъ»—«*šilhavé oko*» (т. е. косой); «ключница»—«*kuchařka*»; «слишкомъ два часа»—неправильно переведено: «*zrovna* (т. е.: именно, какъ разъ) *dvě hodiny*»; «изъ-за избъ тянулись... огромныя клады хлѣба» — не понято и переведено: «*za chalupami táhly se veliké kusy polí s obilím*» и т. д.

33) Вырѣзки изъ *Národních Novin* съ собственноручными поправками и дополненіями Гавличка хранятся въ библіотекѣ Чешскаго Музея. Приложенный здѣсь снимокъ есть одна изъ страницъ позднѣйшихъ дополненій къ первоначальному переводу «Мертвыхъ душъ».

34) *Ročn.* III, № 5—6, 1894 года. Замѣтку объ этомъ изданіи см. въ газетѣ *Čas* 1894, str. 569.

F [Starý, obšírný sad, táhnoucí se za domem, zaháje-
 jíci až za sels, a tralí se pak v polích, zarostlý a
 zhrustinatělý, obíroval jak se zdálo sám jediný tuto
 obšírnou ves, a sám jediný byl malebně se svou krásnou
 prostotou: jako zelená oblaka a nepravidelné list-
 naté káně ležely na nebesním horizontě spojené
 vrstvy vybuňčelých na svobodě stromů. Bílý, ohromný
 pevný bříz, bez vrcholu vrazeního buď bouří neb kos-
 mem činil z této zelené kóně jako pravidelný mra-
 morový, ~~hladký~~ blyštící se sloup; níže ostrokončinná
 zlomenina ^{ichs}, kterou se končí na hoře místo ve-
 pitálu, čarovala se ^{v jeho} snežné bělouš ~~střep~~ jako čepice
 aneb jako činný pták. Chmel zapletený dole v větvích
 jeřábových, bezovýh a v ~~o~~ očí, ~~pro~~ probíhající pak
 po větvích celého plotu, vyběhl konečně vyhnou a
 obrnul do polovice zlamanou bříz. Dosáhnou na
 ní do polovice spustil se odlamtý zase dolů, a na-
 chystal se na větvě jiných stromů, sem tam visel jen
 se větvi v kotoních upevněných ~~střep~~ tenkých, vazových
 m ~~h~~ hány zhlava se volibaje vzhůrem. Místem se
 otvíraly zelené kóně ^{jiný}, oživené sluncem, a ukazovaly
 neovětlený kontex, jako temnou past, on byl celý stí-
 nem pokrýt a sotva že se jen v činné hlubíně jeho mi-
 kaly úžná střížka, povolené zadržet; kolíci se besídka
 starý, zhrublý ~~střep~~ pevný jív, uschlé v takové hmlině,
 listů a větví spletení a ~~smotané~~, a konečně mládí

Автографъ Карла Гавличка-Боровскаго.

(Описание сада Плюшкина: « Старый, обширный, тянувшийся позади дома садъ... »)

первая часть сама по себѣ является вполне законченнымъ цѣлымъ, издатель ограничился перепечаткой приготовленной Гавличкомъ первой части «Мертвыхъ душъ». Такое отношеніе къ переводу Гавличка имѣеть свое основаніе, но никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ издателя, что отрывки второй части «Мертвыхъ душъ» могутъ имѣть интересъ только для русскаго историка литературы, но никакъ не для чешской публики.

Вторично переведены были «Мертвыя души» Е. Ваврой въ изданіи И. Кобра *Slovanské Besedy* (Ročník II, Praha, 1862) и вышли въ трехъ частяхъ (I-ая—208 стр., главы I—VII; II-ая—182 стр., главы VII—XII; III-я, посмертная,—143 стр., главы XIII—XVI).

Лучшимъ и единственно полнымъ переводомъ поэмы Гоголя слѣдуетъ, несомнѣнно, признать переводъ И. Гошка, вышедшій въ 1891 году въ Русской Библиотекѣ (*Ruská knihovna*, томъ XI), издаваемой И. Отто, подъ редакціей извѣстнаго чешскаго публициста и переводчика произведеній русской литературы Я. К. Грубаго. Переводъ этотъ сдѣланъ по десятому изданію сочиненій Гоголя 1889 года, вышедшему подъ ред. И. С. Тихонравова. Первая часть — есть точный переводъ той редакціи, которая помѣщена въ изданіи Тихонравова, въ томѣ III-мъ, стр. 3—249. «Относительно перевода второй части», говоритъ редакторъ чешскаго изданія, «у насъ возникали нѣкоторыя сомнѣнія, но мы рѣшились все-таки перевести и эту часть «Мертвыхъ душъ», на томъ основаніи, что и въ отрывкахъ ея, хотя и не столь обработанныхъ и совершенныхъ, какъ этого желалъ самъ авторъ, заключается столько возвышенной красоты, такъ много глубокихъ мыслей, что и чешскій читатель съ благодарностью прочтетъ эти незначительные обломки великолѣпной эпопеи и пожалѣетъ о невознаградимой потерѣ всего творенія». При переводѣ второй части переводчикъ придерживался, по его словамъ, такъ называемаго исправленнаго текста, напечатаннаго Тихонравовымъ въ IV-мъ томѣ (стр. 287—408), при чемъ позволилъ себѣ сдѣлать два отступленія отъ этого текста, а именно: въ главу вторую переводчикъ

включилъ анекдотъ Чичикова о «черненькихъ» и «бѣленькихъ»³⁵⁾ и въ главу пятую — два эпизода: разговоръ Чичикова съ адвокатомъ и конецъ бесѣды Муразова съ Хлобуевымъ. Обѣ эти вставки заимствованы чешскимъ переводчикомъ изъ первой редакціи второго тома «Мертвыхъ душъ», помѣщенной въ изданіи Тихонравова въ томѣ III-мъ, на стр. 279—411. Кромѣ того, для большей связности текста первыхъ четырехъ главъ, переводчикъ дополнилъ нѣкоторыя части второго тома по воспоминаніямъ тѣхъ лицъ, коимъ Гоголь читалъ его; такъ, вторая глава дополнена въ чешскомъ переводѣ на основаніи воспоминаній Арнольди (въ изд. Тихонравова т. III, стр. 556—561), пропуски въ главахъ третьей и четвертой — по замѣткамъ Шевырева (въ изд. Тихонравова т. IV, стр. 577 и 582).

Отмѣтимъ далѣе всѣ прочіе, извѣстные намъ, чешскіе переводы произведеній Гоголя. Къ сороковымъ годамъ относится еще полный переводъ «Записокъ сумасшедшаго» («Zápisky blázna»), появившихся впервые въ ж. Kwěty (№ 13) за 1846 г. Впослѣдствіи, подъ заглавіемъ «Z denníka šilence», перевелъ «Записки» А. В. Экъ въ ж. Lumír въ 1873 году (т. I, стр. 273); отрывки изъ нихъ, читавшіеся на сценѣ В. Н. Андреевымъ-Бурлакомъ, перевелъ д-ръ Павелъ Дурдикъ въ очеркѣ: «Scény z Gogolových Bláznových zápisek, které představuje herec V. N. Andrejev-Burlak» (Světozor, 1886, стр. 523 и сл., съ 8-мью иллюстраціями); въ 1892 г. въ газетѣ Český Jih (приложеніе къ № 16 и сл.) «Записки» напечатаны были въ переводѣ неизвѣстнаго лица, подъ заглавіемъ: «Z denníku blázna» и, наконецъ, въ названной уже нами Русской Библиотекѣ (т. XVI, стр. 418—441) онѣ вышли въ послѣдній разъ въ переводѣ И. Гошка.

Въ 1847 году вышелъ журналъ Česká Wčela (1847, № 95—97) переводъ «Коляски» («Kočárek»), сдѣланный, какъ можно предполагать на основаніи внѣшнихъ признаковъ, самимъ редак-

35) По-чешски извѣстное выраженіе: «Полюбите насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбить», переведено: «Měj nás rád neumyté, umyté má nás rád každý». Едва ли можно признать эту передачу удачной.

торомъ журнала Карломъ Гавличкомъ-Боровскимъ. Вторично, подъ заглавіемъ: «Коѣгъ», перевелъ этотъ рассказъ И. Гудецъ въ юмористическомъ журналѣ Paleček (1879 г.); въ журналѣ Jitřenka 1888 г. (№ 23 и 24) помѣщенъ былъ третій переводъ Яна Новака (подъ заглавіемъ «Koleska»); наконецъ, четвертый переводъ принадлежитъ И. Гошку (Ruská knihovna, т. XVI, str. 365—380).

Къ тому же 1847-му году относится появленіе въ переводѣ Хр. Стефана «Портрета» («Podobizna») и «Невскаго проспекта» (въ сборникѣ М. Gógola Zábavné Spisy и отдѣльно). И. Гошку принадлежитъ новѣйшій переводъ обоихъ рассказовъ (Ruská knih., т. XVI, стр. 276—322, 381—417). Кроме того, «Портретъ» вышелъ нѣсколько раньше въ переводѣ И. К. Шляйса въ газетѣ Klatovské Listy (1883 г., № 1 и сл.).

Въ періодъ времени съ 1849 года, когда Гавличекъ напечаталъ отмѣченный выше переводъ «Лакейской», до 1852 года, т. е. до смерти Гоголя, новые переводы произведеній Гоголя, насколько намъ извѣстно, не появлялись, и только смерть великаго писателя пробудила вновь интересъ чешскаго общества къ его безсмертнымъ твореніямъ.

Въ теченіе 1852 года появились слѣдующіе переводы: въ журналѣ Lumír (т. I, стр. 361): «Майская ночь» («Majová noc»), въ переводѣ F. V. K.; въ газетѣ Pražské Noviny, выходящей подъ редакціей поэта В. Яроміра Пизка, тотъ же переводчикъ (F. V. K.) помѣстилъ: 1) «Сорочинскую ярмарку» («Trh v Sorochíně», № 202—210) и 2) «Страшную мечь» («Strašná pomsta», № 212, 214—223, 225). Редакція Пражскихъ Новинъ предпослала переводу второй повѣсти слѣдующее примѣчаніе: «Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на эту, у насъ до сего времени еще неизвѣстную, повѣсть. Гигантскія фигуры, нарисованныя здѣсь мастерскимъ перомъ недавно скончавшагося Гоголя, напоминаютъ намъ титановъ-героевъ мрачныхъ скандинавскихъ сагъ. Повѣсть эта является полною противоположностью «Майской ночи».

«Майскую ночь» впоследствии переводили на чешскій языкъ:

1) В. Ржига въ журналѣ Světozor 1877 года (т. XI, 6); 2) неизвѣстный переводчикъ—въ календарѣ Česko-Moravská pokladnice на 1883 г. (стр. 83—104, съ иллюстраціями); 3) И. Илька въ газетѣ Краконошъ въ 1885 г. и 4) И. Гошекъ въ Русской Библ. (т. XIII, 56—85). Здѣсь же отмѣтимъ и переводъ либретто оперы Н. А. Римскаго-Корсакова «Майская ночь», сдѣланный для чешской сцены В. И. Новотнымъ (См. Zlatá Praha, 1886, 540).

«Сорочинская ярмарка» извѣстна намъ еще въ слѣдующихъ переводахъ: 1) въ 1855 году ее перевелъ д-ръ И. П. для журнала Lumír (т. I, 242), подъ заглавіемъ «Soročinsky trh»; 2) въ переводѣ М. («Trh Soročinský») она появилась въ 1865 году въ газетѣ Lužničan (Tábor); 3) переводъ В. Р. вышелъ въ 1875 г. въ журналѣ Světozor (т. IX, стр. 197, 210, 220, 236); 4) подъ заглавіемъ: «Výroční trh v Soročincích» Яуз Вагнеръ издалъ эту повѣсть въ коллекціи Česká bibl. rodná (Ročník II, sv. 5); 5) послѣдній переводъ сдѣланъ И. Гошкомъ для Русской Библ. (въ 1892 г., т. VIII, стр. 7—38). Замѣтимъ кстати, что въ пражскомъ нѣмецкомъ журналѣ Ost und West эта повѣсть вышла еще въ 1847 году (№ 83—88) въ переводѣ I. Е. Шнейдера, подъ заглавіемъ: «Der Jahrmart zu Sorotschin». «Страшную мечь» вторично перевелъ въ 1890 году въ газетѣ Slovacké Noviny (№ 69 и сл.) А. В. Верекинъ, а въ третій разъ она переведена И. Гошкомъ въ Русской Библ. (т. XIII, стр. 152—194).

Въ 1855 году въ журналѣ Lumír (т. I, стр. 315) появилась «Ночь передъ Рождествомъ» («Noc před Vánosemi») въ переводѣ Либишанскаго; вторично перевелъ ее В. Покъ въ изданіи И. Л. Кобра Ustřední knihovna (вып. 73); третій переводъ, подъ заглавіемъ: «Štědrý večer», принадлежитъ Руд. Бѣгалу (въ газетѣ Moravská Slovač, 1888, № 87), четвертый—Яну Вагнеру (Česká bibl. rodná, R. II, sv. 5) и пятый—И. Гошку (Ruská knih., т. XIII, стр. 105—151).

Значительно позже сдѣлался достояніемъ чешской литературы «Ревизоръ». Комедія Гоголя впервые была представлена на сценѣ пражскаго «Временнаго театра» («Prozatimní divadlo»)

21 апрѣля 1865 года, въ переводѣ И. Гуттара: «Revisor, ruská národní komedie v 5 jednáních»³⁶). На сценѣ чешскаго Национальнаго театра (Národní Divadlo) она была поставлена только 20 октября 1891 года и имѣла, какъ свидѣтельствуютъ театральные отчеты, несомнѣнный успѣхъ (См. Národní Listy, 1891, № 298; Zlatá Praha, № 50, str. 600; Světozor, № 49, str. 587—589; Čas, str. 698—699; Česká Thalie, str. 359 и сл.). Второй переводъ, сдѣланный I. S., носить заглавіе: «Revisor, aneb: «Nehněvej se na zrcadlo, máš li křivou hubu», veselohra v 5 jednáních», и вышелъ въ двухъ изданіяхъ: 1) въ журналѣ Česká Thalie въ 1867 г., и 2) въ коллекціи Divadelní ochotník (вып. 4-й) въ 1882 г. Изъ журнальныхъ сообщеній мы знаемъ, что «Ревизора» перевелъ на чешскій языкъ и В. Ч. Бендль, извѣстный переводчикъ произведеній Пушкина, но переводъ его остался неизданнымъ (См. Lumír, 1865, 175; Rozhledy literární, 1886, 112). Новѣйшій (1892 г.) переводъ «Ревизора» сдѣланъ И. Гошкомъ (Ruská knih., т. XIII, 231—341; рец. Vlast, 1893, № 5), присоединившимъ впервые къ переводу комедіи Гоголя и «Развязку Ревизора» («Rozuzlení Revisora»). Въ 1902 году переводъ Гошка съ вступительной статьёй д-ра К. Кольмана вышелъ въ популярномъ изданіи Světová knihovna (вып. 271—272). Съ шестидесятихъ годовъ и до настоящаго времени «Ревизоръ» встрѣчаетъ всегда сочувственное отношеніе чешской публики и изрѣдка появляется на сценахъ небольшихъ загородныхъ театровъ, такъ называемыхъ пражскихъ «аренъ». Въ послѣдній разъ мы имѣли случай видѣть его на сценѣ такого театра (Pištěkovo divadlo na Král. Vinohradech) лѣтомъ 1901 года. «Ivan Fedorovič Šproňka» перевелъ Ц. Фричъ въ юмористическомъ журналѣ Palesček (1882 г.); второй переводъ принадлежитъ В. М. Имрамовскому, въ ж. Zlatá Praha (I. 1884, 198 и сл.), и третій — И. Гошку (Ruská knih., т. XIII, 195—221).

«Игроки» («Hráči. Obraz z ruského života v 1 jednání») перевелъ

³⁶) Ср. «Ревизоръ на чешскомъ языкѣ», Книжн. Вѣстн., 1865, № 10, 205. 3-й іюнь 1902 г. «Ревизоръ» опять поставленъ на сценѣ Нац. театра.

д-ръ Павелъ Дурдикъ и издалъ въ 1885 г. въ собраніи *Ochotnické divadlo* (вып. 12-й). «Игроки» представлены были въ первый разъ на сценѣ чешскаго Национальнаго театра 9-го января 1885 года. Произведеніе Гоголя, по отзывамъ театральныхъ рецензентовъ (*Slovanský Sborník*, IV, 1885, стр. 111. Ср. еще отчетъ о первомъ представленіи въ газ. *Národní Lístý*, 1885, № 11), имѣло несомнѣнный успѣхъ на чешской сценѣ. «Игроковъ» нельзя назвать новинкой, замѣчаетъ одинъ изъ критиковъ, тѣмъ не менѣе они явились лакомымъ блюдомъ, поднесеннымъ чешской публикѣ. Пьеса эта, представляющая въ сущности драматизированный анекдотъ, не понравилась бы, если бы ее написалъ писатель чешскій, но она имѣла успѣхъ, благодаря своему русскому характеру, и произвела бы сенсацию, если бы была написана какимъ-нибудь французскимъ писателемъ» . . .

Отрывокъ, «*Noc na Ukrajině*» (Украинская ночь) напечатанъ былъ въ газетѣ *Český Jih* въ 1891 г. (№ 5, приложение). Въ XIII-мъ томѣ Русской библиотеки въ переводѣ И. Гощка помѣщены еще: «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала» («*Svatojanský večer*», стр. 39—55), «Пропавшая грамота» («*Ztracený list*», стр. 86—98) и «Заколдованное мѣсто» («*Začarované místo*», стр. 222—230). Въ нѣмецкомъ переводѣ послѣдняя повѣсть стала извѣстна чешскому обществу значительно раньше, а именно уже въ 1847 г., когда она появилась въ переводѣ I. E. Шнейдера («*Der verzauberte Ort*») въ пражскомъ журналѣ «*Ost und West*» (№ 95 и 96).

* * *

Смерть Гоголя вызвала въ Чехіи неподдѣльное, искреннее огорченіе. Одну изъ первыхъ замѣтокъ о смерти популярнаго уже въ Чехіи русскаго писателя встрѣчаемъ въ № 73-емъ газеты *Pražské Noviny* 1852-го года. Здѣсь сообщалось: «Знаменитый русскій писатель Николай Васильевичъ Гоголь, произведенія котораго въ переводѣ и въ Чехіи пользуются большими симпатіями (кто не знаетъ, напримѣръ, его «Тараса Бульбы» и другихъ пре-

красныхъ сочиненій!), скончался въ Москвѣ 5 марта с. г., въ 8 ч. утра, послѣ непродолжительной болѣзни на 44 году жизни.

Подробныя извѣстія о послѣднихъ минутахъ, кончинѣ и похоронахъ Гоголя вскорѣ сообщилъ Ганкѣ, имѣвшему счастье лицезрѣть великаго русскаго писателя и бесѣдовать съ нимъ, московскій корреспондентъ его, переводчикъ Краледворской рукописи Н. В. Бергъ ³⁷⁾. «Драгоценный Вячеславъ Вячеславичъ!» писалъ онъ своему пражскому другу 19 апрѣля 1852 года, «вы конечно знаете, что мы лишились нашего великаго Гоголя. Это поразило насъ всѣхъ ужасно. До сихъ поръ не можемъ опомниться. Все, что у него оставалось не напечатаннымъ, онъ сжегъ, а равно и второй томъ Мертвыхъ Душъ. Въ сороковой день по кончинѣ его были поминки въ Даниловскомъ монастырѣ, гдѣ онъ положенъ рядомъ съ Языковымъ, Валуевымъ и Венелинымъ, и трапеза для сорока человѣкъ бѣдныхъ. Это было въ понедѣльникъ на Святой. Ст. П. Шевыревъ прочелъ за нашимъ обѣдомъ (который былъ тамъ же, въ покояхъ архимандрита) Свѣтлое Воскресеніе Гоголя. Всѣ были тронуты до слезъ. Немного такихъ мгновений, какія мы прожили тамъ, дается человѣку на землѣ! Миръ праху твоему, великій человѣкъ!... На памятникѣ, который хотятъ поставить ему друзья, будетъ (какъ говорили на поминкахъ) написано слѣдующее: Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся. Не помню, откуда это. Чуть ли не изъ книги І. Сына Сирахова. На поминкахъ присутствовали Шевыревъ, Погодинъ, Хомяковъ, П. Кирѣевскій, Елагинъ, Грановскій, Соловьевъ, Островскій (замѣчательный изъ молодыхъ писателей) и др., — всего около сорока человѣкъ. На похоронахъ его была, можно сказать, вся Москва. Я имѣю лишнюю гипсовую маску, снятую съ лица Гоголя; увѣдомьте, какъ бы мнѣ вамъ ее переслать, я бы переслалъ»...

По случаю кончины Гоголя Н. В. Бергъ написалъ для «Москвитянина» (1852, № 8, апрѣль, кн. 2-ая, стр. 273) стихотво-

37) Впослѣдствіи лекторъ русскаго языка въ Имп. Варшавскомъ университетѣ. Скончался въ 1884 году.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

реніе, которое сообщилъ Ганкѣ въ этомъ же письмѣ. Ганка не замедлилъ перевести на чешскій языкъ и приведенный нами отрывокъ изъ письма Берга и самое стихотвореніе и подѣлиться съ чешскимъ читателемъ скорбной вѣстью о кончинѣ великаго русскаго писателя, ставшаго уже хорошо извѣстнымъ въ Чехии. Стихотвореніе Н. В. Берга въ оригиналѣ и чешскомъ переводѣ и отрывокъ изъ письма напечатаны были въ приложеніи къ журналу Lumír 1852 г. (№ 8, 20 мая н. ст.)⁸⁸⁾.

НАДЪ ГРОБОМЪ ГОГОЛЯ.

Ударилъ часъ — и нѣтъ у насъ Его!
 Пылливое еще закрылось око!
 Еще у насъ не стало одного,
 Кто вѣдалъ Русь и жизнь ея глубоко.

И онъ, какъ тѣ, угасъ во цвѣтѣ лѣтъ,
 И всѣ сердца исполнились печали
 И поняли, кого межъ нами нѣтъ,
 Кого мы безвозвратно потеряли!

А между тѣмъ, тогда, какъ съ нами жилъ
 И дѣйствовалъ, и мыслилъ этотъ гений,
 Исполненный живыхъ, чудесныхъ силъ
 И тайныхъ неразгаданныхъ видѣній, —

Тогда вполнѣ его не понималъ
 Никто изъ насъ, по своему толкуя
 О томъ, что онъ въ душѣ своей скрывалъ,
 Одинъ за всѣхъ страдая и тоскуя.

И малодушно былъ онъ осужденъ,
 И много въ немъ увидѣли пороковъ,
 И много нареканій вынесъ онъ
 И горько-оскорбительныхъ упрековъ.

⁸⁸⁾ Приводимъ здѣсь оба текста какъ они напечатаны въ названномъ журналѣ.

Но все молчалъ, таясь отъ всѣхъ вдали;—
 И умеръ онъ... и вдругъ намъ грустно стало,
 Что мало жизнь мы эту берегли
 И — можетъ — ей сочувствовали мало.

И суется ко гробу мы спѣшимъ,
 Гдѣ скрылся онъ, борьбою утомясь,
 И плачемъ тамъ, склоняясь передъ нимъ
 И за душу покойнаго молясь.

Какъ будто смерть разоблачила намъ
 Его нераздѣленные страданья,
 И шутки со слезами пополамъ,
 И вѣчное, упорное молчанье;

Какъ будто намъ теперь лишь уясненъ
 Великій духъ, и мы должны сознаться,
 Что въ правѣ былъ задумываться онъ
 И въ самого себя уединяться.

NAD HROBEM GOGOLOVÝM.

Udeřil čas — i není Ho u nás!
 Zpytavé ještě zakrylo se oko!
 Ještě nepovstal ani jeden z nás,
 Kdyby znal Rus' v životě tak hluboko!

On jako ti uhas ve květu let,
 Všecka srdce naplnila se smutkem
 I poňala, koho ztratil náš svět,
 Koho jsme měli slovem, koho skutkem!

A mezi tím, tehda když s námi žil,
 I působil, i myslil tento Genij,
 Naplněn jsa živých, podivných sil
 I tajných, nerozhodnutých vidění,

Tehda vplně jeho neponímal
 Nižádný z nás, jak sám znal vykládaje
 To, co v duše své hloubi ukryval,
 Sám za všechny stesk veda i strádaje.

I malodušně byl odsouzen on,
 I mnoho v něm viděli chyb vzdorů,
 I mnoho nařikání vynes on,
 I hořce urážlivých napřekorů.

Než vždy mlčel, taje se všech vdáli,
 I umřel on — i hned se smutno stalo,
 Že málo jsme život ten chránili,
 I snad též jej spolucítili málo.

I na překot k hrobu jsme spěchali,
 Kde skryl se on, zápasem v unavení,
 I pláčem sklánějíc se v pečali
 Za duši nebožtíka v modlení.

Jakoby smrt rozoblačila nám
 Jeho nerozdělené utrpení,
 I žerty se slzami kanou nám,
 I věčné — i tvrdošijné mlčení.

Jakoby nám ted' teprv objasněn
 Veliký duch — i dlužni jsme přiznat se,
 Že právo měl tak býti zahluben
 I v samého v sebe ustraňovat se.

Получивъ отъ Ганки переводъ своего стихотворенія, Бергъ писалъ ему (11 июня 1852 г.): «Переводъ вашъ сдѣланъ съ поразительною вѣрностью. Я позволю себѣ замѣтить только одно мѣсто: въ концѣ предпоследней строфы въ вашемъ переводѣ какъ будто сказано не совсѣмъ то, что у меня по-русски: «И шутки со слезами пополамъ, И вѣчное упорное молчанье», т. е. и шутки,

перемѣшанныя со слезами, и вѣчное молчаніе его (смерть какъ будто разоблачила). Извините, если я ошибся, но думаю, что вы меня не поняли... Дѣйствительно, Ганка не понялъ этого мѣста стихотворенія Берга, какъ легко убѣдиться изъ сравненія указанныхъ стиховъ оригинала и перевода. Тогда же Бергъ сообщалъ Ганкѣ, въ добавленіе къ извѣстіямъ о послѣднихъ минутахъ Гоголя, еще нѣсколько подробностей. «Когда сильно занемогъ Гоголь, — писалъ Бергъ, — вся Москва приняла въ этомъ участіе. Всѣ при встрѣчахъ другъ съ другомъ спрашивали: «А что слышно объ Гоголѣ?» «Каковъ онъ?» Въ четвергъ 21-го февраля разнеслась по городу ужасная вѣсть о его кончинѣ. Онъ умеръ на квартирѣ графа Толстого, въ домѣ Талызина на Никитскомъ бульварѣ. Всѣ бросились поклониться покойному. Комната, гдѣ стояло тѣло, была постоянно полна народомъ. Маску сняли немедленно. 22-го февраля, въ пятницу, въ 8 часовъ вечера, назначена была панихида и выносъ тѣла въ университетскую церковь. Между посѣтителями были попечитель Московскаго учебнаго округа Его Прев. Генераль-Адъютантъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ. По выслушаніи панихиды, тѣло вынесли на рукахъ и несли вплоть до церкви друзья и знакомые покойнаго. На другой день было двѣ панихиды, при чемъ въ церковь стекалось множество народа. Въ день погребенія (воскресенье, 24 февраля) вся церковь наполнилась народомъ, а также сѣни, крыльцо и часть улицы. Было до четырехъ тысячъ человекъ. Тутъ замѣтили лежащій въ головахъ покойнаго свѣжій лавровый вѣнокъ, принесенный неизвѣстно кѣмъ. Къ концу обѣдни прибылъ г. Московскій Военный Генераль-Губернаторъ, Его Сіят. графъ Арсеній Андр. Закревскій. Всѣ должностныя лица были въ мундирахъ. По окончаніи обѣдни и отпѣванія тѣло вынесли изъ церкви на рукахъ профессора Грановскій, Соловьевъ, Кудрявцевъ и др. и передали внизу, на улицѣ, народу. Много было желающихъ нести тѣло, и такъ оно было донесено до монастыря, несмотря на дурную дорогу и снѣгъ по колѣна и на значительное разстояніе, — отъ университета до Даниловскаго монастыря вѣр-

ныхъ пять верстъ, — всѣ шли пѣшкомъ, не чувствуя усталости... Экипажи тянулись безконечной вереницей сзади... Такъ мы похоронили нашего великаго Гоголя! И никто не запомнитъ такихъ похоронъ, никогда не было такого общаго сочувствія къ писателю (кромѣ, разумѣется, похоронъ Пушкина въ Петербургѣ), такой общей печали... По прошествіи шести недѣль былъ распечатанъ шкапъ его и тамъ найдено нѣсколько тетрадей разныхъ неизвѣстныхъ сочиненій: пять главъ (несовсѣмъ отдѣланныхъ) 2-го тома «Мертвыхъ душъ», внутренняя біографія и нѣкоторые другія. Все это будетъ издано въ свѣтъ при первой возможности. С. П. Шевыреву поручено Академіей Наукъ составить біографію покойнаго, для чего Степанъ Петровичъ ѣдетъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Полтавскую губернію, гдѣ родился Гоголь, и гдѣ живы еще его мать и три сестры».

И этими строками Ганка послѣшилъ подѣлиться съ своими соотечественниками. Переводъ приведеннаго здѣсь отрывка изъ письма Берга сдѣланъ былъ извѣстнымъ переводчикомъ Пушкина Бендлемъ (псевд.: Ченекъ Страницкій), очевидно, по порученію Ганки, и напечатанъ былъ въ томъ же журналѣ: *Lumír* (1852, прилож. № 11), подъ заглавіемъ: «Poslední doby N. Gogola a pozůstalé spisy jeho». Въ дополненіе къ сообщеніямъ Берга переводчикъ присоединилъ извлеченіе изъ статьи Погодина (въ «Москвитянинѣ») о послѣднихъ минутахъ Гоголя, посланной Бергомъ Ганкѣ одновременно съ упомянутымъ письмомъ. Оба извлеченія изъ писемъ Берга перепечатаны были тотчасъ же въ газетѣ *Pražské Noviny* (1852, № 123 и № 165—166), уже раньше сообщившей читателямъ своимъ краткій очеркъ жизни и обзоръ литературнаго наслѣдія Гоголя (1852, № 98—100). Въ томъ же 1852-мъ году принесла нѣсколько замѣчаній о взаимныхъ отношеніяхъ Жуковскаго и Гоголя («Žukovský a Gogol») вѣнская чешская газета *Vesna* (№ 29).

Обстоятельный біографическій очеркъ и характеристику литературной дѣятельности Гоголя представилъ Е. Вавра къ его переводу «Мертвыхъ душъ» (*Slovanské Besedy*, R. II—III, str.

145—164). О значеніи Гоголя въ исторіи русской литературы говоритъ Antal Stašek въ статьѣ: «Ruské básnictví a Turgenèv» (Osvěta, III, 1873, leden, 65—66), но сужденія его довольно поверхностны; I. V. разсуждаетъ о томъ же въ ж. Světozor 1881 г. (т. XV, 281, 290). Въ замѣткѣ: «Pěstouni Gogolovi» (по Скабичевскому) разсказывается о злключеніяхъ Гоголя съ цензурой (Slovanský sborn., V, 1886, 283). Статьи Бѣлинскаго о Гоголѣ перевелъ В. Мрштикъ («Bělinskij o Gogolovi», въ ж. Rozhledy literární, 1887, № 11). Ему же принадлежитъ замѣтка «Gogol ve Vídni» (въ ж. Česká Thalie, 1887, str. 201), по поводу постановки «Ревизора» на Вѣнской сценѣ. Нѣсколько словъ къ пятидесятилѣтію «Ревизора» написалъ д-ръ К. Кадлецъ (въ ж. Literární listy, IX, 1888, 55—57). Драматическимъ произведеніемъ Гоголя посвящаетъ нѣсколько замѣчаній неизвѣстный авторъ статьи: «Ruské hry, realismus na jevišti a české národní drama» въ ж. Literární Listy, X, 1889, str. 64, 97. Иос. Коверза по лекціямъ О. Θ. Миллера составилъ очеркъ отношеній русской критики къ Гоголю: «Několik slov o Gogolovi a kritice občasí Gogolovského» въ ж. Liter. listy, XI, 1890, 172, 191, 221.

Исторію затрудненій при постановкѣ «Ревизора» на сценѣ разсказываетъ К. Штепанекъ въ очеркѣ: «K dějinám Gogolova «Revisora»» (въ ж. Česká Thalie, 1891, стр. 341); ему же принадлежитъ обстоятельная біографія Н. В. Гоголя въ чешскомъ Энциклопедическомъ словарѣ (Ottův Slovník Naučný, X, 252). Къ своему переводу «Мертвыхъ душъ» (1891 г.) присоединилъ И. Гошекъ краткое жизнеописаніе и очеркъ дѣятельности Гоголя (стр. 393—400). Критическія статьи и замѣтки по поводу изданія сочиненій Н. В. Гоголя въ чешскомъ переводѣ («Ruská knihovna») появлялись въ многочисленныхъ журналахъ въ разное время; отмѣчаемъ болѣе значительныя изъ нихъ: въ ж. Zlatá Praha, 1891, str. 588; 1892, 588; 1893, 576; Čas, 1891, 714; Hlídka literární, 1892, № 5 (о «Мертвыхъ душахъ»), 1893, str. 63—65 (А. Vrzal), 1894, 18—20, 58—59 (А. Vrzal). По поводу выхода въ свѣтъ одиннадцатаго русскаго изданія сочиненій

Н. В. Гоголя — замѣтка въ ж. *Vlast*, X, 1893—94, 449, 561. Рефератъ о статьѣ Н. Василькова въ «Вѣстникѣ воспитанія» (1893, № 5) — «Туры vychovatelův a vychování ve spisech Gogolových» (Na pamět «Mrtvých duší», г. 1842—1893) находимъ въ чешскомъ педагогическомъ журналѣ *Paedagogické Rozhledy*, VII, 1894, seš. II. Отрывки изъ статьи Гоголя «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ» переведены въ очеркѣ: «Z kritických článků Bělinského a Gogola o Puškinovi» (*Rozhledy*, VIII, 1899, № 17). О заслугахъ Гоголя въ исторіи новой русской литературы говорить И. Махалъ въ обширной статьѣ: «O ruském románu povodobémem» (*Česká Revue*, III, 1899). Замѣчательнѣйшій изъ современныхъ чешскихъ поэтовъ Ярославъ Врхлицкій въ сборникѣ «Dojmy a rozmyšl» (1880 г., str. 226) посвятилъ нашему писателю сонетъ, озаглавленный «Gogol», въ коемъ въ поэтической формѣ попытался опредѣлить основные мотивы творчества Гоголя:

Vše objal duchem, byltě jak svět celý,
vše lidi znal v jich ctnostech a jich hříchu,
a nad vším rozpoutal bouř svého smíchu,
jak bůh rozházel svého hněvu střely.

On smál se dál— a lidé kol se chvěli,
on klidně všecku velikost jich a pýchu,
v nic svázil—ale při tom trpěl v tichu,
nes všecky jejich bludy, moloby, žely.

Jak titan chytal směle skály slov
a stavěl v stálém smíchu kolos bájný,
jak s bohem o závod kdo více stvoří.

A lesů ruch a stepi smutek tajný,
vše dýše z jeho básně rovné moři,
z níž na vás «bratře» volá Čičikov.

Вл. Францевъ.

